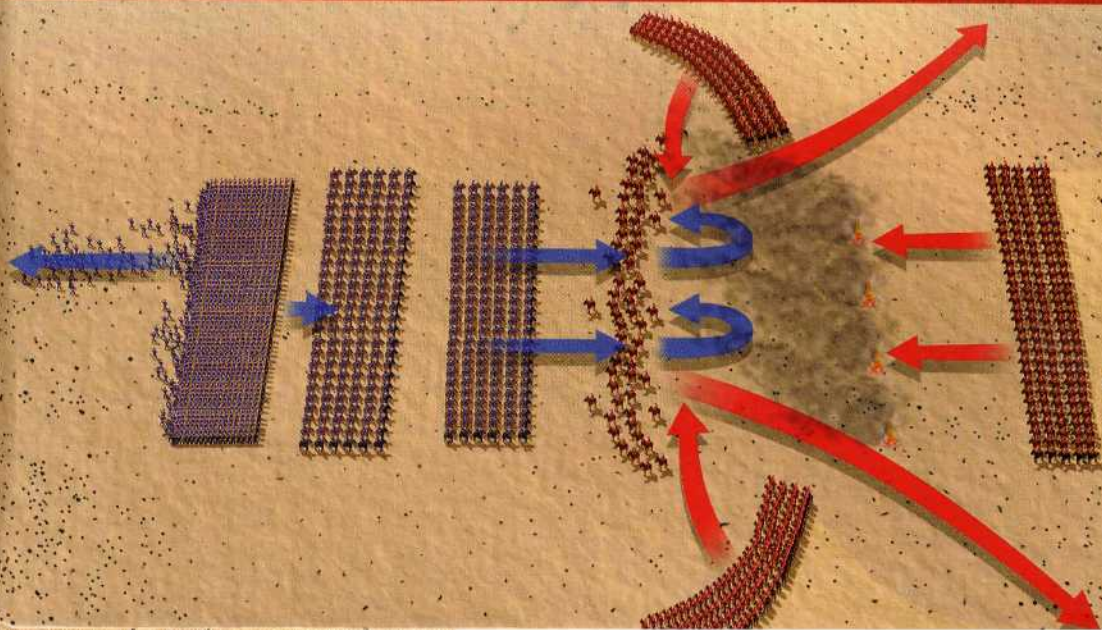

ВОЙНЫ и СРАЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

500 — 1500

Мэттью Беннет Джим Брэдбери Келли Де-Фрай Йен Дикки Филлис Джестайс

Matthew Bennett, Jim Bradbury, Kelly DeVries,
Iain Dickie, Phyllis Jestice

Fighting Techniques of the Medieval World

THOMAS DUNNE BOOKS
St. Martin's Press, New York

Перевод
Александра Колина

Оформление
Максима Горбатова

Беннет М., Брэдбери Дж. и др.

Б 46 Войны и сражения Средневековья 500—1500 гг. / Мэттью Беннет, Джим Брэдбери и др.; [пер. с англ. А. Колина]. — М.: Эксмо, 2006. — 264 с.: ил. — (История военного искусства).

ISBN 5-699-15647-X

В книге «Войны и сражения Средневековья 500—1500 гг.» подробно описываются вооружение, снаряжение, боевые приемы и тактика воинов Западной Европы и Востока. То далекое время часто именуется «эпохой рыцарства», т.е. тяжеловооруженных, закованных в броню всадников, но в данном издании большое внимание уделяется и другим родам войск, игравшим большую роль на полях сражений: пехоте, инженерным войскам, флоту и организации командования.

Книга снабжена большим количеством прекрасных и в значительной мере уникальных иллюстраций, а также картами знаменитых битв и осад Средневековья.

Издание предназначено для всех интересующихся историей военного искусства, а также для широкого круга читателей.

УДК 94(100)"653"
ББК 63.3(0)4

© Amber Books Ltd., London. This translation of
Fighting Techniques of the Medieval World first
published in 2005 is published by arrangement
with Amber Books Ltd.

© А.З. Колин. Перевод, 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-15647-X

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Военная история и национальная гордость великосаксов

6

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Роль пехоты

11

Развитие пехоты, лучников, появление аркебузирова,
анализ важности огнестрельного оружия и луков на поле боя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Конница

73

Рыцарская и другая конница как сила, доминировавшая
на полях сражений большую часть описываемого периода.
Снаряжение всадников и приемы боя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Командование и контроль

137

Важность умения грамотно распорядиться имевшимися
в наличии у командира силами. Удачи и неудачи отдельных
полководцев. Важные сражения описываемого периода —
Арзуф, Баннокберн и Креси.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Осадное дело

181

Технологические подходы и собственно вооружение,
применявшееся в осадном деле в Средние века, кроме того,
освещение типов фортификаций, наращивание
их оборонительной мощи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Война на морях и реках

225

Приемы ведения боевых действий на воде в Средневековье.
Как пример флоты викингов и норманнов, а также
средиземноморские баталии между анжуйским домом
Южной Италии и Арагоном.

*«Ежели ты отважился на битву, неместно
проявлять робость или нерешительность.
И если противник намерен слопать тебя
на обед, тебе надлежит им позавтракать».*

ХОСРЕВ ИБН-ИСКАНДЕР,
ПЕРСИДСКИЙ КНЯЗЬ И ВОЕВОДА. 1082 г. от РХ.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Военная история и национальная гордость великосаксов

Удивительная все же эта страна, Британия. И не только в смысле людей, вежливых и отзывчивых: ни за что не позволят непривычному к левостороннему движению транспорта иностранцу попасть под старомодное — в духе традиций — такси, с готовностью и знанием дела расскажут, как пройти к Трэфелгер-Скуэр или к Пиккадилли-Серкус. А радующие глаз пасторальные пейзажи и удивляющие наивных простаков числа на зеленых щитах: как? от Дувра до Лондона всего 60 км? Миль, господа, миль, а это совсем не одно и то же. А английский эль по-английски — «эйл», а пинта его, не пинта, а «пайнт». Да что там эль в пинтах или эйл в пайнтах?! А Виндзор — дача королевы, а Оксфорд — жутко подумать, XII век, а уже университет?! А белые скалы Дувра, что так и не довелось повидать солдатам вермахта в сороковые? Непокоренная гордая Британия, и даже в названиях паромов она — «Гордость Аквитании», «Гордость Кента», гордость чего-то там еще, словом, гордость, гордость, гордость и еще раз гордость.

Ах, Британия! Узнаешь так много нового. Оказывается, всегда воевали не числом, а умением; и на самом деле лишь ради защиты торговых интересов купечества разгоняли первыми выстрелами толпы дикарей индусов и китайцев, а потом еще приводили в разум ксенофобов-японцев на их же территории; постигаешь истину — в Тауэре не пытали! Народ просто отдыхал там, набирался сил, а потом... а потом

сносили голову. Место, где это делали, сохранилось. Чего только не услышишь в старой доброй Англии! Вот, например, почему знаменитый Черный Принц звался черным? Почему? А оказывается, происходил он... от чернокожей жены короля-отца. Вот она, терпимость к людям с иным цветом кожи уже в XIV столетии!

Последнее и правда уже несколько слишком. Кажется, тут все же дело не в терпимости — ее тогда к чужакам проявляли исключительно редко, — хотя она и была, конечно, но в разговорной практике гораздо чаще употреблялась вместе с существительным «дом», чем сама по себе. Черный же Принц, причисляемый некоторыми современными специалистами-историками к королям с соответствующим ему номером четыре (вот так так!), — папа третьим был, а сын старший, стало быть, следующий, — просто любил этот цвет и скорее всего носил черные доспехи. Такое объяснение предоставляют старые британские историки, которые, как мы сами видим, обделены способной к птичьему полету фантазией новых своих коллег. Как был жестоко обделен в том, что касается трона, и Черный Принц, не сумевший, как полагается сыну, пережить отца и так и оставшийся до смерти наследником.

И все же гордая и непокоренная. Только раз, единственный раз бог помог властолюбивому нормандскому бастарду — угнал саксонского короля на северо-восток отражать другого врага, чем позволил захватчику

высадиться на юго-востоке и без помех создать береговой плацдарм. То, что случилось потом, знают все, хотя детали происходившего в октябре 1066 г. неподалеку от Гастингса и рознятся от исследования к исследованию, причем порой довольно ощутимо. Не то важно — важно, что больше никем и никогда! Гордая и непокоренная навсегда.

Гадать, что случилось бы, имей «корсиканский выскочка» лучший флот и лучшего адмирала, чем «страна лавочников», нет смысла, да и просто ни к чему. Как незачем строить предположения, что было бы, не будь пролива под названием Па-де-Кале, преградившего путь танкистам Гудериана. Тут надо сказать, что немцам и самим тоже здорово не везло в войнах: то извечная грязь и пыль на российских дорогах, то проклятая русская зима — хенераль Морос, — а то хроническая нехватка горючего и как следствие... съеденные мышами танки. (И ничего я не выдумываю, своими глазами читал! Ну, не сами танки они слопали, просто пришлась по душе нашим не избалованным жизнью мышкам изоляция проводов в заграничных боевых машинах.)

Оставим, однако, немцев, вернемся к британцам и к их великой гордости. К тому хотя бы, как гордо они покинули французский берег в июне сорокового года, бросив, чтоб не мелочиться, под ноги врагу 90 000 тысяч единиц разного рода моторной техники, не считая артиллерийских стволов и всего прочего. И ничего это не паническое и позорное бегство, как кому-то может показаться, а грамотно и самоотверженно проведенная эвакуация Дюнкерка.

Хотя никто не вправе подвергать сомнению самоотверженность людей — особенно не тех, кто бежал (пардон, эвакуировался), а тех, кто приходил с той стороны, чтобы спасти их под бомбами и пулями люфтваффе, все же этим не стоит гордиться — гордиться как блестяще проведенной военной операцией. Как трудно гордиться и успехами в Северной Африке, где британцы неизменно ходили с «расквашенным носом» (они сами любят такое выражение, так и мы себе позволим) до тех пор, пока не собрали в несколько раз больше живой силы, бронетехники и самолетов, чем у противника, и до тех пор, пока на западе Африки не высадились янки. Или вот

еще пример того, как британцы привыкли воевать умением, а не числом — «стремительный» марш с юга Италии к Риму (скорость продвижения менее километра в день, что почти вдвое меньше скорости улитки!). Вряд ли стоит гордиться этим, как и целенаправленными бомбежками жилых кварталов немецких городов.

Но, спросит, возможно, читатель, уместно ли вспоминать об этом в предисловии к книге, посвященной полям сражений Средневековья, весьма эфемерного периода примерно в тысячу лет?

Думается, что все же уместно. Во-первых, потому что война всегда война (так ли уж сильно отличаются французские рыцари Азенкура в 1415 г. от британских танкистов в районе Кана летом 1944 г.?). Во-вторых, потому что военно-популярная литература всегда военно-популярная литература (именно литература, а сй свойствен плюрализм мнений); в-третьих же, потому что гордость всегда гордость. Без нее нельзя. А посему всегда у кого-то найдется повод чем-то гордиться.

Главное — уметь смотреть в корень и отслеживать параллели.

Кто побеждал немцев в конце первой половины XX века? Если не знаете, то подскажу: те же, кто побеждал французов с середины XIV по середину XV. И ведь вот что интересно, приходится признать, что это правда, потому что так оно и было, и так ли уж важно, как — какими средствами — этого удавалось достигнуть и какие обстоятельства этому способствовали? Законный повод для гордости. Законный, но... с какой стороны посмотреть.

Ну с временами близкими более или менее понятно — написано полным-полно и по горячим следам, и позднее, еще живы люди, бывшие участниками или очевидцами событий Второй мировой. А вот что же все-таки со Средневековьем? И что это за беспронимательная комбинация при «игре в рулетку» на полях сражений более чем полтысячи лет назад? Что за «английская система» такая?! По-английски второе слово тоже с большой буквы. Посмотришь — действительно верное дело. Выбрать позицию поудобнее, чтобы не дать врагу развернуться всем фронтом, поставить «противотанковые» заграждения на пути кавалерии и пехоты и обрушить на них губительный «огонь»

скорострельных валлийских луков (имеваемых просто и скромно, без излишней гордости, *longbow*, т.е. длинный лук — и ни слова о валлийцах).

Одним словом, действуй всегда так и победишь. Странное, однако, дело. Побеждали англичане, побеждали, применяя свою систему, а войну Столетнюю проиграли. Все, что имели во Франции потеряли. Не помогла, выходит, Система с большой буквы?

Так где же ответ?

Мы говорили уже о сходстве, мол, война всегда война, как тогда, так и теперь. Но есть, безусловно, и различия. Теперь — или, скажем, шестьдесят пять лет назад — солдат является солдатом — военнотружеником, связанным в своих действиях уставом и дисциплиной. В Средние века все выглядело иначе, даже слово «солдат» не вполне применимо и, по совести, может использоваться как синоним «воина» лишь с натяжкой. Дисциплины в современном понимании, особенно у кавалеристов, почти или вовсе не было (спешенные, они между тем проявляли больше послушания). Отсутствовала она у них, ибо каждый мог броситься на врага, не дожидаясь приказа, как и «выйти из боевого соприкосновения с противником» — попросту задать деру. А дисциплина вещь между тем очень важная. Именно отсутствием дисциплины и объясняются довольно частые поражения рыцарских ватаг в Средние века. Нежелание и неумение грамотно взаимодействовать на поле боя, причем, что печально, нередко на всех уровнях, — тоже причина постоянных неудач. Наконец командирские качества лидера — талант полководца. И при Креси, и при Пуатье, и при Азенкуре немаловажную роль играла личность английских предводителей, которым, кроме того, выпало счастье иметь дело с трудно поддающимися управлению частями противника, при этом возглавляемыми не самыми лучшими генералами.

Не стоит упускать из вида ограниченности географии применения пресловутой «английской системы» — задействовалась она в основном во Франции, рыцарям которой было не привыкать к поражениям от пехоты и лучников. Не первый век к тому времени рыцарству — главным образом франкам, или французам, да и

немцам, — «расквашивали носы» турки. Начиная с 30-х годов XII столетия латиняне все чаще бывали битыми на Ближнем Востоке. Причины были все те же: скверное состояние дисциплины или полное отсутствие ее у франков и хорошее состояние таковой у противника, плюс «огневая мощь» последнего и его же тактическая гибкость, при неповоротливости христианских соединений, примитивности приемов ведения боя и неадаптивности командования.

Одним словом, спесивые европейские рыцари не раз «получали по шее» от самых разных противников, большинство из которых никогда и ничего не слышали ни о какой «английской системе», а порой, хотя и редко, даже не имели луков (как, скажем, каталонские наемники в 1311 г. в Греции).

Это факты, но можно и немного пофантазировать. Что было бы, если бы... если бы «английской системе» пришлось найти применение где-нибудь под Легницей в 1241 г., где монгольские лучники безжалостно расстреляли поляков и тевтонов? Или в других местах, где английским командирам довелось бы иметь дело с упорным, закаленным в боях, дисциплинированным и очень изобретательным противником, оставившим за спиной десятки или сотни полей победоносных сражений?

А так ли уж беспроигрышна «монгольская система»? Ведь били же монголов, и не раз, египетские мамелюки, причем били тогда, когда никто другой не выходил с честью из сражений с ними. Так, скажем, начиная с 1260 г. и по 1277 г. мамелюки отразили полтора десятка нашествий и набегов и даже с блеском провели наступательную операцию, в результате каковой овладели столицей вассального персидского ильханата султаната сельджуков. При этом как минимум два столкновения (в 1260 г. и в 1281 г.) не уступали по количеству участников битвам при той же Легнице или на Сыти (на Руси в 1238 г.).

Впрочем, это уже отклонение от темы, поскольку ни о мамелюках Бейбарса, ни об Александре Невском или Дмитрии Донском речи в данной книге идти не будет. Однако, чтобы заметить данный факт, нет нужды читать введение, достаточно пролистать страницы. Сделав это, нетрудно будет установить, сколь скром-

но представлена и центральная тема средневековых войн — вооруженные паломничества в Святую Землю (а ведь центр мира на средневековых картах находился не в Риме, не в Париже даже и уж никак не в Лондоне, а в Иерусалиме!). А знаете причину такой холодности? Англичане в крестовых походах на *высшем уровне* почти не участвовали, если не считать одного из их королей, к слову чистокровного француза, не говорившего на языке большинства населения своего королевства, Ричарда Львиное Сердце. Одно лишь сражение при Арзуфе находим мы в книге, так ведь и то потому только, что командовал там английский государь. Кстати, командовал в основном как раз французами.

У читателя, возможно, возникнет вопрос: зачем писать это предисловие, причем вроде бы даже и нелестное? Это что, антиреклама?

Нет.

А писать предисловие в данном случае надо. Приходится, ибо дело переводчика и редактора издания *такой* книги на русском языке — сказать несколько слов о ней читателю до того, — а возможно, и после того, — как он купит содержащийся в красочной обложке «кусочек информации», разложенной по полочкам специалистами из далекого и туманного Альбиона.

Что же сказать читателю, если он все еще пребывает в раздумьях, пролистав плотные страницы с картинками. Мол, брать или не брать? Вот в чем вопрос.

Что ж, на него переводчик может ответить, не кривя душой, как первый внимательный читатель читателю, может стать, второму.

Конечно, книжка не лишена тенденциозности, и сам бы переводчик, будь он автором одного из разделов или редактором всей книги на английском, кое-что убрал бы, а кое-что, напротив, добавил. Что-то наверняка выразил бы иначе или подал бы «под иным соусом», не выпячивая национальную гордость (что и попытался по возможности сделать в переводе). Но... нельзя забывать, что книга (как и многие другие ее «сестры» в подобных сериях) изначально предназначается в первую очередь для тех, кто говорит на английском как на родном языке, а в наипервейшую — британцам. Стоит учитывать сам

факт того, что написаны они британцами или американцами, для которых наиболее доступны первоисточники, переведенные на английский, или современные монографии, написанные на нем (и тех и других, начиная со средневековых хроник, к счастью как для англоговорящего читателя, так и для исследователя, огромное множество). Вот и итог. Одним словом, вместо сражения на льду Чудского озера в 1242 г. читаем, скажем, о Баннокберне, хотя по значению своему эти битвы совершенно неравноценны... для истории Средневековья вообще, но не для британцев. С другой стороны, где бы мы еще нашли рассказ о том, что случилось в 1314 г. неподалеку от замка Стерлинг? Не в романе же, по которому написан сценарий фильма *Braveheart* («Храброе сердце») Мела Гибсона. Это уж и вовсе сказка.

Впрочем, что говорить об одной книжке? Разве можно на двух или трех сотнях страниц подробно рассказать о периоде в тысячу лет? Мыслимое ли это дело?

Как-то недавно беседовал с одним молодым человеком, который уверял меня, что не мог понять английского текста из-за того, что-де в его словаре не было некоторых нужных слов. Посоветовав воспользоваться более объемистым словарем, я поведал ему о том, что, скажем, в Ленинке в Москве существует словарь английского языка, в котором только третьей букве алфавита, «с», посвящено целых три тома, каждый из которых раз в десять или в пятьдесят тяжелее, чем обычная, а тем более карманная книжка. «А если и там не будет?» — поинтересовался он с присущей юношескому любопытству любознательностью. «Плохо, — вздохнул я, — придется искать дальше».

Одним словом, прав мудрец, и необъятное объять невозможно.

«А что делать с книжкой?» — спросите вы. Купите ее, отвечу я. В нее вложено немало труда, она интересна, красива, наконец, а потому, безусловно, не раз и не два порадует вас и ваших близких, особенно подростков и юношей. Скажу по секрету, попадись мне такая лет... эх!... тридцать пять назад, душу за нее заложили бы, наверное.

А национальная гордость великосаков? А гордость их... да бог с ней, усмехнемся и забудем — история войн от нее не перестает быть интересной.

Роль пехоты

В период с 500 по 1500 г. от Р.Х. тактика средневековой пехоты претерпела значительные изменения. Введение нового боевого построения и вооружения не раз приносило успех, например, войскам англичан и швейцарцев, между тем в итоге противник неизбежно перенимал их опыт и использовал новшества в свою пользу.

Период 500—1500 гг. от Рождества Христова нередко называется «эрой кавалерии», хотя такое определение верно лишь отчасти. На византийском Востоке пехота — наследница римских легионов значительно пережила античность и исчезла с ослаблением империи примерно к 1050 г. Между тем на Западе уже после 400 г. военная элита выходила на битву верхом, хотя у скандинавских народов всадники традиционно спешивались для схватки с врагом. В пограничных регионах Европы (в таких как, например, горные области Иберийского полуострова или Швейцария) продолжался процесс культивирования мастеров пехотного боя, которые нередко охотно выступали в роли наемников в самых разных странах. Укрепление городов Европы и становление горожан как все более заметной части общества, особенно во Фландрии и в Северной Италии, послужили основой для формирования воинских отрядов с этаким корпоративным чувством принадлежности их членов к единому целому, что давало им возможность бросать вызов господствовавшему тогда на полях сражений рыцарству. Нередко этот процесс называют «пехотной революцией», началом которой обычно считается примерно 1300 г., однако правильнее все же рассматривать данное явление как эволюцию.

АНГЛИЙСКИЙ ПЕХОТИНЕЦ ведет в плен французского дворянина, захваченного в битве при Азенкуре в 1415 г. В данном случае мы имеем дело с символом торжества представителей социального низа, выходцами из которого являлись пехотинцы, над элитой общества — кавалеристами.

Развитие оружия, способного поражать противника на расстоянии, рост огневой мощи тоже сказывались на повышении боеиспособности пехотинцев. Сначала арбалет, затем большой лук, а вслед за ними и огнестрельное оружие дали возможность наносить удары по обладавшей лучшим защитным вооружением и большей подвижностью кавалерии с дистанции, на которой сама пехота оставалась практически неуязвимой. К началу XIV столетия даже для рыцарей стало привычным спешиваться для боя, тогда как к XV веку «современные армии» представляли собой пропорциональные соединения конницы, пехоты и стрелков, служившие провозвестниками военных технологий Возрождения, суть которых кратко может быть выражена формулой «стреляй — коли».

Пехота на заре становления

В VI столетии наиболее сложной школой пехотного боя служили византийские армии. Под Таджине в 552 г. (иначе Тагине, ныне Гуальдо-Тадино на севере Италии. — *Прим. пер.*) полководец Нарзес построил оборону, поставив пеших лучников на флангах, а в центре — спешенную тяжелую кавалерию и копейщиков. В тылу у передового строя разместились верховые отряды. Противник — итальянские готы — также располагал кавалерией, пешими копейщиками и лучниками. Между тем, зная слабость готской пехоты, король Тотила сделал ставку на массированный удар кавалерии. Теряя людей под ливнем византийских стрел и не имея возможности пробиться через лес копий, готы вновь и вновь откатывались, пока не обратились в бегство, преследуемые верховым резервом Нарзеса (событие известно также и как битва при Буста-Галлорум. — *Прим. пер.*).

Победа стала демонстрацией торжества византийской тактики. Упор на взаимодействие всех «родов войск» оставался отличительным признаком византий-

ского военного искусства до XII столетия. «Боевой устав» VI века — «Стратегикон» (*Strategikon*) очерчивал византийскую военную доктрину на 500 лет вперед. Пехота применялась для поддержки кавалерии как оборонительное ядро или заслон, к которому в случае неудачной атаки могла отойти конница для перегруппировки, или же как своего рода «щит», под прикрытием которого кавалерия могла отступать.

Пехота состояла из копейщиков и лучников, которые развешивались особым строем для отражения кавалерийских атак: «Первые три шеренги образовывали фулкон (*foulkon*), прикрываясь щитами и врывая в землю тупые концы копий, острия которых торчали вперед по наклонной... четвертые и пятые держали свои копья так, чтобы использовать для нанесения ударов или бросков. Легко вооруженная пехота стреляла из луков». Когда неприятель, не

Воин византийской тяжелой пехоты V века носил шлем; надетую на толстую рубаху кольчугу; наручи, защищавшие руки до локтя; кожаные оплечья и ножные доспехи из плотной материи. Кожаные перевязи, охватывающие грудную клетку и плечо солдата, возможно, служили для снижения нагрузки доспехов, каковую функцию выполнял также и пояс, на который подвешивался меч.

сумев преодолеть густую щетину копий, поворачивал коней, в дело вступала византийская кавалерия, обращавшая врага в бегство.

Повсеместно признанная теперь дата падения античной Римской империи никогда не являлась таковой для римлян. Хотя в 476 г. от Р.Х. разодранной на «варварские» королевства Западной империи «официально» пришел конец, возвращение утраченных провинций оставалось стратегической задачей «восточных римлян», как предпочитали величать себя византийцы. Так, в 489 г. остготская армия отправилась в Италию для уничтожения власти варварского короля (Одоакра, или Одовакара, упразднившего империю в 476 г. и в итоге умерщвленного готами в 493 г. — *Прим. пер.*). Однако возглавлявший готы Теодорих Великий обернул ситуацию себе

на пользу и создал в Италии фактически независимое королевство, между тем он всегда признавал факт его принадлежности к империи в культурном плане. После того как в 533—534 гг. Византия уничтожила королевство вандалов в Африке, византийский император Юстиниан смог обратить внимание на Италию. Государство вандалов оказалось домиком на песке, а потому он ожидал, что и с королевским домом готы в Италии особых хлопот тоже не возникнет (прежде всего из-за ослабления королевства остготов после смерти Теодориха в 526 г. — *Прим. пер.*).

Юстиниан решил развернуть наступление сразу на трех направлениях. Иллирийской армии предстояло атаковать с Балкан; союз с франкскими королями Галлии подразумевал натиск последних с границы Прованса; а Велизарий, бывший командир дворцовой стражи и полководец, должен был быстро овладеть Сицилией и затем вторгнуться на полуостров с юга. Удар с Балкан не достиг цели по причине гибели военачальника, франки оказались неважными союзниками и не пошли даль-

ше Южной Галлии, однако Велизарий, выдвинувшись с Сицилии, взял Неаполь, около года продержался в Риме и захватил Равенну, сместив в 540 г. готского короля Витигеса. Однако поведение имперских чиновников — прежде всего их алчность — обратило триумф в поражение (как это едва не произошло в Африке), и прошло немного времени, как остготы объединились под знаменем Тотилы. Раз за разом они выигрывали сражения и схватки,

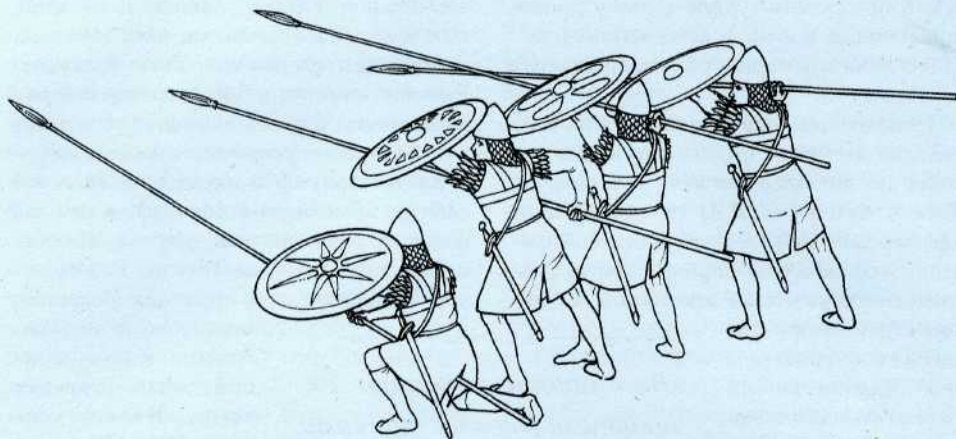
«Византийцы теснили неприятеля своими щитами, яростно кололи копьями, отчаянно отражая атаки иттурмующего противника; а еще они намеренно били щитами о щиты, стремясь таким образом испугать вражеских лошадей».

ПРОКОПИЙ, «ГОТСКАЯ ВОЙНА»

пока под контролем византийцев не остались лишь немногие города. В конце концов в 552 г. Юстиниану пришлось раскошелиться и снарядить войско под предводительством Нарзеса, которое вторгалось в Италию с северо-востока, то есть традиционным для завоевателей путем.

Армия Нарзеса представляла собой сплав из регулярных римских частей и во-

енных элит союзных империи германских племен — лангобардов и герулов. Продвигаясь в Италию, Нарзес сумел обойти блокировавшие его путь силы готы по наведенному в устье реки мосту и благополучно освободил запертый в Равенне гарнизон. Тотила, видя опасность, которую представляли собой римские осадные технологии и эффективно работавшее у противника тыловое обеспечение, стремился к открытому столкновению, чтобы решить исход противостояния в битве. Он преградил противнику путь на Виа-Фламиния, сделал ставку на удар кавалерии и понес полное поражение (упомянутое выше сражение при Таджине/Тагине. — *Прим. пер.*). Его преемник Тейя, зажатый в угол на юге Италии, погиб в бою во главе своих воинов, сражаясь под Неаполем у Монс-Лактариус. Все вместе уцелевшие остготы удерживали несколько отрезанных друг от друга городов. В отчаянии они просили вмешаться в войну франков Галлии, даже взять Италию себе, а потом как «арендаторам» передать ее готам. Франкский король Теудебальд раз-

решил пуститься в авантюру двум «герцогам», Лотарю и Бутилину (правившим алеманами [Alamanni] восточнее Рейна). На тот момент Нарзес занимался осадой Кум, где находилась королевская казна готов, охранявшаяся Алигерном (братом Тейи). Прослышав о том, что войска Лотаря и Бутилина уже перешли р. По, Нарзес, безуспешно пытавшийся овладеть Кумами за счет сап и подкопов, выступил на север, к Тоскане. Он отрядил силы для наблюдения за алеманами, а сам приступил к осаде Лукки. К несчастью для византийцев, Бутилин сумел устроить удачную засаду против герульских вспомогательных сил Нарзеса (в их задачу как раз и входило наблюдение за противником). Между тем Лукка капитулировала, что позволило Нарзесу отойти на зимние квартиры в Равенну, тогда как войска его занимали крепости по всей Италии.

В Равенне Нарзес принял Алигерна, принесшего ему ключи от Кум. Византиец узнал также, что варны, союзное с готами германское племя, выразили готовность перейти на сторону императора. Чтобы закрепить альянс, Нарзес выступил к Римини как раз тогда, когда к городу приблизились занимавшиеся заготовкой фуража и продовольствия отряды противника. Нарзес сам повел на перехват неприятеля личную стражу численностью около трех сотен конников. Силы алеманов оценивались в 2000 чел., однако они, по всей видимости, не располагали серьезными силами кавалерии, поскольку тактика их представляется сугубо оборонительной. Сомкнув щиты, разместив на флангах конницу, они заняли позицию

ВИЗАНТИЙСКИЙ ФУЛГОН — пехотное построение, образуемое копейщиками с использованием перекрытия щита одного воина щитом соседнего и т.д., предназначалось для сдерживания натиска вражеской кавалерии. Когда же, не сумев прорвать строя, враг откатывался, через проходы, образующиеся в пехотных рядах, вперед устремлялась византийская конница, цель которой заключалась в том, чтобы рассеять бегущих неприятельских всадников.

между двумя рощами так, чтобы предотвратить охват с фланга. Что помешало им атаковать? Вероятно, наличие на поле варнов. Возглавляемые лично Нарзесом византийцы завязали стычку с противником, а потом обратились в притворное бегство, чем совершенно расстроили порядки бросившихся преследовать их германцев. Стража Нарзеса затем развернулась и, контратаковав, принялась резать толпы вражеской пехоты, в то время как неприятельская кавалерия бросилась искать убежища в лагере.

Битва под Касилинумом (иначе Капуйей) — 554 г.

Весной 554 г. Нарзес стянул силы в Рим и занялся подготовкой своей армии. Тем временем Лотарь и Бутилин обошли город и двинулись на юг, грабя по пути местных жителей. Бутилин во главе большого отряда шел на западном фланге, а Лотарь — на восточном. Предполагаемая численность германской армии достигала 75 000 чел. Хотя цифра и представляется подозрительно высокой, возможно, она недалеко от истины. Не исключено, что именно поэтому войско передвигалось двумя колоннами, поскольку так легче было про-

кормить воинов в опустошенной долгой войной Италии. Затем Лотарь, обеспокоенный судьбой добычи, в том числе и пленников, захваченных во время похода, решил вернуться на север. В районе Фано авангард его подвергся нападению римского отряда, усиленного вспомогательным контингентом гуннов. Пока германцы занимались отражением атаки, их пленники сбежали с большей частью добычи. Рассыпавшись, войско Лотаря устремилось на север, пересекло По и остановилось на постой в Венеции, где вспыхнувшая вдруг эпидемия унесла жизни большинства воинов, что лишило предводителя возможности продолжать кампанию.

Стояла ранняя осень, и Бутилин двинулся на Рим, намереваясь скрестить оружие с Нарзесом. Поскольку армию германцев косил мор, вождю было бы весьма желательно одержать решительную победу, пока у него еще хватало для этого солдат. Он достиг Кампани и разбил лагерь на северном берегу реки Касилинус (Вольтурно). Стоянку свою германцы превратили в крепость, окруженную рвами и валами с врытыми в землю наполовину колесами повозок. Мост через Вольтурно охранялся башней. Нарзес выступил из Рима с армией и остановился неподалеку от противника. В стычке Нарзесу удалось обратить в бегство грабивших окрестности воинов Бутилина и сжечь башню, охранявшую мост, которым римляне овладели, вследствие чего германцам был отрезан путь для отхода на юг. Лишенный возможности добывать провиант, всерьез опасаясь перспективы голода, Бутилин очутился перед необходимостью вести войско в бой.

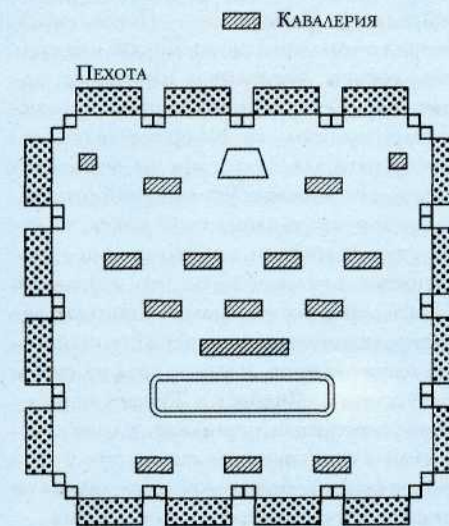
Армии

Бутилин был алеманским нобилем, сумевшим заслужить доверие сюзеренов франков (последние доминировали в регионе со времен усиления при Хлодвиге I [481—511 гг.]. — Прим. пер.). Он понимал, что есть шанс занять вакантный трон готов, став, скажем, королем — ставленником Теодобальда. По всей видимости, у него имелся значительный военный опыт — как-никак он не пренебрег укреплением лагеря, и именно он устроил засаду на герулов около Фано. Греческий историк Агафий утверж-

дает, что германская армия насчитывала 30 000 чел., однако представляется, что в действительности численность ее достигала 20 000 или даже 15 000 чел. Такой вывод позволяет сделать построение — глубокое в центре и с широко раскинутыми флангами, которое «покрывало» фронт римской пехоты численностью от 10 000 до 12 000 воинов. Агафий определяет эту армию как франкскую, что верно лишь отчасти. Ядро ее составляли алеманы, германское племя, не столь романизированное, как властвовавшие в Галлии франки; алеманы имели куда меньше конницы, чем могли бы выставить франки. Агафий дает подробное описание вооружения неприятеля:

«Боевое снаряжение их не отличается особой затейливостью и не требует большого искусства оружейников для поддержания его в порядке... Они не признают защищающих тело броней или поножей, многие бьются даже без шлемов, хотя некоторые и надевают их. Они обнажены по пояс как со стороны груди, так и со спины, ходят в полотняных или кожаных штанах. Не в ходу у них и конница — ее мало, если

ВИЗАНТИЙСКОЕ ВОЕННОЕ НАСТАВЛЕНИЕ середины V столетия описывает «пехотное построение в виде квадрата с кавалерией внутри его», что позволяло достигнуть наилучшего взаимодействия между этими двумя родами войск. Авторство текста приписывается солдату-императору Никифору Фоке II (или кому-то из его близкого окружения), который вел свою «реконкисту» примерно с середины 50-х годов V века и вплоть до заговора и убийства его в 969 г.

вообще есть, — сражаются в пешем строю искусно, ибо они народ привычный к тому образу действий в бою. Луки со стрелами или пращи они не жалуют и ими не пользуются. Секиры и анго (*ango*) — вот их обычное оружие. Анго представляет собой копье средней длины, которое можно использовать для метания или колоть им в рукопашной схватке. У таких копий длинные наконечники... и тыльная часть древка тоже металлическая. Ближе к концам — по бокам кривые шипы.

Приближаясь к врагу, «франк» бросает в него свое анго. Если оно втыкается в тело, вытащить его не просто, раненный им воин выбывает из строя. Если же анго пробьет щит, то остается в нем и болтается, мешая пользоваться щитом, тогда как длинный железный наконечник не дает возможности легко обрубить древко. Увидев такое (замешательство противника. — *Прим. пер.*), франк хватается за анго и вырывает у противника щит, а потом приканчивает врага либо секирой, либо другим копьем».

Описание довольно точное. Другой хронист, Прокопий (т.е. Прокопий Кесарийский, автор в том числе и хроники о войне с готами, еще до Италии и уже в ней служивший в штабе Велитария. — *Прим. пер.*), говорил о том, что франки метали в неприятеля секиры, раскалывая ими щиты, однако современные исследования позволяют сделать вывод, что топор все же обычно приберегали для нанесения им решающих ударов. Нет никаких упоминаний относительно характера алеманских войск, наличия у них кавалерии, однако можно с уверенностью предположить, что небольшой конный отряд все же имелся. Конники, вероятно, спешились и влились в строй обычных пеших воинов, подбадривая их своим присутствием. Франки в Галлии определенно располагали лучниками, однако, даже если в описываемом случае они у германцев были, избранное развертывание не оставляло простора для их применения.

Нарзесу, которому пришлось возглавить войска в Италии, перевалило уже, судя по всему, за 60. Будучи евнухом, он являлся гражданским лицом и служил при дворе, однако отличался многими дарованиями и пользовался доверием Юстиниана. Вероятно, причина назначения отчасти в том, что, несмотря ни на какие победы, Нарзес не мог претендовать на престол и, следовательно, представлять угрозу для императора. Агафий, описывая архистратига,

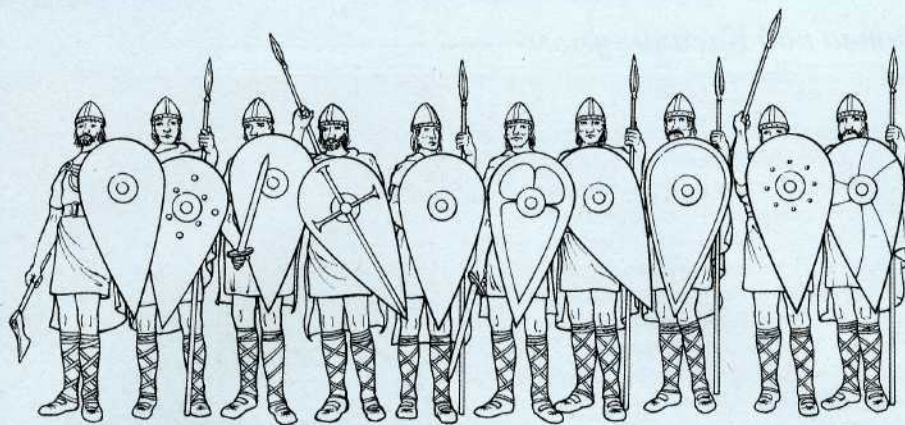
говорит о нем как о человеке «роста малого и чрезвычайно худом, которого вместе с тем отличали невероятные храбрость и отвага».

Многоплеменная армия Нарзеса представляла собой испытанное и закаленное войско, что вполне типично для византийских войск того периода. Она включала в себя византийскую конницу, вооруженную частью метательными копьями, частью луками и частью длинными

копьями, которыми всадники орудовали двумя руками. Входили в нее также формирования тяжеловооруженной византийской пехоты, воины которой, антесигнани (*antesignani*), облачались в кавалерийские доспехи, состоявшие из длинных кольчуг, и имели большие щиты с выпуклым конусообразным основанием. В отряды пехоты включались, по всей видимости, и лучники, но существовали и специализированные части лучников, метателей дротиков и пращников. В качестве вспомогательных сил Нарзес располагал яростными в бою германскими конниками герулами (которые у него под Таджине сражались спешными), гуннами, служившими императору персами и готами под началом Алигерна. (Непокорных лангобардов Нарзес считал источником слишком большого беспокойства и отослал их по домам после победы над Тотилой.)

Битва

Нарзес выставил для обороны заслон из пехоты и спешенной конницы, поставив в центре антесигнани (*antesignani*), а по флангам от них — другие отряды пехоты.

ты. Позади тяжелой пехоты разместились пращники и лучники, готовые бить через головы своих в наступающего противника, а также отряд арьергарда. Если Нарзес следовал практике, известной по Таджине, арьергард должен был состоять из кавалерии, а не (как указывается в некоторых реконструкциях сражения) строя пехоты. Герулы на тот момент находились в конфликте с командующим — один из них убил слугу и был казнен по приказу Нарзеса. Герулы бурлили, готовые взорваться мятежом, однако их предводителю, Синуалу, удалось успокоить соплеменников, и они согласились занять предписанный им участок, расположенный, вероятно, за линией антесигнани (*antesignani*).

Кавалерию Нарзес построил на обоих флангах. Сам он занял позицию на выступе на правом крыле, чтобы иметь возможность следить за положением, в особенности на этом участке, а также пользоваться широким обзором, предоставлявшимся с возвышенности. Находившуюся на левом фланге конницу он спрятал в лесу и приказал не вводить в действие до тех пор, пока противник не будет связан боем в центре. План состоял в том, чтобы отразить натиск германцев, а затем смять их фланги силами кавалерии.

Бутилин построил своих воинов «кабаньей головой» (клином), при этом отряды стояли как бы эшелонами, «подпирая» каждый из фасов клина. В целом построение напоминало направленную острием к противнику букву «V». И вот, оглашая долину боевыми кличами, алеманы устремились в атаку. Византийцы ждали столкновения, а пока обстреливали прикрывавшихся щитами врагов из луков и пращей.

АНГЛИЙСКАЯ «СТЕНА ИЗ ЩИТОВ» — середина XI столетия. Воины были в основном представлены копеечными, хотя иные вооружались боевыми топорами и мечами. Успех такого формирования зависел от крепости взаимной поддержки, оказываемой солдатами друг другу.

Перед тем как врезаться в строй римской пехоты, германцы обрушили на нее залпы своих анго (*ango*). Со страшным грохотом столкнулись щиты. В центре, где предположительно стояли (или, вернее, должны были бы стоять) герулы, строй не выдержал, воины дрогнули и попятились. Острие мощного клина прорвало порядки римлян и устремилось мимо арьергарда к бросившимся вперед герулам.

Тем временем Нарзес ввел в действие римскую конницу на обоих крыльях своих порядков, чтобы та стреляла из луков в не прикрытых с флангов германцев. В то время как римские пехотинцы сдерживали основную массу армии Бутилина, герулы контратаковали острие клина, который перед этим попытался развернуться и зайти в тыл византийцам. Бутилина вступление в дело этих новых сил привело в замешательство, поскольку перебежчики из числа герулов уверили его накануне, что их племя сражаться не станет. Острие клина надломилось — воины побежали, и герулы закрыли брешь в порядках византийцев. После этого Нарзес дал приказ коннице ударить на охват флангов германцев с последующим выходом в их тыл. Лишившись флангов, войско алеманов продолжало сражаться, пока полностью окруженные захватчики не были вырезаны победителями; лишь небольшой горстке удалось уйти за Альпы.

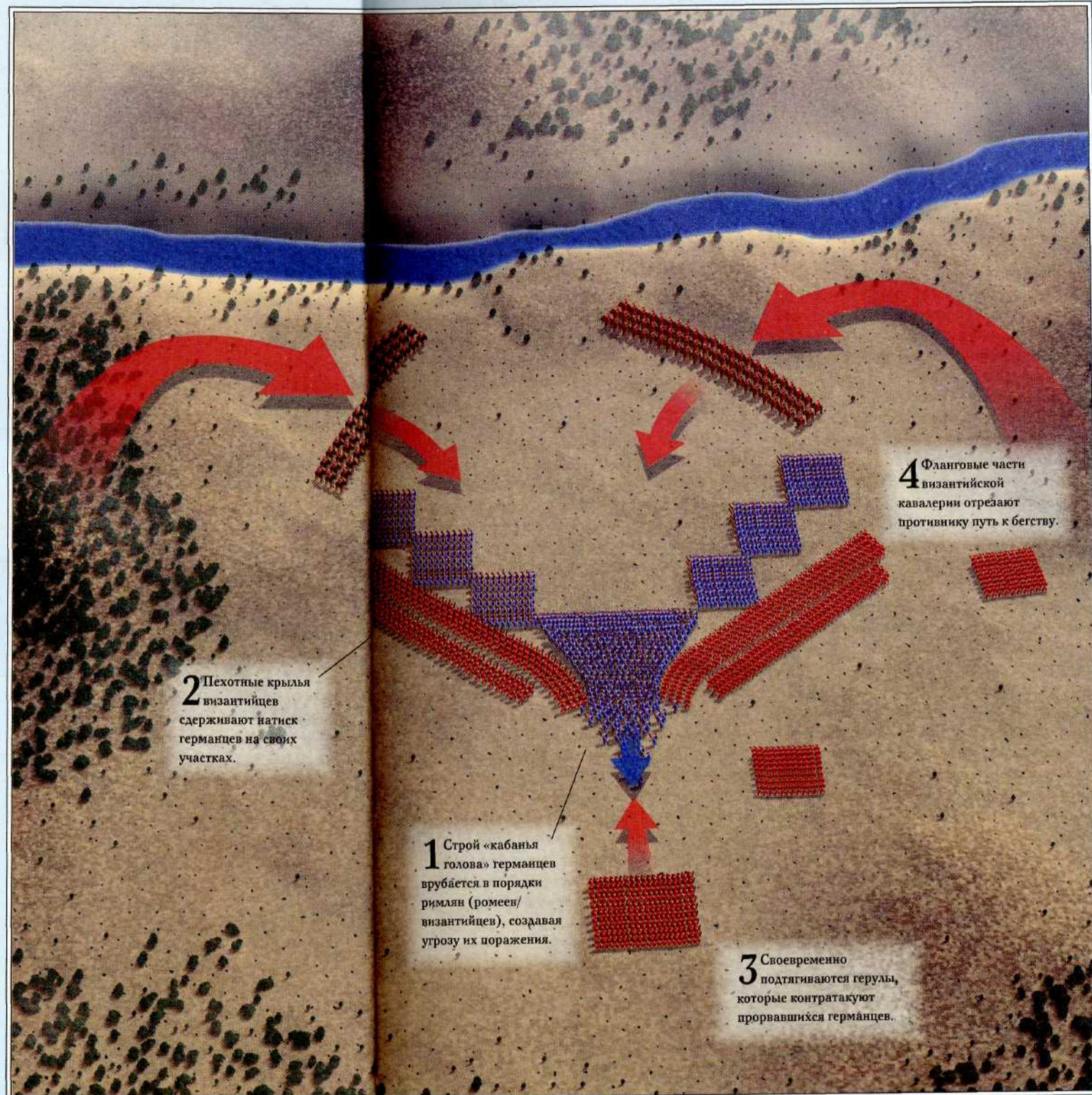
Нарзес, очевидно, не сомневался в способности его армии сдержать атаку

Битва под Касилинумом 554 г.

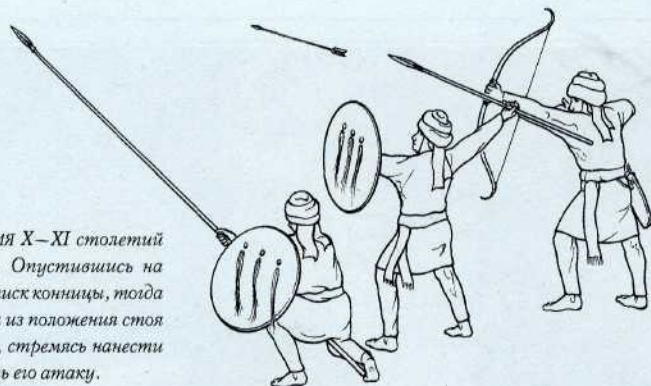
Византийский полководец Нарзес тщательно продумал построение своих частей, основная масса сражалась в пешем строю, причем так, чтобы наиболее эффективным образом обеспечивать взаимную «огневую» поддержку на поле боя. Пехота занимала позицию в центре, тогда как конница — по флангам, при этом по большей части скрытая за деревьями. Германцы Бутилина тоже спешили и образовали одну единую мощную ударную колонну для прорыва вражеского центра, с тем чтобы расколоть строй византийцев и обратить их в бегство. Поначалу стало складываться ощущение, что германцам удастся достигнуть цели, так как центр византийской пехоты не выдержал ярости напора германской «кабаньей головы». Однако затем союзники Византии — герулы, находившиеся до того в резерве, — выдвинулись на угрожаемый участок и спасли ситуацию. Тем временем Нарзес захлопнул ловушку, в которую угодили германцы, велел своей кавалерии обойти врага с флангов и отрезать пути бегства. Воины Бутилина погибли в кольце, яростно сражаясь. Таким образом удалось положить конец их кампании на территории Италии.

Битва под Касилинумом происходила вблизи реки Вольтурно. Германцы возвращались к местам своих стоянок после рейда в Кампанию, когда путь им преградила византийская армия Нарзеса.

БЕРБЕРСКИЕ ПЕХОТНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ X—XI столетий широко применялись и арабами. Опустившись на колени, копейщики сдерживали натиск конницы, тогда как метатели дротиков и лучники из положения стоя стреляли поверх голов товарищей, стремясь нанести наибольшие потери врагу и сорвать его атаку.

противника, а в качестве дополнительной гарантии располагал находившимся в готовности арьергардом. Неприятель вообще сумел прорваться только потому, что герулы еще не вышли на позицию. Поэтому германцам на какое-то время удалось завладеть тактической инициативой. Когда же «кабанья голова» пробилась порядки римлян, их конница и лучники на флангах преспокойно повернулись и стали стрелять врагам в спину. Нарзес должен был видеть, как вступают в дело герулы, и в любом случае он еще не задействовал арьергард (состав которого неизвестен). Пехота на флангах римского строя сдержала весь яростный натиск противника. Повсеместно византийская армия проявляла гибкость и правильно реагировала на обстоятельства хода сражения.

В отличие от нее германцы действовали по одному шаблону. Они не применяли кавалерии — потому, вероятно, что она спешилась, чтобы подкрепить силы (в том числе и моральные) легко вооруженных пехотинцев. В результате лучшие войска разделили судьбу всех прочих (не так, как под Римини, когда верховые нобили сумели ускользнуть и избежать резни). Однородность войска давала преимущества в ходе первого удара, однако добиться успеха удалось лишь по причине отсутствия в момент прорыва Бутилина на своем месте герулов. Предводитель алеманов не оставил резерва, чтобы иметь возможность реагировать и принимать меры, если события станут развиваться вразрез с его планом. Вместе с тем, хотя тактика алеманов кажется примитивной, массированный и концентрированный удар клина храбрецов мог повлечь за собой катастрофические последствия

для противника. Исход сражения служит вполне наглядной иллюстрацией того, как при хорошем руководстве, при четкой координации действий пехоты и кавалерии удастся по максимуму использовать возможности опытных и умелых воинов.

Византийские армии более позднего периода

Хотя статус конницы в византийских армиях был выше статуса пехоты, последняя занимала достойное место в бою, проходила довольно изощренный курс обучения и умела действовать профессионально. Наставления по тактике X столетия учат, как надо образовывать пехотное каре силами копейщиков при поддержке размещенных позади них лучников, однако оставляя специальные проходы для выходящей из периметра для атаки кавалерии. «Окна» прикрывали специально подготовленные воины (набиравшиеся из славян) с метательными копьями (дротиками) и пращники — исключительно легко вооруженная пехота, способная быстро «открывать» и «закрывать» проходы в соответствии с тактической необходимостью. В числе пехотных формирований числились части менаулатой (*menaulatoi*). Они вооружались тяжелыми метательными копьями и предназначались для отражения неприятельских катафрактов (*kataphraktoi*, т.е. катафрактов — всадников в доспехах на защищенных доспехами конях), которые в массе своей остались бы неуязвимыми перед лучниками и могли ломать длинные копья пехотного строя.

Византийская пехота служила не только как оборонительная сила. В труде

«Тактика» (*Taktika*) Никифора Урана, написанном в X столетии, говорилось, что, в то время как основное ядро копейщиков и лучников будет сдерживать натиск пехоты противника, менаулатой (*menaulatoi*) и метателям дротиков надлежит наступать на флангах так, чтобы строй как бы прогибался в центре, что позволяло бы увеличить количество тех, кто будет поражать неприятеля на расстоянии (стрелами и дротиками) и сминать его фланги. «Полевую артиллерию» в ту пору должна была представлять херомангана (*cheiromangana*) — катапульты, стрелявшие гигантскими стрелами и «сифонами» — трубами с воспламеняющейся жидкостью, «греческим огнем», которые мог поднимать и переносить человек.

Основная задача византийской пехоты состояла исключительно в поддержании обороны, поскольку как наступательная сила, цель которой состояла в прорыве неприятельского фронта, использовалась кавалерия — катафракты, конные копейщики в доспехах и легкоконные дозорные отряды. В битве при Доростоле в 971 г. византийской пехоте на протяжении нескольких дней приходилось сходить в рукопашной с руссами, сражавшимися на манер скандинавов. Длинный строй хорошо вооруженных пехотинцев с копьями, секирами и луками, имея позади обеспечивавшую им тыл крепость Доростол, неизменно сдерживал византийцев. После долгого и изматывающего противостояния император (Иоанн Цимисхий. — *Прим. пер.*) лично возглавил византийских катафрактов, построившихся огромным клином, и сумел прорвать поредевшие ряды руссов (киевского князя Святослава Игоревича. — *Прим. пер.*).

Начиная с 60-х годов X века имперские армии состояли преимущественно из наемников — скандинавов и руссов. Часть из них образовывала варяжскую стражу — отряды обученных сражаться двуручными секирами воинов в доспехах. Такие части

«Своими стрелами не позволяйте коннице обрушиться на нас или подкрасться с тыла. Если же вы увидите, что мы собираем добычу, не присоединяйтесь к нам, а если же видите, как нас уничтожают, не помогайте нам».

ПРОРОК МУХАММЕД

представляли собой как ударные силы византийской пехоты, так и личную охрану императора. Под Диррахием (Дурацио/Драч. — *Прим. пер.*) в 1081 г. императору Алексею Комнину пришлось отражать вторжение южноитальянских норманнов под предводительством грозного Роберта Гвискара (также Гискара. — *Прим. пер.*). Варяжские отряды действовали по центру, при этом в тесном взаимодействии с отрядами лучников. «Их (лучников) Алексей намеревался первыми бросить

против Гвискара и напутствовал Нампита (командира варягов) расступиться и пропустить их (передвинуться влево и вправо), когда они будут наступать на норманнов, а потом вновь сомкнуть ряды и двигаться вперед, когда те (лучники) отойдут» («Алексиада»). Подобное тактическое развертывание есть пример сложного и умелого применения стрелков и ударных частей в армии Алексея. Варяжское на-

ступление проходило успешно, их лучники сдерживали норманнскую конницу, а вооруженные секирами воины отбрасывали противостоявшую им пехоту. Только тогда, когда варяги, увлекшись атакой, выдвинулись слишком далеко вперед, неожиданный бросок неприятельской пехоты во фланг смешал их и вынудил к отступлению. (Поле боя осталось за норманнами; варяги, в основном англосаксы, по большей части погибли. — *Прим. пер.*)

Завоевания арабов

Главным противником византийцев с VII по XI век являлись арабские государства, которые сначала лишили империю ее восточных провинций, а позднее превратились в самых опасных соседей. Арабы славились конницей и умением выращивать отличных лошадей. Однако у них имелась и традиция пехотной войны, уходившая довольно глубоко в доисламский период.

Передвигавшаяся на верблюдах арабская пехота послужила значительным фак-

Хускарл (середина XI столетия)

Хаус- или хускарлы, связанные с господином присягой верности, составляли дружины англо-датских аристократов, правивших в Англии до норманнского завоевания 1066 г. Имея довольно высокий общественный статус, хускарлы прибывали к полю сражения верхом, но затем спешивались и бились уже в традиционной скандинавской манере. Боевой топор, или секира на длинной рукояти, которую мы видим тут, представляла собой грозное оружие, способное, если верить изображению на шпалере из Байе, снести голову даже коню. Чтобы действовать такой секирой в бою, воину приходилось закидывать за спину каплевидный щит, широко применявшийся как пехотой, так и конницей в те времена. Воины с секирами часто действовали попарно с копейщиками, располагавшими такими же щитами, которые позволяли обеспечивать в строю прикрытие обоим воинам, превращая последних в довольно грозную пару как в обороне, так и в наступлении. Археологические раскопки на берегу реки Темзы дали ученым несколько образцов таких секир, оставшихся там, вероятно, после осады датчанами Лондона в 1012 г. Подобные секиры называют часто «бородами» из-за асимметричной нижней части топорика, вытянутой и напоминающей потому длинные бороды, популярные тогда у викингов.

тором в исламских завоевательных походах. Пересекая пустыню, арабы нападали на византийские и персидские провинции, сеяли хаос и разрушение и уходили обратно в пески, где преследование их становилось практически невозможным. Способность наносить удары и вовремя отступать была важна и в ходе битв, некоторые из которых длились по нескольку дней подряд. Когда в VII столетии арабские полчища вторглись в Испанию, а позднее проникли в Галлию, на Сицилию и в южные районы Италии, они столкнулись с армиями Запада и, вполне возможно, оказали влияние на них, в том числе и на тактику их пехоты.

Арабская легкая конница наносила по врагу беспокоящие удары, а если предоставлялась возможность развить успех, довершала дело тяжелая кавалерия. Когда же противник оказывался слишком силен, конница отходила под прикрытие пехоты. Пешие воины стояли тесными отрядами, между которыми оставалось место для прохода кавалерии. В каждом из таких «блоков» имелись ряды копейщиков, часть из которых опускалась на колено и, прикрываясь щитами и упирая древки копий в землю, оцетинивалась смертоносными

остриями. Позади занимали место лучники и метатели дротиков. Их короткие копья усиливали «огневую мощь» лучников, стрелы которых не всегда могли нанести большой вред облаченной в доспехи коннице врага. Задача пехоты состояла в том, чтобы выстоять, сдерживать натиск неприятельской кавалерии, по которой после ее отката предстояло ударить коннице арабов. При определенных обстоятельствах задачи части арабских лучников и метателей дротиков становилось совершение вылазок для защиты своей пехоты от стрелков противника.

Арабские княжества Испании поддерживали прочные связи с единоверцами из Магриба через Гибралтарский пролив. Испытывая все большее давление со стороны христиан, ведущих упорную реконкисту, испанские мусульмане пригласили себе в помощь берберские орды из Северной Африки. На исходе XI столетия такие альянсы привели к завоеванию Андалузии альморавидами — фанатичными поборниками «чистого» ислама из районов Сахары. В битве при Салакке в 1086 г. одетые в черное альморавиды искусно выполняли маневры под бой барабанов. Используя пехоту, построенную в оборо-

нительные «блоки», они сумели победить более тяжелую конницу испанцев и рыцарей-крестоносцев (армии короля Леона и Кастилии Альфонсо VI. — Прим. пер.).

«Английские воины не искусены во владении оружием всадника и не привычны биться верхом. Они несут боевые топоры и секачи на длинных рукоятях. Вооруженный таким оружием воин не способен применять защитное вооружение, поскольку сжимает рукоять секиры обеими руками для того, чтобы нанести наиболее сокрушительный удар».

Уэйс, «Роман де Ру»

Северная Европа

В Северной Европе, за пределами официальных границ Римской империи, кавалерия поначалу имела меньшее значение и количественно бывала обычно невелика, хотя в социальном плане престиж верхового воина находился выше. На Западе считалось общепринятым для всадника спешиться и сражаться в рядах пехоты,

если такое оказывалось предпочтительнее в тактическом плане. Так, под Монс-Лактариусом в 553 г. готы Тейи встретили византийцев спешенными, и даже «Стратегикон» (*Strategikon*) отразил готовность представителей «светловолосых племен» биться пешими. Подобные шаги конников неизменно ободряюще действовали на пехотинцев, которые видели в этом готовность занимающих социально более высокое положение соплеменников сражаться наравне с ними и, возможно, погибнуть.

Традиции пехотного боя были всегда сильны в Англии и в Скандинавии. Когда

во время стремительных рейдов викинги высаживались в Англии, они первым делом захватывали коней, чтобы обеспечить себе стратегическую подвижность. Между тем воевать они предпочитали спешными. Как во Франции, так и в Англии викинги всюду возводили крепости, часто строя их на островках, как тот же Рединг на Темзе, обеспечивая себе базы для вылазок, после которых рейдеры возвращались в форпосты с добычей.

В 871 г. король Уэссекса Этельред (Этельред I) и его брат Альфред вышли на битву с датчанами (так часто называли вообще скандинавов. — *Прим. пер.*) у Ашдауна. Даны разделили свои силы на два крыла, одним из которых командовали два «короля» (т.е. конунга. — *Прим. пер.*), а вторым — «множество ярлов». Альфред (будущий король Альфред Великий) атаковал, не дожидаясь брата. Героический эпос «Малдонская битва» дает наглядное представление о происходившем. Сначала обе стороны, прикрывшись щитами, как стенами, старались поразить друг друга на дистанции, обменивались стрелами и дротиками. «Блестали молнией мечи и копий острия, стрелы устали не знали, морской волной щиты вздымались». Затем противники сошлись, и наступило время «главной» схватки — рукопашной. Хотя есть немало свидетельств того, что англичане (разумеется, имеются в виду англосаксы. — *Прим. пер.*) и викинги сражались плотным строем, в «Малдонской битве» говорится о более свободных порядках,

в которых вожди с их отрядами личной стражи с обеих сторон искали схватки друг с другом. Под Ашдауном победа досталась англичанам, вероятнее всего, потому, что Альфред, связав боем крылья вражеских порядков, сумел продержаться до прибытия короля (старшего брата Этельреда I. — *Прим. пер.*) со свежими силами. В подобного рода битвах, особенно учитывая, что многие участники из всего защитного вооружения располагали только щитом, потери бывали довольно высокими. Кроме того, так как все бились спешными, преследование — а англичане гнали врагов до наступления темноты — было особенно кровопролитным.

Пехота викингов и англичан предстает перед нами на страницах источников в виде яростных и беспощадных бойцов, полагающихся более на личный героизм, нежели на военное искусство. Иногда, правда, встречаются намеки на некоторые «технологические» сложности. У многих викингов имелись луки, которые они применяли, стреляя из рядов пехоты, вероятно, из задних шеренг. Викинги отличались пристрастием наносить удары во фланг, используя естественные укрытия, скажем, через рощицу или лесок, они часто строились «кабаньей головой» — свайнфайллинг (*swynfylking*), образуя плотный клин, нацеленный на прорыв неприятельского фронта. Сражаясь с византийцами в битве при Доростоле, руссы — славянизированные «шведские» викинги — применяли для поддержки пехотных копейщиков

отряды лучников, выставляя их на фланги с целью отгонять греческую конницу.

В тот период времени одни и те же отряды сражались на суше и на море, строили и довольно эффективно использовали фортификационные сооружения. В Англии как даны, так и англичане, — причем и дружины феодалов, тейн (*thegn*), и ополчение, файрд (*fyrð*), — применяли для стратегического маневрирования лошадей, тогда как даны задействовали как передвижные крепости свои драккары (ладьи), на которые отходили после схватки и с которых высаживались в неожиданных местах, поднимаясь порой очень высоко вверх по течению рек. Ответом на это англичан (как и каролингов в Галлии) стало возведение сети речных крепостей.

Каролингской империи приходилось иметь дело с четырьмя особо крупными источниками угрозы: с викингами; мадьярами (венграми); мусульманами, атакующими из Испании и Африки и проникающими во Францию и Италию; а также с самыми настоящими эпидемиями внутренних войн. С одной стороны, громоздкое и неповоротливое, а с другой — очень рыхлое, раздираемое центробежными тенденциями государство оказывалось неспособным к централизованному отражению врага. Не так уж много было сражений, память о которых способна пережить 1000 и более лет, и одним из таких достославных событий осталась в веках битва при Пуатье 732 г., где Карл Мартелл остановил мусульманское войско. Не сделай он этого, наступление противника в итоге привело бы, вполне возможно, к завоеванию арабами Галлии. Франки расположились у Муссе-ля-Баттай — на пути мусульман обратно в Испанию, — выбрав угол, образованный двумя реками. Хотя войско франков состояло как из пехоты, так и из кавалерии, Карл и его дружинники спешили, усилив таким образом пехоту. Так Карл смог заодно и уберечь свою конницу от слишком отчаянных и глубоких контрударов, поскольку арабы широко и успешно применяли тактику притворных отступлений для того, чтобы вовлечь неприятеля в погоню, а затем окружить его. Предводитель арабов, Абд-эр-Рахман, атаковал, используя сначала превосходящую «огневую мощь», а затем бросил воинов на штурм

позиций противника. Но «люди с севера» держались твердо, «как ледяная стена». После целого дня безуспешных попыток сломить врага арабы бросили шатры и добычу и бежали с поля боя налегке.

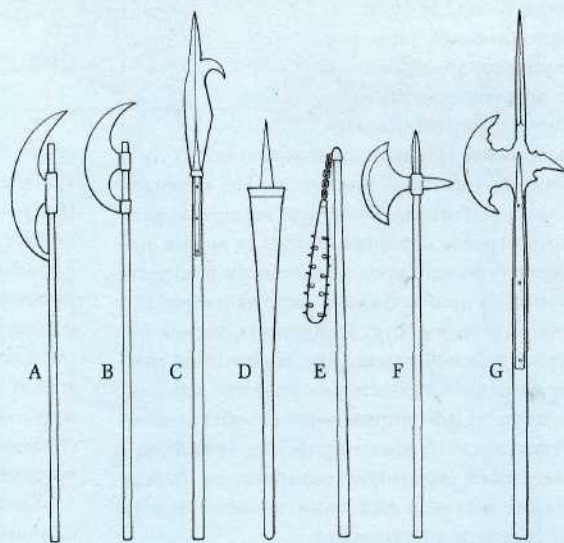
Мало приходится читать о пехоте империи франков, однако она, конечно же, существовала, по меньшей мере для того, чтобы вести осады. Наличие пеших воинов косвенно подтверждается числом потерь, понесенных в ходе междоусобицы в сражении под Фонтенуа (845), а также упоминанием о «плотных фалангах». В 850 г., скажем, в качестве наемников выступали пешие саксы.

Под Монпансье в 892 г. король Одо (также Отто[н], или Эд [не имеет отношения к имени Эдуард]. — *Прим. пер.*) разделил свою армию на две части, построив пехоту и лучников впереди, а конницу сзади. Данный строй классический для Средневековья — пехота обычно прикрывала более уязвимую перед вражескими стрелами кавалерию до тех пор, пока не наступал момент той броситься в атаку. Ближе к 1000 г. наилучшая пехота оказывалась у тех народов, которые привыкли воевать в районах, где рыцарская кавалерия утрачивала свое превосходство — в горах или в заболоченной местности. Как пример можно взять «кельтскую окраину» или города, где всегда тлел огонь независимости и свободолюбия.

Норманны против англосаксов

Битву при Гастингсе (1066) традиционно рассматривают как классический случай столкновения современной (на тот момент) армии норманнов, где гибко применялись лучники, копейщики и рыцари, с архаичным войском англосаксов, построившихся на склоне Сенлак «железным» фронтом к противнику и действовавших при поддержке крестьян, бросавших привязанные к палкам камни. Сегодня такой взгляд подвергается корректировке. Облагченные в кольчужные брони английские хаус- или хускарлы (*huscarl*), иначе «дворяне», наемная стража короля и ярлов, считаются теперь лучшей пехотой того времени в Европе. Такую пехоту собирали по принципу: один полностью снаряженный солдат с каждых пяти хайдов (т.е. 500 акров. — *Прим. пер.*) земли. Свиде-

Различное оружие с длинными рукоятками: а) и б) — две «бородатые» секиры; в) копье с крюком, предназначенным для стаскивания всадников из седла на землю; д) фламандский тудендаг, объединяющий в себе копье и оправленную в железо дубину; е) боевой цеп, созданный на основе сельскохозяйственного инструмента, — фактически палица, цепью прикрепленная к длинной рукояти, смертоносное оружие, особенно если как следует раскрутить его; ф) и г) ранняя и поздняя версия алебарды.

тельства, дошедшие до нас в «Малдонской битве», исландской саге, повествующей о победе англичан у Стамфорд-Бриджа, а также «гобелен» (точнее, шпалера. — Прим. пер.) из Байе дают представление о том, что «стена щитов» пехоты включала в себя и лучников, а также, возможно, поддерживалась более легко снаряженными и более подвижными отрядами копейщиков. Боевое построение было довольно сложным и состояло из защищенных доспехами копейщиков с большими щитами на переднем крае, затем шли воины с двуручными «датскими топорами» (секирами), а также метатели дротиков. Лучники тоже включались в состав такого формирования и били, как можно предположить, прицельно с короткой дистанции (по всей видимости, поэтому на шпалере изображен одинокой лучник).

Английские воины обычно выезжали к месту сражения верхом, а затем спешивались и привязывали своих коней в тылу у войска. В битве под Брюнабургом (937), когда англичане одолели объединенные силы норвежцев и скоттов, победители вскочили в седла и преследовали бегущих врагов. Подобная подвижность давала таким армиям огромные преимущества перед чисто пехотными, не имеющими в своем составе кавалерийского контингента, потому что последние могли побеждать, но не могли уничтожить противника, иначе как полностью окружив его или загнав в ловушку. Возможность действовать как в пешем строю, так и верхом давала англичанам значительную «стратегическую амбивалентность». В 1066 г. королю Гарольду удалось, выступив маршем на север к Стамфорд-Бриджу, разгромить норвежцев Харальда Хардраады, а затем вновь быстро переместиться на юг, чтобы встретить армию вторжения нормандского герцога Гийома (т.е. Вильяма, или Вильгельма Завоевателя; имя это в ста-

ринных латинских хрониках начинается чаще все же с «W», как в германских языках, чем с «Gu», как в романских, хотя использование имени Вильгельм совершенно неоправданно. — Прим. пер.).

Англосаксов не следует считать тактически односторонними. Вот пример: в 1063 г. Гарольд Годвинсон (будущий король Гарольд II) с братом Тостигом вели боевые действия в Уэльсе. Согласно Жеральду де Барри (писавшему около 1200 г.), для того чтобы иметь возможность лучше про-

тивостоять использовавшим методы «партизанской войны» местным племенам, Гарольд переделал своих хускарлов (*huscarl*) в более легкие кожаные доспехи и вооружил легкими щитами. Тостиг на кораблях доставил эти отряды на побережье Уэльса. Не имея возможности спастись от рейдеров, валлийцы прикончили своего князя Груффиду и в качестве акта изъятия покорности преподнесли его голову Гарольду.

Под Гастингсом против плотной стены щитов англичан норманны выставили построенное тремя эшелонами формирование. Первыми шли пехотинцы, лучники и копейщики (которых нет на «гобелене», но о которых упоминает участник событий Гийом [Вильгельм/Вильям] де Пуатье). Открыли бой норманнские лучники, затем в атаку на англичан устремились пешие копейщики, подготавливая почву для удара рыцарям. Когда их тактический ход не сработал, норманнские копейщики отступили, по всей видимости, образовав «центр обороны», вокруг которого могли бы собираться рыцари после каждой атаки. Противодействие англичан было настолько сильным, что левый фланг Вильяма обратился в бегство. Данный факт воодушевил защитников, и часть их бросилась преследовать неприятеля, но была окружена более подвижной конницей норманнов и уничтожена. Данное обстоятельство,

«Значительная часть английских рыцарей, уже без коней к тому моменту, стали пехотинцами, из которых отобрали отряд и построили вместе со стрелками на переднем крае. Оставшиеся заняли места с баронами в центре, вокруг боевого штандарта и поблизости от него».

РИЧАРД ХЕКСЕМСКИЙ

как считается, побудило герцога Вильяма бросать рыцарей в подобные атаки с последующим притворным бегством, чтобы еще больше ослабить английскую оборону. Как утверждает история, в таких преследованиях погибли два брата Гарольда. С приближением вечера долгого дня битвы Вильям приказал лучникам стрелять навесно. Усталые воины не могли уже держать щиты так, чтобы защититься от смертоносного ливня, и стрелы ранили их, нередко в лицо, как и самого короля Гарольда. Воспользовавшись замешательством в стане врага, Вильям вновь послал вперед рыцарей, которые, уничтожая воинов противника одного за другим, добрались до короля и добились его.

Несмотря на поражение англичан, надо отметить, что они правильно построили войска — фланги и тыл им прикрывал лес, а расположенный впереди склон замедлял скорость атакующей кавалерии. Сам факт того, что битва продолжалась целых 11 часов, говорит о способности английских солдат умело и стойко держать оборону. Если бы норманны полагались на одну лишь конницу, англичане могли бы даже выиграть битву. Однако преимущество норманнов, располагавших правильно сбалансированными и способными максимально использовать свои возможности силами, включавшими, кроме рыцарей, лучников и копейщиков, решило исход противостояния.

Англо-норманнский период

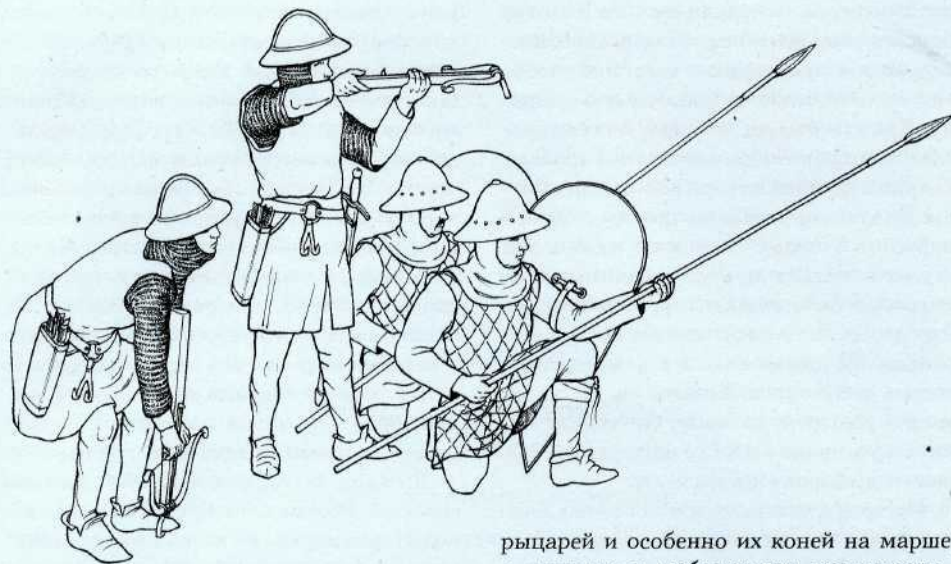
Завоевание Англии послужило причиной славы военных традиций английской пехоты и норманнской конницы и лучников, что показывают три сражения в Нормандии. В 1106 г. в ходе междоусобицы под Теншбре английский король Генри (х) I и его брат и противник герцог Роберт Нормандский, оба приказали рыцарям спешиться и усилить пехоту. Генри, однако, располагал конницей на фланге, дислоцированной на некотором удалении от поля боя и находившейся под командованием Эли де Мена. Когда сражающиеся с головой окунулись в битву, Эли со своими воинами вступил в нее и помог королю разгромить нормандских мятежников.

В 1118 г. под Алансоном Фульк Анжуйский наилучшим образом применил

имевшуюся у него пехоту. Он задействовал копейщиков и лучников на сдерживании атаки норманнской кавалерии, когда же она стала отходить, нанес контрудар силами конницы. В 1124 г. под Бур-Терульдом командовавший силами сторонников короля Эд Борлан сформировал ударное ядро из спешенных рыцарей с лучниками на флангах. Конница мятежного Амори де Монфора ударила в центр строя норманнов — туда, где развевалось знамя, однако совместными усилиями лучников и пехоты атаку удалось отразить. Данную акцию можно считать «шаблоном в миниатюре» для битвы при Креси, разыгравшейся примерно два века спустя.

В самой же Англии в 1138 г. войскам епископа Даремского пришлось отражать под Норталлертоном вторжение шотландцев. Те сформировали несколько «баталь» (дружин) копейщиков, имели небольшой контингент тяжелой конницы и банды плохо поддающихся управлению полудиких воинов-добровольцев. Англо-норманнские рыцари спешили и заняли места рядом с файрдом (английской пехотой), таким образом усилив ее решимость биться. Лучники рассыпались среди рыцарей, получив возможность отступить за их спины после начала рукопашной. «Кельтские волонтеры» не носили доспехов и потому становились легкими мишенями для стрелков. Понеся тяжелые потери от стрел и мечей пехоты, шотландцы обратились в бегство — авантюра закончилась для них катастрофой.

Вышеприведенные случаи свидетельствуют о гибкости англо-норманнских войск. Вероятно, за счет передачи опыта, так сказать, из уст в уста, а также и посредством знакомства военных командиров с уцелевшими трактатами, посвященными стратегии и тактике, как, скажем, работы Вегетия (ок. IV века; подробнее далее. — Прим. пер.), полководцам удавалось довольно умело строить диспозиции и грамотно применять имеющиеся силы. Война являлась «работой» высшего класса, нобилитет обуревала жажда странствий и объединял общий язык — французский. В той же Англии можно было встретить рыцарей, поучаствовавших в боях во Франции, в Испании, в Южной Италии и в Палестине и сражавшихся против самых разных противников — французов, арабов, византийцев и турков.

Пехотное построение крестоносцев XII столетия показывает, как копейщики упирают тыльные части древков своих копий в землю, а сами прикрываются щитами. Прячась за товарищами, арбалетчики, у которых уходило гораздо больше времени на перезарядку своего оружия, чем у любого из лучников, готовили самострелы для отражения натиска противника. Иногда стрельбу доверяли только самым искусным из арбалетчиков, тогда как остальные занимались исключительно перезарядкой.

Битва под Арзуфом — 1191 г.

8 сентября 1191 г. Ришар Кер-де-Льон, известный более как Ричард Львиное Сердце, или просто Ричард I Плантагенет, король Англии и крестоносец, вступил в схватку с войсками Саладина под Арзуфом, небольшим портом на Сирийском побережье. Вообще же столкновение это служило апофеозом двухнедельного противостояния турков и крестоносцев, которые выступили на юг из недавно освобожденной Акры. Главной целью похода франков (как называли тогда крестоносцев их противники на Востоке. — Прим. пер.) служил Иерусалим, дорога к которому лежала со стороны побережья от Яффы. На всем пути от Акры войско подвергалось постоянным атакам мусульман. Хотя крестоносцы вообще и Ричард в частности ассоциируются в массовом сознании с кавалерией, король понимал жизненную важность пехоты. Держа в руках щиты, одетые поверх кольчуг в толстые войлочные балахоны, копейщики прикрывали малочисленных

рыцарей и особенно их коней на марше, а лучники и арбалетчики компенсировали «огневую мощь» конных лучников противника. Только когда неприятель был дезорганизован потерями и измотан, Ричард давал рыцарям приказ довершить дело сокрушительным броском. Все это хорошо выглядит на словах, однако на деле воплотить подобную тактику в жизнь оказывалось далеко не так просто.

Воинам Первого крестового похода (1096—1099), достигшим Арзуфа примерно столетие назад, пришлось научиться передвигаться по враждебной территории. Армии франков отягощала тихоходная пехота, против которой враг мог бросить крупные отряды чрезвычайно подвижной кавалерии. Турецкие конные лучники представляли особую опасность для христианских рыцарей, поскольку обладали способностью уничтожать коней с дистанции, лишая крестоносцев самого главного козыря — возможности развернуть стремительную и сокрушительную атаку закованной в доспехи лавой. Хотя принято считать конных лучников обычным явлением для всех мусульманских армий, они все же были по происхождению, как правило, турками, поскольку арабская конница сражалась более привычными для европейцев копьем или же мечом. Мусульманские правители высоко ценили конных стрелков и часто использовали в стычках. Широко применялись на Востоке и более тяжело вооруженные всадники, часто называемые мамелюками (в массе своей они были воинами-ра-

бами, обычно белыми. — Прим. пер.), которые, как правило, стреляли из луков не в движении, стремясь ослабить противника стрелами перед тем, как обрушиться на него верхом с копьями и палицами.

Чтобы иметь возможность совладать с таким врагом, командирам крестоносных дружин приходилось очень разумно использовать пехоту во взаимодействии с кавалерией. Результатом стала выработка техники «боя на марше». Такое построение представляло собой пехотное «каре», защищенное копьями и щитами, способное «вести огонь» метательным оружием и стрелами и прикрывать под «огнем» противника расположенную сзади конницу и тыловиков (многочисленных некомпантов-обозных. — Прим. пер.). Солдаты Первого крестового похода научились этому, надо полагать, у византийцев и особенно хорошо применили такой строй против египетских фатимидов (шиитов) под Аскалоном в 1099 г. (Трудно сказать, что имеет

латинского королевства Иерусалимского довольно умело применяли подобную тактику, однако их поражение в битве при Хаттине в 1187 г. привело к захвату Саладином почти всех городов и замков, за исключением лишь нескольких береговых форпостов.

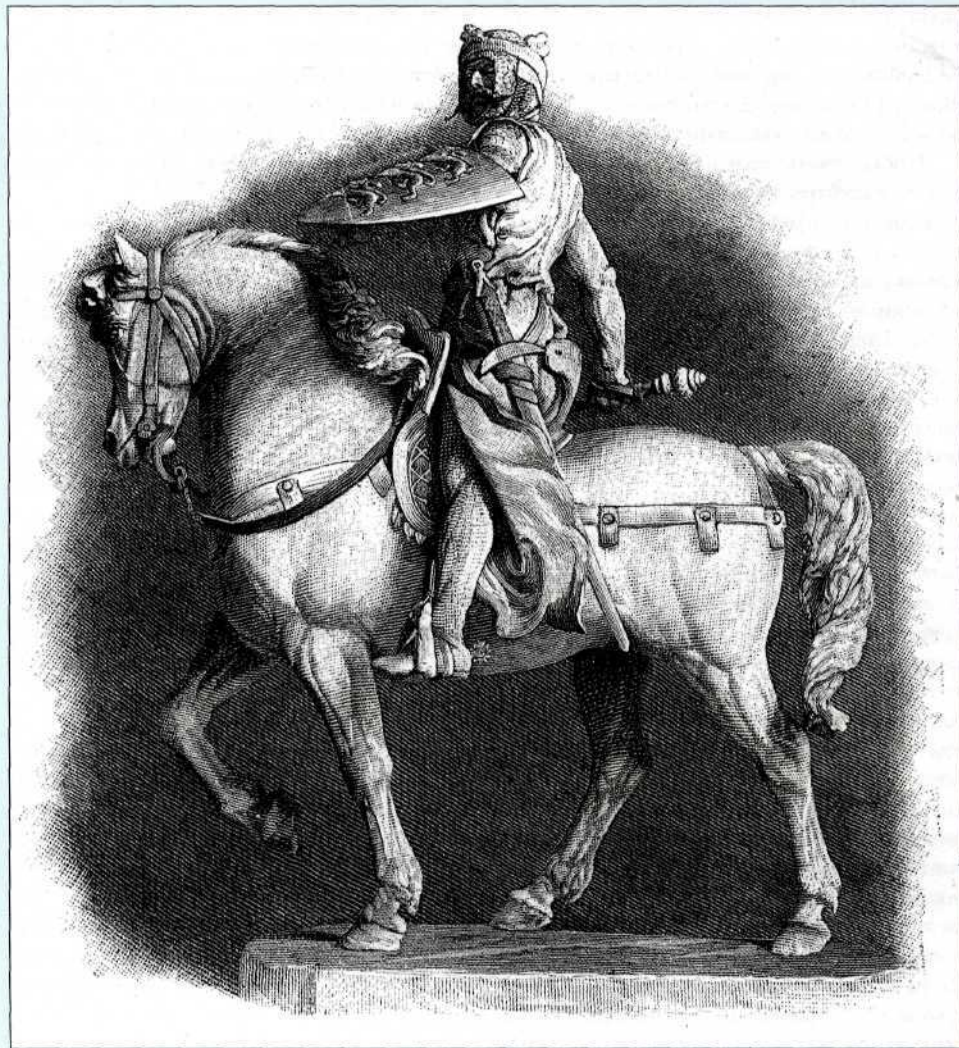
В вышеупомянутом случае король Ги де Лузиньян стремился достигнуть города Тивериада на Галилейском озере, чтобы заставить Саладина снять осаду с этого города. Мусульманам же, однако, удалось разделить конницу и пехоту на лишенной воды местности и разгромить их поодиночке. Примерно то же самое Саладин хотел сделать и с солдатами Третьего крестового похода (1189—1192), возглавляемыми Ричардом.

Ближе к середине июля 1191 г. король Ричард сумел в итоге принудить к капитуляции гарнизон Акры, ставшей важным береговым плацдармом, на который прибывали крестоносцы с Запада (в основном из-за наличия удобной, при-

«Тех, кому природой или вследствие обстоятельств суждено было стать пешинами (даже многие благородные господа продали или же утратили свое снаряжение кавалеристов, а посему принуждены были влиться в толпу остальных паломников), поставили в самом тылу, чтобы они противодействовали турецким стрелкам».

Эд де Дейль, «Крестовый поход Людовика VII»

крытой от ветра гавани. — Прим. пер.). Все то долгое время, пока крестоносцы осаждали Акру, они и сами находились в осаде Саладина. После сдачи Акры последний так долго оттягивал фактическую выплату обусловленного выкупа, что 22 августа Ричард приказал перебить 2700 мусульманских заложников. Спустя двое суток он начал марш на юг. Почти сразу арьергард, состоявший из французских рыцарей герцога Юго (иначе Гюг/Гуго. — Прим. пер.) Бургундского, подвергся атаке мусульман, смешался и был окружен ими, однако Ричарду удалось выручить хвост колонны. В результате на самые опасные участки — в авангард и в арьергард — он поставил братьев-рыцарей военно-монашеских орденов, тамплиеров и госпитальеров. Связанные стро-

гим уставом и привычные к дисциплине куда больше, чем их светские товарищи, монахи в доспехах больше других годились для выполнения подобных задач.

Основная нагрузка в обороне колонны на маршруте легла на пехоту. Насчитывавшая что-то до 10 000 чел., она была разделена примерно надвое так, чтобы конница (всего до 2000 чел.) и обоз находились между двумя эшелонами. Поскольку крестоносцы двигались в южном направлении, правый фланг им прикрывало море. Кроме того, с моря они получали снабжение от крестоносного флота на всем пути там, где береговая линия позволяла кораблям подойти близко к берегу. Ричард устроил так, что оба эшелона ежедневно менялись местами, один день сдерживая

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ, король Англии в 1189–1199 гг. Его выдающийся талант военного помог крестоносцам совершить труднейший марш вдоль берега к Яффе и победить самого Саладина в сражении под Арзуфом.

наскоки мусульман, а другой — в относительной безопасности шагая вдоль берега. Саладин располагал не менее чем 30 000 воинов, которые делились в пропорции 2:1 на кавалерию и пехоту. Пехоту его хронисты называют «черной», хотя также описывают как бедуинов «с луками, колчанами и круглыми щитами». Не исключено, что речь может идти о суданских воинах, которых правители Египта часто брали в свои войска как умелых лучников.

Однако не они, а конные лучники представляли источник наибольшей тревоги

для крестоносцев. Амбруаз, поэт и крестоносец, так говорит об угрозе со стороны противника: «У турок одно преимущество, служившее источником большого урона для нас. Христиане вооружены тяжело, тогда как сарацины имеют лук, палицу, меч или копье со стальным наконечником. Если им приходится уходить, за ними не угнаться — лошади их столь хороши, что нигде в мире нет подобных, кажется, будто они не скачут, но летят словно ласточки. Они словно жалящие осы: погонишь их — бегут прочь, а повернешься — догоняют». (Вообще хроника Амбруаза стихотворная, но здесь отрывок в прозе. — Прим. пер.)

Пехота крестоносцев

Другое свидетельство очевидца об опасности, которую представляли стрелы мусульман, мы находим в труде «Касательно экспедиции короля Ричарда» (*Itinerarium Regis Ricardi*): «Они постоянно держались поблизости, сопровождая нас на всем пути, стараясь навредить чем можно, выпуская тучи стрел, сыпавшихся как дождь. Увы! Столь многие кони пали, пронзенные ими, или же умерли позже от ран! Снаряды их сыпались словно ливень, и когда войско проходило, не нашлось бы участка в четыре на четыре стопы, в котором бы не было торчавших оперений стрел». Со своей стороны пехота крестоносцев дралась с отчаянным упорством: «Они сражались с неизбывной храбростью, поворачиваясь и встречая турецкий наскок, нацеленный на них сзади. Потому они пятились, словно бы отступая, ибо иным способом нельзя было должным образом защитить тыл. Фактически, поскольку турки угрожали армии сзади, они (пехота) шли задом наперед весь день, спиной к голове колонны, проходя каждый шаг с боем».

Мусульманский комментатор был не меньшим образом поражен гибкостью

«Конница франков стояла вся вместе за рядами пехоты, которая для защиты их образовывала самую настоящую стену из своих больших щитов. Шаг за шагом они продвигались ближе к нашим, затем послышался сигнал, и пехотинцы наступились, создавая проход для всадников, которые и атаковали нас».

БЕХА ЭД-ДИН,
«ЖИЗНЬ САЛАДИНА»

тактики пеших крестоносцев. Секретарь Саладина, Беха эд-Дин, находившийся при господине и видевший бои, рассказывал: «Их пехота стояла перед конницей стеной, на всех солдатах были толстые гамбезоны (войлочные или подбитые волосом, иногда стеганные курки или балахоны) и кольчужные гоберы (кольчуги или кольчатые брони. — Прим. пер.), такие прочные, что стрелы не могли причинить им вреда. Я сам видел воинов, в облачении которых торчало до десяти стрел, при этом они оставались в строю».

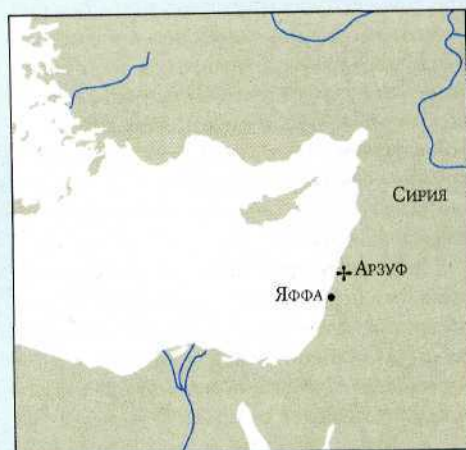
Условия, в которых проходил поход, особенно пагубно сказывались на пехотинцах, несших на себе тяжелые доспехи и вынужденных двигаться и даже сражаться в течение многих часов подряд. По этой причине Ричард давал войску возможность подолгу отдыхать. В результате на дорогу к Хай-

фе, расположенной в южной оконечности Акрского залива (всего около 15 км), у крестоносцев ушло четверо суток. «Там они оставались два дня, занимаясь приготовлением снаряжения. Они бросили все, что казалось ненужным и оставили только самое необходимое. Пехотинцам, меньшему народу войска, нагруженному провизией и оружием для боя, путь давался так тяжело, что многих пришлось оставить умирать от жары и жажды».

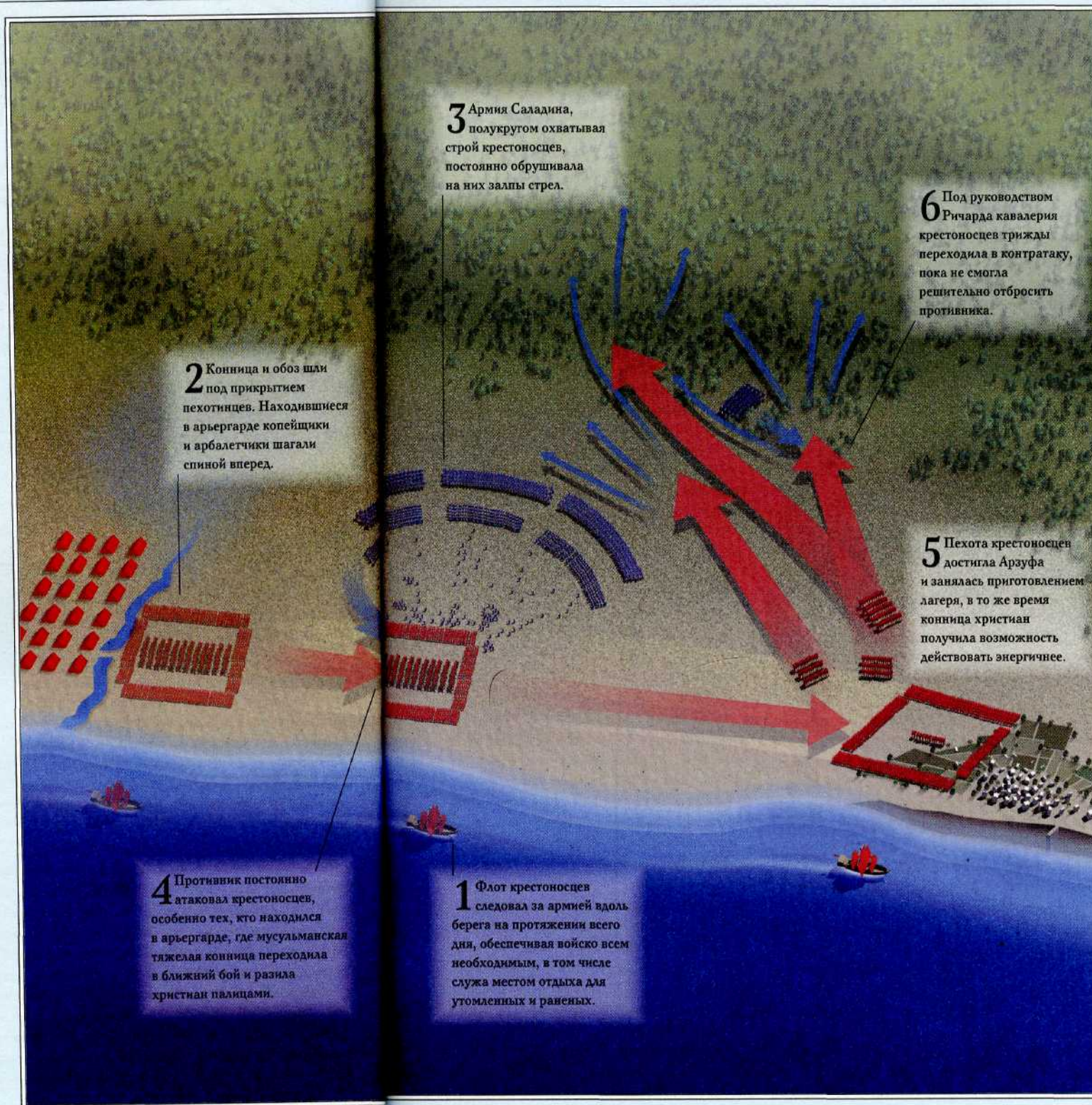
По мере продвижения на юг «армия тащилась через пески, сохраняя порядок, но крайне медленно, ибо было очень тяжело, а дневной переход был длинен и мучителен. Неблизкий путь. Жара стояла такая, что многие умирали от нее и их тут же хоронили. Многие до того утомились и устали, что не могли идти. Их и других ослабевших или больных король (разумеется, Ричард, а не Ги, род которого находился в вассальной зависимости от Плантагенетов. — Прим. пер.), по своей

Битва под Арзуфом — 1191 г.

Войско крестоносцев под началом Ричарда Львиное Сердце предприняло марш на юг по побережью Сирии к городу Арзуф. Выйдя из служившего им прикрытием леса, латинянам за один день приходилось как-то покрыть расстояние в 10 км, что немало, учитывая то обстоятельство, что они находились под постоянными атаками противника. Стремясь по возможности обезопасить свои силы от «огня» мусульманских конных лучников, Ричард построил их в формирование наподобие «коробочки». Рыцарей с их жизненно необходимыми для решающих бросков конями прикрывал барьер из пехотинцев. Риск подвергались только всадники военных орденов, скованные высокой дисциплиной. Тамплиеры шли в авангарде, тогда как госпитальерам выпала роль замыкающих в колонне. Под палящим зноем и под дождем стрел мусульманских конных лучников крестоносцы медленно продвигались к цели. В какой-то момент госпитальеры не выдержали — они теряли слишком много лошадей — и ударили на наседавшего врага. Ричард сумел своевременно правильно отреагировать на изменение ситуации, двинул в бой остальные силы и довершил день победой над противником.

Овладев Акрой, Ричард Львиное Сердце двинулся по сирийскому побережью в южном направлении с целью осадить и взять Иерусалим. Однако вначале ему предстояло победить Саладина в поле.

Спешенный конник-крестоносец (ок. XII века)

Хотя кавалерия по-прежнему служила главной ударной силой крестоносцев в стычках с их мусульманскими противниками, турецкие конные лучники стремились к выведению из строя драгоценных рыцарских коней. В результате немало рыцарей становились самыми обычными пехотинцами. На этой картинке как раз и изображается один из таких пеших конников.

Открытый шлем предпочтительнее для подобного воина, чем шлем-«горшок», поскольку позволяет легче осматриваться в бою. Шпоры бывший всадник снял, чтобы не мешали передвигаться, а копые несколько укоротил, чтобы было легче орудовать им в рукопашной. Щит и меч остались в арсенале воина, последний шел в дело после того, когда выходило из строя копые. Спешенные конники помогали повышать боевой дух и решимость сражаться у обычной пехоты, а располагая хорошим защитным вооружением, служили к тому же хорошим прикрытием для стрелков.

В ходе боев в предместьях Дамаска во время Второго крестового похода (1148)

хронист Гийом Тирский, описывая приемы боя немецких паломников, говорит, что те «спешивали своих рыцарей в кризисной ситуации», как

поступали некогда их предки в армиях Юлия Цезаря и в заключительный период существования Римской империи.

мудрости, велел на галерах и небольших челнах доставлять к цели перехода».

Крестоносцы следовали к Кесарии, которой достигли в последний день августа. Ее мощные стены сохранились, однако сам город полностью разрушили мусульманские разбойники. Не оставалось ничего иного, как продолжить путь, делая привалы на речушках, чтобы добыть так необходимой влаги для прожаренных солнцем коней и людей. Между крестоносцами и Арзуфом лежало еще 10 км, а всего до Яффы (последнего перевалочного пункта на побережье перед поворотом на Иерусалим. — Прим. пер.) около 15. Ричард боялся, что мусульмане подожгут деревья, через заросли которых лежал путь его войска, что сделало бы продвижение еще более трудным. Саладин же предпочел не делать этого, вероятно, потому, что облюбовал ровное пространство в качестве поля предстоящей битвы.

Битва

Когда армия крестоносцев вышла из леса, Ричард первым делом привел формирования в порядок. Он организовал пять «баталь»: авангард, центр и арьергард плюс два пехотных крыла. Не все верховые части упомянуты хронистами, однако они говорят, что тамплиеры возглавляли марш, затем шли бретонцы и воины из Анжу, король Ги Иерусалимский и его дружина; норманнам и англичанам Ричард доверил свое «Знамя с драконом», а госпитальеров поставил в тыл. Штандарт, развевавшийся с установленной на повозке корабельной мачты, имел особое значение и важность. Учитывая, что колонна тянулась на добрых полтора-два километра, тогда как в воздухе стояла пыль, поднятая лошадьми и людьми, а мусульмане то и дело тревожили христиан наскоками, развевающийся флаг означал, что ядро армии цело и командиры на месте.

На протяжении всего дня Саладин бросал воинов в почти не прекращавшиеся атаки. Хорошо организованные кавалерийские отряды обрушивались на крестоносцев на марше, но те сохраняли порядок и упорно продвигались вперед. Беспрестанный визг труб, грохот больших и малых барабанов вносил в сердца христиан даже больше смятения, чем сами атаки

противника. «Эскадроны» мусульман нападали, откатывались и снова возвращались, причем натиск их на оборонявшихся все возрастал. Мусульманская пехота тоже принимала участие в атаках, стреляя из луков и бросая метательные снаряды. Дождь стрел затмил небо. Иногда облаченные в брони конники сходились с крестоносцами в рукопашной, разя их палицами на длинных рукоятях (такое оружие на Востоке и называлось у христиан «турецкой палицей». — Прим. пер.).

Как и всегда, наибольший натиск доставался арьергарду, где находились госпитальеры, которые теряли людей и — что особенно злило братьев-рыцарей — коней. Их магистр несколько раз посылал гонцов к Ричарду с просьбой разрешить контратаковать и рассеять мусульман, но Ричард отвечал отказом. Он ожидал момента, когда лошади противника устанут, и тогда не столь быстроходные боевые рыцарские кони смогут сравниться с ними в скорости. До тех пор пока не прозвучит сигнал — пока дважды не подадут голос трубы в голове, в центре и в хвосте колонны крестоносцев, — никто не имеет права ответить противнику контратакой. Шло время, а жара, пыль и неизбывный визг труб мусульман и грохот их барабанов, а также и рост потерь, особенно в лошадях, все сильнее подтачивали терпение крестоносцев. В час они проходили что-то около километра и всего покрыли 3 км. Хотя авторы хроник уделяют особое внимание действиям предводителей и рыцарского меньшинства — элиты общества, — пехоте принадлежала наиважнейшая роль в деле защиты кавалерии.

И вот противник принялся насаждать на госпитальеров, вынуждая арьергард теснить французские «эскадроны», что создавало угрозу разрушения строя крестоносцев. Ко всему прочему магистр пришел к выводу, что просто не может долее нести потери и не отвечать — в глазах братьев это грозило им потерей чести. Вместе с еще одним рыцарем, Бодуэном де Карью, он контратаковал. Остальные госпитальеры и французские отряды устремились за предводителями. Катастрофы не произошло только потому, что «плод созрел» — Ричард и сам вот-вот готовился отдать приказ о контрударе. Так или иначе он очень быстро отреагировал на изменение ситуации. Вот что произошло,

когда авангард его вышел к садам и рощам вблизи Арзуфа. Беа эд-Дин рассказывает следующее: «Я своими глазами видел, как рыцари собрались вместе позади рядов своей пехоты. Они взяли копья и разом, точно один человек, издали зычный боевой клич, после чего пехота открыла порядки, и они (всадники) дружно ударили во всех направлениях — одни на правом крыле, другие на левом, а третьи в центре — и сломали наш строй».

Крестоносцы преследовали бегущих километра полтора-два. То был опасный момент для них, поскольку они оказались отрезанными от поддерживающей их пехоты, тогда как тактика мусульман основывалась на их способности быстро перестраиваться и контратаковать рыцарей, когда те, сломав строй, отчаянно гнались за бегущими на быстро утомлявшихся под тяжестью всадников конях. Однако войско Ричарда вырвала дисциплина. Англичане и норманны со знаменем осторожно выдвинулись вперед, чтобы дать возможность атакующим отойти и перестроиться за их спинами. Принято считать, что исход битвы под Арзуфом решил один лихой бросок, однако это ошибочное мнение. Крестоносцы повторяли подобные выпады еще дважды.

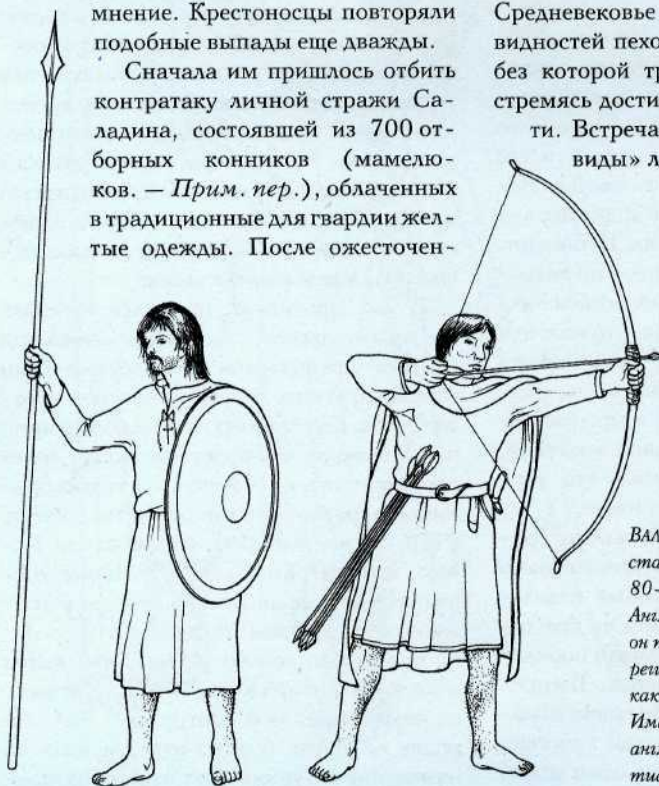
Сначала им пришлось отбить контратаку личной стражи Саладина, состоявшей из 700 отборных конников (мамелюков. — Прим. пер.), облаченных в традиционные для гвардии желтые одежды. После ожесточен-

ной схватки даже и этим воинам, однако, пришлось спасаться бегством. Как бы там ни было, пехота крестоносцев вышла к Арзуфу и тут же занялась установкой шатров. Лагерю предстояло послужить не только местом отдыха, но и базой армии, с которой та могла бы наносить удары по противнику. Отбивая последнюю атаку на аррьергард, Ричард возглавил третий контрудар, и рыцари его гнали противника до самого верха лесистых холмов — господствующих над равниной высот.

Кавалерия христиан ограничилась этим, не став развивать успех из опасения угодить в засаду. Западные источники утверждают, что крестоносцы насчитали до 7000 тел погибших воинов неприятеля, включая и 32 эмиров. Несмотря ни на что, уже на следующий день мусульмане вернулись к тактике изматывания противника. Однако, грамотно применяя пехоту и конницу, Ричард доказал, что разделаться с ним будет не так-то просто. Пехоту очень часто списывают со счетов при описании средневековых битв, между тем она неизменно доказывала свою полезность.

Легкая пехота

Средневековье знало несколько разновидностей пехоты, в том числе и легкую, без которой трудно было бы обойтись, стремясь достигнуть тактической гибкости. Встречались всевозможные «подвиды» легкой пехоты.

ВАЛЛИЙСКИХ ВОИНОВ для своей армии стал в массовом порядке набирать в 80-е годы XIII века Эдуард I, король Англии (1272–1307), после того как он покорил Уэльс. Из северных районов региона он получал копейщиков, тогда как лучники поступали из южных. Именно их высокие луки и сделали английскую армию столь грозным противником в XIV и XV столетиях.

Бидо

«Бидо (*bidauts* [мн. ч.]) происходят из Наварры и из Испании, вооружение их — два метательных дротика и копье, а также короткий меч — кутель (*coutel*) — на поясе. Доспехов они не носят» (Гиар). Предгорья Пиренеев на юге Франции создавали естественные условия для появления легкой пехоты, воины которой назывались бидо (*bidauts*) или котро (*cotereaux* [мн. ч.]). Они славились отъявленной жестокостью и имели репутацию беспощадных грабителей; в те времена грабеж неприятельской территории являлся для средневековой армии, стремящейся принудить противника вступить в битву, вполне законным стратегическим приемом.

В 1302 г. под Куртре вооруженные дротиками бидо (*bidauts*) начали битву во взаимодействии с французскими арбалетчиками. Отошедшие в момент решительной рыцарской атаки, бидо (*bidauts*) затем вновь появились как средство поддержки конницы, вступившей в схватку с фламандскими пехотинцами. Бидо метали дротики и бросались на копейщиков противника с короткими мечами, чем, несомненно, помогли уцелеть многим рыцарям.

Альмогавары

Мусульманские завоеватели Испании остановили продвижение недалеко от Пиренейских гор, вероятно, потому, что горная местность не очень подходила для арабов, привыкших вести подвижные боевые действия на относительно ровных площадях. Начавшаяся на севере христианская реконкиста привела к длившейся практически постоянно войне: города вооружали ополчения из конницы и пехоты, рыцари военных орденов создавали себе базы в подчас огромных замках, королевство же Арагон стало свидетелем возникновения такого явления, как альмогавары. Эти

очень воинственные легкие пехотинцы были пастухами, разбойниками и рейдерами из мусульманских княжеств Испании. Альмогавары возникли в IX и X столетиях, когда христиане выдвинулись к югу, в ненаселенные пограничные районы.

Альмогавары носили металлический шлем с кольчужным плетением, безрукавку из овечьей шкуры, рубаху (или абарку [*abarca*]) и легкие, но очень прочные сан-

дали. Вооружались они обычно коротким копьем, или аскона (*azcona*), способными пробивать доспехи дротиками и большим ножом — кольтель (*colltell*), представлявшим собой не столько нож, сколько орудие мясника, тяжелое, широкое и острое. В схватке с защищенными доспехами воинами альмогавары полагались на подвижность — бросали дротики, вонзали острие аскона (*azcona*) в коней и раскалывали

«Альмогавары принялись бросать свои дротики, делая дьявольское дело, ибо в первые же моменты свиста сотни рыцарских коней французов пали наземь бездыханными или умирающими. Затем альмогавары бросились к коням и добились их».

МУТАНЕР,

КАТАЛОНСКИЙ ХРОНИСТ

сочленения доспехов с помощью кольтеля (*colltell*). Каталонский хронист Рамон Мутанер говорит о том, как один такой воин «наградил французского рыцаря столь сильным ударом, что отсек ему ногу вместе с ножным доспехом, кроме того, лезвие его ножа прошло дальше и на пол-ладони вонзилось в бок коню». Завидев приближающегося противника, альмогавары принимались бряцать оружием и скандировать: «Aur! Aur! Desperta Ferra!» (Слышишь! Слышишь! Железо пробуждается!)

В 80-х годах XIII века корона Арагона, экспансию которой в Иберии сильно ограничивал рост территории Кастилии, вступила в войну с анжуйским домом французов Сицилии. Альмогавары быстро заставили считаться с собой французских рыцарей, которые поражались тому, сколь опасным может оказаться «облаченный в одну рубаху» противник. По завершении итальянской кампании в 1302 г. византийский император Андроник II нанял «высвободившихся» альмогаваров воевать

Альмогавар — боец легкой пехоты

В горных районах Иберийского полуострова сформировались легкие пехотные отряды состоявшие из вооруженных дротиками воинов, способных быстро нападать из засад и так же стремительно уходить от преследования. Умели они биться и в открытых сражениях на поле битвы. Этот воин может показаться слишком легко вооруженным, однако альмогавары из Каталонии, что на севере Испании, зарекомендовали себя как грозные бойцы. Вооруженные дротиками и тесаками, альмогавары вполне могли противодействовать любым пехотным формированиям той эпохи.

Нанятые на службу византийскими императорами в 1302 г., всего за несколько лет эти воины стали хозяевами больших территорий в Греции. В 1311 г. они победили цвет рыцарства франков Греции, хитроумно использовав болотистую местность, на которой увязли атакующие рыцари, перерезанные вследствие этого своим изобретательным и безжалостным противником. Каталонский хронист Рамон Мутанер описывал поединок альмогавара с французским рыцарем во время войны на Сицилии. Когда конник атаковал, альмогавар, проявляя беспрецедентное мужество, не обратился в бегство, но скрестил с ним оружие. Он метнул дротик в грудь коню, рыцарь упал на землю, где оказался в полной воле врага и пал жертвой ножа отважного пехотинца.

против турок. Альмогавары подтвердили свою репутацию отличных бойцов и тут, сражаясь особенно успешно в уличных боях. Когда византийцы не дали «каталонской роте» (так часто называют альмогаваров, поскольку для обозначения «роты» и «компании» в многих языках Европы служит одно и то же слово. — Прим. пер.) обещанной платы, вспыхнул мятеж, в ходе которого 8000 альмогаваров с примкнувшими к ним союзниками принялись «промышлять», грабя земли империи.

В 1311 г. рота поссорилась с еще одним «работодателем», франкским герцогом Афин, что привело к битве при Кефиссе. Афинский герцог собрал 6000 всадников (в тексте *рыцарей*, что, конечно, неточно, так как собственно рыцарей не могло быть более 800, максимум 1000 чел. — Прим. пер.) и 8000 пехоты. Меньшая по численности каталонская рота заняла высоту за долиной реки Кефисс, которую каталонцы перегородили дамбой, в результате чего перед их позицией образовалось болотце. Рыцари бросились в атаку, но увязли в болотце, не сумев даже достигнуть позиций противника. Тут в наступление перешли альмогавары, которые, будучи легковооруженными, пробрались через грязь и обрушились на лишенных подвижности рыцарей. Каталонцы сыграли на спеси франков, которые, вместо того чтобы, устояв перед соблазном, раздавить кажущегося легкой добычей неприятеля, дать стрелкам возможность ослабить силы врага с дистанции, бездумно бросились в бой на совершенно неподходящей для этого местности. Неожиданность, вызванная хитростью и безудержной агрессивностью альмогаваров, полностью вывела противника из психологического равновесия. Между тем данный эпизод не повод для того, чтобы заводить речь о некой «пехотной революции», перед нами лишь пример умелых действий профессиональных наемников, за плечами которых стоял огромный опыт, полученный в боях с арабской конницей у себя дома, с турками в Анатолии и с рыцарями на Сицилии.

Фризы

Фризы представляли собой германский народ, занимавший прибрежные территории северо-западной Европы. Среди

болот и дюн в их среде сформировалось и окрепло еще одно «пограничное» сообщество, которое, учитывая особенности местности, особенно подходило для ведения боевых действий на море. Если верить Матвею Парижскому (XIII век), «вооружались они дротиками, называвшимися гав(е)лош (*gaveloche*), которыми они (фризы) владели особенно хорошо, «датскими топорами» (секирами) и длинными копьями. Облачались они в полотняные куртки и легкие брони». Зимой 1256 г. отряд фризов устроил засаду на дружину Вилема Голландского прямо на марше. На Вилеме были доспехи, и даже коня покрывала кольчужная попона, лед под графом не выдержал, рыцарь провалился в воду и не мог выбраться. Солдаты бежали, а фризы «набросились со всех сторон с дротиками. Он предложил им огромный выкуп, чтобы сохранить жизнь, однако бесчеловечные разбойники не пожелали пощады графа и искромсали его на куски».

Столкновения пехотинцев и рыцарей нередко бывали очень кровопролитными. Рыцари воевали по «правилам джентльменов», следовали законам, ограничивавшим войну и убийства, побежденный противник мог рассчитывать на пощаду и превращался в своего рода «депозит» — пленника, за которого стремились получить выкуп. Пехотинцы не имели такой ценности, жизнь воина порой не стоила ничего, а потому они безжалостно истреблялись врагом, которого и сами, в свою очередь, без милости уничтожали, если брали верх.

Куртре — 1302 г.

Победа фламандцев над французами при Куртре в 1302 г. служит примером того, какие действия необходимо было предпринять обычной средневековой пехоте, чтобы одолеть рыцарское войско.

1. *Защищать тыл.* Фламандцы осаждали замок Куртре, в котором находился французский гарнизон. Когда французские рыцари атаковали боевые порядки фламандцев, гарнизон сделал вылазку, однако был отбит арбалетчиками и копьеносцами из числа жителей Ипра. В другой битве, при Монс-ан-Певель (1304), в тылу пехоты был устроен заслон из повозок, чтобы не позволить более подвижным рыцарям обойти фламандцев с флангов.

При выдвижении фламандцы строились «коронной», что помогало им вести круговую оборону, подобно тому как делали шотландские копейщики, образуя свои шилтрон (*schilttron*).

2. *Прикрывать фланги.* Под Куртре болотистая речка Лис служила опорой для флангов фламандцев, не позволяя неприятелю обойти и смять их.

3. *Осложнять противнику продвижение на фронтальном направлении.* Сколь-

зкие скаты Грунг-Брук и Гроге-Беек служили препятствиями, замедлявшими бег рыцарских коней и расстраивавшими порядки атакующих, так что к моменту выхода к передовой линии фламандцев рыцари не сумели набрать необходимого для прорыва ускорения.

4. *Занимать позицию на возвышенности.* От ручьев началось возвышение, которое вело вверх к городу, что предоставляло пешим солдатам преимущество в схватке с рыцарями.

5. *Оставлять резервы.* Ян ван Ренессе располагал резервом, состоявшим, по-видимому, из спешенных рыцарей Зеланда, которых он бросил в помощь отряду из Брюгге, когда тот был отброшен противником в самый критический момент сражения. Лучше всего иметь в наличии конный резерв, который мог бы гнать и уничтожать разгромленного противника, но фламандцам для этого не хватало всадников.

6. *Обеспечивать «живое» заграждение для «малого боя».* Данный прием использовался для того, чтобы помешать неприятелю нанести значительный урон стоявшей плотным строем пехоте за счет обстрела с дистанции. Роберт д'Артуа выслал вперед французских арбалетчиков, чтобы их стрелами ослабить фламандцев, однако фламандские арбалетчики, раз-

вернутые перед строем копьеносцев, заставляли французов держать дистанцию, пока не кончились стрелы.

7. *Поддерживать порядок и взаимодействие.* Фламандцы воевали отрядами от городов и гилдий, при этом каждая «часть» различалась одеждой (униформой) и имела собственное знамя, чтобы бойцы в бою всегда знали, где находятся свои, еще одним «знаком различия», помогавшим распознавать своих и врагов,

служил боевой клич. Копьеносцы и солдаты с гудендаг (*goedendag* [букв. «добрый день»]) представляла собой двуручную палицу с одиночным шипом на конце) были обучены взаимодействию. Копьеносцы утыкали тупые концы копейных древков в землю, создавая «колючую изгородь», через которую не могли прорваться рыцари, а воины с гудендаг (*goedendag*) обрушивались на всадников и их коней, когда те останавливались перед преградой.

8. *Не давать врагу прорвать фронт.* Ян ван Ренессе наставлял воинов: «Не дайте

противнику прорвать ваш строй. Ничего не бойтесь. Разите как людей, так и коней. «Фландрия, Лев!» — вот наш клич... Любой, кто врубится в ваши порядки или прорвет их, не должен уйти живым».

9. *Командирам спешиваться для боя.* Фламандские князья Ги де Намюр и Вилем ван Юлих, оба спешенные, с личной стражей и при знаменах заняли позиции в передних рядах. Демонстрация намерения нобилей сражаться и, если придется, умереть (а не убежать или договориться с французами, бросив простых солдат на произвол судьбы) послужила источником сильнейшего подъема боевого духа и придала дополнительные силы армии.

10. *Укреплять боевой дух.* Перед боем командиры держали речи перед строем,

«Солнечный свет играл на остриях копий и гудендагов в руках воинов первых шеренг. Все, кто видел фламандцев, стоявших вот так, готовыми к драке не на жизнь, а на смерть, понимали, сколь высокой гордостью охвачены эти бойцы. Командиры их неустанно повторяли, что превыше всего — удержать строй. Нельзя позволить никому прорвать его».

Гийом Гиар,

французский хронист

Шотландские копейщики около 1300 г. имели очень простое вооружение, доспехов почти не было, точнее, они состояли обычно из кожаного шлема и щита. У некоторых, однако же, отсутствовали даже шлемы. Между тем построенные в сомкнутые «фаланги», так называемые шилтроны, они смогли одолеть атакующую их английскую тяжелую конницу.

давая конкретные указания и напоминая воинам, для чего они вышли сражаться. Солдатам надлежало приканчивать своих товарищей, которые поддались бы соблазну грабить убитых французских рыцарей, поскольку это могло пагубно сказаться на действиях войска и ослабить его. Ги де Намюр посвятил в рыцари свыше 30 предводителей из числа простолюдинов, таким образом возвысив представителей армии ремесленников. Перед битвой все исповедались и получили отпущение грехов, обеспечив за собой пропуск в рай на случай гибели в бою за правое дело. Тоже немаловажный момент.

11. *Яростно преследовать врага.* Несмотря на то что сражались они в пешем строю, фламандские командиры (в основном рыцари) почувствовали момент, когда французы исчерпали последние резервы в тщетных попытках прорваться, и приказали начать преследование. Пехотинцы обрушились на смешавшихся рыцарей и принялись резать их прежде, чем французская конница смогла перестроиться. Затем фламандцы бросились дальше, сокрушая всякое противодействие, захватили французский лагерь и разграбили его. Фламандцы назвали сражение под Куртре «битвой золотых шпор», поскольку по итогам битвы в награду победителям достались тысячи этих символов рыцарства.

Баннокберн — 1314 г.

К тому времени, когда в 1272 г. король Эдуард I взшел на английский трон, он был уже опытным солдатом, закаленным в боях и совершившим вооруженное паломничество в Святую Землю. Эдуард I вошел в историю Англии как один из ее величайших королей-воинов, как победитель валлийцев и «Молот шотландцев». Именно при нем английские войска стали принимать ту форму, которая оставалась свойственна им на протяжении двух следующих столетий. Опыт Эдуарда, полученный им в ходе войн в Уэльсе (1277—1283, 1294—1295), убедил его в ценности лучников, которых он и набирал в больших количествах из всех уголков королевства. Людские ресурсы Англии значительно превосходили возможности Шотландии.

Вторжение англичан в Шотландию в 1296 г. не встретило противодействия, однако Эдуарду пришлось оставить регион и ехать воевать с французами (с Филиппом IV Красивым в Аквитании. — Прим. пер.). Малозначительный шотландский нобиль, Вильям Уоллис, избранный в хранители королевства, собрал силы и разгромил оставшиеся после ухода короля английские отряды в битве при Стерлинг-Бридж (1297). (Точнее, наоборот. Сначала Уоллис разбил ярла Сюррея, Джона де Варенна, а потом стал рыцарем и хранителем королевства, или правителем Шотландии, действовавшим от имени смещенного Эдуардом Иранее короля Джона де Бальоля. — Прим. пер.)

Победы удалось добиться за счет ловушки, в которую Уоллис завлек слишком самоуверенного предводителя английской конницы. Оказавшись стиснутой на узкой дамбе (во время переправы через речку. — *Прим. пер.*), она была сокрушена копьеносцами, когда пыталась развернуться. Ограниченность шотландской тактики проявилась под Фалькерком в 1298 г. Шотландские формирования во многом походили на отряды пиктов, действовавших примерно в тех же местах около полтысячелетия назад. Одни из них сражались копьями, мечами, прикрываясь маленькими круглыми щитами, а другие бились секирами и секачами. Воины шли в битву в общей массе без брони, хотя копьеносцы переднего края имели небольшие круглые шлемы и наипростейшие «доспехи» — нечто среднее между толстыми балахонами и «куртками», называемыми як (*jack*). Уязвимости шотландцев заключалась в нехватке кавалерии. Эдуард собрал для кампании 3000 тяжеловооруженных всадников и 20 000 пехотинцев. Его конница опрокинула шотландских всадников, позволив стрелкам — арбалетчикам и лучникам — расстреливать неподвижные шилтроны (*schiltron*), внешне напоминавшие по построению щиты формирования пехоты, вооруженной копьями и секирами (имеются в виду не круглые, а «рыцарские» щиты. — *Прим. пер.*). Когда шотландцы дрогнули, английская кавалерия рассеяла их. Исходом битвы стала резня. (Если читатель доводилось видеть нашумевшую в середине 90-х годов ленту Мела Гибсона *Braveheart* (или «Храброе сердце»), а любитель истории не мог пропустить такое, он сам может судить о степени достоверности живописуемых в фильме событий и особенно подробностей боев. Сухое и беспристрастное описание, данное автором данного раздела, есть результат анализа происшедшего. Не предательство недолголюбивавших Уоллиса шотландских нобилей, а слабость тактики послужила причиной поражения храбрых «повстанцев» под Фалькерком. Тогда как победа под Стерлинг-Бридж — всего лишь следствие простой хитрости, сработавшей в случае с чрезмерно самоуверенным и лишенным полководческой дальновидности противником — *Прим. пер.*)

Начало складываться впечатление, что шотландцам вообще не под силу тягаться

с англичанами в поле. Поражение французов, понесенное ими от фламандцев под Куртре в 1302 г., лишило шотландцев внешней поддержки, что вынудило значительных представителей нобилитета, таких как Роберт Брюс, например, покориться Лондону. В 1304 г. Эдуард овладел стратегически весьма важным замком Стерлинг. Казалось, сопротивление подавлено. Роберт Брюс — преступник, убивший соперника и претендента на престол, — перешел к партизанской тактике войны (Брюсом или его людьми был убит Джон Комен, племянник бывшего короля Джона де Балболя; как и Брюс, все борцы за независимость шотландцев происходили из нормандских фамилий. — *Прим. пер.*). Добившись первенства среди шотландцев в результате стычки у Лаудон-Хилл в 1307 г. (в тот год, когда скончался Эдуард), он принялся изматывать англичан рейдами и захватывать расположенные изолированно замки. Эдуард II не обладал военными талантами отца. Вторжение в 1310 г. закончилось ничем, поскольку Брюс упорно избегал решающей встречи. К 1314 г., когда шотландцы осадили Стерлинг, ситуация на севере стала критической, и королю пришлось предпринимать усилия для спасения замка.

В марте 1314 г. Эдуард собрал 2500 конников и свыше 20 000 пехотинцев из Уэльса, Мидленда и северных графств. Можно предположить, однако, что к середине лета, когда он поклялся освободить Стерлинг, ряды его пехоты уже значительно поредели. Такой вывод позволяет сделать изучение кампаний его отца. Так как пешие солдаты не были обязаны нести службу в течение длительного периода, удерживать их во время долгой кампании становилось почти невозможно, они просто дезертировали в массовом порядке, что, конечно, трудно представить себе в современной армии. Кроме того, многие не имели подготовки. Однако ядро *хорошей* пехоты, вне сомнения, существовало, скажем, 3000 чел. из Уэльса, включая и 1000 лучников. Всего численность пехоты доходила, вероятно, до 12 000, около половины из которых приходилось на лучников. При наличии 2000 тяжеловооруженных конников это была грозная сила. Роберт Брюс мог противопоставить врагу лишь горстку всадников, что-то до 300 легко-

конных и до 10 000 пеших воинов, воевавших в соответствии с теми же традициями, как и пехотинцы, которые противостояли англичанам десять, двадцать и более лет назад. Кроме того, Брюсу, надо полагать, не хватало лучников, что являлось серьезным недостатком при наличии у англичан серьезного превосходства в данном виде вооружений. Как же мог король Роберт избежать катастрофы, подобной той, которая постигла его соплеменников под Фалькерком 16 лет назад?

Брюс не мог позволить Эдуарду добиться цели — снять осаду с замка, — поскольку в подобном случае пострадал бы престиж

шотландцев, а стратегическая инициатива перешла бы к англичанам. Одним словом, ему приходилось придумывать что-то с тем, что у него имелось. Огромное преимущество для шотландцев заключалось в местности, которую предстояло преодолеть англичанам на подходе к Стерлингу с юга, так называемый «Карс», с его болотцами и бесчисленными ручьями и торфяниками. Единственным местом, где можно было рассчитывать на твердую почву под ногами, являлась старая римская дорога из Фалькерка к Стерлингу. В 5 км южнее последнего она пересекала Баннокберн (ручей). Дополнительное неудобство состояло в том, что по обеим сторонам дороги рос лес. Если англичане хотели обойти заросли, им пришлось бы принять вправо, где местность отличалась особенной заболоченностью из-за притока вод реки Форт, хотя там существовал проход, так и называвшийся Драйфилд-Уэй (сухой путь. — *Прим. пер.*), которым можно было бы воспользоваться для флангового обхода шотландской позиции.

Первый день

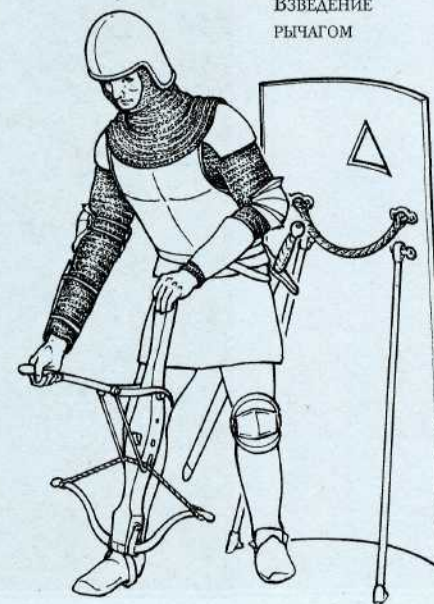
Не исключено, что сначала англичане вообще не знали о существовании Драйфилд-Уэй, потому что 23 июня они наступали прямо по римской дороге и их пе-

ВЗВЕДЕНИЕ
С ПОМОЩЬЮ СТРЕМЕНИ

ВЗВЕДЕНИЕ
КРЮКОМ

ВЗВЕДЕНИЕ
РЫЧАГОМ

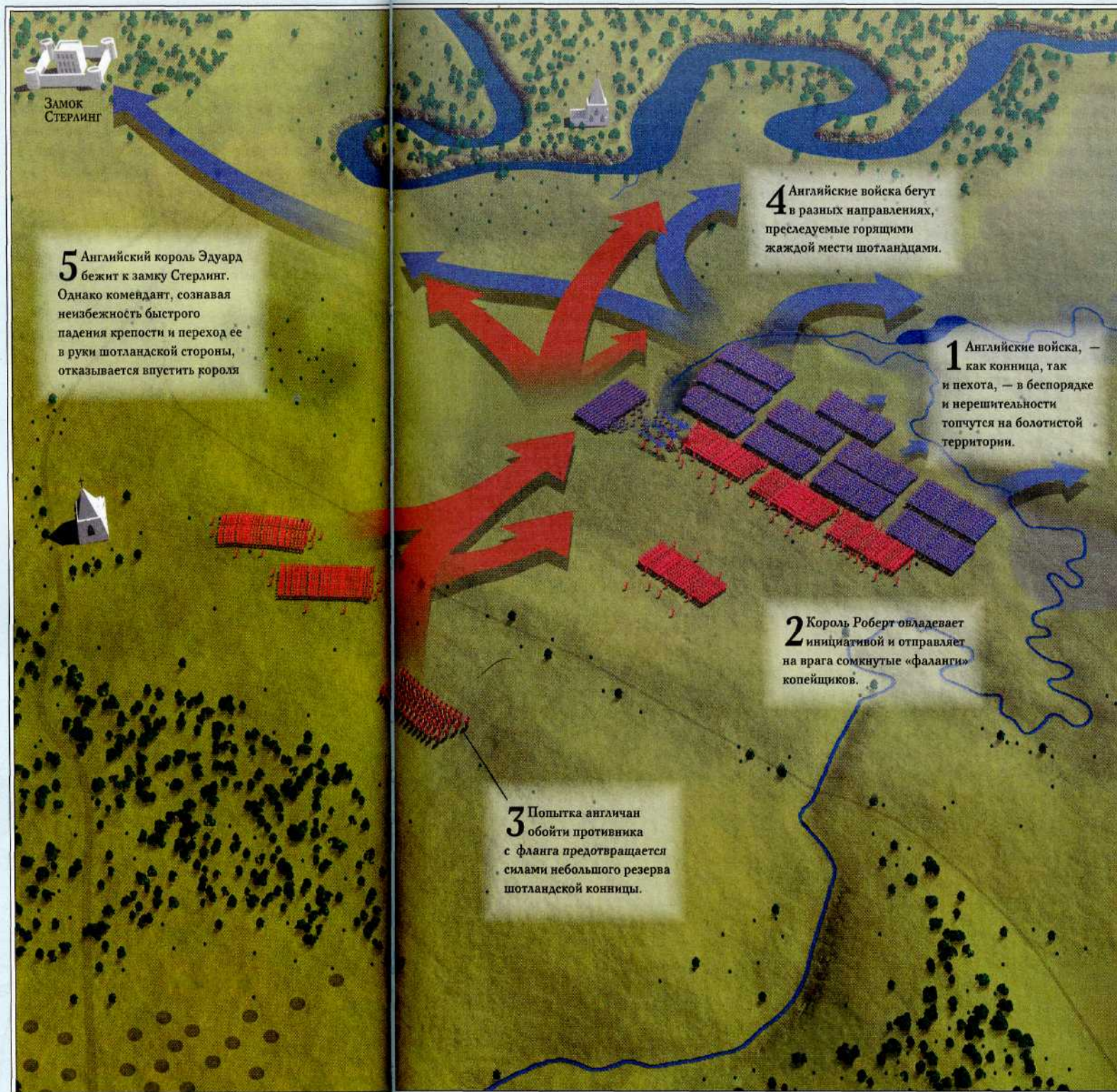
НАТЯГИВАНИЕ ТЕТИВЫ АРБАЛЕТА.
Вверху: около 1200 г. Операция производится вручную, при этом нога вставляется в петлю, напоминающую стрелу.
Левее: примерно 1300 г. Свисавший с пояса крюк помогал сделать процесс более быстрым и легким.
Справа: ок. 1500 г. Рычажный механизм позволял применять мощную стальную дугу, что увеличивало дистанцию «огня» до 400 метров.

Битва при Баннокберне 1314 г.

Накануне самого сражения (отрезок времени, называемый в тексте первым днем. — *Прим. пер.*) шотландцы сдержали атаки англичан, обороняя речку, Баннокберн, и за счет вырытых ловушек, которые наносили урон вражеской коннице. Ночью англичане попробовали обойти неприятеля с фланга, что затруднялось неблагоприятными условиями местности. Ручьи, болото и крутые склоны оврага не позволили английскому командованию наилучшим образом задействовать хорошо вооруженную рыцарскую кавалерию в доспехах и пехоту, главным образом, лучников. В день самой битвы (иными словами, на второй день. — *Прим. пер.*) англичане сгруппировались на невыгодной позиции, имея у себя за спиной Баннокберн. Замешательство и просчеты противника позволили королю Роберту быстро выдвинуть вперед шилтроны копейщиков и смять неприятеля прежде, чем тот сумел образовать необходимый для отражения натиска строй. Роберт отправил свой маленький ресурс кавалерии с целью противодействия опасному фланговому маневру части английских лучников. Король Эдуард Английский не мог ни наступать, ни отступать, а потому скоро его армия потерпела сокрушительное поражение.

Баннокберн протекает к юго-западу от замка Стерлинг, который сам по себе являлся стратегически важной для Шотландии крепостью. Сражение на Баннокберне как раз и разыгралось из-за этого замка.

5 Английский король Эдуард бежит к замку Стерлинг. Однако комендант, сознавая неизбежность быстрого падения крепости и переход ее в руки шотландской стороны, отказывается впустить короля

4 Английские войска бегут в разных направлениях, преследуемые горящими жаждой мести шотландцами.

1 Английские войска, — как конница, так и пехота, — в беспорядке и нерешительности топчутся на болотистой территории.

2 Король Роберт овладевает инициативой и отправляет на врага сомкнутые «фаланги» копейщиков.

3 Попытка англичан обойти противника с фланга предотвращается силами небольшого резерва шотландской конницы.

редовые части уже приближались к Баннокберну. Тут по приказу короля Роберта устроили ловушки, потти (*potti*), которые имели около 30 см в диаметре и глубину примерно по колено человеку, в них находились невидимые колышки. Подобного рода оборонительные сооружения были известны со времен римлян, назывались тогда «волчьими ловушками» и представляли смертельную угрозу для кавалерии. Такие потти были рассеяны по всему «открытому пространству по сторонам дороги, где, как они (шотландцы) полагали, англичанам придется идти, если они хотят приблизиться к замку». Не встречая сопротивления, английская конница шла к броду, чтобы с ходу форсировать реку. Впереди ехал Генри де Боем, которому довелось схлестнуться с самим королем Робертом.

Стычка закончилась быстро и не в пользу англичанина. Когда тот атаковал Роберта с копьем наперевес, король принял в сторону, пригнулся, уклоняясь от удара, и сразил противника боевым топором. Тем временем шотландские пехотинцы бросились занимать оборонительные позиции. Героизм предводителей поддерживал их боевой дух. Им тоже довелось сыграть весьма важную роль, потому что сэр Роберт Клиффорд повел 300 конников через ручей на «заминированную» равнину в попытке достичь Стерлинга. Имевшиеся в распоряжении на том участке шотландские пешие воины, возможно, всего 500 чел., построились шилтроном (*schiltron*), чтобы предотвратить этот маневр противника. Расклад сил был благоприятным для конницы, однако лес копий шотландцев преградил ей путь — не один благородный рыцарь пал в попытках прорвать строй обороняющихся. Не располагая лучниками, находившимися далеко позади с основным ядром английской армии, кавалерия оказалась бессильной пе-

ред лицом решительной пехоты. Высокий боевой дух шотландцев, вне сомнения подогреваемый смелыми действиями самого короля Роберта, не позволил английскому авангарду достигнуть цели малой кровью. С приближением ночи к полю боя вышел король Эдуард с основными силами войска, однако стемнело, и было уже слишком поздно идти на штурм.

«Английские конные эскадроны смешались под натиском копейщиков, коловших остриями коней, и стали обращаться в бегство. Личный страж короля Эдуарда, видевший крушение армии, вывел государя с поля боя к замку Стерлинг, хотя он (король) и не желал покидать позиций».

Сэр Томас Грей,
«СКАЛАХРОНИКА»

Ночь выдалась трудной для обеих армий. У шотландцев Роберту, вся стратегия которого строилась прежде на уклонении от решительного столкновения, приходилось решать, идти или не идти на риск открытой схватки с врагом в поле. У превосходивших числом неприятеля англичан имелось к тому же и качественное превосходство: пехота и кавалерия в хороших доспехах, но самое главное — лучники, уничтожившие войско Уоллиса под Фалькерком. Совершенно очевидно, что ставка коро-

ля Роберта была очень высока — он рисковал потерять не только все завоеванное с момента коронации, но, возможно, лишиться всей шотландской армии и даже жизни.

Между тем дела у англичан пребывали в ужасном беспорядке. На протяжении нескольких суток им приходилось двигаться форсированным маршем, чтобы выйти к Стерлингу в обусловленное время, к середине лета, теперь они готовились стать лагерем, но разбивать его приходилось фактически на болоте. Людям и животным требовалась чистая вода, и в поисках ее кавалерия перешла Баннокберн, в то время как большинство пехоты осталось на противоположной стороне. Не исключено, что англичане пытались осуществить что-то вроде охватного маневра на левом фланге шотландцев, однако возможно также, что армия просто рассеялась в поисках более удобных мест ночевки. Самое важное тут, что тяжелая конница оказалась отрезанной от поддерживающей пехоты. О беспорядке в стане англичан Роберта уведомил слу-

живший англичанам шотландский рыцарь, сэр Александер Сетон. Ночью он появился в расположении шотландцев и сообщил им, что англичане утомлены, дезорганизованы, не горят желанием сражаться и, самое главное, не имеют грамотного руководителя. Информированный о скверном положении неприятеля, король Роберт решился на смелые действия. Как только рассветет, он сам атакует противника.

Второй день

Летом в Шотландии утро наступает быстро, так что уже в 3 часа пополудни шотландцы двинулись к расположениям англичан, разбросанным по берегам Баннокберна. Конница собралась, по-видимому, на Драйфилде, севернее ручья, тогда как основное ядро пехоты дислоцировалось южнее и восточнее его, среди болотцев Карс-ов-Балкидерок. В действительности нет возможности утверждать с точностью, по какую сторону Баннокберна происходила битва — ближе к Стерлингу или же на противоположном берегу. В последнем случае шилтронам (*schiltron*) пришлось бы перейти преграду и заново построиться. Самым примечательным в глазах современников было то, что пехота осмелилась

атаковать полностью экипированных рыцарей и тяжелооруженных всадников. По словам сэра Томаса Грея — англичанина, попавшего в плен в первый день и очутившегося потому в роли наблюдателя:

«Исполненные решимости биться, шотландцы с восходом солнца вышли из леса и построились тремя пехотными формированиями. Они быстро двинулись на англичан, которые всю ночь не снимали доспехов и не разнуздывали коней. В большой спешке англичане принялись вскакивать в седла, поскольку не были привычны сражаться в пешем строю, тогда как для шотландцев не пропал даром урок фламандцев, которые, будучи пешими, сокрушили под Куртре всю силу Франции. Шотландцы шли фронтом шилтронов и атаковали колонну англичан, в которой одни теснили других и никто не мог толком действовать против неприятеля, наносившего страшный урон коннице за счет ужасных пик. Воины в английском тылу попятились к оврагу, где протекает

КОРОЛЬ РОБЕРТ БРЮС со своими преданными крестьянами-копейщиками, изображенный на викторианской гравюре. Имевшие куда худшее защитное вооружение, чем английский противник, они обладали высоким боевым духом и способностью одолеть врага в схватке.

Баннокберн, и, скатываясь вниз, горами падали один на другого».

Что до английских лучников, то «Лэйнеркостская летопись» (*Lanercost Chronicle*) говорит, что их «выставили вперед перед фронтом и они вступили в перестрелку с шотландскими лучниками, и на той и на другой стороне некоторые пали мертвыми или ранеными, но стрелки короля Англии быстро обратили противника в бегство». Этот частный успех мало повлиял на общий исход столкновения. Хотя у Барбора в «Брюсе» говорится о том, что английские лучники могли стрелять в дерущихся с флангов и что «они били так часто, что, если бы это продолжалось подольше, шотландцам был бы нанесен большой ущерб», некоторые источники позволяют сделать вывод, что отряд шотландской кавалерии, 350 чел., возможно, предпринял решительные действия, атаковал вражеских стрелков и устранил угрозу.

Между тем, как представляется, по большей части английская конница сражалась без поддержки, что позволило шотландцам достигнуть успеха, так же как и в первый день. Только в данном случае верховые не имели путей отхода, потому что были прижаты к берегу ручья и скованы на топкой местности. Шилтроны (*schiltron*) продолжали неумолимо наступать (вероятно, построившись клином), сминая рыцарей. В одной истории, больше похожей на сказку, говорится о «малом народе» — мальчишках коноводах и обозных, которые, появившись в тылу у шотландцев, создали у англичан впечатление прибытия к противнику подкреплений и еще сильнее подорвали их боевой дух. Шотландцы наступали так решительно, что едва не пленили самого короля Эдуарда. Некоторые уже стали хвататься за поводья его коня, но он отбил палицей. Однако конь под ним пал, а королевский оруженосец, сэр Роджер Нортбург, были сбит на землю и

угодил в плен. Жизнью своей и спасением король обязан Жилю д'Аржантану, эрлу Пембрука, который вывел сюзерена со свитой к замку Стерлинг. Затем, будучи не в силах перенести позора бегства, д'Аржантан вернулся к дерущимся, где и сложил голову. Кастелян замка, сэр Филипп Мубре, не пожелал впускать Эдуарда в Стерлинг, поскольку вполне оправданно полагал, что результатом поражения в поле станет и падение крепости, что сделает короля очень дорогим пленником шотландцев. В общем, Эдуарду пришлось спасаться бегством, армию же его постигла всеобщая резня. Если верить «Брюсу» Барбора, Баннокберн был настолько запружен телами, что победители-шотландцы переходили его по трупам, как посуху.

Победа Роберта Брюса стала причиной такого подъема морального духа его народа, что это неизменно сказывалось на боевых соприкосновениях с англичанами до самого конца правления короля. Более на крупные битвы он не решался, однако сумел победить английские войска в 1319 г. и еще раз в 1322 г. В последнем случае Эдуард повел крупное войско к Эдинбургу, однако Роберт, используя тактику выжженной земли, неизменно отходил и не ввязывался в бой. В результате в войске англичан начался голод, и армия повернула на юг. Крупные силы шотландских всадников устремились вдогонку за противником. Они настигли английский арьергард в Северном Йоркшире, неподалеку от аббатства Рево около Байленда. Роберт приказал своим спешиться и ударил вверх по склону. Атака застала англичан врасплох, и они потерпели поражение. Эдуард вновь чуть не попал в плен и потерял к тому же всю казну. Кроме того, Роберт значительно снизил наступательные возможности противника. В 1327 г. он сумел унизить наследника своего врага, Эдуарда III, который привел в Шотландию круп-

«Скоты (шотландцы) не оборотили тыла, насмерть встав перед атакующими англичанами, гордо поднимая головы в шлемах и прикрываясь щитами; они выстояли под английскими стрелами в начале битвы и встретили первые ряды атакующих смертоносными ударами».

ЖОФРУА ДЕ БАКЕР, ХРОНИСТ

ХОАКЕМСКАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИЯ (около XIV века). Подзаголовок к одной из половинок страницы гласит: «Как бьются низшие классы». Мы видим множество мечей, но наряду с ними также луки, секиры и проч.

способна справиться даже с превосходящими силами противника.

Победы под Куртре и на берегах Баннокберна стали своего рода заявлением о себе пехоты, которая показала рыцарям, что они тоже могут нести поражения в столкновениях с ней. Чтобы восстановить равновесие, рыцарям пришлось думать о том, как создать себе поддержку из пеших солдат — грозных стрелков с большими, или валлийскими, луками (выс. ок. 1,8 м, дл. стрелы — 95 см, дальность ок. 180 м. — *Прим. пер.*).

Тактические приемы времен Столетней войны

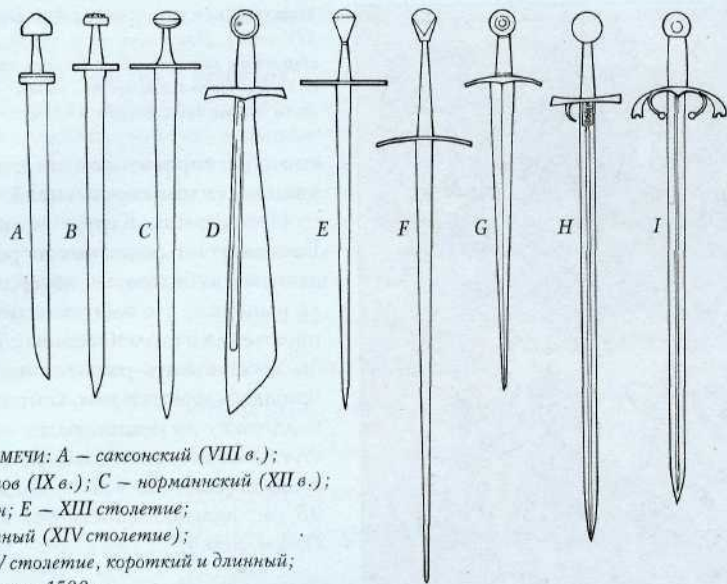
Несмотря на постигший их разгром при Баннокберне, англичане продолжали работать в направлении развития тактики с упором на применение лучников. Исход столкновения у Баннокберна показал, что, если противник действует напористо, бывает довольно трудно координировать действия пехоты, использующей оружие дальнего боя, с действиями конницы. Итак, далее в XIV столетии лучники стали действовать вместе со спешенными кавалеристами. Можно назвать несколько стычек, способных служить примером того, как удачно функционировал подобный тандем. Первый эпизод (1332) связан опять-таки с шотландцами. Эдуард де Бальоль, претендент на престол Шотландии (сын упоминавшегося ранее короля Джона. — *Прим. пер.*), во главе нескольких сотен сторонников высадился около Перта, где они подверглись атаке значительных сил шотландцев. Бальоль со своими людьми защищал служивший естественным укреплением овраг, разместив в центре (в конце него) пеших солдат, на флангах лучников, а горстку кавалерии оставив в резерве. Излишне уверенные в себе шотландцы атаковали в пешем строю и в силу численного превосходства поначалу действовали успешно, однако потом оказались зажатыми на узком участке под дождем из стрел противника. Исходом

ное войско. Брюс снова избежал крупного столкновения и преспокойно наблюдал за тем, как английская армия распадается, пытаясь добывать продовольствие в ужасных погодных условиях. По всей видимости, лежа на смертном одре, Роберт напутствовал своего сына, Давида, не ввязываться в прямые столкновения с англичанами в поле и делать упор на «малую войну» — набеги и рейды.

К сожалению для шотландцев, ни малолетний наследник (тогда пятилетний ребенок. — *Прим. пер.*), ни его бароны-опекуны не прислушались к мудрому совету. В 30-е годы XIV столетия возрожденная при Эдуарде III английская армия, грамотно используя во взаимодействии лучников и спешенных тяжелых конников, нанесла шотландцам целый ряд поражений. В итоге в 1346 г. у Невилл-Кросс, перед самым Даремом, король Давид сподобился угодить в плен во время рейда на северные территории противника. Шотландцам так и не удалось сокрушить «английскую систему» (т.е. применяемые в грамотном взаимодействии силы различных «родов войск» с упором на «огневую мощь» — на лучников. — *Прим. пер.*). Между тем битва у Баннокберна доказала, что при наличии достойного руководства пехотная армия

способна справиться даже с превосходящими силами противника. Победы под Куртре и на берегах Баннокберна стали своего рода заявлением о себе пехоты, которая показала рыцарям, что они тоже могут нести поражения в столкновениях с ней. Чтобы восстановить равновесие, рыцарям пришлось думать о том, как создать себе поддержку из пеших солдат — грозных стрелков с большими, или валлийскими, луками (выс. ок. 1,8 м, дл. стрелы — 95 см, дальность ок. 180 м. — *Прим. пер.*).

Несмотря на постигший их разгром при Баннокберне, англичане продолжали работать в направлении развития тактики с упором на применение лучников. Исход столкновения у Баннокберна показал, что, если противник действует напористо, бывает довольно трудно координировать действия пехоты, использующей оружие дальнего боя, с действиями конницы. Итак, далее в XIV столетии лучники стали действовать вместе со спешенными кавалеристами. Можно назвать несколько стычек, способных служить примером того, как удачно функционировал подобный тандем. Первый эпизод (1332) связан опять-таки с шотландцами. Эдуард де Бальоль, претендент на престол Шотландии (сын упоминавшегося ранее короля Джона. — *Прим. пер.*), во главе нескольких сотен сторонников высадился около Перта, где они подверглись атаке значительных сил шотландцев. Бальоль со своими людьми защищал служивший естественным укреплением овраг, разместив в центре (в конце него) пеших солдат, на флангах лучников, а горстку кавалерии оставив в резерве. Излишне уверенные в себе шотландцы атаковали в пешем строю и в силу численного превосходства поначалу действовали успешно, однако потом оказались зажатыми на узком участке под дождем из стрел противника. Исходом

ПЕХОТНЫЕ МЕЧИ: А — саксонский (VIII в.); В — викинг (IX в.); С — норманнский (XII в.); D — флечен; Е — XIII столетие; F — двуручный (XIV столетие); G и H — XV столетие, короткий и длинный; I — рапира, ок. 1500 г.

столкновения стала бойня, в которой сложили головы тысячи шотландцев, включая и предводителей.

В 1333 г. англичане использовали тот же прием при Хейлидон-Хилл. Событие это даже более символическое и значительное, поскольку шотландцы поклялись снять осаду с Берика (Берик-на-Твиде. — Прим. пер.) к определенной дате. Король Эдуард III возглавил несколько сотен тяжеловооруженных конников и несколько тысяч лучников, которых разместил на возвышенности в двух-трех километрах от города. И снова шотландцы превосходили противника числом, но они опять атаковали массой, построив шилтронами (*schiltron*) копьеносцев, при поддержке спешенных тяжеловооруженных всадников. Англичане действовали отрядами («баталь»), при этом лучники занимали место на флангах у спешенной тяжеловооруженной конницы. Пригорок был довольно высоким и к тому же заболоченным, что сильно замедляло продвижение шотландцев, тогда как стрелы сыпались на них, киша в небе словно «пылинки в солнечном луче». В то время как тяжеловооруженные воины остановились перед лицом решительного ответного натиска неприятеля, лишенные доспехов пехотинцы из задних рядов несли ощутимые потери от ливня стрел. В итоге передовые шеренги не выдержали, побежали, сминая и увлекая за собой задних, а англичане бросились в кровавое преследование.

Начало Столетней войны (1338—1453) с Францией стало причиной «экспортирования» так называемой «английской системы» на континент. Сначала кампании Эдуарда III во Фландрии буксовали из-за нежелания французов ввязываться в битву. Однако вступление англичан в междоусобицу у бретонцев принесло победу под Морле (1342). Небольшой «экспедиционный корпус» под началом эрла Нортгемптона, занявшего оборонительную позицию, прикрывавшуюся спереди оврагом, а сзади лесом, успешно сдержал атаки волн бронированной конницы врага. (Здесь не упомянута победа Эдуарда III в морской битве у Слойса во Фландрии, о которой подробно рассказывается ниже, в разделе о боевых действиях на воде. — Прим. пер.)

Опыт Морле, как видно, не остался забытым и пригодился летом 1346 г., когда Эдуард начал вторжение в Нормандию. Ему почти удалось достигнуть Парижа, прежде чем пришлось откатываться на север перед лицом превосходящих сил французов. После того как его армия, насчитывавшая 3000 тяжеловооруженных воинов (в т. ч. и конников) и 10 000 лучников, переправилась через Сомму в ее устье, она оказалась прижата к Креси армией короля Филиппа VI, насчитывавшей 12 000 конницы, 6000 генуэзских арбалетчиков, не считая большого количества набранных на службу копейщиков.

Эдуард по совету Нортгемптона разместил свои силы на возвышенности, где тыл им прикрывали лес и колонна повозок. Спешенных тяжеловооруженных всадников он построил в три «дивизиона», или «баталь», поставив лучников на флангах. В одной летописи говорится о рытье ловушек на склонах перед английскими позициями, предназначенных для сдерживания конной лавы неприятеля.

По плану французов, наемникам-арбалетчикам отводилась задача нейтрализации английских лучников, однако генуэзцы оказались совершенно не в состоянии «переиграть» англичан на этом поле. «Затем английские лучники продвинулись на шаг вперед и принялись пускать стрелы с такой силой и скоростью, что казалось, будто пошел снег... Они же продолжали бить столь же яростно и быстро, как и до того. Некоторые стрелы падали в порядках конницы и, несмотря на роскошное снаряжение, убивали и ранили многих, заставляя коней становиться на дыбы и сбрасывать всадников, которые падали среди генуэзских арбалетчиков, сея смятение и лишая стрелков возможности собраться вновь» (Фруассар, «Хроника»).

Вообще же французские рыцари, с презрением относившиеся к генуэзцам, буквально смели их с пути в горячем желании поскорее схватиться с противником. Однако и они не смогли прорвать порядки англичан — все атаки оставались бесплодными. «Лучники били так яростно, что всадники несли немалые потери от их острых зазубренных стрел: смотришь, там лошадь встала, не желая идти дальше, а здесь другая вздыбилась, точно обезумев, а тут иная бьется как дьявол, а там еще одна поворачивает крупом к противнику» (Жан ле-Бель [Красивый]). Даже французский король получил рану. По-

тери убитыми составили 1500 рыцарей. Успех англичан в битве имел важнейшие последствия, так как позволил Эдуарду взять Кале и создать необходимый плацдарм во Франции.

В 1356 г. князь (принц) (в действительности правильное, конечно, князь Уэльский, особенно применительно к тому времени, поскольку валлийские правители англичане именовали *prince*, что в

«Лучники английского авангарда расположились в безопасном месте, на болоте. Однако там они оказались почти бесполезными, ибо французские конники имели защиту из стальных пластин и кожи, так что стрелы либо ломались, либо отскакивали и летели в небо, чтобы упасть потом на кого придется, будь то враг или свой».

БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ, ХРОНИСТ
ЖОФФРУА ДЕ БАКЕР

Средние века не служило синонимом для понятия «старший сын и наследник короля», а являлось титулом независимого или почти независимого властителя. Титул был довольно редким в Западной и Центральной Европе. Поскольку после завоевания Уэльса Эдуардом I титул этот обычно получали «старшие сыновья и наследники короля», в итоге оба понятия слились воедино. — Прим. пер.) Уэльский, Эдуард («Черный Принц»), отправился в рейд за добычей, или в грабительский набег, — в Южную Францию,

где навстречу ему выступила крупная армия короля Жана (Иоанна II). Эдуард располагал 3000 тяжеловооруженных конников, 3000 лучников и 1000 гасконских бидо (*bidauts*), которых разместил на пересеченной местности среди зарослей кустарника («живых изгородей») и болотцев (с умом воспользовавшись назначенным на 18 сентября днем перемирия. — Прим. пер.). Французы, армия которых имела, как можно предположить, втрое большую численность, полагались на хорошо вооруженную тяжелую конницу, но попробовали применить более новую тактику. На позиции англичан двумя путями двинулись отборные рыцари на конях с защищенной головой и грудью (а иногда и крупом), однако прорвать строй противника им не удалось. Затем последовали несколько тысяч спешенных

БИТВА ПРИ ПУАТЬЕ, 1356 г., иллюстрация из версии хроники Фруассара, выполненная в конце XV столетия. Работа пользовалась в те времена большой популярностью и отличалась особым пиететом по отношению к рыцарственным деяниям героев. По иронии судьбы, однако, в победе Черного Принца наиважнейшая роль принадлежала не коннице, а пехоте.

тяжеловооруженных конников под началом дофина, а затем остальная масса под предводительством самого короля. Несмотря на отчаянный натиск врага, англичане удержались за ограждениями, что дало Эдуарду возможность вновь посадить на коней часть всадников и, поверив их под команду гасконского вассала, Жана III де Грайи, бросить в тыл бессильному осуществить прорыв противнику. Зажатый с двух сторон, французский король с большей частью воинов был вынужден сдаться и затем платить за себя и рыцарей большой выкуп. «Английская система» вновь принесла победу, равной которой не случалось потом до битвы при Азенкуре в 1415 г.

На протяжении двух поколений, сменявших друг друга между двумя этими датами, можно было наблюдать, как дело англичан во Франции хиреет прежде всего потому, что французы научились избегать сражений, нападая на небольшие отряды англичан во время их рейдов и делая ставку на крепости. Для понимания развития тактики интересны поэтому две другие битвы того периода. В 1385 г. под Альжубарротой на юге Португалии английский «экспедиционный корпус» победил кастильцев, союзников Франции. (Надо уточнить только два обстоятельства. Вышеупомянутая битва происходила не на юге Португалии, а в центре и ближе к западу; и второе, в этой стране она считается сражением между Жуаном I Португальским и Хуаном I Кастильским. По итогам столкновения первому (правда, с помощью небольшого отряда английских лучников) удалось отстоять свои права на независимость, на которые посягал последний. — Прим. пер.) Поле боя, подвергшееся раскопкам, показало,

какое громадное количество оборонительных сооружений было создано на нем для противодействия кавалерийским атакам. Центром обороны на левом фланге служила церковь, откуда специально выкопанный ров тянулся к целому полю ловушек. Они имели площадь около 0,09 кв. м (1 кв. фут.) каждая, находясь на расстоянии 0,9 м (3 фт.) друг от друга на V-образном участке шириной 182 м (600 фт./200 ярдов) и глубиной 91 м (300 фт./100 ярдов). Такая диспозиция позволяла лучникам занимать места для стрельбы позади ловушек или становиться среди них. Более того, ловушки раскалывали неприятельские формирования и давали возможность англичанам отразить все атаки тяжелооруженных конников силами пехоты и конницы.

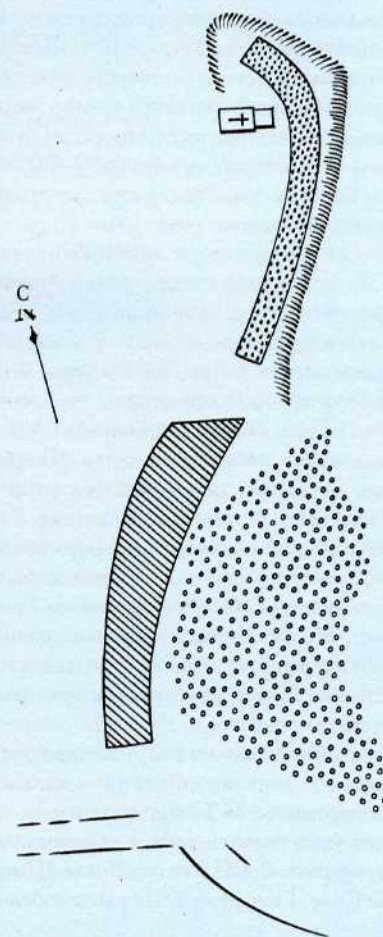
В 1396 г. по большей части состоявшая из французов и бургундцев крестоносная армия столкнулась с османской (оттоманской) армией под Никополе на Дунае (в современной Болгарии). Несмотря на предостережения союзников-венгров, крестоносцы развернули кавалерийскую атаку на турецкую легкую конницу. Она, однако, служила лишь заслоном и скоро рассеялась, после чего перед крестоносцами открылось поле, уставленное «на глубину полета стрелы» кольями, за которым расположились лучники-янычары. Остановленные кольями, терявшие коней от стрел лучников, рыцари спешили.

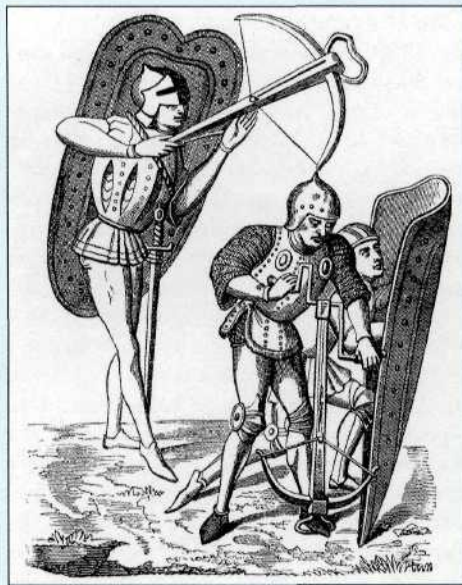
Хотя им и удалось одолеть более легко вооруженных янычар, к тому моменту, когда они проследовали по полю кольев и поднялись на вершину, то уже порядком устали, вот тут их и окружила конница султана (Баязета I. — Прим. пер.). Уцелевшим пришлось платить огромные выкупы. Одним из тех, кому повезло вернуться живым из плена, был и маршал Бусико, французский дворянин, которому по иронии судьбы довелось еще столкнуться с заграждениями в виде кольев — на сей раз под Азенкуром.

АЛЬЖУБАРРОТА — 1385 г. В Португалии археологам удалось обнаружить поле средневековой битвы, что удается нечасто. На плане мы видим левый фланг «окопавшихся» английских войск, при этом ров обитает церковь, превращая ее в своего рода опорный пункт. Верообразные заграждения из ловушек, нечто вроде средневекового «минного поля», надежно прикрывают лучников от атаки вражеских рыцарей.

«Английская система»

К 1420 г. «английскую систему» взяли на вооружение и другие армии. Первыми стали бургундцы, союзники англичан до 1436 г., затем в 40-е годы XV века французы создали контингент королевских лучников и «приказные роты». Пережитый опыт плюс развитие полевой артиллерии позволили им бить англичан их же собственным оружием. К середине XV столетия Франция и Бургундия создали гибкие воинские формирования, впитавшие в себя лучшее от английских и швейцарских традиций и включавшие разделенных на «роты» копьеносцев, лучников и стрелков из огнестрельного оружия (каждая рота с собственной формой). Англия же, в отличие от соседей впадшая в длительную череду гражданских конфликтов, известных под названием Войн Алой и Белой Розы (1455—1487), придерживалась старых методов. Крупнейшая битва под Таутоном (1461), принесшая трон Йоркской партии

ФРАНЦУЗСКИЕ АРБАЛЕТЧИКИ в конце XV столетия, изображенные на гравюре XIX столетия (образцом для художника служил средневековый манускрипт). На иллюстрации мы видим, насколько важны щиты для вооруженных обладающим сравнительно низкой скорострельностью арбалетом. Такие щиты за арбалетчиком носил специальный щитоносец.

Франциска I Французского, поставив на флангах лучников, как сделал это его тезка столетие назад. «Английская система» приказала долго жить не вследствие утраты ею эффективности, а просто потому, что появилось много огнестрельного оружия, сравнительно дешевого в изготовлении, простого в обращении и доступного любому, даже не слишком крепкому новичку, при том что на обучение и постоянные тренировки лучников тратилось очень много времени, а сама стрельба требовала мастерства и физической силы (для того чтобы натянуть тетиву валлийского лука, было необходимо усилие до 45 кг. — *Прим. пер.*).

Битва при Азенкуре — 1415 г.

Король Англии Генри(х) V вторгся в Нормандию в середине августа 1415 г., чтобы предъявить претензии на корону Франции. Он привел с собой армию численностью около 10 000 чел., которую изначально задействовал при осаде Гарфлэра, расположенного в устье Сены. На овладение им ушло два месяца, за это время войско Генри изрядно выкосили болезни. Король принял решение пройти через вражескую территорию к английским владениям в Кале, имея уже значительно ослабленную армию. Благоприятный для ведения кампаний сезон заканчивался, и погода становилась все хуже и хуже. Генри взял с собой запасов провизии на неделю, однако, выйдя к Сомме 13 октября, он столкнулся в сильной оборонной противника. Не имея возможности форсировать реку на данном участке, он повел армию в глубь континента и через неделю смог незаметно переправиться около Перонна. Затем он поспешил к Кале, однако в 50 км от цели путь ему преградила многочисленная французская армия.

У Генри имелось около 1000 рыцарей и тяжеловооруженных конников плюс еще где-то до 5000 лучников. Французы пре-

восходили его по меньшей мере втрое, располагая, вероятно, 10 000 тяжеловооруженных воинов (причем полностью в конных латах), способных действовать как кавалерия. Более того, защитное вооружение было и на конях, что являлось частью «французского подхода» и делалось для того, чтобы иметь возможность с меньшими потерями атаковать английских лучников, нейтрализуя таким образом главное оружие из арсенала Генри. После поражения при Креси в 1346 г. французы старались добиться большей тактической гибкости, ища способа одолеть «английскую систему» за счет применения спешенных тяжеловооруженных воинов в сочетании с ударными силами лучников. Однако нельзя сказать, что на данном поприще им сопутствовал сколь-либо заметный успех. Спешивание рыцарей при Пуатье (1356) привело к появлению на поле малоподвижных и неуклюжих формирований и кончилось пленением короля Жана (Иоанна II). Один из его сыновей, престарелый герцог Берри, советовал командирам экспедиции 1415 г., военным чиновникам королевского двора, не брать в поход против англичан короля, потому что «лучше проиграть битву, чем потерять короля и проиграть битву». В действительности король Шарль (Карл) VI не представлял особой ценности для государства, так как все равно не мог ничем управлять по причине того, что впадал в безумие, но пессимизм Берри был вполне оправдан.

План французов

Коннетабль Франции д'Альбре и маршал («военный министр» и его заместитель. — *Прим. пер.*) Бусико разработали план, как одолеть англичан с их умелой координацией родов войск. План этот обнаружился в 1981 г. в поврежденной ог-

нем рукописи в Британской библиотеке. Согласно предполагаемой схеме, на начальном этапе авангарду французской армии (всего где-то 6000 чел.) предстояло действовать против сходного по численности войска Генри. Задача авангарда в ходе кампании состояла главным образом в том, чтобы тенью следовать за англичанами, пока те идут маршем от Гарфлэра. Так или иначе, французы переправились через Сомму раньше Генри и стремились к соединению с основным ядром армии, по всей видимости, около Баптома.

Далее предполагалось спешить большую часть тяжеловооруженных конни-

«Первые лучники со всей силой своей, на которую только были способны, натянули тетивы и послали стрелы во французов. Многие шли без брони, одетые только в одни дублеты с болтавшимися у колен чулками; боевые топоры и мечи висели на поясах. Иные шагали босиком и с непокрытыми головами».

АНГЕРАН ДЕ МОНСТРЕЛЕ,

ХРОНИСТ

ков и дислоцировать их по флангам вместе с обычной пехотой. Перед этими «баталя» заняли бы позиции воины с оружием дальнего боя — луками и арбалетами — с целью противодействия английским стрелкам. Далее на одном из флангов отводилось место 1000 верховых тяжеловооруженных конников под началом «командира арбалетчиков» и при поддержке половины оруженосцев (*valet*) армии (еще где-то 1000 чел.) в седлах коней их господ. (Под оруженосцами [зд. *valet*] следует по-

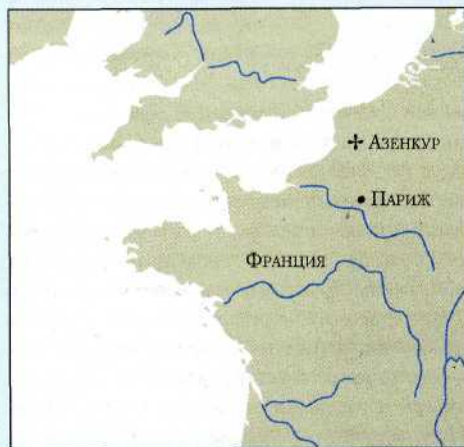
нимать легковооруженных домашних слуг рыцаря, часто выходцев из благородных семей.) 200 верховых тяжеловооруженных конников на другом фланге должны были пользоваться поддержкой оставшихся оруженосцев. По замыслу разработчиков, более крупному из вышеозначенных формирований предписывалось ударить прямо на лучников, а меньшему — *обогнуть* неприятельский фланг, ударить на лагерь и затем на строй англичан с тыла. При наличии небольшого, но сплоченного дисциплиной контингента, ведомого опытными офицерами-придворными, план вполне мог сработать. К несчастью для французов, на стороне противника было три важных фактора.

Эдуарда IV, представляла собой состязание между отрядами пехоты — спешенных тяжеловооруженных конников — и алебарщиков (использованное автором слово *bill* дает право предполагать, что речь идет не о некоей «классической» алебарде, а об оружии по типу древнерусского чекана, вообще речь идет о солдатах с разнородным колюще-режущим вооружением. — *Прим. пер.*). Единственной тактической находкой стало использование лучниками Йоркской партии попутного ветра: они просто отошли на шаг назад, когда стрелки Ланкастеров отвечали, не причиняя из-за недолета стрел вреда противнику. В последних интерпретациях битвы на Босуорт-Филд (1485), в которой претендент на престол Генри Тюдор (будущий Генри(х) VII. — *Прим. пер.*) победил Ричарда III (дом Йорка. — *Прим. пер.*), делался упор на французскую составляющую войска Генри. Их стойкие и мобильные формирования копьеносцев укрепили линию, хотя победа, по всей видимости, досталась Генри потому, что сэр Вильям Стэнли со своими силами покинул короля Ричарда, которому не осталось ничего другого, как отчаянная кавалерийская атака.

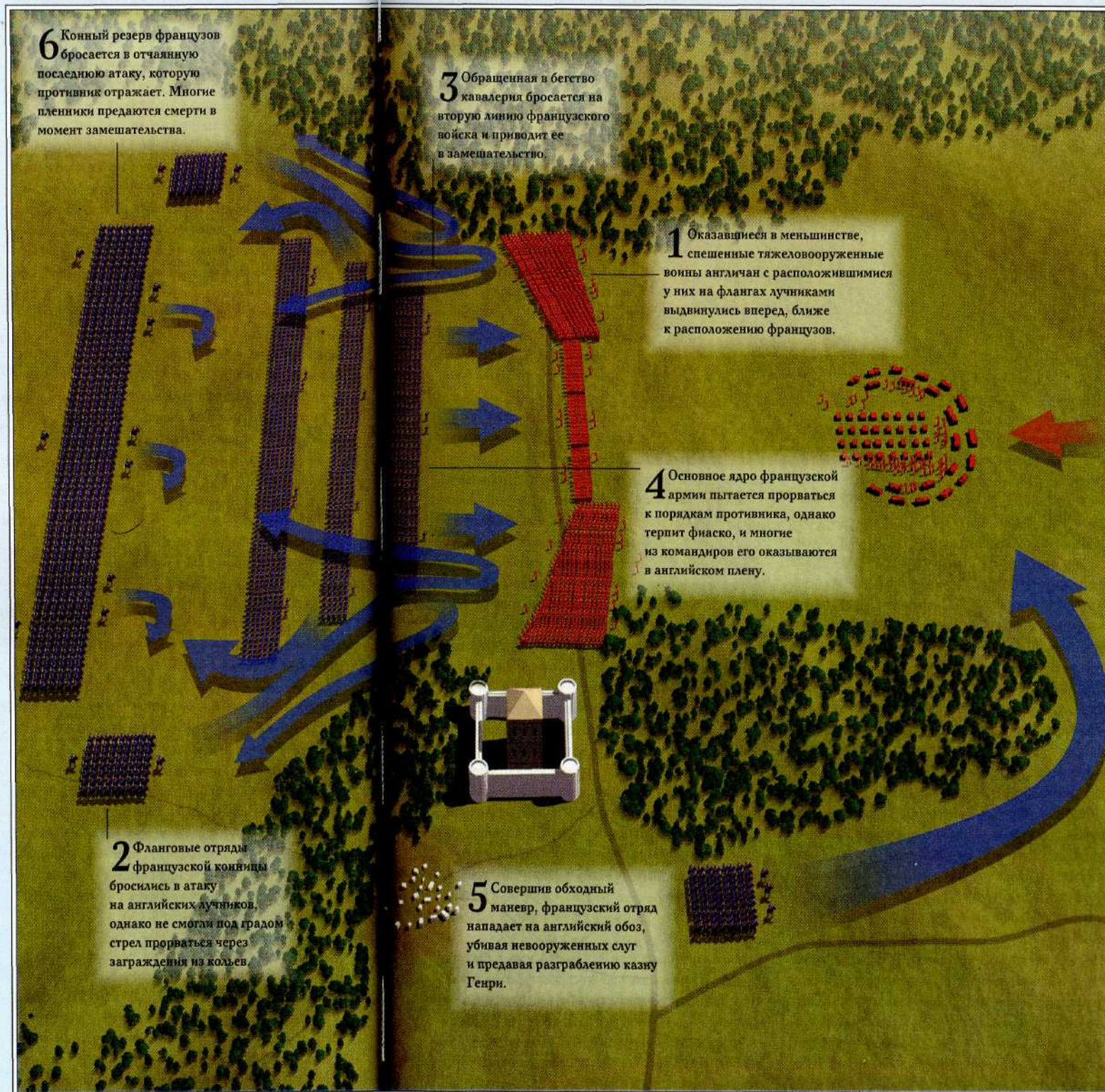
Англичане взяли на вооружение континентальную тактику «стреляй — коли» не ранее середины XVI столетия, однако не следует усматривать в этом консервативное упорство. В 1513 г., в «Битве Шпор» около Кале, Генри(х) VIII сумел победить

Битва при Азенкуре 1415 г.

Французская армия, превосходившая англичан по меньшей мере 3:1, перекрыла противнику путь к Кале, куда стремился Генри. Однако слишком уверенные в победе французские командиры не сумели правильно распорядиться наличествовавшими у них силами на довольно узком поле сражения. Генри захватил инициативу и выдвинул свое маленькое войско на дистанцию поражения из лука. Всадникам он велел спешиться и образовать ядро боевых формаций. Более уязвимые лучники были защищены от вражеской конницы довольно протяженными в глубину заграждениями из кольев. Атака французской кавалерии не достигла цели и, более того, привела к срыву атаки пехотинцев, которых едва не затоптали убегающие всадники. Основное ядро сил противника, в рядах которого многие были ранены стрелами, а сам строй смешался и оказался в беспорядке, не смогло сколь-либо повредить англичанам. Даже легковооруженные лучники сумели, бросившись вперед, взять немало пленных. Вся битва продолжалась, по-видимому, где-то час или чуть больше, однако позднее контратака французов вынудила Генри приказать перебить пленных, чтобы те не присоединились к своим. Свою великую победу англичане увенчали резней безоружных.

Азенкур располагался на дороге к Кале примерно в 50 км южнее этого города. Сражение разгорелось на узком участке земли между двумя лесами, которые существуют еще и в наши дни.

Первый заключался в том, что Генри раскрыл замысел и выработал собственную схему для сведения на нет усилий противника. По словам очевидца сражения, одного из капелланов Генри, написавшего «Деяния Генриха V» (фактически дневник кампании): «Вследствие поступления сведений, полученных от некоторых из плен-

ных, по армии пошла гулять весть, что будто командиры противника подготовили отряд рыцарей — несколько сот верховых на защищенных доспехах конях, — чтобы смять дружины наших лучников, когда те выйдут на битву. Тогда король приказал, чтобы каждый лучник во всем войске заготовил для себя шесть или жердь, круглые или иные, но длиной в шесть футов (ок. 180 см) и должной толщины, заостренный с каж-

дого конца. И он (король) велел, чтобы, когда французы приблизятся для битвы и выпустят вперед отряды такой (латной) конницы, одни лучники поставили бы их колья впереди себя в ряд, а другие — позади них и между позиций передней шеренги так, чтобы острия их, уставленные в землю, указывали бы к себе, а другие — в направлении противника на уровне пояса человека. Чтобы всадники, когда окажутся недалеко от кольев, либо отступили из страха перед ними, либо — неразумно не ведая страха — шли бы дальше, рискуя погубить коней и самим погибнуть на тех остриях».

Нужно подчеркнуть, что инновация — приказ на изготовление кольев каждому из стрелков — принадлежала, по-видимому, все же самому Генри V. Традиционно же считается, что данную технику привез с Востока, а именно из печальной знаменитой кампании 1396 г. против турок под Никополем, герцог Йоркский. Однако данное свидетельство исходит от сторонников Йоркской партии полстолетия спустя, когда уже бушевала Война Роз

и когда колья применялись лучниками по описываемой схеме регулярно. Поскольку в крестовом походе на Никополь герцог не участвовал, можно предположить, что скорее Генри где-то вычитал о том, как турецкие янычары удачно защищали позиции от кавалерийских атак крестоносцев. По иронии судьбы, источником

информации для английского короля могли послужить воспоминания как раз маршала Бусико. Таким образом, опыт ветерана боев двадцатилетней давности, французского маршала и бывшего крестоносца, послужил в критический момент на пользу его противнику.

Французская армия, противостоявшая Генри при Азенкуре, насчитывала даже больше воинов, чем изначально рассчитывал Бусико. С французской стороны тоже

есть свидетели битвы, оставившие воспоминания о ней, при этом называемое ими количество своих войск пугающе велико, особенно учитывая факт наличия у Генри довольно скромных сил. Передовая линия французов состояла из где-то 6000 спешенных тяжеловооруженных конников. По замыслу поддержать их предстояло 4000 лучников и арбалетчиков и двум отрядам кавалерии по флангам (примерно так, как и предусматривал изначальный план): 1600 чел. слева и 800 справа. Во второй линии стояло еще 6000 спешенных тяжеловооруженных воинов и примерно 8000 кавалерии в тылу. Даже если данные эти и сильно преувеличены, противник все равно сильно превосходил англичан числом.

Однако перейдем ко второму фактору, действовавшему против французов и помогавшему отчасти выравнять силы. Поле около Азенкура, а точнее, между Азенкуром и Трамкуром, было чрезвычайно неудобным для французов прежде всего из-за его малой ширины — не более 900 м. Оба села окружали густые лесные

БИТВА ПРИ АЗЕНКУРЕ — главами художника, оформлявшего манускрипт конца XV столетия. На иллюстрации видны как грязь превратившееся в болото поля, так и деревья, сыгравшие столь важную роль и позволившие английскому войску одержать победу.

заросли, а потому огромное французское войско оказывалось фактически в своего рода тоннеле — слишком узком для него. Кроме того, октябрьские ливни напитали влагой распаханную почву на участке, разделявшем обе армии, превратив поле почти в болото. Подобное состояние местности делало крайне затруднительным для кавалерии развитие ускорения, так необходимого для успешной атаки. Что такое грязь в этих местах, спустя пятьсот лет сполна познали на себе участники боев 1914—1918 гг. Очевидцы же битвы 1415 г. описывают, как спешенные рыцари утопали в раскисшей почве буквально по колено.

Все это очень значительные факторы. И плюс к тому, структура командования у французов, которая отличалась компактностью и когерентностью в отрядах авангарда, была уже полностью дезорганизована, поскольку руководство соединенными силами французской армии принадлежало верхушке нобилитета, людям вроде герцогов Алансона и Орлеана, которым не доставало опыта, зато хватало чванства и самоуверенности. Им, новичкам в военном деле, казалось непостижимым то обстоятельство, что король Генри не спешит складывать оружие перед лицом столь превосходящих сил. Они считали, что просто раздавят его. Одним словом, тщательно разработанный маршалом Бу-

сико план не представлялось возможным должным образом претворить в жизнь.

Английская диспозиция

Тем временем Генри развернул свои небольшие силы традиционным способом. Как именно? Что ж, за последние два столетия об этом поспорили и как будто бы определились. Ортодоксальная на сегодня точка зрения, закрепленная в «английском историческом ревю» в 90-х годах XIX века, состоит в том, что спешенные тяжеловооруженные конники строились тремя отрядами с выступавшими вперед флангами с лучниками на них. В местах стыков этих выступов образовывались «полые» V- или клинообразные формирования. В рассказе священника об Азенкуре и в самом деле говорится о клинообразном развертывании — даже используется латинское *cu-neus* (*cu-neus*). Вследствие этого А. Берн, крупнейший британский военный историк и специалист в области Столетней войны, уверенно обрисовывает построения при Азенкуре, а также при Креси и во всех прочих битвах, где применялась «английская система», именно в соответствии с представленной выше схемой.

В поддержку данной версии Берн приводит хронику Фруассара, где английская армия в 1346 г. описывается как выстроенная эрс, или гэрс (*herse*). Слово это оз-

Англичане под Азенкуром — спешенный всадник и лучник

Английские *men-at-arms* (термин, под которым понимаются как рыцари, сквайры [оруженосцы], так и конники неблагородного звания; то же что французское *gens-d'arm*, или ассоциирующееся у нас с французской сельской полицией жандарм. — Прим. пер.) были обучены спешиваться и биться в пешем строю бок о бок с лучниками, которые состояли из представителей низших классов. Лучники с валлийскими луками дислоцировались обычно на флангах, желателно за какими-то естественными преградами, что могло бы дать некоторые преимущества перед лицом атаки лучшие вооруженного противника, если уж дело дойдет до рукопашной. Перед битвой под Азенкуром король Генри V велел всем лучникам обеспечить

себя кольями, чтобы использовать последние как передвижные заграждения на пути у бросающейся в бой кавалерии. Колья сыграли большую роль в противостоянии и помогли одолеть французов. Внимательный читатель заметит, что у лучника спущены чулки, что говорит о том, что солдат страдает от приступов поноса, вызываемых, должно быть, тем, что английскому войску приходилось голодать и пить очень плохую воду.

начает нечто заостренное или выступающее. Однако Фруассар пользуется тем же термином для описания строя лучников-янычар под Никополем, где те были фактически рассеяны на утыканном кольями участке местности и не имели поддержки в виде отрядов тяжелой пехоты. В действительности более вероятно, что под эрс (*herse*) автор подразумевал... бору. Данное сельскохозяйственное орудие применяется для разравнивания земли после пахоты, и его торчащие один перед другим зубцы позволяют наилучшим образом справляться с задачей. А ведь именно так и описывает отданный лучникам приказ поставить «их колья впереди себя в ряд, а другим — позади них и между позиций передней шеренги».

Таким образом, скорее речь идет не о палисаде кольев, прикрывавшем построение полым клином, а о разворачивании лучников на поле из кольев, где бы они могли свободно перемещаться в относительно безопасной перед атакующей кавалерией противника. Что же до формирований в виде или типа кунеус (*cuneus*), то слово это могло использоваться и для обозначения небольшого отряда воинов, и оно действительно применяется капелланом для описания кавалерийских «эскадронов» в аррьергарде французской армии. Потому вполне вероятно, что английские лучники находились на флангах армии, тогда как спешенные тяжеловооруженные конники сосредоточивались в центре. Последних было на самом деле слишком мало, чтобы делить их на три группы, так что они скорее всего все же стояли единым строем, хотя теоретически делились на трое и занимали места там, где стояло

БЕЗУМНАЯ МАРГАРЕТ. Фламандская пушка XV столетия — своего рода венец творения тогдашних оружейных дел мастеров. Осадная пушка эта изготавливалась из длинных металлических полос, скованных между собой обручами из того же материала с целью сделать изделие устойчивым перед давлением газов взрывающегося в стволе пороха.

знамя каждого из их командиров. Сам Генри V с крестом Св. Георгия (тогдашним английским знаменем. — Прим. пер.) находился в самом центре своей маленькой армии.

Битва

Примечательно, что французы не атаковали сразу — вероятно, из-за излишней самоуверенности и неразберихи в командном звене. Это позволило Генри перехватить инициативу, и вскоре он передислоцировался в самое узкое место поля, на расстояние выстрела из лука. Там его лучники установили колья, откуда открыли «беспокоящий огонь» по неприятелю, подталкивая его к поспешным действиям. Чего и добились. Кавалерийские крылья пришли в движение, однако наступлению мешали некоторые серьезные факторы. Первое... не хватило людей. Вместо предполагаемого планом количества, удалось ввести в дело по 150 всадников на каждом фланге, поскольку не дружившие с дисциплиной рыцари просто не вышли на построение в должном количестве. Второе, условия местности ограничивали простор для маневра, что не давало наступающим обойти английских лучников с фланга. Третье, грязь значительно гасила скорость, а чем медленнее шли атакующие, тем больше стрел им доставалось в процессе сближения с врагом.

Те храбрецы, которые отважились броситься на колья, просто губили коней, сами же вылетали из седел к ногам лучников, которые преспокойно приканчивали беспомощных всадников. Только на одном участке поля, где земля подсохла, так что колья выпадали из нее, удалось достигнуть некоторого успеха. Но большая часть конницы «обратила тыл», стремясь поскорее спастись от ливня стрел. В результате откатывающаяся конная масса обрушилась на идущих в атаку спешенных тяжеловооруженных воинов, что породило замешательство и хаос. Даже «огневые

средства» — своих стрелков — французы должным образом не задействовали, поскольку наступавший верховой авангард, который им надлежало поддерживать, едва не смел их самих. Атакующая пехота, дезорганизованная своей конницей, поливаемая стрелами, увязавшая в грязи (что быстро ослабляло силы тяжеловооруженных воинов), была отражена сравнительно свежими тяжеловооруженными войсками англичан.

Хотя второй «дивизион» тяжелой кавалерии смог несколько потеснить английские порядки, а самому Генри достался удар по шлему, срубивший несколько золотых венцов, украшавших его корону, французы были отражены и на этом участке. Многие сеньоры погибли в рукопашной или попали в плен. Подытоживая, можно сказать,

что английские лучники действовали легко и уверенно и показали себя смертельно опасными противниками на трудной местности, одинаково ловко управлявшимися с луками и с утяжеленными свинцом киянками, которыми забивали в землю колья.

Видя гибель основных сил, большинство французов третьего «дивизиона» обратилось в бегство, а атака отряда под командованием де Фоканбера лишь подбросила дров в костер пылающего побоища. Ударивший с фланга отряд местного сеньора, Изембера д'Азенкура, своими действиями повлек ответные меры, запятнавшие репутацию предводителя англичан недостойным деянием. Обычно принято считать, что в обход действовала некая группа французских крестьян, решившая пограбить английский обоз и убивавшая безоружных коноводов, однако то скорее всего была последняя отчаянная попытка французов добиться успеха. В чем бы ни заключалась причина, маневр осложнил положение французских нобилей, угодивших в ловушку в центре поля.

Опасаясь перемены ситуации в бою, грозившей уничтожением его малочисленной армии, полагая, что лишённые свободы нобили могут вновь взяться за оружие, Генри приказал убивать пленных. Рыцари отказались, и королю при-

шлось приказать отряду из 200 лучников взять эту обязанность на себя. Жестокая необходимость стала последней «громкой» акцией в тот день. Несмотря на все приложенные ими старания, французы не смогли переиграть «английскую систему». Понадобилось целое поколение и существенная перестройка военной машины Франции, прежде чем французы смогли уравниаться с противником, а потом и прогнать англичан из Франции.

«Бургундцы палили из большой пушки, сидя за широким палисадом. Огонь имел самые губительные последствия для формирований конфедератов... Я видел иных всадников, коих разорвало пополам так, что верхнюю часть тела унесло, тогда как нижняя продолжала сидеть в седле».

ПЕТЕР ЭТТЕРЛИН,
«ОСАДА МЮРТЕНА»

Швейцарцы — в учении воинскому ремеслу

Швейцария располагается в самом сердце Европы, но, учитывая гористую местность страны, она представляет собой своего рода пограничный регион. В Средние века Швейцария привлекала внимание окружающих ее держав потому, что через ее территорию пролегали пути, связывавшие Германскую империю с Италией. По мере роста интенсивности движения, возрос и интерес к налогообложению путешественников, что привело к конфликту всегда независимых по духу швейцарцев с австрийскими Габсбургами. В 1291 г. три лесных кантона — Ури, Швейс и Унтервальден — подписали соглашение о совместной обороне.

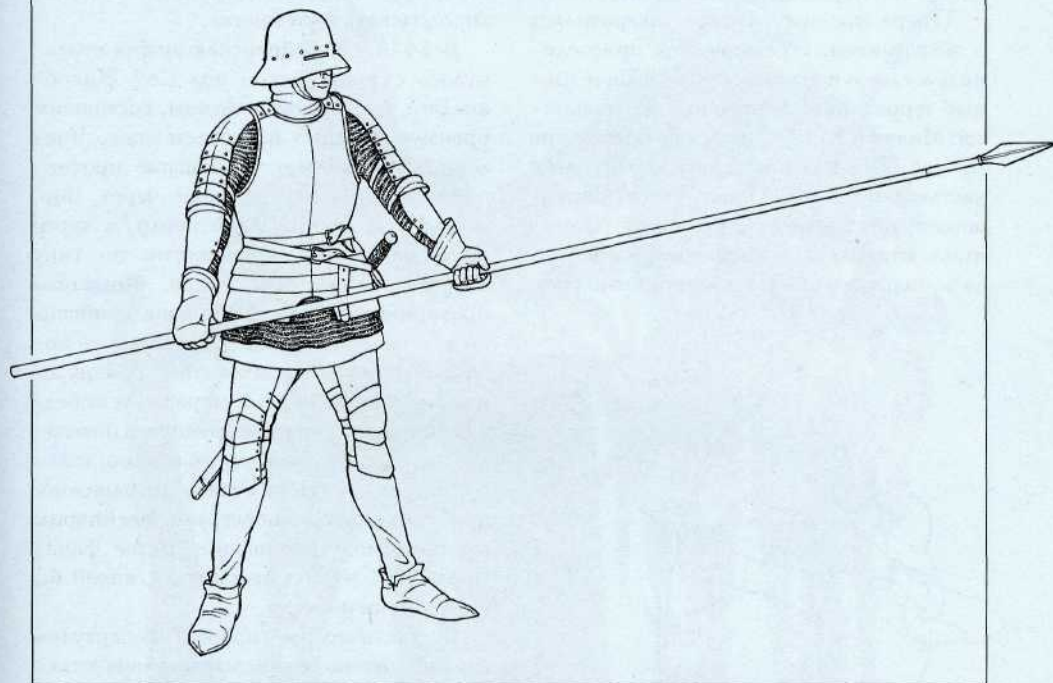
В 1315 г. спор между горцами и поддерживаемым Габсбургами монастырем послужил для Леопольда Австрийского предлогом собрать войско из 1000 всадников и свыше 2000 пехотинцев и направить их в горы. Швейцарцы, вооруженные алебардами и арбалетами, преградили ему путь у Мортгартена. Когда австрийская колонна остановилась, около 1000

Швейцарский копейщик в латах (около 1475 г.)

На иллюстрации хорошо защищенный доспехами воин передних рядов швейцарского строя в период войн с бургундцами (1475–1477). На голове у солдата салле, или саллада (легкий шлем. — Прим. пер.), тогда как тело прикрывают кованые и кольчужные доспехи. Относительно слабо защищены ноги, что, однако, позволяет пехотинцу быстро передвигаться. Основная масса бойцов швейцарских «фаланг» копейщиков отличалась значительно более легким вооружением, те же, кому отводилось место в последних рядах, не имели даже шлемов. Хотя швейцарцы традиционно

ассоциируются с копьями, до середины XV века они применяли в основном алебарды.

После своей пирровой победы над итальянской милицией — копейщиками — под Арбедо (1422) швейцарцы приняли это вооружение, которое изменило их пехотную тактику на следующие два столетия. Несмотря на приговор, подписанный копью за счет распространения усовершенствованных мушкетов около 1640 г., копье продолжало находить применение еще лет тридцать, когда на сцене театров боев дебютировал штык.

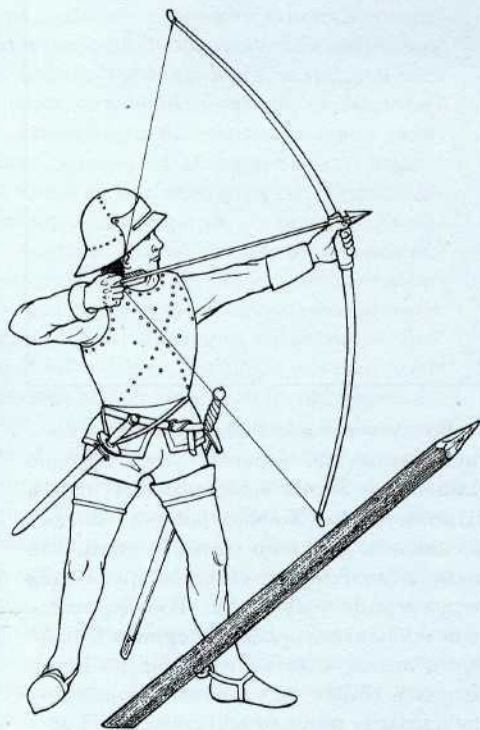

швейцарцев выбрали из укрытий по лесистым склонам на обоих флангах. Они принялись бросать вниз камни и стволы деревьев, а потом атаковали лишённую подвижности конницу, тем временем австрийские пехотинцы обратились в бегство по дороге. Засада оказалась весьма удачной — соединенные силы конницы и пехоты австрийцев потерпели полное поражение. Однако данное событие не следует называть «пехотной революцией».

Воодушевленные победой, жители расположенных по берегам озера городов Люцерн и Берна возжелали вступить в Швейцарскую Конфедерацию. Воедино слились довольно большие силы, что вызвало опасения со стороны правителей окружающих государств. Возбужденный нобилитет города-соперника Фрайбурга предпринял наступление на Берн, однако в 1339 г. под Лаупеном швейцарцы наголову разбили нападавших. Пона-

чалу рыцарская конница сдержала натиск воинов лесных кантонов, однако жители Берна сокрушили пехоту Фрайбурга, вышли во фланг неприятельским всадникам и уничтожили их. Участники другого австрийского похода удостоились достойной встречи в 1386 г. под Земпахом (или, точнее, под Мейерсхольтцем. — Прим. пер.). Швейцарцы, вооруженные в основном алебардами, вновь заняли высоты. На сей раз австрийские рыцари шли в бой спешными. Лучше вооруженные и защищенные рыцари потеснили швейцарцев, и знамя Люцерна пало. Однако командовавший австрийцами Леопольд III не знал, что имеет дело всего лишь с одним «дивизионом» швейцарской армии. Но вот во фланг наступающим ударили основные силы швейцарцев. Австрийцы потерпели поражение, а Леопольд погиб.

Теперь швейцарцы сами превратились в захватчиков, стремившихся присоединить к своим кантонам прилегающие горные территории. Нападение на герцогство Милан в 1422 г. вылилось в битву при Арбеде. Швейцарцы действовали только частью войска, 4000 чел. (треть копейщиков, две трети алебардчиков). Когда атака итальянской кавалерии захлебнулась, нарвавшись на пики противника,

опытный капитан наемников, кондотьер (*condottieri* [мн. ч.]) Карманьола, отреагировал быстро. Он вывел во фланг швейцарцам арбалетчиков, а спешенную тяжелооруженную конницу эшелонами бросил на строй неприятеля. В ожесточенной и героической битве военная фортуна начала уже отворачиваться от швейцарцев, но вот на фланге у итальянцев появился отряд швейцарских фуражиров. Предполагая, что сейчас за ними последуют остальные силы швейцарцев, Карманьола предпочел отступить, несмотря на то что легковооруженные швейцарцы понесли очень большие потери. После этой битвы швейцарцы значительно увеличили пропорцию копейщиков в своем войске, потому что более короткое оружие алебардчиков позволяло рыцарям сближаться с ними и, имея лучшее вооружение и доспехи, одолевая противника.

В 1444 г. швейцарская армия столкнулась с французской под Сен-Жакобан-Бир, будучи уже войском, состоящим преимущественно из копьеносцев. Численно значительно уступавшие противнику, швейцарцы перешли через Бир, ударили во французский центр, а затем построились формированиями по типу шилтронов, выставив копья. Французы предприняли несколько кавалерийских наскоков, чередуя их с обстрелами из арбалетов и луков. Итогом стала французская пиррова победа и... моральная победа швейцарцев. Действия французов показали, что одолеть швейцарцев можно, только если вынудить их стоять неподвижно, при этом подвергая обстрелу, швейцарцы же продемонстрировали в битве фанатизм — то, что их не сломить, какой бы урон они ни понесли.

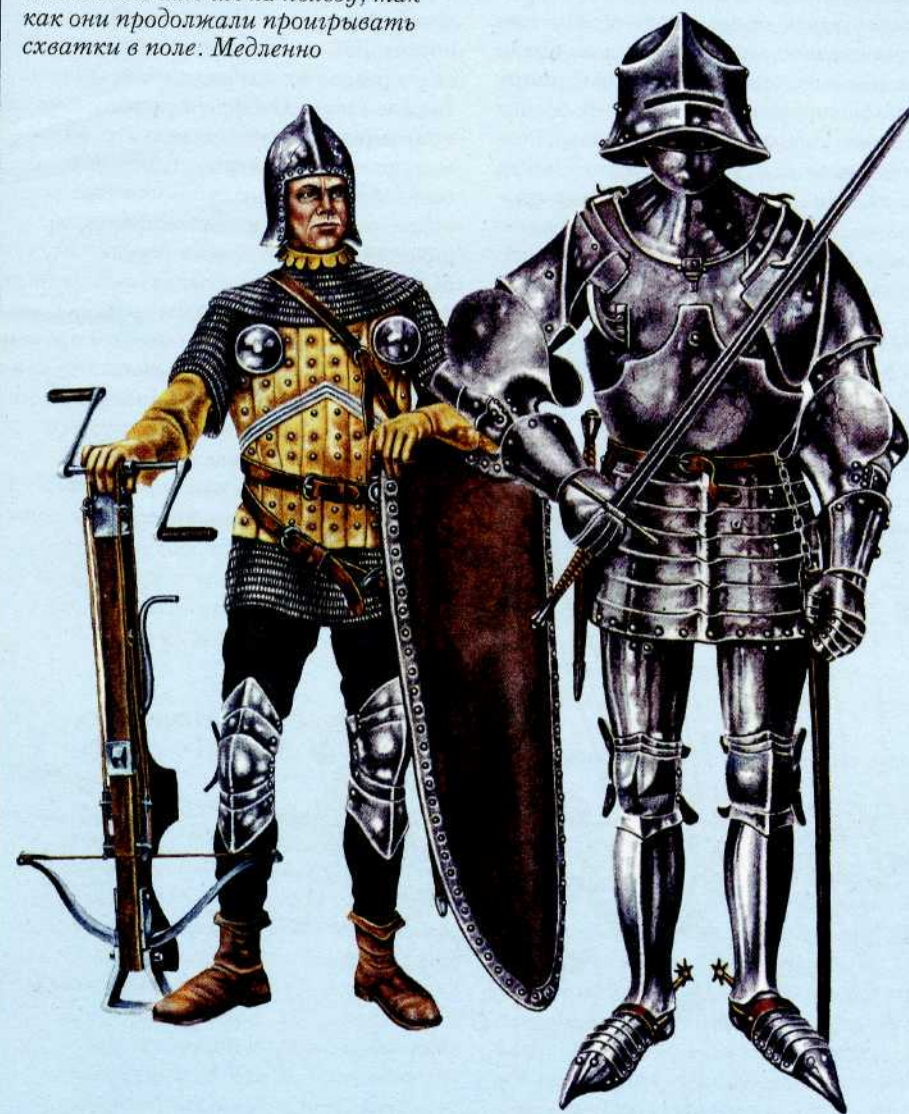
В тактическом плане «репертуар» швейцарцев не отличался затейливостью. У них имелись отряды арбалетчиков для ведения стычек с противником и немногочисленные конные разведчики, однако способную эффективно действовать конницу они получали лишь за счет союза с

Конный лучник на службе у бургундцев, изображенный в боевой справе, типичной для того времени (около 1470 г.). Обратите внимание на высокие сапоги и шпоры — дорогой и небедный наемник. На нем не закрывающий всего лица салле и закрывающая торс бригандина (кованая, скрепленная клепками кираса).

Рыцарь и арбалетчик (около 1480 г.)

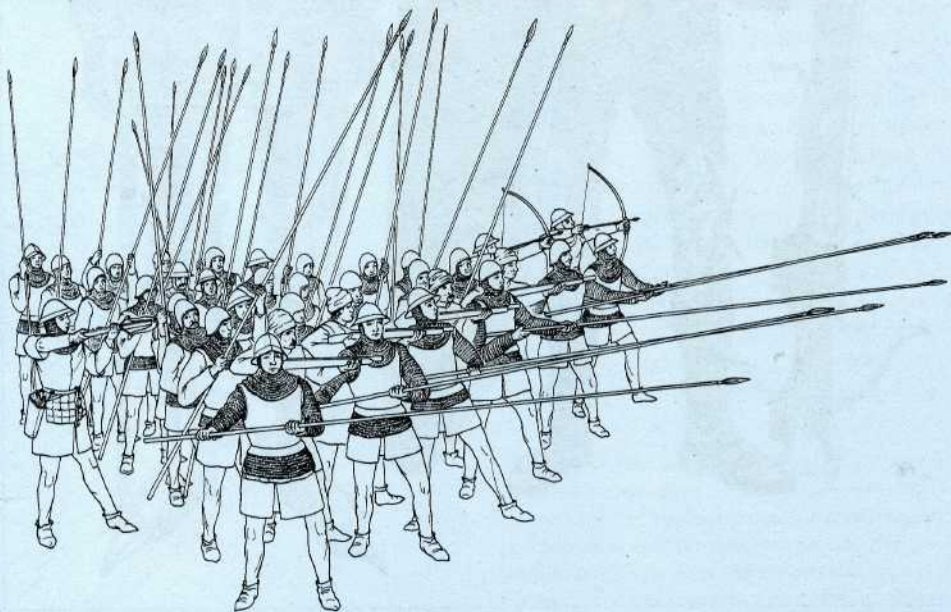
Командиры континентальных армий (т.е. неанглийские. — Прим. пер.), которые могли нанимать лучников с большими луками или воспитывать собственные кадры стрелков «в английском духе», более все же тяготели к применению комбинированных сил арбалетчиков и тяжелооруженной спешенной конницы. Даже французы стали спешиваться, что делали все чаще и чаще после урока, полученного под Пуатье (1356), что, однако, не особенно шло им на пользу, так как они продолжали проигрывать схватки в поле. Медленно

заряжавшие свои самострелы арбалетчики отличались наибольшей эффективностью во время осад, в поле им требовался большой щит (навиз) для защиты стоявшего почти в полный рост стрелка в процессе зарядки. Так или иначе, как арбалетчики, так и лучники с 1500 г. и далее стали все чаще заменяться более мощным и эффективным стрелковым оружием.

герцогом Лотарингии. Основные силы швейцарцев представляли копьеносцы, которые обычно делились на три части: Форгут (*Vorhut*), или авангард, главную часть (точнее, ударную. — *Прим. пер.*), или Гевальтгут (*Gewalthut*), и арьергард — Нахгут (*Nachut*). Каждое формирование возглавлял комитет из наиглавнейших фигур того кантона, жители которого составляли данную часть. Стратегию вырабатывали перед битвой и по весьма демократическим принципам, планы приводились в жизнь с исключительной отвагой и храбростью. Развертывание тремя эшелонами было вполне обычным, но особенно эффективно работало у швейцарцев, потому что они формировали глубокий строй и не имели тяжелых доспехов, что позволяло очень быстро поворачивать колонны. Вдобавок войска эти сковывала в единый механизм жесточайшая дисциплина, так что, когда одна колонна одерживала верх над противником на своем участке, она шла на помощь другой, как поступали, скажем, жители Берна под Лаупеном.

КОПЕЙЩИКИ И АРКЕБУЗИРЫ — около 1500 г. Данная иллюстрация позаимствована из манускрипта эпохи позднего Средневековья и изображает легендарные деяния персидского царя Кира. Он считался величайшим новатором в области применения военных технологий, словом, если бы в ту пору можно было сочетать копье и ручное оружие, Кир бы так, конечно, и сделал.

Армия Карла Смелого

Карл Смелый (или правильнее Шарль. — *Прим. пер.*), герцог Бургундии с 1463 г., унаследовал крупные, но разбросанные тут и там владения, которые ему хотелось объединить, сделав государство сильным. Сложность в претворении планов Карла в жизнь заключалась в том, что его экспансионистским устремлениям мешали, с одной стороны, французский король, а с другой — германский император. В войско Карл собрал лучшие силы отовсюду. Итальянские кондотьеры (*condottieri*) дали ему тяжелую кавалерию, пеших арбалетчиков, стрелков из ручного огнестрельного оружия (будем называть их аркебузирами. — *Прим. пер.*) и копьеносцев. Он набирал верховых английских стрелков из больших луков, лучших в Европе (тогда как французскому королю приходилось довольствоваться местной имитацией валлийских лучников), а из своих фламандских подданных рекрутировал отличных копьеносцев. Артиллерийский парк его далеко перехлестнул за 500 стволов. Части облачались в военную форму — синюю с белым — с красным Андреевским крестом и имели систематизированные флаги и вымпелы. Начиная с 1471 г. каждый год издавались специальные указы, в соответствии с которыми определялось развертывание армии.

Целью Карла, как представляется, служило стремление к интеграции и вза-

имодействию всех «родов войск», чтобы одни отряды обеспечивали грамотную поддержку другим. Так, копьеносцы смешивались с лучниками и поддерживались аркебузирами, верховые лучники выезжали вместе с тяжелой конницей, чтобы обеспечить «огневое прикрытие» ее броска. Артиллерия размещалась на укрепленных позициях под углом к ожидаемому направлению вражеской атаки, чтобы обеспечивать прострел с флангов. В этом чувствуется подражание французскому «артиллерийскому лагерю», удачно действовавшему под Кастильоном в 1453 г. (в столкновении, завершившем Столетнюю войну. — *Прим. пер.*), когда пушки нанесли серьезный урон атакующим войскам английского полководца Талбота.

К сожалению, система страдала от излишней сложности. Несмотря на хорошую подготовку войск, для достижения успеха требовалась чрезвычайно слаженная работа всех составляющих. Копейщики, действовавшие слишком неглубоким строем, оказывались неспособны совладать с плотными и многорядными швейцарскими колоннами. Скажем прямо, Карл опережал свое время на добрые 150 лет, когда сравнительно маленькие «батальоны» с копьями и более эффективными мушкетами, плюс способная бить частыми залпами артиллерия и своевременно введенная в бой кавалерия стали обеспечивающей выигрыш комбинацией — словом, требовалось время для совершенствования вооружения и торжества дисциплины, без этого добиться успеха было бы трудновато.

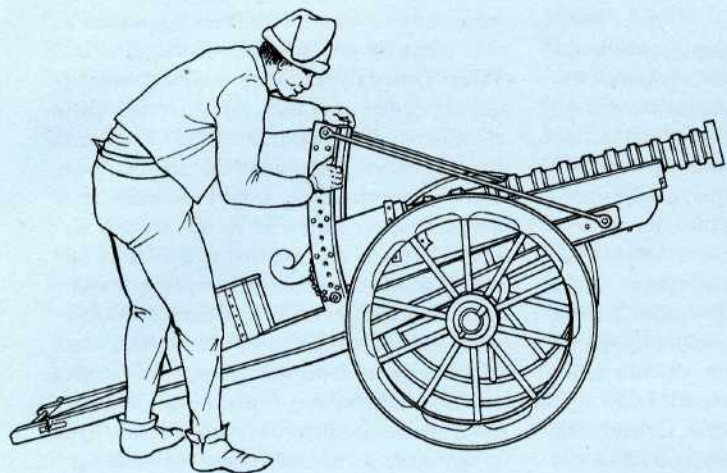
Бургундцы против швейцарцев, 1476–1477 гг. — Грансон, Мюртен, Нанси

Венцом военных достижений швейцарцев стали три сражения, принесшие им победу над «сверхсовременной» армией Карла Смелого. В 1476 г. он овладел принадлежавшим швейцарцам городом Грансон, повесив солдат гарнизона. Не дожидаясь сосредоточения всех сил, подошедший швейцарский авангард дебушировал из леса и оказался лицом к лицу с поджидавшей его всей армией Карла. Чтобы замедлить продвижение швейцарцев, Карл отдал приказ о двух кавалерийских бросках

силами тяжеловооруженных конников на защищенных коваными латами лошадях. Затем центр бургундцев получил команду отступить, лишая швейцарцев цели приложения сил их атаки. Карл принялся развертывать сверхмодную артиллерию, чтобы уничтожить строй копьеносцев врага, стараясь окружить их своими копейщиками и стрелками из больших луков. В ходе этих сложных перестроений к полю боя вышло ядро швейцарского войска и его арьергард — массы копьеносцев взбирались по склонам холмов, оставаясь невидимыми за его вершиной. Сбитые с толку неожиданным отступлением центра и, возможно, неправильно истолковавшие отход, остальные бургундские отряды последовали за отступившими. Отсутствие кавалерии не позволяло швейцарцам преследовать противника.

После этого Карл набрал и вновь подготовил еще большую армию и выступил помериться силами с швейцарцами. По пути к Берну он осадил Мюртен (иначе Мора, между Берном и озером Невшатель. — *Прим. пер.*), рассчитывая, что швейцарцы придут туда с целью снять осаду с города. Чтобы создать на их пути надежный заслон, Карл возвел перед лагерем палисады, за которыми наставил немало пушек. Швейцарцы располагали около 25 000 солдат Конфедерации и поддержкой нескольких сотен хорошо вооруженных конников, возглавляемых их союзником Рене Лотарингским. Они верно рассчитали время для штурма, когда в лагере противника раздавали пищу. В момент выхода к палисадам строя швейцарцев и конницы Лотарингии на его флангах оборонительные сооружения оказались почти пустыми.

Пушки не могли стрелять и перезаряжаться достаточно быстро, чтобы остановить атаку, к тому же на позициях находилось слишком мало обороняющихся, чтобы сдерживать натиск отрядов копейщиков, которые прорвали ограждения и устремились к лагерю. Бургундцы встречали их разрозненными группами, которые атакующие сминали и громили одну за другой, и в итоге прижали неприятеля к озеру за лагерем. И вновь простая тактика и смелый напор праздновали триумф над более сложно организованной и уязвимой за счет этого военной машиной.

БУРГУНДСКАЯ ПОЛЕВАЯ ПУШКА. В 1467 г. Карл Смелый стал герцогом Бургундии и отдал свое огромное состояние и не менее неисчерпаемую энергию превращению своего государства в превосходную военную машину. Особенное внимание он уделял повышению подвижности огнестрельного оружия, и благодаря его усилиям появилось в конце концов первое настоящее полевое орудие.

Не желая признавать себя побежденным, Карл попробовал взяться за Рене Лотарингского и холодной зимой 1476—1477 гг. осадил Нанси. В январе к городу подступили деблокировочные силы швейцарцев. Имея только 5000 чел. против 12 000 чел. у герцога Лотарингии и 10 000 у швейцарцев, Карл избрал оборонительную тактику, разместившись так, что на левом фланге у него оказалась река Мерт, на правом — лес, а перед фронтом — ручей. Но и это его не спасло. Швейцарский авангард обошел Карла с фланга через лес, в то время как основное ядро нападавших и их аррьергард атаквали по центру. Бургундское войско не выдержало, рассыпалось, и сам Карл погиб во время бегства. Слава швейцарцев громкой волной прокатилась по всей Европе, о их непобедимости слагали легенды, а стойкие копейщики стали объектом подражания — эталоном пехоты повсюду. Фламандские копейщики и пехотинцы германских городов перенимали их опыт и вводили новшества, чтобы стать похожими на швейцарцев, французы попытались рекрутировать копьяносцев из горных долин, сопредельных со швейцарскими кантонами. К концу XV столетия швейцарские солдаты сделали самыми предпочтительными наемниками.

Современники убедились, что включение в передовые ряды отрядов копейщиков представителей социальной элиты, которые таким образом лишались возможности в опасный момент покинуть поле боя бегством и шли на равный риск с простыми солдатами, давало швейцарцам моральное преимущество над другими

пехотными войсками. Когда и противник ввел у себя аналогичные отряды копьяносцев, столкновения стали более кровопролитными. В ходе Швабской войны 1499 г. одинаково вооруженные и организованные отряды германцев оказались способны сдерживать натиск швейцарцев, и только отчаянная решимость и воля к победе позволяли швейцарцам брать верх в битвах с ними.

Янычары

Захватив в конце XIV столетия Балканы и окружив Константинополь, османская Турция стала одной из сильнейших европейских держав. С раннего этапа их становления в османских армиях действовала разного рода пехота, однако социальная элита всегда сражалась верхом. Служба в кавалерии давала доступ к добыче и земельным владениям, пехоте же доставались в основном жалкие остатки благ, зато выпадало много невзгод и риска. Вместе с тем без нее было не обойтись, особенно на трудной местности или при ведении осад или же в боях против защищенных хорошими доспехами и построенных в ударные клинья европейцев.

На турок, как можно предположить, произвели впечатление альмогавары — каталонская пехота, которую нанимали византийцы. В 1330 г. султан Орхан основал корпус янычар (от йени-чери [*yeni ceri*] — «новые солдаты») численностью в 1000 чел., набрав в него христианских пленников, которым предложили выбор: обращение в ислам и воинская служба или

рабство. Однако такой путь «призыва» на воинскую службу не обеспечивал достаточно солдат, так что с 1362 г. янычар набирали (тоже, конечно же, принудительно) по так называемой девсирме (*devshirme*) из детей христианских народов, находившихся под турецким владычеством. Данный шаг давал необходимую живую силу, предоставлял возможность с пользой задействовать ту часть населения, которая прежде оставалась свободна от военной службы и в какой-то мере способствовал искоренению христианства на покоренных землях.

Добровольцев пехотинцев-мусульман тоже широко использовали в таких операциях, как, скажем, осада Константинополя в 1453 г., фактически в качестве «пушечного мяса» в ходе массовых атак для изматывания противника и заваливания рвов трупами. Янычары же представляли собой более крепкие и спаянные жестокой дисциплиной отряды, солдаты которых носили комбинированные кольчужные и кованые доспехи, хотя и более легкие, чем у европейцев. Для стрельбы они пользовались луками и арбалетами, а для ближнего боя — копьями и мечами. Янычары выступали в качестве ударных частей при завершающих штурмах городов и как надежная пешая стража султана на многолучных улицах Константинополя.

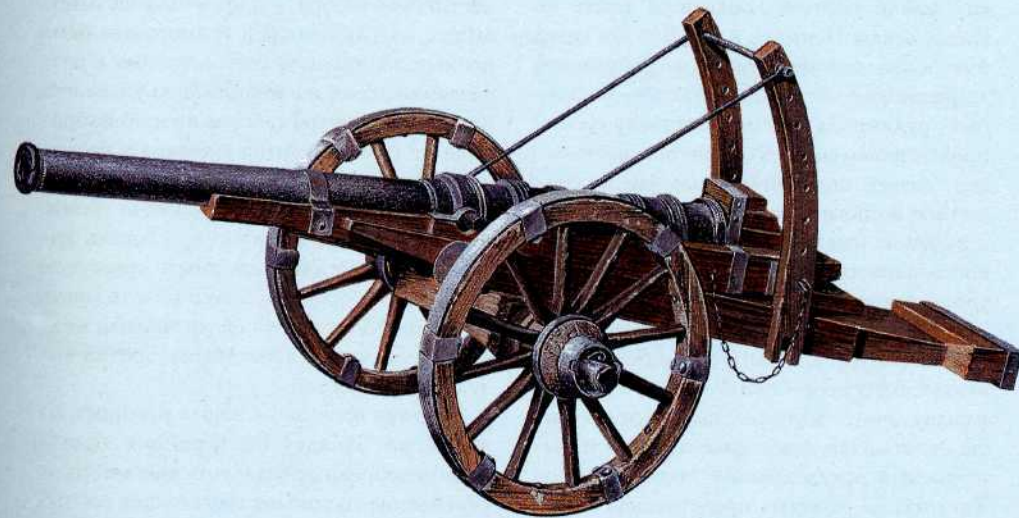
Янычары служили в гарнизонах крепостей по всей Османской империи, представляя собой действенный элемент системы централизованного контроля и важную составляющую механизма аппара-

рата насилия. В открытом бою их ставили в центр на усиление другим отрядам пехоты. В битве при Варне в 1444 г. янычары оказались способны сдерживать натиск атакующих венгерских рыцарей, что позволяет сделать вывод о наличии у них на вооружении не только луков и арбалетов, но также копий и пик.

Гуситы

Хотя огнестрельное оружие появилось в Европе в 40-х годах XIV века, использовалось оно преимущественно при осадах. Наиболее ранние упоминания о полевой артиллерии исходят из промышленных регионов — Фландрии и Богемии. Фламандцы создали так называемый рибодекен (*ribaudequin*) — многоствольное орудие, состоящее из нескольких небольших труб, смонтированных на повозке. Конструктор древней батареи, вероятно, искал способ надежно защитить брешу и тому подобные участки прорыва, где обороняющимся было особенно важно накрыть атакующих залпом. В 1382 г. фламандская изобретательность привела к появлению рибодекенов на поле боя под Беверхутсфельдом. Применение артиллерии дало возможность армии Гента сдерживать противника — войско жителей

БУРГУНДСКИЙ ФАЛЬКОНЕТ позднего периода XV века. Созданная под финансовым и идейным руководством Карла Смелого, оснащенная колесным лафетом и имевшая длинный ствол пушка стала образцом точности и подвижности для орудий новой полевой артиллерии.

ТУРЕЦКИЙ ЯНЫЧАР В АТАКЕ. Основанный в 1330 г., этот корпус турецких солдат-рабов внес значительный вклад в военные успехи государства османов и послужил образцом для реорганизации дисциплины в западных армиях XVI столетия.

Брюгге — и смять его фланг решительной атакой пехоты.

Религиозная война в Богемии (Чешская Республика) стала свидетелем появления мобильной артиллерии. Ян Жижка, вожак гуситов, подвергся атаке во время осады Некмера в 1419 г. Он велел выстроить повозки табором, образовав заграждение, и отразил наскок кавалерии орудийным огнем. Поскольку гуситы представляли собой в основном крестьянское пешее ополчение и не умели сражаться копьями, как выученная пехота, и почти не имели отрядов всадников, повозки служили им превосходным средством сдерживать нападения рыцарей. Жижка применял табор как своего рода передвижную крепость для обороны от атакующего неприятеля, когда же тот, не в силах добиться успеха, выдыхался, гуситы откатывали некоторые повозки и выпускали в преследование свою конницу. Тактически повозки представляли собой

оборонительное оружие, противнику приходилось самому идти к ним. За каждой повозкой закреплялся отряд в 20 чел., который сражался в ней и около нее. Вооружались воины смертоносными боевыми цепями, алебардами, арбалетами и примитивными фитильными аркебузами. На повозках устанавливались легкие пушки-гуфницы (*houfnice*), а между ними прятались тарасницы (*tarasnice*) — легкие огнестрельные орудия на подпорках. Повозки имели борта с бойницами, которые при необходимости поднимались, сводя на нет старания неприятельских лучников поразить живую силу гуситов, а подвешенные под повозками доски не позволяли противнику проползти под их днищем. Гуситы обладали способностью очень быстро становиться табором и сниматься с него, активно маневрируя перед неприятелем. Они очистили от католиков свою территорию, а потом принялись терроризировать сопредельные области. Скоро соседи стали перенимать их методы. Матияш Корвин, король Венгрии, нанял войско гуситов-таборитов, которые служили ядром его армии. После того как он применил их против турков в 1444 г., османы тоже переняли их тактику.

Успех гуситским крепостям на колесах приносило большое количество пушек. Кроме того, повозки служили надежным заслоном на пути атакующего противника, особенно конницы. На нападавших обрушивались стрелы арбалетчиков и снаряды, выпускаемые из огнестрельного оружия, когда же штурмующим удавалось достигнуть табора, им приходилось иметь дело с алебардчиками и вооруженными цепями воинами, действовавшими с вышнего. Если же неприятелю удавалось прорваться внутрь табора, на него набрасывался резерв гуситов и теснил к повозкам, где находившиеся в них «команды» тоже имели возможность помочь своим, нанося врагу удары в спину. Только артиллерия служила надежным средством борьбы с таборами, однако вплоть до конца XV столетия ей не хватало подвижности, чтобы действовать против кочующих крепостей.

Тактика гуситов не нашла распространения на Западе. Во Франции братья Бюро изобрели артиллерийский лагерь — укрепление со множеством пушек разных

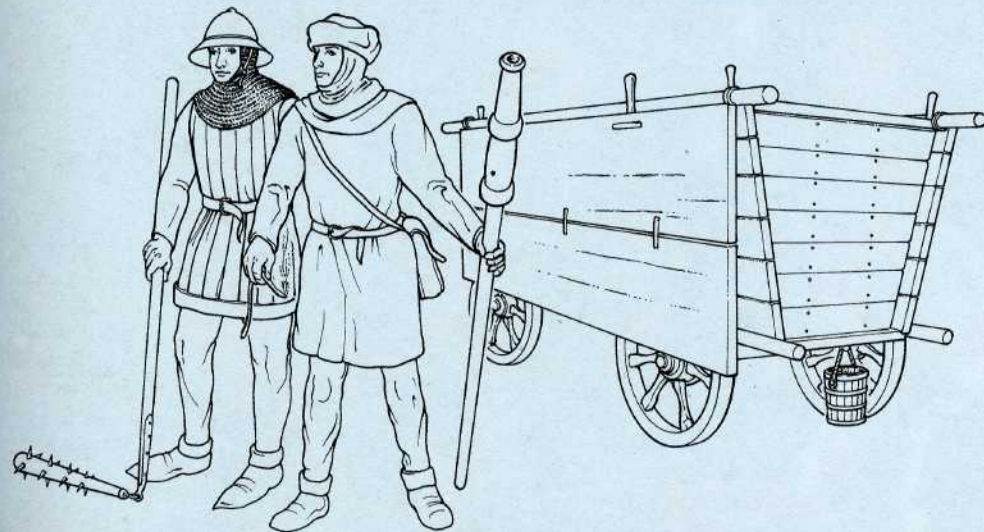

РАННЯЯ АРКЕБУЗА — около 1500 г. К тому моменту ручное огнестрельное оружие становится легче, удобнее для транспортировки и точнее. В битве при Павии в 1525 г. аркебузиры императора доказали свое превосходство перед *gens d'armes* (рыцарями) короля Франциска I Французского.

калибров. Лагерь доказал свою действенность под Кастильоном в 1453 г., в битве, поражение в которой англичан привело к их изгнанию из Аквитании. Герцоги Бургундии питали большую страсть к огнестрельному оружию, однако лишь в 70-е годы XV века Карл Смелый сумел создать более или менее значительное подразделение «полевых пушек». Против обычных армий такие орудия оказались весьма эффективными, поскольку наличие колес позволяло передвигать пушки на другие позиции. Между тем швейцарцы обычно наступали слишком быстро, чтобы орудия успели показать себя против них. В наследство Карлу достался и отряд аркебузиреров. Факт того, что он содержал довольно крупные формирования такого рода, позволяет предположить, что они доказывали свою эффективность. Оружейники позднего Средневековья нашли ответ на усиление боевой мощи новых арбалетов и на массированное применение больших луков, совершенствуя защитное вооружение людей и лошадей, что вдох-

нуло новые силы в возродившуюся рыцарскую конницу. Однако латы, сделанные из расположенных под наклоном листов прочной стали с хитроумным рифлением, выдерживавшие попадание стрелы из арбалета или лука, все равно плохо защищали от пуль, выпущенных из огнестрельного оружия. Перемешанные со спешенными тяжеловооруженными конниками и алебардчиками или выставленные впереди них, аркебузиры могли выбивать передовые шеренги облаченных в доспехи копьеносцев. Понятно, почему стрелки из ручного огнестрельного оружия тоже приветствовались как наемники в армиях участников Войн Роз. Вместе с тем, несмотря на все новшества, пушки и аркебузы, как можно предположить, не оказывали большого влияния на исход боевых действий в поле до XVI столетия.

Боевая повозка гуситов. Вспыхнувший на почве религиозных мотивов мятеж в Богемии (1417–1435) выдвинул на передний план военный гений Яна Жижки. Он ввел «постановку лагерем» повозок, места на которых в бою занимали стрелки из ручного огнестрельного оружия и люди, вооруженные всевозможным оружием на длинных рукоятках, прежде всего боевыми цепями. Такие крепости на колесах оказались не под силу традиционным в ту пору рыцарским армиям, которые посылали против гуситов.

Конница

Конница служила ударной силой средневековых армий, применялась для сокрушения порядков пехоты, достижения перелома в битве и преследования бегущих. Между тем по мере совершенствования пехотного вооружения и развития тактики пехоты, кавалерия постепенно утрачивала господство на полях сражений.

Марцеллин изрек однажды: «Они не слишком годятся для боя в пешем строю и чуть ли не всегда в седле, лошади их неказисты на вид, но выносливы. И иногда они сидят на них как женщины, если им так нужно и удобно. Нет ни одного во всем народе, кто бы не мог оставаться в седле день и ночь. В седлах они торгуются, продают и покупают, там же едят и пьют, они пригибаются и приникают к узкой лошадиной шее и так засыпают, причем спят крепко и видят сны. А если случается у них потребность что-нибудь обсудить, как следует о чем-то потолковать, то совет они ведут, сидя на конях... Иногда, если к тому подвигают их действия неприятеля, они выезжают на битву густым строем, издавая всевозможные страшные кличи. Нападают быстро на лихом скаку и норовят застигнуть неприятеля врасплох. С таковыми целями они вдруг рассеиваются, чтобы вновь сойтись вместе, и снова — после того как нанесут противнику величайший урон — разбегаются, разбросанные там и тут по всему

НЕСМОТЯ НА СРЕМАНИЕ ХУДОЖНИКА изобразить битву при Креси, о которой рассказывает в «Хронике» Жана Фруассара, представленная тут иллюстрация к манускрипту XV столетия не точна как в изображении географии сражения, так и в том, что касается оружия и доспехов. Между тем доспехи и оружие на картинке вполне сообразны тем, которыми пользовались во времена жизни иллюстратора, — кавалеристы, спешенные «жандармы» и лучники облачены в полностью латные доспехи.

полю летучими отрядами, всегда избегая крепостей или же укреплений».

Вышеприведенное описание гуннов принадлежит жившему в IV столетии римскому автору Аммиану Марцеллину, который, к несчастью, искажал историю войны вообще и историю кавалерии в частности, посеяв неверное представление о них на несколько веков вперед (IV век; труд *Rerum gestarum libri* — «Хроника событий»; Марцеллин был, конечно, не *вредителем*, а просто немного фантазером. — Прим. пер.). Все верно, в войсках гуннов конница доминировала, для них было обычным делом вести битвы, в которых их кавалерия одолевала противника, действуя именно так, как описывает Аммиан. Однако германские племена — вестготы, остготы, вандалы,

аланы, алеманы, свевы, бургунды, лангобарды и франки, — начиная с IV столетия волнами перехлестывавшие берега Рейна и Дуная, которые служили границами Римской империи, выставляли в поле преимущественно пехотные армии с небольшими конными дружинами. Так или иначе, довольно часто победу в битвах германцам приносили не конные отряды, а пешие воины.

Между тем описание гуннов, данное Аммианом Марцеллином, указывает на одну деталь, которую не следует упускать из вида, занимаясь анализом тактики «варварской» конницы в эпоху раннего Средневековья: германские племена применяли кавалерию не так, как римляне, варвары делали на нее куда большую ставку в ходе кампаний и непосредственно в битвах. Для римлян конница представляла собой в большей степени вспомогательные силы, предоставляемые преимущественно не римлянами (т.е. их более или менее добровольными союзниками. — Прим. пер.), основной же упор делался на пехоту. Конные отряды варваров, однако, выполняли основные маневры на поле сражения, а пехота следовала

за ними как за лидерами. Таким образом, варвары как бы поменяли местами эти два рода войск.

Кавалерия варваров

Совершенно очевидно, что лошади служили варварам не только для боя, но и являлись символом принадлежности всадника к определенному классу. В большинстве германских племен тот, кто мог позволить себе иметь коня, и тот, кто умел владеть им, принадлежал к элите — военной, социальной и политической. Именно такой взгляд на вещи лежал в основе процессов, помогавших кавалерии целых 1200 лет владеть полями сражений. Кавалерия занимала важнейшие стратегические и тактические позиции в средневековых армиях, поскольку в ее

рядах находились самые богатые и самые титулованные представители тогдашнего общества. Их социальный статус и главенство, в свою очередь, обеспечивали их средствами и временем, необходимыми для подготовки хорошего кавалериста. Таким образом, круг как бы замыкался.

Но, что куда важнее, конница действовала эффективно. В двух довольно ранних схватках с силами Восточной Римской империи вестготская кавалерия, по-видимому, даже решила исход сражения. В 378 г. у Дибальтума конница нанесла решающий удар по римлянам, которые до того успешно отражали многочисленные атаки вражеской пехоты. Еще более впечатляющим образом в разгар битвы под Адрианополем, спустя несколько недель (в августе того же года. — Прим. пер.), вестготская кавалерия ударила в тыл ослабленному левому флангу римлян, сокрушив его, обратив в бегство и расстроив остальные формирования. Победа под Адрианополем стоила жизни императору Валенту и открыла вестготам и другим германским захватчикам пути далее в глубь Римской империи. Ни в том, ни в другом эпизоде конница вестготов чис-

«Если после одержанной победы полководец преследует вражеские отряды силами рассеянной и дезорганизованной армии, такой воитель сам рискует подарить победу неприятелю».

ИМПЕРАТОР МАВРИКИЙ,
«СТРАТЕГИКОН», 600 г. от РХ.

Гуннский конный лучник (ок. V—VI столетия)

Главным средством вооружения гуннского конника служил лук, пользоваться которым воин был обучен даже мчась в седле галопом. Футляр для лука крепился к седлу, а колчан со стрелами висел за спиной всадника, чтобы не затруднять доступ к ним во время боя. Сколько именно стрел находилось в колчане обычно, точно не установлено. Имелся у гунна

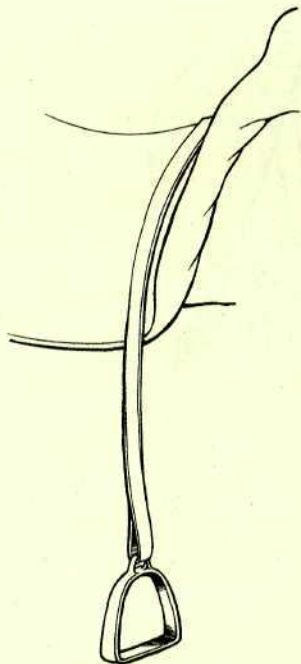
и меч для ближнего боя, висевший в ножнах на перевязи и крепившийся к поясу воина. Гуннские кавалеристы скакали на низкорослых степных лошадях, которые, несмотря на свои скромные размеры, отличались необычайной выносливостью и проворностью. Гунны не пользовались стременами, что не мешало им, однако, прочно держаться на спине лошади.

ленно не превосходила их пехоты, однако доказала способность достигать решительного перелома в сражении. Тактику кавалерии как «ударного звена» взяли на вооружение и с успехом применяли далее как сами вестготы, так и другие варварские племена.

По всей видимости, вестготская конница имела хорошее для того времени вооружение и доспехи, а потому представляла собой нечто такое, что историки в будущем стали называть «тяжелой кавалерией». В качестве вооружения для нанесения первого удара применялись копья или пики, за которыми

вступали в дело длинные мечи. При этом основной опорой всаднику служило седло, так как снаряжение всадника времен великого переселения народов оставалось приблизительно таким же, как и в античные времена. Гуннов можно назвать легкой конницей. Вооружались они в основном луками, однако некоторые также имели копья и мечи. Они действовали соответственно как верховые лучники, атакуя врага не в лоб, а ведя стрельбу на скаку, проносясь вдоль неприятельского строя. Клавдиан (античный поэт IV — начала V в. — *Прим. пер.*) оставил вот такое описание их обычая сражаться: «Быстры, легки, в рассеянном строю идут они на битву / Бегут и, обратившись, бьют врага, что мнит их битыми». Пехотные отряды в армиях гуннов тоже существовали, однако были немногочисленны и, по крайней мере поначалу, играли чисто вспомогательную роль. С приходом к власти Атилы в 433 г. количество пехоты у гуннов увеличивается, поставщиком ее служат часто союзники или же покоренные народы. Знаменитое поражение Атилы, битва

ПРОСТОЕ И ГЕНИАЛЬНОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ, стремглав позволяли средневековому кавалеристу атаковать с копытом наперевес, вкладывая в завершающий удар при столкновении с противником кинетическую энергию тандема лошадь—всадник и превращая конную атаку во всепокрывающий «ударный кавалерийский бросок».

на Каталонских полях в 451 г., может даже считаться в основе своей столкновением пехоты с пехотой. И все же конница в войсках Атилы отводилась центральная роль, она служила ядром стратегии в кампаниях и тактики на поле боя.

О лошадях, на которых воевали варварские племена в раннем Средневековье, известно очень мало. Летописцы нечасто уделяют внимание коням более тяжелой (по сравнению с гуннами) кавалерии вестготов, остготов, вандалов и других племен, однако, поскольку животным приходилось нести всадников в тяжелых доспехах, обычно считается, что лошади эти были сильны, хотя можно предположить, что скорость и особенно выносливость ценились выше силы. Распространено мнение, что кони варваров отличались меньшими размерами, чем те, которые появились у кавалерии позднее, поскольку в основном всадники бросали дротики и наносили удары противнику относительно коротким мечом.

Гуннская конница

Немало говорится о лошадях гуннов, легких, маленьких и быстрых. Кроме того, они могли без усталости покрывать большие расстояния, хотя многие конники-гунны задействовали во время переходов и боев по нескольку коней, меняя их, чтобы сохранить силу животных. Основными боевыми лошадьми гуннам служили кобылы, поскольку молоко их обеспечивало питание воинов во время кампаний, а также и потому, что кобылами легче управлять, чем жеребцами. Возможно, эти лошади — предки современных лошадей монголов, кобылы которых имеют в холке 125 см и которых можно доить четыре или пять раз в день, получая около 250 г молока при каждой дойке.

Франки, которые перешли Северный Рейн и вторглись в пределы Западной Римской империи позднее, чем южные и восточные племена, в итоге сделали господами Западной Европы. Военное искусство конников они познали также несколько с запозданием по сравнению с другими. Однако к началу VI столетия франки тоже вполне привычно воевали в седлах — по крайней мере, часть франкской армии была представлена кавалери-

ей. Такие комбинированные франкские войска сражались во многих кампаниях и одержали немало побед, хотя в большинстве случаев, как представляется, они использовали коней скорее как средство передвижения и поддержки пехоты на поле боя. Так, например, большинство боев, которые выпали на долю Хлодвиг I (481/2—511), объединившего племена салических и рипуарианских (райландских, или прирейнских) франков и фактически основавшего династию Меровингов, он провел в пешем строю, при этом так же бился, как правило, и его противник. Франкская кавалерия путешествовала к полю боя верхом, где спешивалась и сражалась рядом с пехотой, однако совершенно ясно, что конники во времена первых Меровингов могли биться и верхом. Свидетельство о тогдашних действиях конных воинов находим у Григория Турского (VI век. — *Прим. пер.*), который рассказывает о двух соперниках, Драголене и Гунтраме, схлестнувшихся между собой: «Драголен дал шпоры своему коню и на всем скаку бросился на Гунтрама. Но удар его не принес успеха, ибо копые переломилось, а меч его упал наземь. Затем Гунтрам приподнял свое копые, ударил Драголена в горло и выбил из седла. И вот когда Драголен свис с лошади, один из друзей Гунтрама пронзил его (Драголена) в бок и прикончил».

Самая знаменитая битва во времена Меровингов — это, несомненно, столкновение 732 г. между Туром и Пуатье (обычно именуемая по названию последнего). В этом сражении франки имели дело с привычной к победам и почти не знавшей поражений мусульманской армией, возглавляемой Абд-эр-Рахманом эль-Гафики, которая пришла на территорию франков из-за Пиренейских гор. Источники, освещающие эту битву, скудны. Те же, которые существуют, — как мусульманские, так и франкские, — утверждают, что мусульмане, имея в составе войска испанцев, берберов, марокканцев и арабов, сражались по своему обычаю силами конницы и пехоты, тогда как армия Меровингов, возглавляемая Карлом Мартелом (майордомом, или «премьер-министром», фактическим правителем франков. — *Прим. пер.*), билась исключительно в пешем строю.

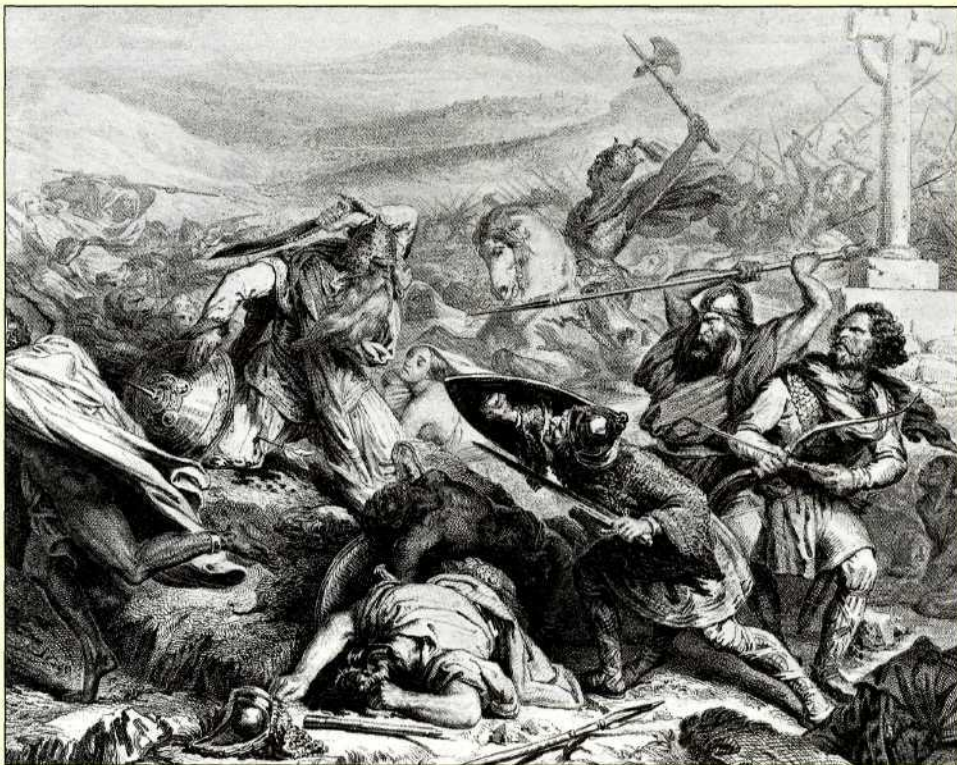

ПОДКОВА, изобретенная около 890 г., давала ограниченный эффект в условиях сухого климата, как, например, в Испании, Италии или в Святой Земле, где копыта оставались сухими и позволяли коням идти на галопе по твердой и каменистой почве. Однако в более влажном климате Европы, где копыта легко размякались, быстро снашивались и даже крошились, внедрение подковы означало возможность для коня покрывать большие расстояния, двигаться быстрее без риска выхода из строя копыт. Более того, подкова позволяла воевать в любое время года, при любой погоде и на любой местности.

Пехотинцы Карла обладали большим опытом, так как сражались уже во многих кампаниях, и именно опыт их, возможно, принес им победу под Пуатье. Плотный и глубокий строй франков не дрогнул, хотя мусульмане множество раз бросали на него кавалерию и пехоту. Пехота часто следовала тогда за всадниками и наносила формированиям противника, ослабленным и дезорганизованным валом конницы, сокрушающий удар, довершая разгром. В какой-то из этих атак погиб сам Абд-эр-Рахман эль-Гафики, и, когда пала ночь, армия его покинула поле, хотя похоронный отряд, по всей видимости, вернулся, чтобы погребсти командиров там, где они сложили головы. Выдержать удар кавалерии — не побежать, но выстоять — для средневековой пехоты было делом непростым, от солдат требовались огромная отвага и крепкая дисциплина, а от командиров опыт и умение заставлять людей слушаться себя даже в самую трудную минуту. Немногие армии обладали тогда такими качествами.

Технологические инновации

Несмотря на успех, сопутствовавший Карлу с его пехотой под Пуатье, можно предположить, что уже вскоре после того сражения он начал сознавать необходимость увеличения в армии составляющей

БИТВА ПРИ ТУРЕ (или ПРИ ПУАТЬЕ), происходившая в 732 г., изображена на представленной иллюстрации в гиперромантизированном стиле XIX столетия. Так или иначе, перед нами сражение, в котором франкский полководец Карл Мартелл победил мусульманскую армию, возглавляемую Абд-эр-Рахманом эль-Гафики, что привело к прекращению арабской экспансии через Пиренеи на территорию меровингской Франкии.

тяжелой кавалерии, которую требовалось обучить также хорошо действовать в наступлении, как умела пехота в обороне. Реорганизация продолжалась на всем протяжении его правления и правления его сына, Пепина III (Короткого), фактически основавшего династию Каролингов (король с 751 г. — *Прим. пер.*).

Перемены находят отражение в летописях и хрониках, где упоминается о применении франками тяжелой конницы, но также и в некоторых косвенных фактах: захвате большого количества церковных земель Карлом Мартеллом после Пуатье, обычая собирать франкскую армию в период с марта по май, когда встречалось меньше проблем с обеспечением питания коням и заменой для саксов дани, выплачиваемой скотом, поставками коней.

Что же питало тактические перемены? Что стояло за ними? (Разумеется, это довольно спорное заявление и противоречит высказываниям самого автора данного раздела ниже, в главе о византийских армиях, где говорится о вторжении арабов. — *Прим. пер.*)

Историки склонны думать, что во всем виновата битва при Пуатье, где на Карла Мартелла произвело неизгладимое впечатление то, как противник применял конных воинов, а потому-де он и решил привнести изменения в свою армию, попросту скопировав опыт неприятеля. Противоречит данной точке зрения то обстоятельство, что мусульманские армии начали использовать большие массы конницы не ранее второй половины VIII столетия, по видимому, как раз отвечая на перемены во франкских армиях, а не наоборот.

Другой причиной является, возможно, внедрение стремян. Согласно теории Линна Уайта-младшего, высказываемой в его книге «Средневековые технологии и социальные перемены» (Оксфорд, 1962 г.), все дело в принятии на вооружение франками простой и важной технологической новинки — прочных деревянных, вер-

бочных или металлических скоб (петель), прикрепленных к ремням и свисавших по обеим сторонам с седла, в которые всадник вставлял ноги, — что полностью изменило их (франков) организацию и тактику, приведя к выдвиганию на приоритетные позиции хорошо вооруженных и защищенных тяжелыми доспехами конников. Нет никакого сомнения, что стремяна являлись одним из тех изобретений, которые самым серьезным образом повлияли на боевое применение всадников. До появления стремян, чтобы сохранить баланс, воину-кавалеристу приходилось крепко сжимать бока коня ногами. Нетрудно представить себе, что это осложняло ему управление конем и ограничивало свободу пользования вооружением. Стремяна повысили устойчивость конника, а также и расширили его тактические горизонты. До появления стремян лошадь представляла собой нечто ненамного большее, чем средство передвижения, неподвижную платформу для нанесения с нее удара копьем и мечом или передвижную позицию лучника. Если конник атаковал неприятеля на скаку с целью нанести удар копьем, он сам рисковал вылететь из седла не меньше, чем тот, на кого нацеливал оружие.

Несмотря на всю их важность и полезность, стремяна представляли собой довольно позднее изобретение. Античность не знала стремян, и даже несмотря на то, что уже в раннем Средневековье они были известны в Китае, в Индии, в Корее и в Японии, в Европу они пришли не ранее VII или даже в начале VIII столетия. Примерно в это время стремяна проникли в Персию и оттуда уже распространились на весь мусульманский мир (хотя стремяна могли раньше появиться у аваров, которые, в свою очередь, «поделились» этой новинкой с другими кочевыми народами).

С Ближнего Востока стремяна почти тут же пришли и в Византию, а уже потом — либо через византийцев, либо напрямую от арабов — к франкам. Этот процесс эволюции Линн Уайт подтверждает данными археологии, языкознания и в меньшей степени художественными источниками, все из которых доказывают, что франки узнали стремяна только в VIII столетии. В то время у франков и произошло изменение в политике воору-

жения, что привело к тому, что они отложили обычные для себя секиры и копья с зазубренными наконечниками (чисто пехотное вооружение) и взялись за длинные мечи и длинные кавалерийские копья, или пики, с их главной отличительной особенностью — поперечинами, которые не позволяли оружию так глубоко застрять в теле противника, чтобы не дать возможности вытащить острие оттуда. Конный воин «кушировал» копьё — зажимал его древко под мышкой и наносил удар с разгона, каковая тактика получила название «ударной кавалерийской атаки».

Стремяна — поразительное изобретение, изменившее всю средневековую кавалерию, однако не менее поразительно то, что выдвигание их принятия на вооружение в VIII веке как основной причины реорганизации военного дела у Каролингов нередко встречает неприятие. Многие указывают на недостаточность свидетельств и необоснованность теории Уайта, не желая соглашаться с тем, что именно введение стремян привело к возникновению средневековой кавалерии (т.е. в итоге рыцарской конницы, или того, что под этим понимается. — *Прим. пер.*). Они ссылаются на то, что немногочисленные археологические раскопки не позволяют точно установить даты захоронений и что вообще невозможно использовать найденное в могилах как доказательство наличия у франков тех или иных обычаев в то или иное время, а потому нельзя подтвердить ни точные сроки появления стремян, ни степень их влияния на военную стратегию Каролингов. Художественные и литературные свидетельства тоже вызывают подозрения у критиков. С другой стороны, те, кто оспаривает верность тезиса важности стремян как первопричины глобальных перемен в военном деле, не предоставляют никакой другой теории относительно того, что же привело к созданию у Каролингов тяжелой кавалерии. Так что же это? Просто некое тактическое решение, принятое Карлом Мартеллом без какого-то влияния извне, т.е. без серьезных объективных предпосылок? Точного ответа мы, возможно, не получим никогда.

Что мы знаем точно, так это то, что стремяна вкупе с другими технологическими инновациями изменили способы

применения кавалерии, послужив основой для проведения «ударной кавалерийской атаки», о которой говорит Уайт. Еще одна новинка — металлические подковы, появившиеся в конце IX века (примерно в 890 г.). Изобретение приносило ограниченные преимущества в более сухом климате, как, скажем, в Испании, в Италии или в Святой Земле, где копыта коней сохраняли твердость и позволяли идти на галопе даже по каменистой почве. В условиях влажности северных европейских стран, однако же, копыта быстро размягчались, стирались, а порой и трескались, поэтому применение подков позволяло лошади проходить большие расстояния с более высокой скоростью по любой, в том числе и по каменистой, местности без повреждений. Теперь боевые действия становилось возможным вести в любое время года и на любой почве. Еще одним нововведением, улучшившим технику применения кавалерии, стало относящееся уже к началу XII столетия появление высоких седельных луков. До того момента седла делались из твердой кожи. Они являлись как бы продолжением привычных в античности ездовых одеял и подушечек и несколько добавляли устойчивости. В общем и целом такие седла лишь позволяли всаднику удобнее сидеть на коне, уменьшали риск падения, но не помогали повысить боеспособность кавалериста. Введение овальной задней луки предотвращало падение с лошади. Высокая передняя лука прикрывала гениталии и низ живота, а также отчасти гарантировала от падения через голову лошади. Со всеми этими нововведениями кавалерист мог полностью использовать силу коня и кинетическую энергию разгона, нанося удары на скаку и не очень рискуя при этом вылететь из седла.

Положение копья и ударная кавалерийская атака

Однако предположение относительно того, что всадники античности и раннего Средневековья не могли эффективно действовать из-за отсутствия стремян и примитивной конструкции седел, тоже будет ошибочным. Конница существовала за тысячу или даже более лет до появления стремян в Европе, в мусульманском

мире и в Восточной Азии. Сражавшиеся верхом воины имели возможность эффективно применять имевшееся у них оружие — копья, мечи и луки, — удерживаясь на спине лошади за счет прочного захвата ногами ее корпуса. В каком-то смысле стремяна снизили искусство конников, становясь техническим средством, заменяющим важную составляющую конного боя — умение применять оружие без «подпорки» в виде стремян. Принимая во внимание перечисленные выше технологические инновации, можно сказать, что конный воин XI—XII столетий проигрывал в «чистом мастерстве» владения конем своему собрату из эпохи раннего Средневековья. Иными словами, норманские всадники не сумели бы воевать так, как делали вестготские или гуннские конники, просто потому что их приемы разительно отличались друг от друга. (С другой стороны, воины раннего Средневековья смогли бы быстро и легко усвоить более поздние технологии.)

Бесспорно, что введение стремян значительно улучшило возможности кавалерии в проведении верховой ударной атаки, но не пришла ли одновременно со стремянами и манера держать копье так, как держали его рыцари, скажем, на турнирах, т.е. под мышкой? Если нет, откуда же взялась подобная практика — «куширование»?

Ответ на первый вопрос отрицательный, по крайней мере, нет никаких убедительных свидетельств того, что тактика всегда шагала в ногу с техникой. Историки пытаются уточнить время внедрения практики держать копье наперевес концом древка под мышкой и тактики верховой ударной атаки. На протяжении длительного времени считалось, что прием применялся уже в раннем Средневековье или в конце античного периода (что в плане технологий трудно разграничить определенной датой), возможно, уже в битве при Адрианополе (378).

Однако в 1951 г. теория получила чувствительный удар, когда Д. Дж. А. Росс в статье, озаглавленной «Plein sa hanste» (в 20-м номере «Средневековья» [«Медиум эвум» — *Medium Aevum*], с. 1—10), привел доказательства, что первые упоминания о «рыцарской технике» положения копья появляются лишь в ранних ге-

Каролингский всадник с копьем (около VIII столетия)

Ни одна из западных армий со времен падения Рима не была столь крупной и эффективной, как та, которую создал Карл Великий, или Шарлемань. Основные силы, как прежде, представляли пехотные формирования, однако ядром войска Шарлеманя стала тяжелая кавалерия, стратегическая и тактическая подвижность которой, а также ударная мощь почти неизменно обеспечивали успех каролингским военным начинаниям. Наиболее распространенным защитным вооружением каролингским всадникам служила бруния — длинная кольчатая или чешуйчатая броня, которая прикрывала торс, большую часть

рук и ниспадала почти до колен. Открытые шлемы имели часто довольно широкий обод. Конники имели большие круглые щиты, хотя применяли их практически только тогда, когда приходилось сражаться в пешем строю.

Более зажиточные из каролингских всадников могли позволить себе также поножи, поручи и даже боевые рукавицы. Наступательное вооружение состояло прежде всего из копья или пики, которой воин мог наносить колющий удар или же метать в противника с расстояния; имели конники, конечно же, и меч (часто даже два. — Прим. пер.), а иногда пользовались также и луками.

роических балладах (*chansons de geste*), которые датируются периодом с 1050 по 1100 г. Данная теория получила отпор в 1962 г. с публикацией ранее упомянутой здесь книги «Средневековые технологии и социальные перемены» Линна Уайта-младшего. Уайт утверждает, что верховая ударная атака была известна гораздо раньше, чем говорит Росс, вероятно, уже в VIII столетии — в том же самом, в котором, по мнению Уайта, появились шпоры и вместе с ними выдвинулась на лидирующие позиции тяжелая кавалерия.

Однако постулат Уайта, датирующего возникновение техники верховой ударной атаки VIII веком, вскоре подвергся критике. Не прошло и года, как Росс бросился на защиту своего тезиса, обнародованного в 1951 г., призывая в свидетели не только поэмы о героических деяниях рыцарей (*chansons de geste*), но и «гобелен» из Байе. В следующие два десятилетия вышло немало статей, поддерживавших теорию Росса, во всех из которых период внедрения верховой ударной атаки ограничивался рамками примерно 1050—1150 гг. В 1965 г. Франсуа Бюттен привел немало хроник и летописей в защиту того, что «рыцарская тактика» родилась никак не ранее XII столетия; в 1980 г. Давид Николь с уверенностью назвал начало XII века временем, когда практикуемая крестоносцами манера «кушировать» копье, держа его наперевес с зажатым под мышкой тыльным концом древка, оказала влияние на конницу мусульман; в 1985 г. Бернард С. Бахрах в книге «Животные и военное дело в период раннего Средневековья в Европе» тоже настаивал на XII столетии, выдвигая на первый план обстоятельство внедрения высоких задней и передней луки в данный период; в том же году Виктория Сирло, используя каталонские художественные, дипломатические и литературные источники, установила дату — примерно 1140 г.; а в 1988 г. Жан Флори, основываясь на письменных свидетельствах христиан и мусульман, поэзии и иллюстрированных документах, предложил приблизительно 1100 г.

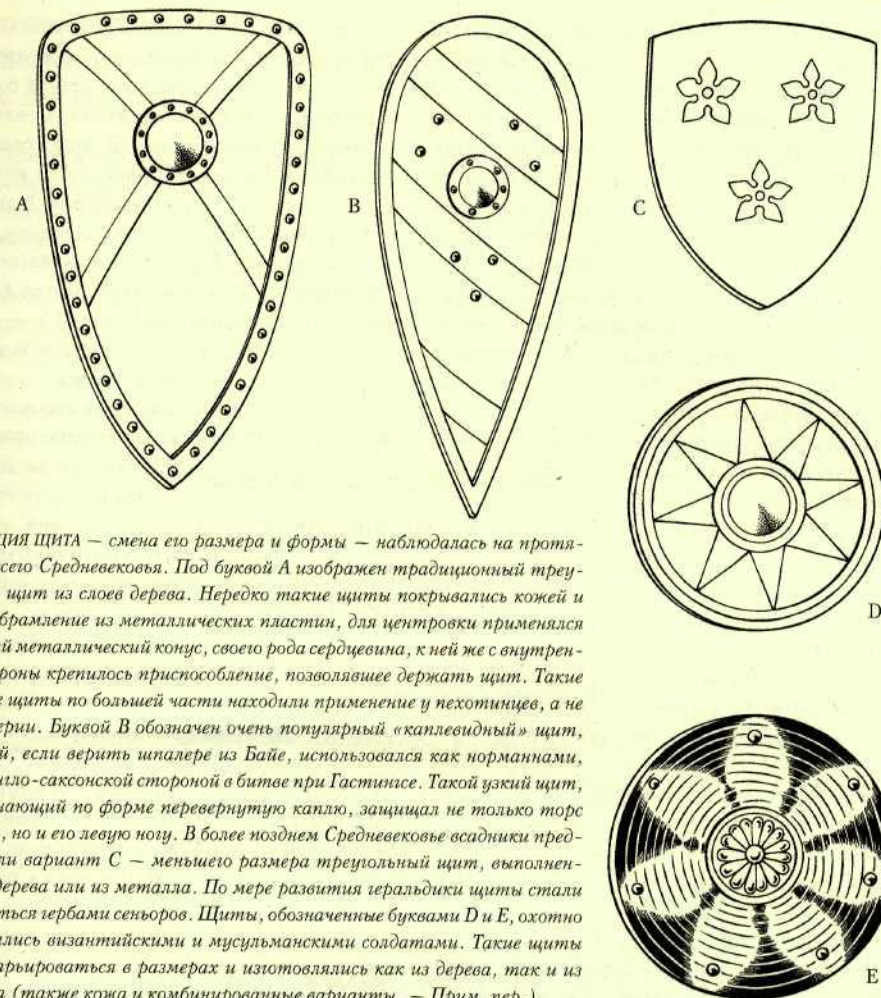
Какой бы ни являлась действительная дата, не подлежит сомнению, что в середине XII столетия на поле боя доминировала конница с «кушированными» — зажатыми под мышкой — копьями и что с

того времени и до конца Средневековья верховая ударная атака превалировала, как и вообще использование всадниками длинного копья. Данная тактика находила повсеместное применение в Западной Европе, что подтверждается большим количеством свидетельств из западных королевств, где на иллюстрациях кавалерия все время применяет копья «в рыцарской позиции». Написанные в те времена хроники утверждают, что копье служило главным наступательным вооружением крестоносцев в Святой Земле, которые начинали бой верховой ударной атакой. В Англии в 1181 г. «Указом о вооружениях» короля Генри II только копье называется как предписанное вооружение конника в бою. Те же требования предъявлялись к воинам кавалерии во Флоренции в 1260 г., в Испании, в Германии и во Франции также практиковали верховую ударную атаку.

Византийская кавалерия

Вот еще один важный вопрос, которым задаешься, говоря о кавалерии в Средние века: «Когда же этот род войск стал доминировать в средневековых армиях?» Восточная Римская империя на заре своего существования столкнулась с вестготами и гуннами, важнейшими ударными силами которых служила именно конница. Византийская империя — восточная половина некогда великого Рима, сохранившаяся как единое целое после распада Западной Римской империи, — довольно быстро отреагировала на новую угрозу, создав конные части и научившись эффективно противодействовать как тяжелой кавалерии, например вестготов, так и легкоконным лучникам, составлявшим ядро гуннских орд.

К началу правления императора Юстиниана I (527—565) в Византии произошла почти полная трансформация военной организации. Прокопий, плодотворный, хотя и не во всем точный византийский хронист (Прокопий Кесарийский; см. 1 разд. — *Прим. пер.*), говорит о том, что кавалерия, особенно показавшая себя под руководством таких талантливых полководцев, как Велизарий и Нарзес, уже в ту пору доминировала в византийской армии. Византийская кавалерия делилась на

Эволюция щита — смена его размера и формы — наблюдалась на протяжении всего Средневековья. Под буквой A изображен традиционный треугольный щит из слоев дерева. Нередко такие щиты покрывались кожей и имели обрамление из металлических пластин, для центровки применялся тяжелый металлический конус, своего рода сердцевина, к ней же с внутренней стороны крепилось приспособление, позволявшее держать щит. Такие крупные щиты по большей части находили применение у пехотинцев, а не у кавалерии. Буквой B обозначен очень популярный «каплевидный» щит, который, если верить ипполиту из Байе, использовался как норманнами, так и англо-саксонской стороной в битве при Гастингсе. Такой узкий щит, напоминающий по форме перевернутую каплю, защищал не только торс конника, но и его левую ногу. В более позднем Средневековье всадники предпочитали вариант C — меньшего размера треугольный щит, выполненный из дерева или из металла. По мере развития геральдики щиты стали украшаться гербами сеньоров. Щиты, обозначенные буквами D и E, охотно применялись византийскими и мусульманскими солдатами. Такие щиты могли варьироваться в размерах и изготавливались как из дерева, так и из металла (также кожа и комбинированные варианты. — *Прим. пер.*).

три вида: тяжеловооруженная в доспехах, вооруженная более легко, предназначенная в основном для коротких стычек с неприятелем, и, наконец, конные лучники. Широко использовалась наемная конница, особенно гуннская и отряды подобной ей племенной кавалерии из азиатских степей и Восточной Европы.

Все три элемента конницы были важны для армии, но особенная роль принадлежала, как можно предполагать, верховым лучникам. Необходимость иметь такие отряды в войске обуславливалась, конечно, опытом гуннов, столкновение с которыми пережила Европа примерно за столетие до «эры Юстиниана». Прокопий сообщает, что такие воины отличались особым мастерством и способностью вести меткую стрельбу с коня как с левой, так и с правой стороны и даже на полном ска-

ку. Кроме того, они с равной ловкостью «вели огонь» отстреливаясь назад, скажем, прикрывая отход свой и товарищей, при этом стрелы обладали даже большей пробиваемостью, чем стрелы гуннов или постоянного противника византийцев на востоке — персов. Верховые лучники византийцев обладали и лучшим защитным вооружением, чем неприятель, которое прикрывало торс воина и ноги выше колен, к тому же на предплечье они несли щит, которым могли пользоваться в бою, прикрывая им шею и лицо при стрельбе. И наконец, отложив в случае надобности луки и выхватив мечи, лучники вступали в рукопашную как легкая конница.

Не меньшее впечатление производит и тяжелая византийская конница, созданная по образу и подобию катафрактов, с которыми предки византийцев VI века столк-

нулись на Ближнем Востоке, особенно в легендарной Пальмире. Такие византийские конники располагали арсеналом из лука с колчаном на 34 стрелы, двух копий и меча. В качестве защитного вооружения служила длинная до лодыжек кольчатая броня с таким же наголовником, высоким воротом и шлемом с плюмажем. Кони тоже обеспечивались защитным вооружением. Создаваемые и оплачиваемые из личных средств отдельных вельмож (их командиров) из желания снискать милость императора, такие отряды применялись византийцами преимущественно для ударов по пехотным порядкам с целью разбить строй и посеять смятение в рядах неприятеля перед атакой византийской пехоты. Надо ли говорить, что «коньком» их служили не проворность и скорость — в бой они шли быстрым шагом, хотя при необходимости могли на короткой дистанции перейти и на галоп.

Византийцы действительно занимались разведением соответствующих пород боевых коней, создавая большое количество ферм в наиболее богатых и спокойных районах империи. Предпринимались и усилия в направлении обучения этих лошадей различным методам ведения боевых действий в соответствии со спецификацией кавалерийских войск, для которых они предназначались.

Конечно же, как и обычно для практики большинства средневековых армий, византийская кавалерия никогда не превосходила по численности пехоту. Как не были их совместные силы, обычно насчитывавшие около 25 000 чел., большими (чаще скорее меньшими), чем у противника. И все же армии Юстиниана гораздо чаще побеждали, чем проигрывали. Они выбросили персов из Малой Азии, прошли через Ближний Восток, вторглись в Египет и покончили с королевством вандалов в Северной Африке, а потом,

высавившись в Италии, сокрушили остготовов. И во всех завоевательных походах византийские полководцы, чтобы одолеть многочисленного неприятеля, неизменно применяли кавалерию. В ходе осад неспособная карабкаться на стены конница тоже занималась важным делом: заготовкой провианта и ведением разведки.

Наследники Юстиниана — императоры Маврикий (585—602), Фока (602—610) и Ираклий (610—641) — продолжали его военную политику и не раз

добивались успеха, умножая его достижения. Италию пришлось бросить из-за дороговизны ведения там боевых действий, однако кампании против персов и нового противника, аваров, позволили византийцам упрочить свое положение на Ближнем Востоке и на Балканах, а также и расширить византийскую территорию. Война стала фактически постоянным делом, что привело к написанию нескольких учебников по военному

делу. Самый знаменитый из всех — «Стратегикон» (*Strategikon*), авторство которого приписывают императору Маврикию (датируется либо концом его правления, либо началом владычества Фоки). Цель «пособия» в том, чтобы преподавать «офицерам» технику ведения боевых действий, причем многие из рекомендаций относятся именно к сфере применения кавалерии. Из текста явствует, что конница являлась основным родом войск в византийской армии, как не оставляет сомнения и тот факт, что автор хорошо знал не только, как надо сражаться верхом в седле, но и как готовить всадников, ухаживать за лошадьми и сохранять их.

Сражаясь с персами и аварами, византийцы противостояли армиям, в которых и в самих доминировала кавалерия. Персидская конница состояла преимущественно из защищенных доспехами верховых лучников, вооруженных также и мечами. Аварская кавалерия имела вы-

«Если передвижения твои споры, если согладатии твои ловки и проворны, шпионы же твои и посыльные искусны и расторопны, тогда не сомневайся — малым отрядом ты победишь крупный, а крупным одолеешь целую армию».

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВИЗАНТИЙСКИЙ
ПОЛКОВОДЕЦ

Византийский воин тяжелой кавалерии (ок. X столетия)

Изображенного тут византийского конника — наследника древних катафрактов — отличает от последних то, что самого воина и его коня полностью покрывают доспехи. Современные эпохе работы художников позволяют сделать вывод, что для защиты торса применялась обычно чешуйчатая броня, лицо покрывала кольчужная маска, поножи и поручи делались из металла или из специальным образом обработанной толстой

кожи; ратную справа довершали шлем и маленький щит, ну и, конечно, копье и меч. Металлические чешуйки покрывали тело и голову коня. Однако такое надежное защитное вооружение не могло не сказаться на скорости передвижения всадников, а потому византийская кавалерия порой не достигала нужного разгона и пасовала перед плотным строем пехоты или же оказывалась бессильна сладить с более легкой конницей противника.

шеречисленное оружие плюс еще копьё. Персы предпочитали не вступать в ближний бой и, совершенно очевидно, были лучше подготовлены как лучники, чем как мечники. Авары тоже тяготели к тактике лучников, обычно действуя с более даль-

ней дистанции, чем аналогичные отряды персов, однако, вынужденные вступать в ближний бой, они, как можно заключить по имеющимся данным, не менее искусно орудовали копьями и мечами. Есть основания считать, что авары применяли

стремена, являясь, таким образом, первыми в Европе, кто использовал их.

Из этих двух противников византийцам чаще удавалось взять верх над персами, которых они в итоге окончательно одолели при Ираклии. Этим крупным поражением персов многие историки склонны объяснять столь сравнительно легкий успех, с которым мусульмане в VII столетии сумели сокрушить и уничтожить ослабленную персидскую империю. Против персов византийские полководцы руководствовались стратегией и тактикой, очерченными в «Стратегиконе», в том числе ложными маневрами и притворными отступлениями, засадами, беспокоящими наскоками, перерезыванием линий коммуникаций и даже разбрасыванием на путях отхода «чеснока» — шаров с четырьмя острыми зубцами, или шипами, один из которых при падении всегда торчал вверх. Данные приемы были призваны изматывать и ослаблять волю персов к борьбе, что стало бы просто невозможно без наличия у византийцев хорошо подготовленной конницы.

Против аваров византийцы действовали не так успешно, и те в итоге сумели утвердиться на Балканах, а в 626 г. даже угрожали Константинополю. Хотя такое положение, возможно, сложилось вследствие приоритета, который отдавали в Византии «персидскому направлению» в ущерб аварскому. Однако контакты с аварами не прошли даром для византийцев, которые не замедлили извлечь пользу из боевых соприкосновений с аварской кавалерией и перенять для себя кое-какой полезный опыт в плане стратегии, тактики и даже снаряжения.

Арабская конница

Несмотря на то что византийцы на протяжении первых трех веков истории империи (т.е. с номинальной даты крушения западной половины. — *Прим. пер.*) постоянно воевали, они, как приходится констатировать, оказались совершенно неготовыми к тактике мусульманского противника, который, вырвавшись с территории Аравийского полуострова, бурей промчался по византийской территории. Эти армии воинов-кочевников передвигались на лошадях или на верблюдах и были, по всей видимости, настолько же привычны к ведению кавалерийского боя, как описанные Аммианом Марцеллином гунны. Однако не следует представлять их такими уж примитивными жителями пустыни, не располагающими современным вооружением и доспехами или же не знающими «цивилизованной» стратегии и тактики. Хотя многие из них сражались на лошадях и верблюдах как легкие всадники, известно, что другие — более состоятельные воины кавалерии — бились в кольчугах и шлемах. Что же до наличия у них эффективной стратегии и тактики, успех арабов в первые века их военной истории говорит сам за себя. Как армия, в которой доминирующей силой служила конница (см. выше. — *Прим. пер.*), они шли от победы к победе против не столь сильно религиозно мотивированного неприятеля, включая некогда весьма и весьма могущественных, но выдохшихся персов и так же измотанную войнами с Персией Византийскую империю. Последняя сумела остановить их продвижение только в Малой Азии, потеряв Ближ-

ний Восток и все владения в Африке. Некоторые историки считают, что кавалерия арабов-мусульман «повинна» в том, что благодаря им Европа узнала знаменитых арабских лошадей. Другие же полагают, что породу эту знали уже римляне и что в действительности византийская конница пользовалась лошадьми, выведенными на той же основе, что и арабские.

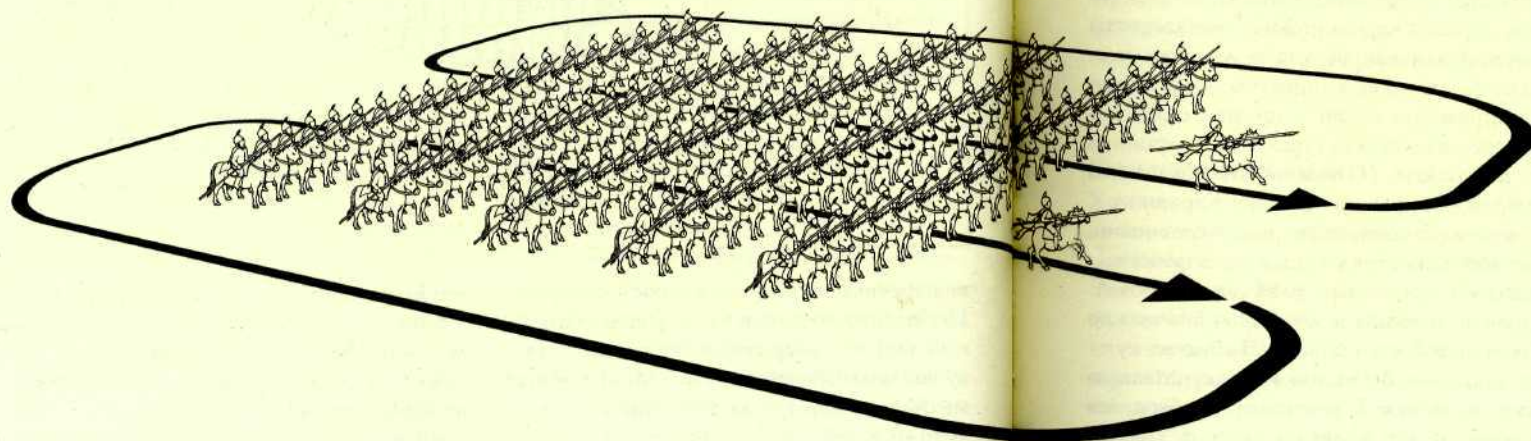
На несколько последующих столетий византийцы перешли преимущественно к обороне, делая упор на укрепление границ. Между тем арабы-мусульмане продолжали представлять угрозу для Восточной империи. Авары, разгромленные в VIII столетии Шарлеманем, или Карлом Великим, больше не служили источником опасности для Запада, однако на место их пришли болгары, мадьяры и славяне Древней Руси. Иногда византийские императоры пытались переходить в наступление в разных землях бассейна Средиземного моря, однако если успех и сопутствовал им, то недолго. Когда позволяла местность, в ходе завоевательных походов византийцы продолжали применять кавалерию, хотя теперь уже почти всегда в качестве средства поддержки более многочисленной пехоты.

Карл Великий и Каролинги

Как мы уже убедились, именно Карлу Мартелу принадлежит значительная роль в «кавалеризации» западноевропейских армий. Однако не он и даже не его сын, а только внук — Шарлемань, или Карл Великий, — стал первым государем, в войске которого кавалерия вышла на ли-

дирующие позиции. На всем протяжении его длительного правления — с 768 по 814 г. — он почти постоянно воевал. Если верить современному хронисту и биографу короля франков и императора Рима Эйнгарду, за весь этот период выдался всего только один год, когда армия «сидела без дела». За те годы он покорил бретонцев, аваров, лангобардов и саксов, поставив их территории под свое правление. Побывал он и за Пиренеями, где нанес удар по испанским мусульманам, осадив и разграбив Барселону, а также — о чем впоследствии пожалел — сокрушив контролируемую басками Памплону. (Противник не остался в долгу, устроив засаду на обходы Карла Великого, которыми командовал Ролан, на обратном пути франков из Испании. Данное событие послужило основой для появления позднее «Песни о Ролане».) Война позволила франкам увеличить свои владения более чем вдвое, а в качестве «дополнительного приза» за разгром лангобардов в Италии враждовавший с ними папа Лев III короновал Шарлеманя коронной Римской империи (в 800 г.).

Ввиду такой важности для него военного дела, Карл Великий неустанно работал над повышением оснащенности и боеспособности армии, особенное внимание уделяя при этом коннице. Шарлемань довольно скоро осознал, что нужды обороны его громадной империи и потребность в освоении земель за ее границами требуют профессионального войска — сильной военной организации с доминирующей в ней кавалерией. Карл нуждался в армии с хорошим и до некоторой степени унифицированным вооружением, причем как наступательным, так и защитным. Первый из сохранившихся его законов «Капиту-

ИДЕАЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ КОННИЦЫ, как показано на иллюстрации, пользовалось почетом со стороны каролинских кавалерийских командиров. Конница строилась эшелонами (обычно в три или четыре), которые обрушивались на противника разом. Если же атака буксовала преимущественно вследствие крепости вражеской обороны, всадники в голове атакующего формирования меняли тактику: они ломали плотный строй, разбегаясь в стороны, и перетручивались позади тыловых порядков, а в дело вступали всадники второго ряда. Таким образом атакующие изматывали неприятеля и стремились ослабить его обороноспособность.

ляре миссорум» (*Capitulare Missorum* — одно из базовых уложений у Каролингов), 792—793 г., предписывал, чтобы все должностные лица и представители, считающиеся «нобилитетом» в Каролингской империи, располагали полным комплектом доспехов и щитом, а также конем и соответствующим наступательным вооружением. В 802—803 гг. последовал еще один капитулярный, согласно которому каждому коннику полагалось иметь собственный шлем, щит и кольчатую броню, иначе «бруния». В итоге к 805 г. появился уточненный закон, которым Шарлемань повелевал всем в империи, кто владел двенадцатью манси (*mansi*) земли, служить в кавалерии в своих собственных доспехах, в случае же неувязки на службу и земля, и доспехи могли быть конфискованы. Пехотинцы не располагали таким хорошим защитным вооружением, хотя Ахенский капитулярный 802—803 гг. и требовал, чтобы каждый из них имел щит.

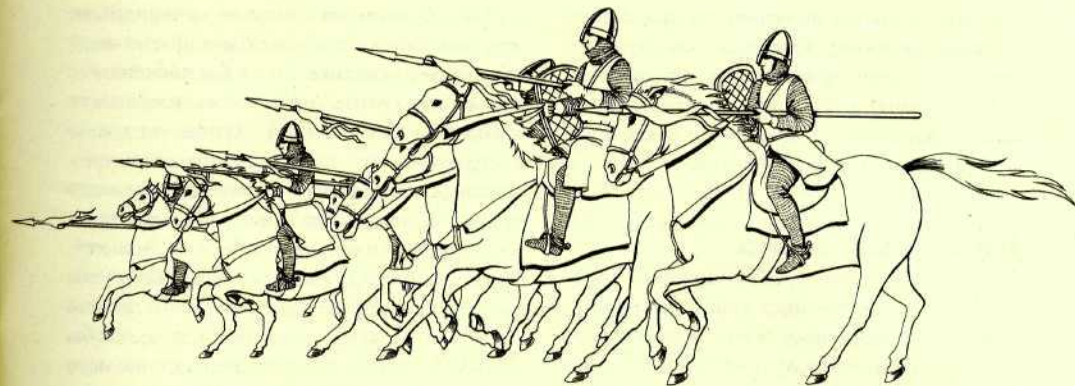
Наверное, наибольшую роль в оборонительном арсенале кавалерии Каролингов играла бруния. Для каролингского воина броня являлась наиболее ценной составляющей воинской sprawy. В 779 г. Шарлемань даже запретил продажу доспехов за пределы государства. В 803 г. предписание сделалось жестче — солдатам запрещалось передавать броню купцам даже на время (в залог), потому что торговец мог продать невыкупленные доспехи вероятному противнику. Между тем, как можно себе представить, некоторые франкские купцы все же продавали брони сарацинам, бретонцам и викингам.

Историки немало спорят относительно того, что же представляла собой бруния во времена Каролингов. Полагаясь больше на рисунки и письменные источники, ввиду недостатка археологического материала, некоторые считают, что речь может идти о куртке из толстой кожи (длиной ниже бедер и с рукавами ниже локтя) с нашивками на нее металлическими чешуйками. Другие же историки настаивают на том, что каролингская бруния представляла собой самую настоящую кольчугу, только длиннее и, вероятно, более плотную, чем традиционные для раннего Средневековья. Поскольку нет никаких точных сведений, спор может продолжаться еще долго. Ножные доспехи и поножи тоже

фигурируют в списке вооружения в каролингскую эпоху, однако лишь для самых богатых из всадников Карла Великого. Кольчужные рукавицы появляются примерно тогда же, чтобы стать впоследствии обычным элементом кавалерийского вооружения. Такого рода элементы латного костюма Шарлемань тоже запрещал продавать иностранцам.

Каролингская военная политика продолжала доминировать в IX и X веках. Армия оставалась войском с ядром из хорошо вооруженной и защищенной конницы, в которой каждый солдат располагал длинной бронью (с течением времени почти наверхняя кольчугой), скованным из стальных полос шлемом и большим круглым щитом из кожи и дерева. Каролингская практика имела столь серьезное влияние даже за границами империи Шарлеманя, что изменения произошли и там. Защитное вооружение каролингского образца стало стандартным для Испании, Скандинавии, Восточной Европы и Англии.

Шарлемань также установил и стандартизировал наступательное вооружение во франкских войсках. Основным наступательным оружием оставалось копье, причем как для пехоты, так и для конницы. В 792—793 гг. «Капитуляре миссорум» (*Capitulare Missorum*) требовал наличия копий у всех всадников. То же самое предписание, словно эхом, отражается в капитуляриях 804 г. и 811 г. Кроме коня в собственности необходимо было иметь и меч. Вообще же во многих источниках говорится о мече как о главном оружии конника, которому также полагался короткий меч или кинжал. И, наконец, существует свидетельство, что некоторые каролингские кавалеристы действовали как верховые лучники, однако сказать с уверенностью, как именно они применяли луки — прямо с седла или же спешиваясь для стрельбы, — хроники не позволяют. (О том, во что обходилось снаряжение рыцаря в эпоху Каролингов, лучше всего говорят вот какие сравнения. Боевой конь стоил в семь раз дороже коровы (в три-четыре раза дороже вола). Правда, всего за цену трех коров можно было приобрести кобылу. Такую же сумму пришлось бы выложить покупателю за меч без ножен. С ножнами он обходился во столько же, во сколько и конь. Самым

Наибольший страх на поле боя в Средние века наводила на противника именно атакующая лавой конница. Во времена, когда успех сражения зависел часто скорее от способности одной стороны обратиться в бегство, чем истребить его в противостоянии, нетрудно представить себе, что шансы на победу пешему строю, представленному выходящими из низших слоев общества, давали лишь выдержка самих воинов и военный талант и лидерские качества их предводителя. Лихая атака норманнской кавалерии, — по типу той, что изображена на иллюстрации, — обратила в паническое бегство пехоту многих противников и даровала ей победу во многих битвах, включая и ту, конечно, что разыгралась при Гастинисе в 1066 г.

дорогим облачением была броня, предлагавшаяся за цену двенадцати коров; шлем — шести. В сумму, равную также стоимости шести коров, обходились поножи. Самыми дешевыми в рыцарском снаряжении с полным на то правом можно считать копье и щит, равнявшиеся вместе по цене двум коровам. Вся рыцарская справа, включая коня, стоила, таким образом, столько же, сколько сорок коров. Прибавим сюда кобылу — коня было целесообразнее приберечь для боя — и еще один меч, пусть и без ножен, и получим сорок шесть. — *Прим. пер.*)

Кавалерийская атака

У историков принято считать Карла Великого первым западным государем в Средневековье, в армии которого конница служила главной составляющей. Тактика строилась на наскоке, который не являлся еще в полной мере тем, что принято считать верховой ударной атакой. Когда конница входила в непосредственное соприкосновение со строем неприятеля, обычно пехот-

ным, всадники наносили удары копьями или рубили вражеских воинов мечами.

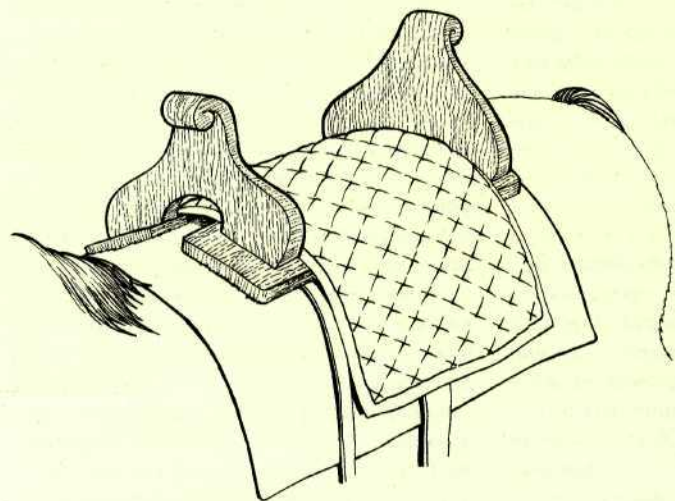
Однако целью наскока — как в рассматриваемом случае, так и позднее, в Средние века, — служило все же в большей степени стремление не завязать бой, но обратить противника в бегство. Устрашение представляющей более бедные слои общества, хуже вооруженной и защищенной пехоты богатыми, облаченными в дорогую воинскую справу кавалеристами служило ключевым моментом. Даже если перспектива столкнуться с тяжелой конницей деморализующим образом действует только на часть сил противника, заставив лишь некоторые отряды обратиться в бегство, последний все равно будет ослаблен. Кавалерия же сможет ворваться в образовавшиеся бреши, не встречая особо эффективного противодействия. Последующие удары помогут вынудить к бегству всю неприятельскую армию и принесут победу.

Между тем недавно один из видных историков, изучающих каролингские армии, Бернард Бакрак высказал предположение в отношении неточности привычной точки зрения. Кавалерия Шарлеманя задействовалась не для ударных атак в поле, но почти исключительно для «поиска и уничтожения небольших отрядов сравнительно плохо подготовленного к войне неприятеля». Кроме того, она «служила для оказания поддержки при ведении осад и, находясь в составе гарнизонов, для патрулирования окрестности» (относительно деталей по вопросу данной публикации см. библиографию). В битвах же такая конница спешивалась и воевала как пехота. Однако не надо думать, что применение конницы «по Бакраку» ставит ее на

менее значимую позицию по сравнению с традиционным взглядом на перечисленные выше каролингские приемы ведения войны. Такая роль кавалерии тоже служила жизненно важной составляющей военной машины Каролингов.

Норманнская конница

По причине размеров владений Карла Великого и его военных успехов в течение многих последующих веков каролингская военная тактика получила широкое распространение. Армии с «кавалерийской доминантой» стали нормой в Европе. Для удовлетворения потребностей такого рода войск требовалось большое количество лошадей. Хотя каролингские администрации неизменно требовали даней в конях, и прежде всего в жеребцах, годных для конницы лошадей неизменно не хватало. К концу VIII столетия появились специальные конезаводы. Стоимость боевых коней сделала этот вид предпринимательства особенно доходным, и, несмотря на то что такие фермы пользовались поддержкой и покровительством Шарлеманя, есть основания думать, что они являлись преимущественно частными. Принадлежали конезаводы влиятельным магнатам-землевладельцам, которые имели в собственности конюшни и луга для выпаса животных. Что еще важнее, они владели также и «племенным фондом». Довольно скоро вошли в практику «ротации» как жеребцов, так и кобыл, чтобы не допустить инбридинга имеющихся «животных авуаров».

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ в производстве седла, а именно внедрение высоких седельных луков, произошли не ранее начала XII столетия, однако, безусловно, способствовали повышению устойчивости конника на спине лошади. Высокая задняя лука не позволяла легко сбросить его через круп коня. В то время как высокая передняя лука защищала гениталии и низ живота всадника, одновременно уменьшая для него опасность падения через голову животного.

Представляется вполне очевидным, что конезаводчики и их ближайшие подручники пускались на эксперименты с целью увеличить степень выносливости и силу боевых лошадей. Кроме того, шла выбраковка не подпадающих под требования стандартов и господствующего тренда особей. Так постепенно выводились более сильные и тяжелые лошади. Известные с XII столетия как дестриеры (*destrier* — букв. одесную [конь правой руки]), поскольку его вели справа, чтобы сеньор в любой момент пересел на него для битвы с кобылы или ездового мерины. — Прим. пер.), такие кони выводились путем длительного и сложного селекционного процесса из бактрианской, или арабской, породы. В итоге получилась лошадь высотой 17 ладоней (173 см/68 дюймов), при том что средневековые кони достигали обычно 12–13 ладоней в высоту (122–132 см/48–52 дюймов) с развитым сильным костяком и коротким корпусом. Появилось животное, способное нести тяжело вооруженного солдата в бою или на турнире (хотя рыцари редко использовали одного и того же коня для того и другого).

Война в седлах продолжалась и шла — там, где требовалось, — в период с VIII по XI век. «Там, где требовалось» — потому, что период этот остался в истории как эра войн с викингами (повсюду в Европе) и мадьярами (в Восточной и Центральной Европе), а оборона против таких войск порой позволяла обойтись без кавалерии. Иногда все сводилось только к тому,

чтобы избежать столкновения в поле и укрыться от нападающих за стенами крепостей. Мадьяры воевали верхом, и противостоявшие им армии обычно включали в состав «кавалерийское ядро». Именно так и решилась судьба противостояния с мадьярами, когда германская конница одержала победу над ними в битве на реке Лех в 955 г. Викинги тоже применяли коней — обычно тех, которых успевали украть после высадки с кораблей или получить в качестве «даров» от пытавшихся откупиться от них местных землевладельцев. Тем не менее, как можно считать, они использовали лошадей в основном как средство перевозки и не сражались верхом.

Потому не может не вызывать интереса тот факт, что весомые по значимости (может быть, следующие после каролингских) в средневековой истории силы кавалерии появились у потомков викингов — норманнов.

В отличие от предков они находили коням применение значительно более важное для военного дела, чем просто превращение их в средство передвижения. Во многом благодаря гобелену из Байе историки склонны считать рыцарей-норманнов олицетворением средневековой конницы.

Когда и как норманнам удалось набраться «кавалерийской премудрости», средневековые источники точно не сообщают, единственное, что не подлежит сомнению, произошло это уже после заселения ими Нормандии в 911 г. Однако нельзя сказать, от кого они переняли манеру сражаться верхом — от тех, среди которых жили и которыми повелевали, или же от тех, с кем им довелось воевать в период с 911 по 1035 г. Совершенно очевидно, что к временам, когда в 1035 г. герцогский трон (а за норманнскими предводителями к тому времени утвердился герцогский ти-

тул) достался несовершеннолетнему Ги-йому Незаконнорожденному, будущему Вильяму (или, как в русскоязычной литературе, Вильгельму. — Прим. пер.) Завоевателю, нормандских конников знали и уважали как воинов повсюду в Европе.

Вильям Завоеватель является, само собой разумеется, одним из выдающихся властителей-воинов Средневековья, а самое крупное его полководческое достижение — победа в битве при Гастингсе в 1066 г., — безусловно, одно из доказательств его талантов. Между тем она далеко не единственная из всех сражений и стычек, в которых ему пришлось поучаствовать. Поскольку унаследовал престол Вильям в раннем возрасте (около 8 лет, т.е. за 7, минимум 6 лет до совершеннолетия. — Прим. пер.), а также по причине незаконности рождения (несмотря на то что его отец, Роберт, признал Вильяма сыном), в герцогстве

нашлось немало желающих упрочить свое положение и расширить собственные владения за счет юного сеньора. Мятэжи и заговоры для Вильяма стали тревожной, а порой и смертельно опасной действительностью с самого раннего детства и оставались таковой, по крайней мере, до начала 60-х годов XI века и даже нашли отражение на тканой шпалере из Байе, которая рассказывает историю великого события, начиная с эпизода «государственного» визита в Нормандию Гарольда Годвинсона, эрла Уэссекса. В легенде шпалеры Гарольд сбился с пути во время путешествия и попал в руки одного из баронов Вильяма, Ги де Понтье, который и передал английского нобили Вильяму по просьбе последнего. Имея Гарольда «на аркане», Вильям дал вооруженный ответ мятежному Конану Бретонскому и благополучно разгромил его. Вильям и его окружение проделали все

«Каждому всаднику надлежит иметь щит и копье, длинный и короткий меч, лук и колчан со стрелами к нему, в обозе же твоём должны помещаться предметы для разной воинской надобности — топоры и инструмент для раскалывания камней... инструмент для раскапывания земли, лопаты железные... и иные средства, в коих обычно встает нужда в войске».

КАРОЛИНСКИЙ ВОИНСКИЙ
ЦИРКУЛЯР 806 г.

это как всадники — пехота на данном отрезке «гобелена» из Байе вообще никак не фигурирует.

Конное войско

Одно не подлежит сомнению: хотя конница доминировала в армии Вильяма Завоевателя, входила в нее и пехота — копейщики, мечники и лучники, все из которых изображены на шпалере из Байе. Факт главенства кавалерии находит подтверждение и в описаниях битвы при Гастингсе. Однако войско Вильяма являлось не единственной норманнской армией XI столетия, организованной по такому принципу. Войска нормандского семейства Готвиллей, активно действовавших в Южной Италии (с середины века. — *Прим. пер.*), а позднее и на Сицилии, и особенно Роберта Гвискара и его младшего брата Рутгера (Рожера), тоже имели «кавалерийскую доминанту», причем тамошние норманны умело применяли имеющиеся в их распоряжении силы в кампаниях против любого противника, будь то византийцы, мусульмане или германцы. В битве под Чивитате в 1053 г. (часто Цивитат. — *Прим. пер.*) смелый бросок конников Гвискара, уступавших численно кавалерии армии папы Льва IX более чем вдвое, обратил значительную часть пехоты в бегство и позволил быстро расправиться с оставшейся. Германцы, как подмечал один из хронистов, сражались в пешем строю потому, что не умели так искусно управлять лошадьми, как норманны. На Сицилии и на юге Италии конные отряды активно использовались при разведке и при «заготовке провианта

для армии», т.е. в грабительских набегах на окрестные селения. Во всех сражениях основной тактикой норманнов оставался сосредоточенный кавалерийский натиск. Иногда атаки строились по знакомому уже нам по «каролингской схеме» образу и подобию действий кавалерии в так называемый донорманнский период. Как говорилось выше, в XI—XII вв., в период, когда всадники стали все чаще применять копьа, держа их наперевес и зажимая тыльную часть древка под мышкой. И есть все основания полагать, что нормандские конники пользовались именно такой техникой, хотя, возможно, и не исключительно. На «гобелене» из Байе мы находим норманнов, которые атакуют копьями не только как ударным колющим оружием, но и как метательным.

Участившееся применение кавалеристами копий в положении наперевес может служить объяснением причин появления каплевидного щита. Остальная часть защитного вооружения норманнской конницы, включая и шлемы, мало изменилась со времен Каролингов, т.е. не претерпела особо радикальных перемен на протяжении двух с половиной или даже трех столетий. Между тем щит стал совершенно иным. Круглый каролингский щит не прикрывал всего тела всадника, оставляя ноги почти полностью не защищенными перед атакующим противником. В то же время большие размеры делали щит неудобным для кавалериста, которому приходилось маневрировать в ходе битвы. Проблема не выглядела бы слишком серьезной, если только конному воину не приходилось бы иметь дело с противником, устремляющимся на него с зажатым под мышкой ко-

«ГОБЕЛЕН» ИЗ БАЙЕ представляет собой, вероятно, наиболее знаменитое художественное произведение с изображением средневековых военных действий; тематически полотно посвящено кампаниям Вильяма Завоевателя, которые он вел и которые завершились обретением им английского престола. На приведенном выше отрывке норманнская конница

пьем, при этом вкладываяющим в удар всю мощь ускорения скачущего коня. В таких случаях одних только ножных доспехов или длиннополох кольчатых броней для эффективной защиты могло и не хватить. Ответом стало появление более узкого и вытянутого щита в форме перевернутой капли (и тем не менее с появлением кольчужных чулок щит снова изменил форму, стал короче. — *Прим. пер.*). Все кавалерийские щиты, изображенные на шпалере из Байе, удлинненные и имеют описанную выше форму капли — закругленный верх и заостренный низ. При этом нельзя не заметить того, как всадники прикрывают ими ноги, торсы и плечи, готовые встретить контрудары вражеских кавалеристов, скачущих с копьями наперевес.

Многие солдаты — участники Первого крестового похода имели при себе лошадей. Однако исследования, посвященные роли кавалерии в этом и других крестовых походах, еще предстоит написать, чтобы ответить на ряд до сих пор не проясненных вопросов. Так, например, точно неизвестно, сколько коней задействовалось в походах крестоносцами. Сколько из них годились для боевого применения, а сколько лишь в качестве транспортных средств или же для перевозки грузов. Возможно ли, что большинство богатых конников на начальном этапе имели в распоряжении по нескольку коней, включая и одного или

ца атакуют англосаксонскую пехоту с ее «стенной щитов» в ходе битвы при Гастингсе. Интересно, что, если один или два всадника держат копьа наперевес, большинство норманнов наносят удары сверху. Все это заставляет думать, что на том этапе не существовало еще некоего единого образца для применения копьа.

более боевых, как традиционно бывало в «континентальных» кампаниях в те времена? Нет сомнения, количество лошадей исчислялось многими тысячами, что не могло не повлечь за собой проблем обеспечения их кормом и уходом, а также и удаления огромного количества вторичного продукта, служившего в жарком климате соблазнительной приманкой для сонмищ мух, что, в свою очередь, влекло за собой распространение опасных болезней.

Совершенно точно известно, что в массе рыцарские лошади в добром здравии добрались до Константинополя в 1096—1097 гг., как и то, что боевых коней хватало крестоносцам, когда они шли в бой к победам под Никеей и Дорилеем в 1097 г. Среди «благочестивых паломников» находились и те рыцари, которые грозным видом своим убедили Анну Комнину (дочь-подростка императора Алексея I и будущего автора панегирика отцу, «Алексиады». — *Прим. пер.*) в их «непобедимости» и в том, что они способны «проложить себе путь через стены Вавилона». Второй исторический факт в том, что на этапе пути через Малую Азию к Антиохии (уже после взятия Никеи и победы под Дорилеем. — *Прим. пер.*) начался стремительный падеж животных, вызванный нередко нехваткой или отсутствием кормов и тяготами пути. Фульхерий Шартрский свидетельствует о том, что ситуация настолько ухудшилась, что «по-

рой даже рыцари в доспехах использовали вместо коней волов». Однако в ходе осады Антиохии крестоносцы располагали лошадьми для «фуражирских акций» и для отражения деблокировочных экспедиций, правда, против одной из них смогли выставить всего 700 всадников. Спустя несколько месяцев (уже после захвата города) они нанесли поражение сельджукам атабека (наместника) Мосула Кербоги, при этом многие рыцари сражались пешими, однако решающий удар наносило атакующее ядро кавалеристов. (Было бы по-детски наивно считать, что крестоносцы запаслись всем необходимым, в том числе и лошадьми, у себя дома на весь поход (начать с того, что большинство из них, даже главные предводители, понятия не имели, сколько он продлится). Паломники пользовались тем, что добывали на местах (покупали, отбирали, захватывали, получали безвозмездно или взаимовыгодно). Словом, процентное содержание конницы, как и лошадей вообще, в армии постоянно менялось. Вот пример. Если, как упомянуто выше, под той же Антиохией в феврале 1098 г. командовавший отражением атаки князя Алеппо (Галеба) князь Боэмунд Тарентский (старший сын Роберта де Готвилля) имел 700 рыцарей (всех конников, которых удалось собрать), то спустя полтора года под Иерусалимом численность тяжеловооруженных всадников достигала, вероятно, почти вдвое большей цифры. Кстати, недостаток коней нередко оборачивался во благо крестоносцам. Вынужденно спешенные рыцари вели себя по целому ряду причин куда более дисциплинированно. Не в последнюю очередь из-за отсутствия возможности показать удал в лихом прорыве в одиночку, что, принимая во внимание характер турецкой армии (конные лучники), почти всегда кончалось хладнокровным расстрелом атакующего, гибелью коня и соответственно пленом или бесславной смертью всадника. — Прим. пер.) Раймунд д'Ажилль так заканчивает рассказ о судьбоносной битве: «И содейал Господь удивительно с людьми и конями... и отошавшие от бескормицы лошади, кои едва держали на себе хозяев, без труда преследовали лучших и быстроходных турецких коней».

Успех Первого крестового похода привел к образованию четырех латинских государств на Ближнем Востоке, населен-

ных в основном западными христианами, которых со временем стали звать «местными крестоносцами» (или пуленами, от ст.-фр. *poulains* или лат. *pullani* — жеребята. — Прим. пер.). Некоторым из участников первой экспедиции или тем, кто прибыл вслед за ними, пришла в голову идея создания военно-монашеских братств с постоянно действующими дружинами для поддержания порядка в Святой Земле и перманентной войны с мусульманами. Так возникли ордена госпитальеров и тамплиеров. Кавалерия являлась важнейшей ударной силой на Ближнем Востоке, как и в Европе. Тамплиеры даже записали правила кавалерийской атаки в своем уставе.

Несмотря на знаменитую печать тамплиеров с изображенными на ней двумя всадниками на одном коне, устав дает возможность получить наглядное представление о том, что братья вовсе не были настолько стеснены в средствах. Правила определяли количество и качество лошадей (от четырех до одной), полагавшихся каждому рыцарю и/или сержанту в соответствии с рангом и занимаемой должностью (два всадника на одном коне просто символ взаимовыручки. — Прим. пер.). Поскольку поставки из Европы не могли покрывать потребности, кони добывались самыми различными путями. Часть, несомненно, поступала за счет добычи или откупов, другие приобретались на месте или же выращивались на конезаводах при обителях рыцарей-монахов. Позднее крестоносцы стали все больше завозить коней из Европы на специальном образом сконструированных транспортных судах, где имелось достаточно места для корма — обычно сена и ячменя — и пресной воды, чтобы питать ценный живой груз в пути.

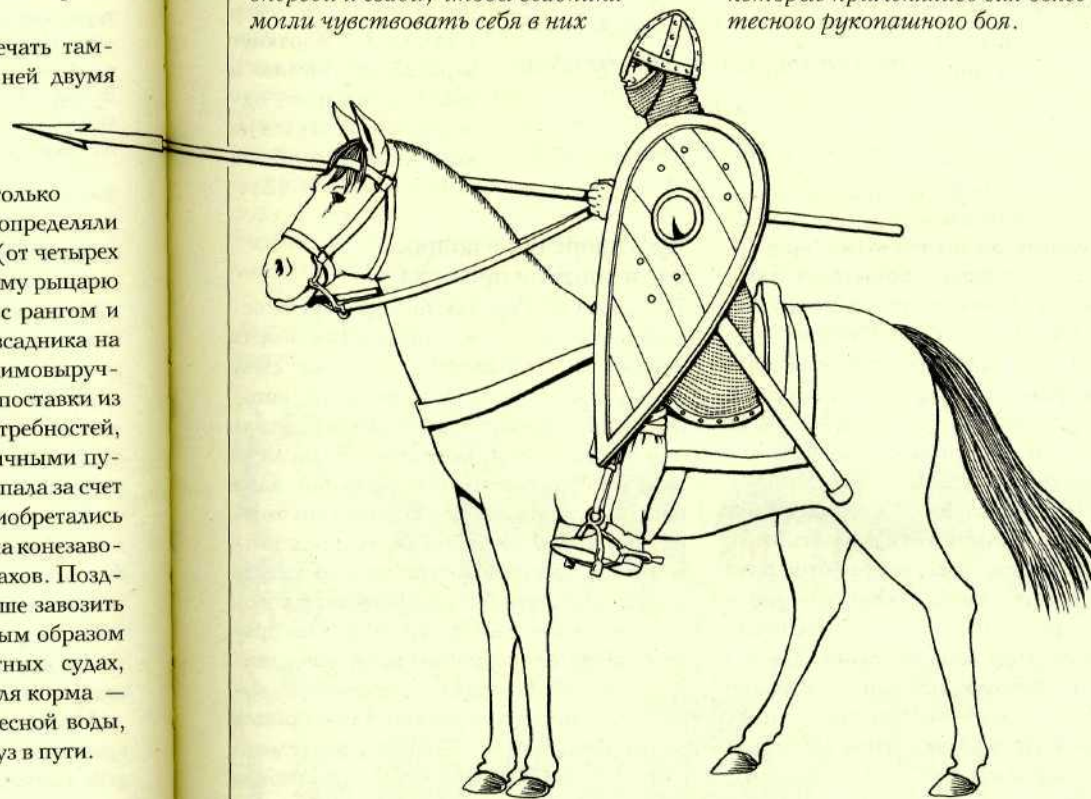
Битва при Гастингсе — 14 октября 1066 г.

Возможно, потому, что в современной истории не так часто происходят решительные сражения, способные коренным образом менять облик если не всего мира, то целой страны, нынешние историки (следовало бы добавить, британские. — Прим. пер.) так влюблены в подобные битвы. Средневековые войны тоже, в общем-то, не так уж часто знали

Норманнский рыцарь (XI столетие)

На протяжении всего XI века норманнские всадники доминировали на пяти ТВД: в Англии, в Северной Франции, в Южной Италии, на Сицилии и в Святой Земле. Доспехи их в ту пору носили название «гобер» (или овер — *hauberk/hauberc/hauberques*. — Прим. пер.) и представляли собой, по сути дела, «цельнокроеную» кольчужную рубаху (или кольчатую броню. — Прим. пер.). Многие гоберы доходили до колен и имели разрезы впереди и сзади, чтобы всадники могли чувствовать себя в них

уютнее. Командиры и наиболее состоятельные из воинов располагали также кольчужными чулками, или «шоос» (*chausses*). (Такие всадники обходились уже более короткими, зато более толстыми кольчурами. — Прим. пер.) В комплект защитного вооружения включались, естественно, щит — «перевернутая капля» и шлем. Длинное копье являлось главным в арсенале наступательных средств норманнских всадников, как и мечи, которые применялись для более тесного рукопашного боя.

такие события. Одно из наиболее знаменательных, или судьбоносных, — взятие Константинополя турками в 1453 г., когда Византия прекратила существование, а место ее в одночасье заняла османская Турция. Не менее значительным в истории войн Средневековья может считаться и битва при Гастингсе между норманнскими (и прочими севернофранцузскими)

войсками герцога Гийома (Вильяма, или Вильгельма. — Прим. пер.) Завоевателя и англосаксонской или англо-скандинавской армии короля Гарольда II Годвинсона. Хотя для подчинения остальной территории королевства потребовалось время, победа 14 октября 1066 г. открыла перед Вильямом прямой путь к короне Англии, поскольку не только король Га-

рольд, но и два его брата пали под Гастингсом, вследствие чего все претенденты на королевскую корону были устранены.

Историю Англии на протяжении того столетия, что предшествовало столкновению под Гастингсом, можно назвать довольно бурной. В начале XI века на английском троне сидел Этельред II, находившийся там с небольшим перерывом с 978 г., когда десятилетним отроком занял место убитого сводного брата, Эдуарда II (Мученика). Однако Этельред, прозванный Неспособным, никогда не чувствовал надежной опоры под своим престолом.

Преследуемый всевозможными проблемами, в 1002 г. король попытался упрочить положение женьбой на Эмме, дочери герцога Нормандии Ричарда (или Ришара) I, что создало родственные связи с сильным континентальным герцогством. Однако данный шаг, по всей видимости, не очень-то пошел на пользу Этельреду как государю, поскольку в 1013 г. датский король Свен I Виллобородый и его сын Кнут напали на Англию и захватили власть в ней. На следующий год, после смерти отца Кнут унаследовал не только английский, но и датский трон, а в 1017 г., подавив в предшествующем году сопротивление Эдмунда II Железнокотлого, избранного королем частью английского нобилитета, женился на недавно овдовевшей Эмме (Этельред скончался в том же году. — Прим. пер.), как бы «подновив» узы, связывавшие Англию и Нормандию.

Кнут правил Англией сильной рукой до 1035 г., однако его смерть породила неопределенную ситуацию в отношении прав наследования и привела королевство к кризису. По всей видимости, Кнут не оставил точных указаний насчет преемника, и притязания на английский трон предъявили сразу два претендента. Один — Гарольд I Заячья Лапа, сын умершего государя, хотя и незаконный — прижитый ко-

ролем от любовницы, Эльгифы. Другим соискателем короны выступал законный сын королевы Эммы и Кнута, Харткнут.

Последнего весть о смерти отца застала на троне Дании — Кнут отдал ему это королевство еще при своей жизни, — сводный же брат, Гарольд, находился в Англии и получил тамошний престол, по крайней мере, до поры до времени, так как Харткнут оставался в Дании. В 1039 г. или в 1040 г., после того как умер Гарольд I, Харткнут вернулся в Англию и унаследовал трон, однако и он засиделся на нем недолго, отойдя в лучший мир в 1042 г.

«Из числа их [миланцев] были избраны молодцы при оружии, привыкшие к грому битв и проворные в седле; сии молодцы не страшились стрел императора, поносили рыцарей... угрожаемые же наскоком со щитом и копьем, ранили иных, кто приближался».

АРНУЛЬФ МИЛАНСКИЙ, 1033 г.

Противоречия в вопросе наследования престола

Поскольку ни Гарольд, ни Харткнут не оставили наследников, королевская власть перешла к оставшемуся в живых сыну Этельреда, Эдуарду Исповеднику, который чуть ли не всю жизнь провел в изгнании в Нормандии. Воцарение Эдуарда не вызвало бурь и серьезных волнений, даже напротив, знать и народ приняли его охотно, поскольку ни один из его предшественников, сыновей Кнута, не пользовался популярностью в Англии. Приехав в королевство, неженатый Эдуард сочетался браком с Эдит, единственной дочерью Годвина — одного из самых могущественных эрлов в Англии, сделав эрлами и двух братьев жены. Второй из них, Гарольд, наследовал отцу как эрл Уэссекса в 1053 г. и до конца правления Эдуарда оставался главным советником короля.

Гийом (или Вильям) Незаконнорожденный стал герцогом Нормандии в 1035 г. в возрасте 7—8 лет, после того как его отец, Роберт II, скончался на пути домой после паломничества в Святую Землю. Несмотря на то что Роберт провозгласил Вильяма наследником до отъезда на Ближний Восток, юный герцог почти тут же столкнулся с бунтом баронов. Мятежи удалось довольно быстро подавить,

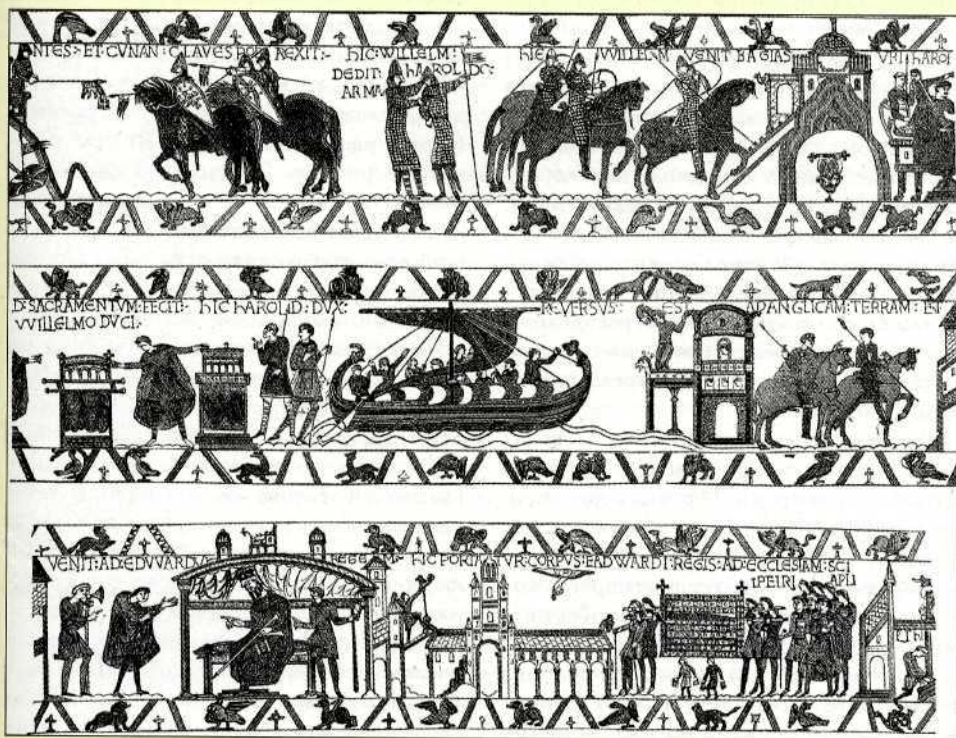
поначалу силами вассалов, сохранивших Вильяму лояльность, а потом уже и самим герцогом. Постепенно Вильям нажил практический опыт военного, особенно по части кавалерийского боя, хотя показал себя и в области осадного дела. К 1066 г. власть его распространялась не только на Нормандию, но на графство Мен и графства Бретань и Понтье.

Вероятно, из-за необходимости консолидироваться в собственных владениях Вильям мало вмешивался в дела Англии до начала экспедиции. Несмотря на родство с Эдуардом Исповедником, герцог посетил остров только в 1052 г., в период опалы эрла Годвина и его семьи. Именно тогда, как считает большинство историков, Эдуард пообещал английский трон Вильяму (как видно, из политических соображений, желая создать «противовес» влиятельному Годвину. — Прим. пер.). Однако по возвращении из изгнания семейства Годвина, а особенно после его смерти в следующем году, совершенно очевидно, что предпочтительным наследником бездетного короля сделался Гарольд, а не Вильям.

Всего один раз затем имя Вильяма фигурирует в донорманнской Англии в связи с «визитом» Гарольда Годвинсо-

на в Нормандию где-то в 1063 г. или 1064 г. Хотя и вызывающий сомнения у историков эпизод с приездом Гарольда (упомянут он только в норманнских источниках), вполне вероятно, имел все же место. Гарольд мог оказаться в Нормандии либо вследствие случайности (кораблекрушения), либо намеренно, с целью обсудить с Вильямом какие-то вопросы, в том числе и проблему наследования трона Англии. Для объяснения причин завое-

Поход Вильяма Завоевателя и предыстория предпринятия герцога по обретению английского трона отражены на «юбелене», или, точнее, на шпалере, из Байе. На верхнем отрывке потерпевшего кораблекрушение на севере Франции наиболее знатного английского эрла, Гарольда Годвинсона, из рук сеньора из Бретани вырывает Вильям и его конная норманнская рать. После чего оба объединяются против мятежных вассалов Вильяма. На втором из представленных кусков благодарный Гарольд обещает выступить в поддержку притязаний Вильяма на английский престол, в чем клянется на святых реликвиях. Затем возвращается на норманнском корабле в Англию. Третий эпизод — кончина большого короля Эдуарда Исповедника, которого потребуют в Вестминстерском аббатстве, тогда как Гарольд Годвинсон, вероломно нарушив клятву, данную норманну, сам занимает трон Англии, чем вынуждает Вильяма отправиться в поход.

вания в 1066 г. имеет большое значение то обстоятельство, что в ходе этого приезда Гарольд поклялся (или мог поклясться) нормандскому герцогу оказать ему помощь в воцарении в английском королевстве после смерти Эдуарда.

Однако принесенная Гарольдом на святых реликвиях клятва (как это изображается на шпалере из Байе), совершенно очевидно, была забыта, когда 5 января 1066 г. Эдуард Исповедник оставил светлый мир. Как не вспомнил о данном Вильяму обещании и король Эдуард, поскольку на смертном одре он назвал наследником эрла Уэссекса. В итоге уже на следующий день Гарольд Годвинсон был коронован короной Англии, что, конечно, не прошло не замеченным для государей Северной Европы.

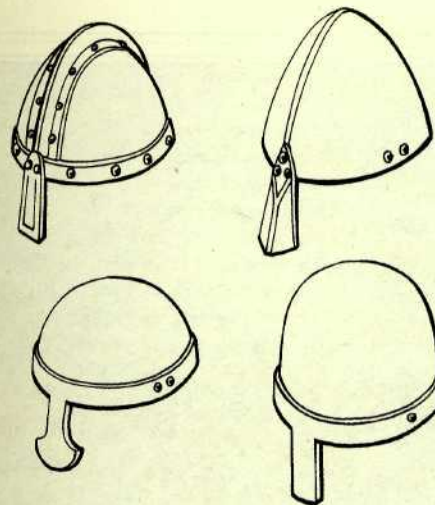
На английский венец нашлось сразу три претендента. Один из них — родственник Кнута, король Дании Свен Эстритсон, — не проявил особой активности в домогательствах власти на острове, тогда как двое других приступили к деятельной подготовке к завоеванию Англии. Вильям Нормандский принялся набирать солдат, собирать коней и суда и заготавливать провизию, чтобы вторгнуться в Англию из Нормандии через пролив. Еще одним желающим воссесть на английский престол стал король Норвегии Харальд III Хардрада (Беспощадный). Он не имел особых прав на королевство Гарольда Годвинсона, просто, как представляется, воинственный скандинавский король рассчитывал найти Англию ослабленной, в чем норвежца мог убедить изгнанный брат Гарольда, Тостиг Годвинсон, бежавший в Норвегию после 1065 г. в результате тяжбы со своими нортумберлендскими вассалами и горевший желанием составить Харальду компанию во время похода в Англию.

Харальд Хардрада и Вильям Завоеватель приготовились к отплытию примерно в одно и то же время. Гарольд Годвинсон, со своей стороны, считал, как видно, исходившую от Вильяма угрозу более серьезной или же не знал о планах норвежского короля и даже о бегстве к нему Тости́га, что, правда, представляется весьма маловероятным. Какой бы ни была причина в действительности, его войско ожидало появления Вильяма на южном берегу

Англии, по крайней мере, до 8 сентября. Однако первым в путь тронулся не норманнский флот. Из-за плохой погоды Вильям оказался не в состоянии отплыть, как собирался. Харальда между тем погода не остановила, и в сентябре 1066 г. он добрался сначала до Оркнейских островов, затем двинулся к Шотландии, где к его армии присоединились дружины союзников, а потом причалил к северо-восточному побережью Англии в устье реки Хамбер. В середине сентября войско Харальда закончило высадку и 20 сентября по суше направилось к Йорку.

На пути у Фулфорд-Гэйта дорогу ему преградили два английских эрла — братья Моркер Нортумберлендский и Эдвин Мерсийский — с их дружинами. Однако скандинавское войско быстро расправилось с ними. Харальд Хардрада достиг Йорка, который сдался ему на милость, а потом продолжил марш к Стамфорд-Бриджу, где его армия, опьяненная победами и полагавшая, что Гарольд Годвинсон находится еще где-то очень далеко, предавалась веселью и отдыху. Легкомыслие сослужило ей скверную службу.

Хотя нет точных данных относительно того, когда именно Гарольд узнал о вторжении норвежцев и когда его войско выступило на север для отражения угрозы, действия его, так или иначе, весьма впечатляющи: его армия стремительно проследовала к Тэдкастеру, а затем к Йорку, расположенному в 300 км к северу от Лондона. Переходы составляли по 30—40 км в день. 24 сентября английские силы вышли к Тэдкастеру, а на следующий день продолжили путь через Йорк к Стамфорд-Бриджу. В результате форсированного марша они застали норвежские войска врасплох, застав многих на берегу реки Дервент без доспехов и без поддержки отрезанных водной преградой товарищей. В ходе короткой и решительной битвы норвежцы понесли полное поражение. Каким именно образом этого удалось достигнуть, остается загадкой. К какой тактике прибег Гарольд у Стамфорд-Бриджа, установить из современных источников не удастся, хотя несколько норвежских саг более позднего периода рассказывают о коннице англичан, атаковавшей норвежский пехотный строй и, по всей видимости, прорвавшей его в момент

неразумно предпринятого противником контрудара. Как Харальд Хардрада, так и Тостиг Годвинсон остались на поле среди убитых.

Высадка Вильяма

Через двое суток после столкновения под Стамфорд-Брижем, когда солдаты Гарольда Годвинсона праздновали победу в Йорке, погода наконец смилиостивилась над Вильямом Завоевателем, что позволило ему пересечь пролив и, не встречая противодействия, высадиться на южном берегу Англии, около Пивенси. Норманны тут же соорудили полевой замок (два насыпных кургана с донжоном на большем из них, обнесенные палисадами и рвами) — первый из пяти, возведенных по приказу Вильяма на юге Англии накануне битвы при Гастингсе. Сам факт постройки фортификационных сооружений говорит о том, что Вильям не надеялся одержать победу над войском Гарольда Годвинсона в одной решающей битве. Герцог стремился только к созданию плацдарма, с которого он мог бы действовать и куда могли бы поступать отряды подкреплений, если, как предполагалось, процесс завоевания окажется длительным и сложным.

Все случилось по-иному. О норманнской высадке король Гарольд узнал спустя несколько дней, вероятно, чуть раньше или чуть позднее 1 октября. Вновь с той же скоростью, с которой он проделал путь на север, король устремился на юг, минуя Лондон, и покрыл оставшиеся 80—95 км,

ШАЕЛЫ, ЧАСТО ПРИМЕНЯВШИЕСЯ НОРМАННАМИ, как позволяют сделать вывод рисунки той эпохи, были обычно конической формы, нередко имели немного заостренную верхушку и снабжались широкой и прямой насалой — прикрепленной к краю шлема металлической пластиной для защиты носа. Одни из изделий выковывались, по всей видимости, из цельной заготовки, другие же состояли из скрепленных между собой отдельных металлических фрагментов.

отделявшие его от Гастингса. Там король Англии нашел место, которое, как он считал, могло дать ему благоприятную позицию в противостоянии с вторгнущимися норманнами. Выбрав возвышенность Сенлак-Хилл, он построил воинов у вершины и несколько ниже ее на участке протяженностью 600—800 м, чтобы встретить противника с юга — оттуда, откуда и следовало ожидать Вильяма. Вполне разумная тактика. Воины пехоты Гарольда и, возможно, спешенной кавалерии имели за плечами опыт боев, многие помнили успешный поход на Уэльс в 1063 г., и практически все были победителями под Стамфорд-Брижем. Кроме того, солдаты Гарольда по большей части обладали хорошим защитным вооружением.

Диспозиция

Крылья строя англичан занимали фэйрды — бывалые воины ополчения, — прекрасно умевшие применять мечи и копья. В центре стояли королевские хускарлы — наиболее надежные и хорошо обученные солдаты дружины, — облаченные в длинные кольчужные брони и способные драться любым оружием, но особенно грозные с большими боевыми топорами, которыми бились одной или чаще двумя руками. Лучники, как есть основания считать, тоже входили в состав английского войска, хотя численность их, несомненно, была невелика, а некоторые историки склонны предполагать, что как стрелки, так и другие легковооруженные воины, не имевшие коней для передвижения, по большей части не успели выйти к Гастингсу из-под Стамфорд-Бриджа. Так или иначе, отсутствие или нехватка у оборонявшихся солдат с оружием, способным наносить удары на расстоянии, самым решительным образом сказались на исходе битвы.

Хотя в войске Вильяма Завоевателя присутствовала, конечно же, не только ка-

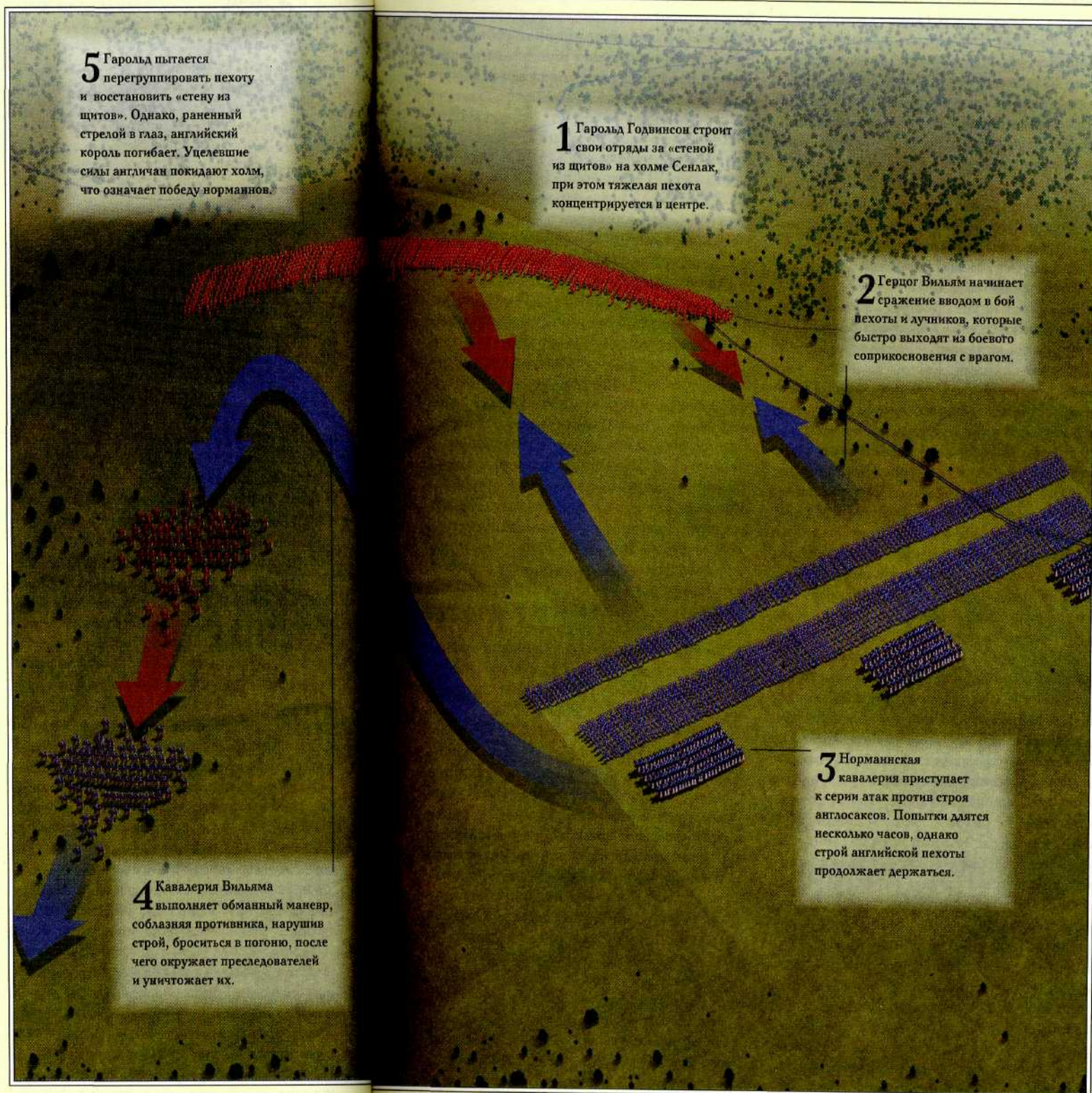
Битва при Гастингсе

1066 г.

Король Гарольд Годвинсон дислоцировал английское войско неподалеку от городка Гастингс, построив воинов плотными рядами на вершине холма Сенлак или же чуть ниже ее. В середине располагались его хускарлы, тяжело-вооруженные профессиональные солдаты, а по флангам фэйрды — ополченцы. Все саксонские воины бились в пехотном строю, а построение их напоминало «стену из щитов», когда щит одного бойца частично перекрывал щит соседнего. Вильям Завоеватель дал старт битве, вводя в дело лучников и пехоту. Однако эти отряды «зачинщиков» быстро отошли, чтобы очистить простор норманнской кавалерии. Успех не сопутствовал ей на первых порах, сражение затягивалось — английская «стена из щитов» держалась. Лишь только притворное бегство — обманный маневр, выполненный норманнской конницей, — привел к нарушению целостности порядков пехоты, которая частью устремилась в погоню за убежавшими вниз по склону всадниками. Затем конница Вильяма развернулась и, окружив, принялась уничтожать своих легковерных преследователей. Гарольд попытался перегруппировать оставшиеся силы, однако удача отвернулась от него и король погиб на поле битвы.

Высадившись на юге Англии около Гастингса, Вильям немедленно приказал возвести пять «курганно-палисадных» замков, создавая таким образом береговой плацдарм на вражеской территории. Гарольд быстро выступил для противодействия силам вторжения и претрадил им путь на холме Сенлак.

5 Гарольд пытается перегруппировать пехоту и восстановить «стену из щитов». Однако, раненный стрелой в глаз, английский король погибает. Уцелевшие силы англичан покидают холм, что означает победу норманнов.

1 Гарольд Годвинсон строит свои отряды за «стеной из щитов» на холме Сенлак, при этом тяжелая пехота концентрируется в центре.

2 Герцог Вильям начинает сражение вводом в бой пехоты и лучников, которые быстро выходят из боевого соприкосновения с врагом.

3 Норманнская кавалерия приступает к серии атак против строя англосаксов. Попытки делятся несколько часов, однако строй английской пехоты продолжает держаться.

4 Кавалерия Вильяма выполняет обманный маневр, соблазняя противника, нарушив строй, броситься в погоню, после чего окружает преследователей и уничтожает их.

валерия, она тем не менее являлась в ней доминирующей силой. Опыта этим бойцам тоже было не занимать, поскольку многие конники служили герцогу во множестве битв на континенте. Превалировал собственноручно норманнский элемент, тогда как прочие рыцари происходили в основном из графств Булонь и Фландрия — среди фламандцев, по всей видимости, находилось немало тех, кто сражался в ходе конфликта графа Фландрии с римским императором Генрихом III в 1056 г. Одним словом, воины армии вторжения являлись прекрасными кавалеристами, возможно, лучшими на тот момент в Европе.

Вильям избрал простую, но довольно рискованную тактику. Его коннице предстояло в лоб атаковать английскую пехоту на вершине холма. Герцог надеялся, что натиск конной лавы сомнет противника, если уж не заставит его сразу обратиться в бегство. В случае неуспеха одного приступа никто и ничто не мешало повторить попытку еще несколько раз. Как рассчитывал Вильям, в итоге его атаки ослабят строй англичан, расхатают его, что позволит норманнам в итоге взять верх над обороняющимися. При Гастингсе в норманнском войске наличествовали лучники и пехота, однако предводитель предполагал, по всей видимости, что роль их будет ограниченной.

Между тем герцог Нормандии не учел степени дисциплинированности английских войск и лидерских качеств их полководца. Вильям, несомненно, слышал уже о победе англичан у Стамфорд-Бриджа, но, вероятно, рассчитывал, что сражение и два продолжительных марша утомили их и ослабили волю к борьбе. Трудно представить себе, чтобы Вильям никогда не сталкивался со «стеной щитов», ибо в XI столетии подобную тактику в ходе сражений в поле практиковали многие пехотные армии. Пехотинцы стояли плечо к плечу, сомкнув щиты так, что один частично перекрывал другой. «Стена щитов» ошети-нивалась лесом копий, что делало такой строй почти неодолимым, пока пехота продолжала сохранять порядок и стойко держать оборону. Если же в линии образовывалась брешь, атакующие всадники, рубя мечами или орудуя копьями, могли врубиться в нее и начать уничтожать воинов по обеим фасам вклинения, расширяя

его. В такой ситуации необходимо тут же бросить против прорвавшейся кавалерии сильный резерв, иначе конница в короткие мгновения смешает строй пехоты, что приведет последнюю к поражению.

Битва

Битва разыгралась на холме Сенлак и около него 14 октября 1066 г. Вильям Завоеватель разделил конницу на три «баталь», или «дивизиона», и, как считает большинство историков, строились все три формирования единым фронтом. В центре находилась норманнская кавалерия под началом самого Вильяма, на левом фланге стояла конница бретонцев, а на правом — верховые отряды воинов из других земель, называемых большинством норманнских хронистов «франками», но являвшихся, что почти не подлежит сомнению, по большей части фламандцами и булонцами. Перед строем кавалерии разместились нормандские лучники и пехота. Им предстояло начать битву атакой на английскую пехоту и потрепать ее, однако действия «зачинщиков» не дали видимого эффекта. Почему? Очень вероятно, что Вильям не предоставил пехоте много времени просто потому, что у тогдашних конников не было в обычае стоять и наблюдать, как дерутся другие.

Таким образом, кавалерия устремилась вперед вскоре после начала сражения. «Те, кои были последними, сделались первыми», как писал норманнский очевидец сражения Гийом де Пуатье, имея в виду перестановку в изначальном строе нормандцев. Нормандская конница была не очень многочисленной: современные источники утверждают, что количественно она сильно уступала пехоте противника. Однако всадники ударили на врага с таким воодушевлением и героизмом, которые (по мнению одного из хронистов) не знали прецедента в Средние века, а именно с «чрезвычайной храбростью», как утверждал Вильям из Мальмсбери (не современник битвы. — Прим. пер.). Однако волна атакующих остановилась перед стеной из щитов. Приступ пришлось повторить... потом еще. Как некогда современники событий, так и сегодняшние исследователи никогда не сойдутся в том, сколько же раз бросалась

в тот день на штурм вражеских позиций норманнская конница. Так или иначе, все штурмы были отражены необычайно дисциплинированной пехотой англичан, которая стояла стеной, не сходя с места и не покидая оборонительной позиции. Гийом де Пуатье так описывает происходившее: «Странная то была битва, в которой одна сторона имела подвижность и владела инициативой, а другая только отражала атаки, словно бы вросшая в землю».

Битва была не только *странной*, но и продолжительной. Часто такие средневековые противостояния разрешались в течение часа, а то и менее. Другие — да, но не столкновение при Гастингсе. Раз за разом конница откатывалась от пехотного вала. Особых потерь, как можно судить, стороны не несли, поскольку всадники, вероятно, поворачивали коней и скакали прочь от пехоты до того, как вступить с ней в реальное боевое соприкосновение. В какой-то момент, когда сражение продолжалось уже довольно долго, среди норманнской конницы пронесся слухок, что Вильяма будто бы убили. Во времена, когда геральдика находилась в зачаточном состоянии, подобные ошибки вполне простительны, поскольку многие норманны выглядели похожими один на другого — факт, подтверждавшийся «гобеленом» из

ФОРМИРОВАНИЕ СМЕШАННОГО ТИПА с построенными в довольно свободные шеренги воинами тяжелой кавалерии, за которыми следуют более плотные ряды также тяжелой (или легкой, возможно, просто легкой вооруженной) конницы, которую замыкают густые ряды пехотинцев. Идеальный вариант. Действовало такое построение поочередно: сначала противника «обрабатывала» тяжелая кавалерия, если он выдерживал удар, в дело вступал следующий конный эшелон, за которым уже следовала пехота, что, как ожидалось, должно было окончательно сломить волю врага к сопротивлению и заставить его искать спасения в бегстве.

Байе. На полотне даже запечатлено, как Вильям снял шлем, чтобы показать лицо и, убедив окружающих в ложности слуха, предотвратить панические настроения, которые могли бы привести его войска к бегству с поля боя.

Осознание того, что командир в полном порядке и бьется в одних с ними рядах, могло, конечно, вдохнуть в норманнских конников новые силы, которых вполне достало, чтобы, по крайней мере, провести один из сложных, но довольно широко используемых в кавалерии приемов — ложное отступление. Описанное у Веретия в его «О военном деле» (*De Re Militari*) — наиболее популярном в Средние века учебнике для полководцев, — известное и по другим источникам, притворное бегство требовало как мастерства, так и дисциплины, поскольку коннице надлежало создать у противника убеждение, что она бежит с поля боя, с тем чтобы в нужный момент развернуться и дружно атаковать. Сложность состояла и в правильности выбора момента. Подобный трюк нельзя было проделывать преждевременно, поскольку его вряд ли удалось бы повторить в ходе одного маневра. И в самом деле, если бы не удалось достигнуть цели — распада вражеского строя в ходе преследования, — кавалерия рисковала оказаться обращенной в уже неподдельное бегство. Под Гастингсом ложное отступление сработало. Хотя значительная часть англичан осталась в строю, многие погнались за откатывавшимися норманнами, чтобы слишком поздно осознать то обстоятельство, что конница уже не бежит, а разворачивается для нового удара. Мало кому из тех анг-

лийских воинов, соблазненных призрачной победой, удалось вернуться обратно — их настигли и изрубили мечами или растоптали копытами боевых коней. Среди павших оказались, по-видимому, и оба брата Гарольда, Гайрт и Леовайн (также Герт и Леофвин. — *Прим. пер.*), бившиеся бок о бок с королем в тот день. Так или иначе, английская «стена» потеряла часть «кирпичиков» и, конечно, стала слабее.

Положение на поле поменялось так быстро, что Гарольду Годвинсону оставалось лишь отвести оставшихся воинов ближе к вершине и построить их уже в менее протяженную линию. Однако они были, по-видимому, слишком измотаны и деморализованы, чтобы долго противостоять норманнам. Вместе с тем воины не покинули короля, сражаясь подле него, по крайней мере, до того момента, когда сам он погиб, как считается, вследствие попадания ему в глаз стрелы (потому что Вильям приказал стрелять в англосаксов навесно. — *Прим. пер.*).

Англосаксонская, или скорее англоскандинавская, «английская» армия перестала существовать. Как оказалось, ей было суждено стать, по сути дела, последним войском донорманнской эпохи в Англии. Хотя Вильяму еще пришлось преодолевать противодействие Эдвина и Моркеры, которые уцелели и оставались на севере после Стамфорд-Бриджа, сопротивление их не отличалось сильным упорством и не могло изменить ситуации. Вильям Завоеватель, герцог Нормандии и граф Мена, добавил к перечню титулов еще один, короновавшись короной Англии на Рождество 1066 г. в Лондоне, в который привели его копыта и мечи победившей под Гастингсом норманнской конницы.

Эра конницы — рыцарство и турниры

Период между вторжениями викингов в Европу (IX) и Столетней войной (1337—1453) иногда называют «Эрой конницы». Норманны и крестоносцы могут считаться особенно яркими представителями «кавалерийского века» из-за особо распространенного у них обычая применять тяжеловооруженную конницу, однако это лишь два примера из многих, которые знало Средневековье. В те вре-

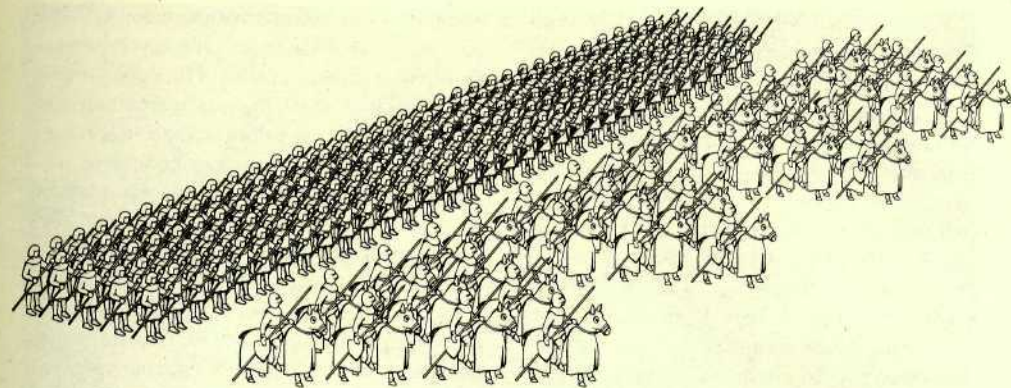
мена все другие европейские государства приняли за основу «кавалерийскую доминанту» — сделали всадников главной силой своих армий. Причем не только Византия, Франция, Англия, Италия и Священная Римская империя, но и «окраинные земли» — Скандинавия, Шотландия, — не говоря уже об Иберийском полуострове, Венгрии и королевствах и княжествах Прибалтики и Балкан.

Кавалерия являлась наиболее хорошо обученной частью любого войска и представляла собой собрание самых богатых и высокородных воинов, всегда уверенных в себе. Уверенность эту порождала крепость доспехов, пройденная школа подготовки, привычка биться плечом к плечу с товарищами и одержанные победы. Вот как норманнский хронист Амбруаз описывает конницу на поле битвы:

*Наипрекраснейшие воины христиане,
Которых только видела земля.
Они смыкали строй,
Казавшись скованными из железа.
Строй боевой их был широк и силен,
Способен выдержать яростный натиск врага.
Аррьергард же полнился
Добрыми рыцарями столь обильно,
Что нельзя было разглядеть их лиц
Иначе как сверху.
И яблоку было некуда упасть
Среди воинов в латах и доспехах.*

Построенная плотными рядами кавалерия, в разных местах и в разное время называвшаяся в Средние века эшель, констабуляриум, баталь и конруа (*achelle, constabularium, bataille и conrois*), не раз доказывала способность сокрушать врага, атакуя с огромным натиском и яростью. Для противостояния ей — особенно «безлошадной голытьбе», которая, как правило, представляла бедные и «неблагородные» слои общества, — требовалось величайшее мужество, и лишь немногие пехотинцы в «высоком» (т.е. не раннем и не позднем. — *Прим. пер.*) Средневековье обладали им. Соответственно часто одни формирования конницы сражались с другими. Доминирующее положение всадников затянулось так надолго, что пехота в тот период истории просто отошла на второй план.

Дисциплина воинов-кавалеристов, а подчас даже и их подготовка в значительной мере зависели от предводителя. Про-

ще говоря, в «эпоху конницы» хороший лидер обычно приводил конные части к победе, плохого же ждало поражение. В период доминирования на полях сражений кавалерии командные позиции обычно занимали наиболее влиятельные и богатые персоны, и структура общества и армии (а следовательно, и характер воинской повинности) определялась схемой, которую Филипп Контамин назвал «феодально-вассальной системой». Вот что он писал: «По всему Западу десятки тысяч людей — мужчин и женщин, крупных и мелких держателей собственности, молодых и старых — были обязаны нести военную службу того или иного рода своим господам за получаемые от них уделы» («Война в Средние века», с. 77).

Вертикальные связи в обществе могли строиться самым различным образом. Термином «феодально-вассальные» можно охарактеризовать всевозможные взаимоотношения между господином и вассалом. Так, например, в средневековой Румынии служить полагалось до достижения 60 лет или же выставлять подходящую замену (наследника), при этом четыре месяца находиться в гарнизонной службе, четыре — в поле, а еще четыре — дома. В латинском Иерусалимском королевстве служба, учитывая постоянные конфликты с мусульманами, была фактически круглогодичной и не ограниченной возрастом. (Ограничения все же были и на Ближнем Востоке. «Планкой» служили те же 60 лет. Кроме того, делались «территориальные» оговорки, т.е. протяженность службы за пределами государства (сеньории) могла лимитироваться, скажем, тремя месяцами в год бесплатно, а далее по договоренности. Одним словом, ав-

ПОСТРОЕНИЕ КЛИНОМ — глубокий, суженный вперед строй конницы, поддерживаемой сзади плотными рядами пехоты. Впереди и по флангам клиновое строение помещались наиболее оснащенные рыцари, владельцы самых лучших доспехов и самых крупных коней, тогда как легче вооруженные (менее состоятельные) рыцари, сержанты и «жандармы» занимали места в центре. Задача такого формирования состояла в том, чтобы взломать вражеский строй на узком участке, расширить брешь, в которую затем сможет устремиться пехота, которая и нанесет решающий удар.

тор раздела совершенно прав — «вертикальные связи в обществе могли строиться самым различным образом». — *Прим. пер.*) В других же регионах, где не приходилось держать войска в постоянной готовности, феодально-вассальная военная служба ограничивалась более короткими сроками, обычно если возникала потребность оборонять страну (или просто сеньорию) или же если господин собирался в поход сам или призванный своим господином (сюзереном). При особенно воинственном лидере подобное могло означать службу на протяжении большей части года, при этом по несколько лет кряду, в то время как при более миролюбивом сюзерене, напротив, выражаться на практике в полном отсутствии реальной необходимости выполнять воинский долг. Вызванные сеньором средневековые военные должны были являться со своими вассалами, полностью снаряженными для ведения боевых действий за счет держателя удела — иметь оружие, доспехи, коней и провиант или средства на его покупку на протяжении кампании или же на срок гарнизонной службы. В идеале такое правило могло бы, как кажется, освободить средневекового государя от необходимости платить за армию самому.

На практике же, однако, с целью поддержания численности армии большинству средневековых военных лидеров приходилось давать обещания вассалам оказывать им материальную поддержку или же выдавать компенсации за потраченные средства и возмещение за потерянных животных (прежде всего за убитых или покалеченных коней). Но даже и такие послабления не всегда давали результат. Так, например, в 1300 г., когда Эдуард I объявил призыв ленников, ряды которых сильно поредели в почти постоянных конфликтах, на зов откликнулись лишь 40 рыцарей и 366 сержанов. Порой королям приходилось прибегать к услугам наемников.

Битва при Леньяно — 29 мая 1176 г.

Даже и сегодня Альпы представляют собой ощутимую преграду на пути воинских формирований. Средневековым армиям — вне зависимости от того, шли ли они в Италию или же из нее, — приходилось преодолевать горы по узким перевалам, по плохим дорогам, что делало путешествие длительным и опасным. Именно горы больше, чем любая стратегия, армия или вооружение, защищали Италию от завоевателей. В Средние века, несмотря на то что политически территория его входила в состав Священной Римской империи (германской нации), итальянский народ всегда тяготел к самоопределению, особенно в связи с ростом численности населения и богатства городов на севере и в центре Италии. Это означало неминуемую реакцию правителей, живущих по ту сторону Альп.

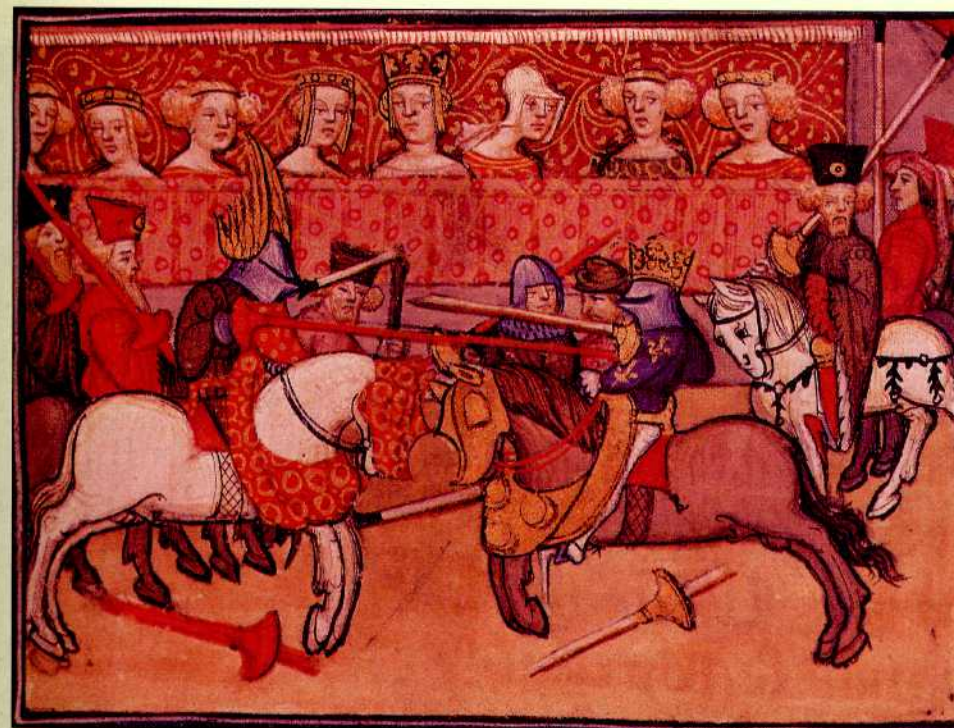
Римский император, но прежде всего германский король, обращался к делам своих итальянских подданных только тогда, когда обеспечивал безопасность трона на севере. Посему подобные походы случались не так уж часто, ибо раздробленной на множество уделов Германии всегда не хватало политической надежности. Если император все же вторгался в Италию, итальянские города, как правило, предпочитали отстаивать свое право на самоуправление с оружием в руках. Потому многим императорам приходилось воевать в Италии, чтобы привести подданных к покорности. В большинстве случаев, если такое случалось, итальянцы проигрывали профессиональным, более опытным, луч-

ше подготовленным и обладавшим лучшим наступательным и защитным вооружением германским солдатам. Иногда, однако, военное счастье улыбалось и итальянцам. Одна такая битва происходила под Леньяно 29 мая 1176 г. между войсками императора Фридриха I Барбароссы, с одной стороны, и солдатами и ополчением Милана и его союзников — тоже из числа североитальянских городов — с другой.

К тому времени, когда в 1152 г. Фридрих унаследовал престол своего дяди, Конрада III, новый император уже успел зарекомендовать себя как опытный и умелый полководец. Он блестящим образом продемонстрировал полководческие таланты в 1146 г. при подавлении восстания герцога Конрада фон Церингена, когда действовал от имени императора Конрада III, за что (в том числе) и был признан как наследник последнего. Именно полководческие таланты сыграли роль в единодушном одобрении его кандидатуры при избрании — довольно редкое явление в средневековой Германии (Фридрих представлялся многим очень удобной фигурой, от него — гвельфа по матери и гибеллина по отцу — ожидали компромисса и примирения двух враждебных партий. — *Прим. пер.*).

Кампании Фридриха

Вследствие прочного престижа, имевшегося у него в Германии, в 1154 г. Фридрих Барбаросса начал первую кампанию к югу от Альпийских гор. Давно уже итальянцам не приходилось сталкиваться с угрозой с севера. Неустойчивое положение обоих предшественников Фридриха, Лотаря II и Конрада III (первого из дома Гогенштауфенов, который не был коронован в Риме. — *Прим. пер.*), позволяло им лишь поддерживать дипломатические связи с подданными в Италии, что делало последних — особенно города на севере и в центре — практически независимыми. Однако дело заключалось не только в их фактической свободе от Римской империи: поступление налогов в казну фактически прекратилось, в то время как дороги и перевалы Альпийских гор наводнили банды грабителей и воров, так что немногие торговцы, паломники или просто проезжающие по тем или иным делам люди

рисковали пуститься в путь, не заплатив за безопасность тем или иным предводителям вооруженных отрядов.

В 1154 г. перед Фридрихом как раз и стояла задача привести в порядок положение на дорогах через Альпы, покончив с бандитизмом, собрать налоги и реально привести Италию к покорности короне Римской империи. Трудно сказать, считал ли он себя в состоянии справиться со всеми задачами сразу. Если да, то его первую экспедицию в Италию следует расценивать как неудачную, поскольку — хотя ему удалось добраться до Рима (к середине 1155 г.) — привести к покорности север Италии, особенно Милан и его союзников, он все же не сумел. Не смог он замирить и враждующие партии в Риме, хотя и был по всем правилам коронован короной Римской империи папой Адрианом IV перед возвращением в Германию 18 июня.

Нет оснований удивляться лидерству Милана среди мятежников — город привлекал немалые доходы от контроля над альпийскими перевалами, поскольку путь в Италию с севера лежал как раз мимо Милана. Географическое положение означало, что город находился в постоянном контакте с купцами и паломниками, которые остав-

Эпизод турнира в эпоху Карла V, правившего Францией с 1364 по 1380 г., позаимствован из «Больших хроник» монастыря Сен-Дени (религиозной столицы средневековой Франции, теперь северный пригород Парижа. — *Прим. пер.*). Турниры, проводить которые стали либо в конце XI, либо в начале XII столетия, изначально задумывались как средство тренировки всадников в условиях боя. На турнире рыцарь практиковался в проведении конного броска с «кушированным» копьем. Скоро же, однако, тренировки превратились в потеху, а затем и в шоу.

ляли там немало средств, расплачиваясь за постой, помощь транспортом, услуги проводников, охрану и покупая провизию и фураж у местных торговцев. Богатства Милана, как повсюду и почти всегда случалось в Средние века, стояли за стремлением к суверенитету.

Часто желание городской верхушки быть самим по себе и никому не подчиняться влекло за собой осложнение отношений с германскими государами, что неоднократно происходило и до Фридриха Барбароссы. Самым известным примером может служить конфронтация с городами императора Генри IV в пору споров его в отношении права инвеституры (т.е. назначения священников на должности — тяжба с римским понтификатом,

Битва при Леньяно

1176 г.

Соединив бывшие при нем силы кавалерии с контингентом германской конницы у Комо, император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса выступил к итальянскому городу Павия, где рассчитывал получить пополнение для своего войска. Хотя император стремился избежать встречи с миланцами, их армия неожиданно появилась перед германцами у города Леньяно. Как бы там ни было, элемент внезапности не привел к поражению, ибо в ходе стычки на начальном этапе Фридриху удалось построить силы в несколько «дивизионов» (сколько именно, точно неизвестно); миланцы действовали четырьмя отрядами — силами кавалерии при поддержке пехоты. Германцы ударили и обратили противодействовавшую им конницу врага в бегство. Однако пехота миланцев не струсила и осталась на позициях. Когда наступательный порыв первой атаки иссяк, германцы подверглись фланговому удару миланских конников, которые ввиду стойкости их пехоты сумели опомниться и перегруппироваться. Скоро германцы бежали, оставив поле и победу миланцам.

Германское войско, возглавляемое императором Фридрихом Барбароссой, выступило от Комо к Павии и подверглось неожиданной атаке миланцев вблизи города Леньяно.

ШЛЕМЫ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ отличаются друг от друга в соответствии с потребностями тех, кто носил их. Показанные тут шлемы — потомки тяжелых шлемов позднего Средневековья (использованы рисунки XIX столетия), которые прилегали к голове и шее довольно плотно. В таком облачении некоторые солдаты, а особенно командиры, чувствовали себя довольно стесненно в плане обзора и возможности отдавать команды, а посему часто бились с поднятым забралом.

который опирался на города. — *Прим. пер.*). Кроме того, миланцы оказывали влияние на другие города севера и центра Италии, которые тоже включались в мятеж, причем даже на те, которым по соображениям логики было бы полезнее пойти на союз с противниками Милана или, по крайней мере, сохранить нейтралитет.

Когда в 1155 г. Барбаросса ушел в Германию, так и не добившись приведения к покорности Италии, его германские бароны усмотрели в этом проявление слабости, и только что коронованный римский император оказался пред лицом необходимости подавлять волнения вассалов. В итоге, используя где дипломатию, где военную силу, Фридрих сумел умиротворить или разгромить всех своих противников, что к 1158 г. дало ему даже более прочные позиции в Германии и возможность вновь посетить Италию. Второй его кампании сопутствовал куда больший успех, чем первой. Среди ряда его первых побед наиболее крупной можно считать, конечно, взятие Милана, который пал к ногам Фридриха 7 сентября 1158 г. после непродолжительной осады. Остальные мятежные города удалось привести к покорности довольно быстро. Однако в Италии спокойствие длилось недолго. После кончины папы Адриана IV, в последнее время перед смертью уже нерешительно поддерживавшего Барбароссу, Фридрих оказался вовлечен в затянувшуюся борьбу за избрание нового папы. Конфликт разрастался, и скоро императору пришлось

во множестве боев сражаться едва ли не со всеми городами Северной Италии и Ломбардии, включая, конечно, и все тот же Милан. Только в марте (после 9 мес. осады) 1162 г. Милан вновь был захвачен германскими войсками.

Но даже и тогда мир к югу от Альпийских гор не наступил. После непродолжительного пребывания в Германии в 1163 г. Фридрих предпринял третью экспедицию в Италию. На сей раз перед ним оказался новый противник, или, точнее, новая ассоциация старых противников — Ломбардская Лига городов. Ломбардскую Лигу изначально образовали Верона, Виченца и Падуя с последующим присоединением к ним Венеции, Мантуи, Брешии, Лоди и многих других (всего 20 городов. — *Прим. пер.*). Милан, по крайней мере, вначале стоял вне Лиги, но больше не из-за несогласия с антиимперскими целями организации, а из-за недостатка сил (в 1162 г. город был сильно разрушен, ограблен и лишен стен. — *Прим. пер.*). Принимая во внимание размеры союза и его военную силу, неудивительно, что кампания Фридриха в 1163 г. практически провалилась, как случилось и с четвертой его итальянской экспедицией в 1166 г. В последнем случае, однако, дело было не только в противодействии ломбардцев, но и в болезнях, возникших в войске германцев и почти полностью выкосивших его.

Вероятно, из-за двух этих неудач в итальянских кампаниях Фридрих Барбаросса оставался к северу от Альпийских гор до

1174 г., когда ему пришлось перейти их, по всей видимости, чтобы предотвратить союз между Ломбардской Лигой и папой Александром III, который, не будучи ни другом, ни сторонником императора, пока более или менее держался в стороне от североитальянских дел. Именно в ходе этой кампании, в 1176 г., Фридрих и проиграл битву под Леньяно.

Битва

К сожалению, источники не дают достаточно сведений в отношении событий под Леньяно, чтобы можно было детализировать действия сторон на поле боя. В сравнении с документальным материалом, посвященным другим средневековым сражениям, включая Гастингс, Бувин или Никополь, противостояние под Леньяно освещено очень скупо. Несмотря на важность сражения для итальянских дел, велеречивые хронисты и биографы Фридриха Барбароссы очень немногословны в том, что касается этой битвы, также и местные итальянские источники весьма скудны. Вместе с тем имеется довольно данных для определения роли кавалерии у обеих сторон — участников конфликта.

С 1174 по 1176 г. Фридрих колесил по Италии, стараясь сделать что возможно для одоления Ломбардской Лиги, но ничуть не преуспел в своих стараниях. В начале 1176 г., желая придать размах ведомой им кампании, император запросил подкреплений из Германии, в результате чего через Альпийские горы двинулись дополнительные отряды из его родной Швабии и из Рейнской области. Силы насчитывали около 2000 чел. и вели их: Филипп, архиепископ Кельна, Конрад, курфюрст-епископ Вормса, и Бертольд, герцог Церингена и племянник императрицы. В Италию войско спустилось с Альпийских гор в апреле. По всей видимости, все эти солдаты были рыцарями или сержантами и не имели никакой поддержки пехоты. (Слово *sergeant*, пришедшее в английский из французского и даже нашедшее свое место в русском, следует все же отличать от *serjans/serjeant* (вариантов написания много, но суть одна, «т» в конце если и наличествовала, то не произносилась), посему средневековых всадников и пехотинцев — а сержанты бывали как

конными, так и пешими воинами — лучше все же называть сержантами (без «т»), а не привычными нам сержантами. — *Прим. пер.*) Объясняется это, вероятно, теми темпами, с которыми они должны были передвигаться, чтобы вписаться в планы Фридриха, или же германцы полагались на местную пехоту — союзников среди итальянцев или же наемников, — или же Фридрих Барбаросса считал, что на тот момент никаких подкреплений, кроме конницы, ему не требовалось. К сожалению, мало что известно об организации войск Фридриха и об условиях кампании 1176 г., чтобы определить причину недостатка пехоты в его армии. Между тем данного рода дефицит обернулся для него поражением.

В начале мая император с 500 чел. конницы соединился с вновь прибывшими под Комо. Понятно, что этим контингентом силы всей его армии в Италии не исчерпывались, что побудило историков предположить, что упомянутые здесь 500 рыцарей являлись личной стражей Фридриха, задача которой заключалась в обеспечении эскорта императора по пути на встречу с подкреплениями. Существует вполне разумное мнение, что Фридрих намеревался собрать все силы, чтобы активизировать кампанию против Ломбардской Лиги. Так или иначе, основные войска его, по-видимому, дислоцировались у Павии. Это дает основания считать, что он собирался ударить на Милан до того, как неприятель сможет оказать ему какое-то серьезное противодействие. Если предположения верны, стратегический замысел Фридриха представляется весьма недалеким.

Конечно же, миланцы знали о местах дислокации германских солдат, как сознавали и слабость расколотых войск Фридриха. Уже дважды проигравшие в противостоянии с императором миланцы, как надо думать, собрали всех своих солдат, а также заручились помощью союзников. Германские хронисты оценивают силы Милана в 12 000 конников, не сообщая ничего о количестве пехоты, однако численность кавалерии явно преувеличена, и в действительности город располагал всего не более 2000 чел. конницы и что-то около 500 пехотинцев, большая часть из которых была набрана в самом Милане, а также в Веро-

не и Брешии. С этим войском находился городской штандарт — кароччо (*carroccio*) — этакая установка на колесах, символизирующая богатство и независимость миланцев. (Весьма

распространенная система в Италии, но, по сути дела, штандарт на телеге, подобный тому, что имелся у короля Ричарда под Арзуфом [см. раздел 1], и главная функция та же — сигнальная. — Прим. пер.).

Резонно полагая, что наиболее разумно было атаковать германскую армию, пока силы ее не соединились, миланцы выдвинулись на перехват противника, и 29 мая войска сблизилась с ним около Леньяно.

Битва началась атакой кавалерийского авангарда миланцев, насчитывавшего где-то 700 чел., против конного же авангарда германцев, уступавшего ему в численности примерно вдвое (что-то около 300 чел.). Как можно заключить из имеющихся данных, бросок неприятеля застал войска Фридриха врасплох, поскольку он не располагал данными о присутствии поблизости войска миланцев, которые очень искусно замаскировали собственные передвижения, используя лес. Неожиданность позволила им смять императорских конников. Между тем стычка продолжалась достаточно долго, чтобы дать императору время построить войско, которое приняло обращенный в бегство авангард и отогнало преследователей.

После этого на поле выдвинулась миланская армия и построилась против германской. Современные источники свидетельствуют, что миланцы построились четырьмя «дивизионами», разместив пехоту перед своим кароччо (*carroccio*). Диспозиция германских формирований неизвестна. Так или иначе, Фридрих не мог не понимать, что ему следовало немедленно проявить наступательную инициативу, поскольку его войско находилось на вражеской территории и не могло на-

деяться на подход помощи, тогда как время играло на руку противнику, силы которого могли увеличиться за счет прибытия подкреплений. Кроме того, в «Кельнских

анналах» говорится, что Фридрих считал «недостойным своего императорского величества показать противнику тыл». Одним словом, германская кавалерия «ударила сильно» и быстро прорвала порядки миланской конницы.

Когда же атакующие встретились с неприятельской пехотой, та сумела удержать позиции, несмотря на бегство собственной кавалерии, проявив огромное мужество и стойкость. Волна натиска германской кон-

ницы разбилась о миланский «волнорез». «Уставив щиты плотно и крепко держа копья», как писал архиепископ Салерно Ромуальд, итальянская пехота вынудила германскую кавалерию остановиться. Рыцари очень неохотно бросаются в бой на лес копий. Вообще ничего необычного тут нет, такое не раз встречалось и прежде, скажем, в той же битве при Гастингсе сто лет назад, когда кавалерия оказалась не в силах прорвать тесные шеренги пехотного строя, подобное повторялось в XII столетии и случалось потом множество раз. Между тем в XII веке примеры столь заслуживающей уважение стойкости все же нечасты, пехоте тогда обычно не хватало дисциплинированности и выучки, которые обычно помогают пешим бойцам удержаться перед соблазном броситься врассыпную перед закованными в броню рыцарями на их крупных боевых конях.

Самоотверженность миланских пехотинцев позволила их смятой, но неуничтоженной коннице перегруппироваться. Она оказалась достойна отваги пехоты, поскольку вернулась и ударила во фланг германской кавалерии. К тому моменту всадники Фридриха, обескураженные своим неуспехом против противодействующей пехоты, начали уставать. Итак, они

«Если вы думаете, что ярость, с коей всадник гонит коня на врага, заставляет последнего из страха перед шпорами забыть страх перед копытами, тогда я скажу вам: коли лошадь и поскачет в битву, она замедлит свой бег при виде тик... и либо встанет, либо повернет назад».

МАКИАВЕЛЛИ,

«Искусство войны», 1521 г.

свернули попытки сокрушить миланскую пехоту и попытались вернуться на свои прежние позиции. О порядке при таком отходе говорить не приходится, а поскольку у германцев отсутствовала пехота, способная преградить врагу путь и дать своим всадникам перегруппироваться у нее за спиной, отступление закончилось крахом. Посреди воцарившегося хаоса неприятель захватил императорское знамя, лошадь под самим предводителем пала. Как именно сумел Фридрих избежать плена или смерти, нигде не сказано, однако на протяжении нескольких дней после Леньяно его считали погибшим. Многие другие важные персоны попали в плен, хотя количество павших в битве не было особенно велико, поскольку все германские и миланские конники имели в качестве защитного вооружения полные комплекты кольчужных доспехов. (Войны между гвельфами и гибеллинами обычно отличались чрезвычайной жестокостью и даже «расточительностью» — нередки были случаи убийства пленников даже вопреки возможности получить выкуп. — Прим. пер.)

ФРАНЦУЗСКИЕ РЫЦАРИ В БИТВЕ, как они изображались в рукописи «Ланселот Озерный», ок. 1330 г. Несмотря на то что художник иллюстрировал романтические истории времен короля Артура, вооружение воинов — их доспехи, шлемы, небольшие треугольные щиты — аксессуары современных автору картинки джентльменских наборов. К XIV столетию геральдика уже давно и прочно укоренилась в обиходе, заняв свое место на щитах, вымпелах и конских пополах.

Столкновение под Леньяно более наглядно, чем какая-то другая битва, доказывает необходимость для средневековых армий действовать на поле боя, координируя кавалерию с пехотой. Тот факт, что в армии миланцев присутствовали как та, так и другая, и то обстоятельство, что пехота сумела сдержать атаку германской кавалерии, по сути дела, решило исход противостояния. Если бы в войске Фридриха Барбароссы находилась пехота, его отброшенная неприятелем конница имела бы возможность перестроиться и вновь включиться в битву, отсутствие важной составляющей привело армию императора к поражению.

Рыцарство

В XI и XII столетиях рыцарство укоренилось повсюду в Западной и Центральной Европе. На латыни такие конные воины назывались милес (*miles*), по-французски — шевалье (*chevalier*), на языке германцев Римской империи — риттер (*ritter*), по-испански — кабальеро (*caballero*) и найт (*knight*) по-английски. Изначально те, кто носил такой титул, являлись нобилиями, которые своим богатством, положением и званием заметно отличались от простых солдат. Трудно сказать, когда и где возникла практика посвящения в рыцари. Нет ни одного документа, который бы говорил точно, как и почему рыцарями стали называться первые из них. Более вероятно, средневековое рыцарство появилось на свет вследствие эволюционного процесса, а не революции, что заставляет думать, что они существовали уже в «высоком» Средневековье и возникли не сразу, а постепенно.

Рыцари были, на что указывает термин, кавалеристами. (Нелишним будет вспомнить, что слова «шевалье» и «кабальеро» произошли от слова «лошадь» (*cheval*, сравн. русское «кобыла») соответственно во французском и испанском языках, а русское слово «рыцарь» — искаженное немецкое *ritter*, т.е. всадник (от *reiten* — скакать). С английским же *knight* все несколько сложнее, оно имеет то же германское происхождение, что и немецкое *knecht*, которое обозначает нечто куда более близкое к *serjans* в старофранцузском. — Прим. пер.) Однако со временем для «производства» в рыцари

кандидату требовалось соответствовать целому ряду условий. Другими словами, не все конные воины являлись рыцарями. Чтобы стать рыцарем, титул этот требовалось заслужить, проявив себя в боевых действиях или на турнирах. Конечно, даже в Средние века не всегда только воевали, как не каждая война изобиловала настоящими сражениями. Посему кавалеристам приходилось практиковаться и без войны. Для отпрыска благородной фамилии подготовка чаще всего начиналась в раннем детстве. Учителем выступал, конечно же, рыцарь, часто близкий друг или родственник отца мальчика, который учил последнего управлять конем, правильно держать копье и наносить им удары, орудовать мечом, а иногда даже бросать дротики или копья на скаку. Обучение технике верхового боя дополнялось выработкой навыков применения вооружений в пешем строю. Роджер Ховденский (хронист-современник. — Прим. пер.) так описывает рыцарское образование применительно к сыновьям короля Генри II Английского:

«Они старались превзойти всех в умении владеть оружием. Они сознавали, что без упражнений военное искусство не придет к ним само, когда настанет в нем нужда. Ни один силач не мог драться по-настоящему, если не чувствовал на себе удара: он должен видеть, как хлещет кровь у него из раны, слышать хруст чешуи под кулаком соперника, а когда окажется сброшенным наземь, надлежит ему сражаться всей силой и не утратить отваги. Чем чаще он будет падать, тем увереннее с каждым разом будет вскаки-

вать на ноги. Любой, кто привычен к такому, пойдет на бой уверенно. Добытая в трудной учебе мощь неоценима — душа, охваченная страхом, теряет славу. Тот, для кого груз слишком тягостен, хоть и не по его собственной вине, будет раздавлен ношей, невзирая на то, как бы сильно он ни хотел добиться поставленной цели. На пролитом поте возрастет древо победы, и будет герой славен в храме ее».

Турниры

Лучшим местом для учебы кандидата в рыцари, или дамуазо (*damoiseau* — один из собственно французских терминов, применяемых для обозначения будущего рыцаря. — Прим. пер.), где молодой человек мог попрактиковаться в искусстве кавалерийской атаки, служил турнир. Где и когда состоялся первый турнир — неизвестно. Есть некоторые основания считать, что произошло это на заре XI столетия. Не вызывает сомнения тот факт, что к началу XII века подобные мероприятия проводились повсюду в Европе и привлекли внимание многих писателей и художников — восторг их не будет ослабевать на протяжении всего периода, называемого Средневековьем.

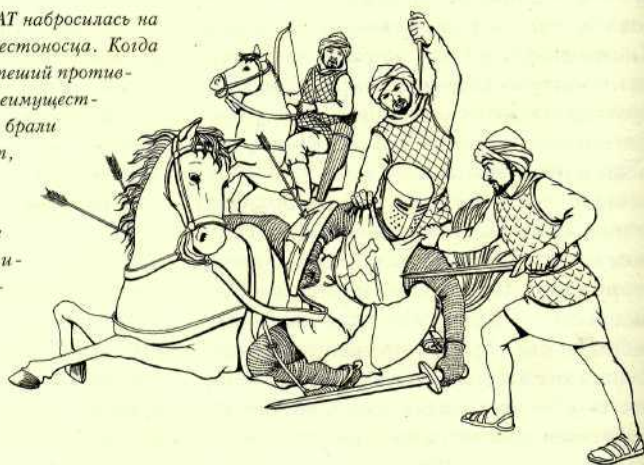
Ранние турниры представляли собой по большей части рукопашные схватки «команд» — мэле (*mêlée*), когда две группы всадников вели потешную битву на большом поле. Как можно считать, основным оружием им служили мечи и палицы — первые турниры, возможно, проводились еще до того, как вошло в практику «куширование» копья (в действительности, как можно судить, технологии применения оружия, в частности манера брать копье наперевес, зажимая под мышкой, и турниры шли в своем развитии параллельно, оказывая влияние друг на друга). В итоге приоритетными стали состязания двух соперников — жуст (*joust*), вытеснившие мэле в последние два столетия Средневековья. Во время жуста два разделенных барьером всадника сближались друг с другом на скаку, держа копья наперевес. Соперники «набирали очки» нанося удары в доспехи противника, его щит и шлем. Выбивать рыцаря из седла во время потешных состязаний считалось слишком опасным для жизни, однако если ломались копья или случалось

еще нечто такое, что вызывало оживление публики, за эффектный трюк можно было рассчитывать получить дополнительные очки. (Само слово *joust* происходит от *joustice* (*justice*) и означает справедливость/правосудие. Первоначальные поединки один на один были, как правило, судебными и проводились для выяснения правоты тяжущихся. Обычно бой велся или до падения одного из них с коня, или до первой крови. Убивать противника не требовалось. Проигравшего в зависимости от положения в обществе и конкретной ситуации могли просто вздернуть на виселице до заката солнца. — Прим. пер.)

Нашлись рыцари, ставшие «звездами» турниров. Имена некоторых из них — таких, как Гийом де Марешаль (или Вильям Маршал, 1-й эрл Пембрука. — Прим. пер.) и Ульрих фон Лихтенштейн, — звучали по всей Европе, о них даже писали книги, реже случалось, они делали это сами (скажем, Ульрих фон Лихтенштейн оставил после себя собственную историю). Особо искусные мастера турниров иной раз жили за счет участия в них. Победитель «награждался» доспехами и конем противника, хотя такие трофеи нередко возвращались владельцу за выкуп. В определенные периоды истории в тех или иных странах правительства старались взять турниры под контроль и даже запретить их. Однако долго запреты не жили, потому что стремление сходиться в жуст у участников и желание праздника у не избалованных интересными мероприятиями зрителей обычно пересиливали.

Спустя какое-то время после возникновения, — хотя когда точно, опять-таки неизвестно, — рыцарская элита общества приняла свой особый кодекс поведения, называемый рыцарским (в английском языке существует два слова, которые можно перевести как «рыцарство», *knighthood* и *chivalry*, при этом первое [германское по происхождению] обозначает рыцарей как сообщество, а второе [романское] также включает в себя атрибуты рыцарского поведения. — Прим. пер.). Причина возникновения таких правил для благородного воина неясна. Возможно, Церковь ввела его в ходе крестовых походов (или несколько раньше) как средство регулирования действий военного нобилитета на войне? Или же то

КУЧКА МУСУЛЬМАНСКИХ СОЛДАТ набросилась на поверженного наземь конного крестоносца. Когда всадник бывал сброшен с лошади, пеший противник, как правило, оказывался в преимущественном положении. Часто рыцаря брали в плен, чтобы получить выкуп, однако в иных случаях, — как, скажем, в крестовом походе, особенно в третьем (вследствие казни Ричардом 2700 заложников. — Прим. пер.), — даже благородного воина могли убить, забив палицами, зарубив или заколов кинжалами в наиболее уязвимые места — ударив в шею, под мышку или в пах.

была «инициатива снизу», исходившая из рыцарской среды, поскольку представители высшего класса пожелали иметь кодекс, служивший бы своего рода их «фабричной маркой»?

Хотя причины и точный момент возникновения рыцарства неизвестны, качества, считавшиеся рыцарскими, не представляют тайны. Иоанн Солсберийский приводил перечень основных из них в XII столетии: «Долг рыцаря защищать церковь, сражаться с неверными, чтить священнослужителей, оборонять бедных от нападок, умиротворять страны, проливать кровь за братьев... и, коли будет нужно, отдать жизнь в борьбе». Рыцарям также предписывалось почитать женщин, которым, по нормам кодекса, в свою очередь, надлежало служить объектами почитания, поддерживать рыцарей любовью и во многих случаях одарять их материальными символами благосклонности — подвязкой или лентой.

Другого рода поддержку средневековому братству рыцарей оказывали искусство и литература. Особенное место среди посвященных теме произведений занимают, конечно, всевозможные легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, появлявшиеся на протяжении периода с XII по XV столетие включительно и получившие невиданную популярность. Учитывая тот факт, что в ту пору еще не изобрели книгопечатание, распространение такого рода литературы особенно примечательно. Ну и, разумеется, интерес к рыцарству под-

питывался «спортивными состязаниями» профессионалов — турнирами, невозможными без рыцарей настолько же, насколько сами они немислимы без турниров.

Появление кованых лат

Некоторые историки предполагают, что именно турниры привели к совершенствованию защитного вооружения конницы, выразившемуся прежде всего в добавлении кованых элементов к кольчужным деталям доспехов, что путем эволюции привело к возникновению полностью кованых лат. Вряд ли стоит сомневаться в том, что те воины, которым часто приходилось сходить друг с другом в мзл и жуст, не могли не думать о каких-то способах улучшить собственную защищенность. Так или иначе, наиболее значительные изменения в комплектах доспехов произошли после начала расцвета турниров. Или же переход к кованой броне подсказывали технологические и тактические подвижки в области военного дела в период XIII и XIV столетия. Кольчужными доспехами солдаты продолжали пользоваться и в XIV столетии, но, поскольку стрелы из более мощных арбалетов и больших валлийских луков обладали способностью пронзать кольчужное плетение, воинам требовалось нечто более надежное. В конечном счете потребность эта привела к появлению кованых лат, процесс развития которых начался в XIII и активно продолжался на заре XIV века, а закончился уже в XVI столетии.

Убедительные сведения о возникновении кованых лат относятся к началу и середине XIII века. Как письменные источники, так и работы художников отражают наличие кованых доспехов именно в этот период. Так, например, один из хронистов, Гийом Бретонец, или Бретонский (ум. в 1225 г.), рассказывает о поединке между Ричардом Львиное Сердце (в ту пору еще только графом Пуату) и Гийомом де Баром. Источник говорит о том, что участники схватки облачались в доспехи с «коваными кусками железа», служившими дополнительной защитой на некоторых участках обычной кольчуги — гобера (*haubert*). Кованые латы Ричарда и Гийома де Бара представляли собой скорее всего не первичное, а вторичное оборонительное вооружение (т.е. не было интегральной частью доспехов, а дополнительным вооружением. — Прим. пер.). Вместе с тем факт отражает начало процесса, приведшего к появлению первых кованых лат, в ходе которого металлические пластинки и более сложные детали прикреплялись к имеющейся кольчужной броне или же к кожаной основе в качестве усиления защиты. Обращение, написанное германским императором Фридрихом II к королю Англии Генри III в 1241 г., тоже содержит упоминание о кожаных доспехах с нашитыми на них металлическими элементами. Работы художников (гравюры) также изображают солдат XIII столетия в доспехах, в которых присутствуют кованые узлы.

Примерно к 1350 г. кольчужная броня, особенно применительно к защите торса воина, повсеместно вытесняется кирасой. Скованная из кусков металла кираса прикрывала грудь, спину и бока всадника до диафрагмы, а далее шли подвижные узлы из наклепанных на материал металлических пластин, защищавших живот, поясницу и верх бедер. К концу XIV столетия отдельная кованая кираса становится первичной составляющей кованых лат и охотно применяется как кавалеристами, так и пехотинцами. К повышению популярности такого рода защитного вооружения привело внедрение еще двух элементов: первое, шарнирного кронштейна на правой стороне кирасы, поддерживавшего длинное и тяжелое копье при «кушировании», а второе — V-образной

решетки, приклепываемой к кирасе ниже шеи воина и призванной не допустить, чтобы копье или меч противника, скользя по гладкой поверхности лат, угодила всаднику в незащищенное горло. Эти инновации быстро прижились и оставались неотъемлемыми деталями рыцарских лат на протяжении всего XV столетия.

К концу XIV столетия усовершенствовалась также и защита конечностей, в частности появились прикрывавшие бедра кюисс (*cuisse*) и колени — полен (*poleyns*), жамбер (*jammers*) — для голени и саботон (*sabotons*) для нижней части ноги. Не остались без внимания и другие участки тела — горже, или бево (*gorgets*, или *bevors*), защищали горло и шею, кутер (*couters*) — локти, э(с)полер, или подрон (*espaulders*, или *pauldrons*), — плечи, пер(е)брас (*rerebraces*) — предплечье, вамбрас (*vambraces*) — руку вниз от локтя, и гант(е)ле (*gantelets*) — кисти. Полный набор доспехов содержал, конечно, также и шлем и, по крайней мере, поначалу — щит, который перестал применяться примерно к середине XV столетия.

Весили кованые латы — полный комплект, предназначенный для боя, — по разным оценкам, от 23 до 28 кг, тогда как масса турнирного снаряжения в зависимости от географии и хронологии применения могла значительно превышать эти данные и достигать 41—46 кг. И все же, несмотря на вес, любой воин, могущий позволить себе заплатить за подобное вооружение, должен был иметь по возможности лучшие кованые латы — к середине XV столетия все конники располагали, по крайней мере, одним комплектом таких доспехов. Они обеспечивали высокий уровень защиты, а отсутствие подобной sprawy могло стоить воину-кавалеристу жизни.

Битва при Бувине — 27 июля 1214 г.

27 июля 1214 г. разыгралось ожесточенное и довольно важное сражение крупных сил, сошедшихся около Бувинского моста, западнее Турне, то есть на территории тогдашнего графа Фландрии. Для участников столкновения битва при Бувине стала своего рода «мировым конфликтом», поскольку в него оказался непосредственно вовлечен чуть ли не каждый магнат се-

Кольчужная броня

Пластинчатая броня

ДОСПЕХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ делались преимущественно из колец или металлических пластинок, часто в форме чешуек. Кольчуги (которым отдавали предпочтение воины в Европе) состояли из тысяч переплетенных между собой колец, которые соединялись обычно путем клепки. Позднее кольчужное плетение покрывало не только торс и предплечья воина, но и руки, ноги и даже голову всадника; постепенно появились кольчужные доспехи и для коней. Пластинчатая броня (особенно распространенная в Византии) изготавливалась из металлических чешуек, соединенных проволокой или же кожаными ремешками и прикрепленных к полотняной основе.

БИТВА ПРИ БУВИНЕ, 1214 г., одно из наиболее важных сражений Средневековья, завершилась в пользу короля Филиппа Августа, которому удалось победить коалицию, представленную армией германского императора, «экспедиционным корпусом» английского короля и дружинами мятежных французских баронов. На этой гравюре с картины Морю дю Тура, выполненной в XIX веке, мы видим, как побежденные склоняют головы перед королем Франции.

ро-западной части Европы при активной заочной поддержке папы Иннокентия III, курфюрста-епископа Льежа, Юго (Гюга/Гуго) де Пьерпузна, и короля Англии Джона. И в самом деле, если не считать крестовых походов, вряд ли какой другой средневековый конфликт способен поспорить с Бувином по части интернациональной палитры его участников.

На одной стороне находились германский император Оттон IV Брауншвейгский со своими баронами, с графами Текленбургским, Каценельнбогенским и Дортмундским. Поддержку Оттону оказывал Вильям (или Гийом), эрл Солсбери, сводный брат короля Джона Английского (или Жана Сан-Терра, хорошо известного у нас как Иоанн I Безземельный. — *Прим. пер.*). Вильям Длинный Меч, как звался эрл Солсбери, прибыл из Англии с ее войсками и отвечал за довольно существенную казну — за средства, которыми король Иоанн подпитывал союзников. Ферран (Фердинанд) Португальский, граф Фландрии и Эно, тоже прибыл с крупными силами рыцарей и пехоты, не остались в стороне и несколько мятежных

нобилей Франции — Рено де Даммартен, граф Булонский (весьма могущественный и влиятельный вельможа), и Юго (Гуго/Гюг), барон Бовский. Кроме того, пожаловали к Бувину и Виллем, граф Голландский, Гендрик I, герцог Брабанта, графы Лимбурга и Лотарингии и многие другие нобили, «люди воинственные и исключительно сведущие в военном деле», как уверяет Роджер Уэндоуэрский.

Противником их являлся король Франции Филипп II, вошедший в историю благодаря хронисту и биографу Гийому Бретонскому как Филипп Август. Другой хронист, Кларийс, позднее восхвалял Филиппа, называя его «самым победоносным королем, который, будучи верным сыном Святой Матери Церкви, стоит на страже и защите католичества». Вместе с Филиппом — что, несомненно, подкрепляло короля как морально, так и материально — сражались и папа (хотя и не присутствуя лично на поле боя), и курфюрст-епископ Льежский, последний из которых послал союзнику отряды воинов.

Расстановка сил

Во всех современных источниках битва при Бувине предстает перед нами как крупномасштабное противостояние. Современные историки не испытывают доверия к числу солдат, приводимому в тогдашних источниках — некоторые авторы уверяют, что силы сторон достигали 80 000 чел. у каждой, — однако никто не спорит относительно размаха и значения этой средневековой баталии. Размеры войск оценивают в 5000–20 000 чел. у того и другого противника. В обеих армиях доминировала кавалерия, присутствовало много рыцарей — у Вербрюггена говорится о 1200 с французской стороны и о 1500 у неприятеля. Численность их между тем никогда не превышала количества сопровождающей пехоты, которая, по крайней мере, в одном из контингентов, у фламандцев, по всей видимости, превосходила конницу вчетверо. «Коалиционная» армия, судя по всему, располагала большим количеством солдат, чем французская. Так или иначе, как мы увидим, численное преимущество не помогло «коалиции».

За день до битвы армия Филиппа Августа находилась в Турне, примерно в

20 км восточнее Бувина. Там король и его приближенные держали военный совет и решили выступить навстречу противнику и сразиться с ним так скоро, как только представится возможным. Ранним утром следующего дня, в воскресенье, французы вышли из города с намерением достигнуть Лилля. Может показаться, что они бежали от врага. Представляется, однако, что Филипп, уже опытный полководец (он много сражался со сторонниками Англии, сначала вместе с будущим английским королем Ричардом I против отца последнего, Генри II, а потом уже против Ричарда и наследовавшего по его смерти Иоанна Безземельного. — *Прим. пер.*), намеревался дать бой врагу только на благоприятных для себя позициях.

Восход дня битвы застиг войска «коалиции» под Мортанем, всего в 12 км к юго-востоку от французов. Согласно так называемому «Рассказу Реймского Менестреля», только там, под Мортанем, предводители «коалиции» узнали о наличии поблизости французской армии и, услышав новость, возрадовались, ибо «считали, что поймали их (французов) в сети». Уверенные в победе над французским королем и его войсками, лидеры «коалиции», похоже, беспокоились только о том, чтобы поскорее схлестнуться с врагом, а не о том, как и где — на благоприятной или нет местности — предстоит биться. Между предводителями не было единого мнения, а кроме того, им не хватало мудрости и опыта их противника. 27 июля они выступили с тем, чтобы настигнуть французскую армию.

Филипп сформировал сильный арьергард, задача которого состояла в том, чтобы предупредить короля в случае приближения противника, а также в том, чтобы вступать в стычки с преследователями, сдерживать их, если королю понадобится увеличить дистанцию между собой и неприятелем. Вместо бегства к Лиллю, Филипп решил занять позиции на противоположной стороне реки Марк у Бувина, рядом со старой римской дорогой, по которой пролегал его путь. В часовне в Бувине король «в полном вооружении» в обществе баронов слушал мессу. Затем он, согласно Менестрелю, обратился к ним с такими словами: «Мессирсы, вы мои люди, а я ваш государь... Я всегда любил

вас и оказывал вам великую честь и сполна жаловал вас тем, что имел. Я никогда не поступал с вами несправедливо и не делал вам ничего дурного, но всегда руководил вами как должно. Во имя Господне, я прошу вас сегодня защитить меня и самих себя вместе со мною. И если вы думаете, что во благо короны лучше послужит иной из вас, я принимаю это и желаю всем сердцем и доброй волею, чтобы было так».

Французские бароны ответили: «Государь, во имя Божие, мы не хотим иного короля, кроме вас. Скажите смело на неприятеля, мы готовы умереть за вас». Затем они вышли из церкви и приказали развернуть знамена, включая Орифламму («Золотое знамя» Сен-Дени. — *Прим. пер.*), которое поднимали перед битвой с противником, которого король считал неверным, еретиком или бунтовщиком. Совершенно так и обстояло дело в тот момент, поскольку графы Фландрии и Булони, как и прочие французские нобили, поддерживавшие врага, являлись мятежниками. Кроме того, поскольку папа Иннокентий III предал императора Оттона анафеме, воспретив поддержку отлученного от Церкви, сторонники его могли считаться также и еретиками.

Почему Филипп избрал Бувин (иначе Бувиньи. — *Прим. пер.*)? «В отношении победы в битве при Бувине» (*Relatio Marchianensis de Pugna Bouvinis*) — вероятно, один из самых первых источников, в котором описывается данное столкновение. Написана работа либо очевидцем, либо со слов очевидца, и в ней говорится, что французский король, «видя, что противники преследуют его яростно, как спущенные с цепи псы, и памятуя о том, что не может отступить, не уронив чести, положился на Господа и построил свою армию в боевые порядки, как обычно делают, когда намереваются сражаться».

Существует мнение, что в решении проследивается хорошо рассчитанная

стратегия, Филипп осознавал преимущества местности — широкой и ровной поверхности, окаймленной рекой и болотцами, — и построил войско тремя «дивизионами», в каждом из которых присутствовали кавалерия и пехота. В том же труде написано: «Со всей поспешностью рыцари со своими оруженосцами строились боевыми эшелонами, готовясь к битве. Оруженосцы держали поводья коней. Доспехи сияли в лучах солнца, и казалось, что света дня было вдвое. Знамена трепетали на ветру, блистая радовавшей глаз красотой».

Армия «коалиции» следовала за французами очень быстро. Возглавляла колонны кавалерия — прежде всего фламандцы и конники из графства Эно. Они заставили лошадей убыстрить шаг, когда увидели,

что французская армия остановилась, что привело к растягиванию порядков войска «коалиции» на довольно большое расстояние. Вербрюгген оценивает длину колонны в 10 км.

Для фламандцев в авангарде было бы самым разумным остановиться и подождать, пока подтянутся остальные, что позволило бы им осознать свое численное превосходство. Однако предводители в голове колонны, как видно, чурались осторожной стратегии. Вместо ожидания подхода остальных они построились и двинулись в битву. Вторая «волна» успела выйти к полю до того, как завязался бой, однако он уже шел, а солдаты «коалиции» все еще продолжали подтягиваться, причем некоторые подошли, когда сражение завершалось или даже уже закончилось.

Левое крыло под командованием графа Фландрии, Феррана Португальского, состоявшее преимущественно из фламандцев и конницы из Эно, имело дело с французским правым флангом, где действовала тяжелая кавалерия при

«Корпус Шампани угрожает фламандцам... С ними идут... люди, присланные аббатом Сен-Медара, верные присяге и известные своей удаляю... Каждый из оных гордо восседал на коне в латах, потрясая своим копьем и мечом. Они из долины Суассона, в коих родятся мужи, крепкие телом».

Гийом БРЕТОНСКИЙ,

ОПИСАНИЕ БИТВЫ ПРИ БУВИНЕ

СРАЖЕНИЕ ПРИ ПУАТЬЕ, протекавшее 19 сентября 1356 г., закончилось второй крупной победой англичан над французами в ходе Столетней войны. Грамотно применив силы валлийских лучников, пехоты и спешенных всадников, Черный Принц сумел не только выстоять под ударами конницы и пехоты неприятеля, но и захватить вражеского полковод-

поддержке легкоконных всадников и где руководство принадлежало герцогу Бургундии и графу Шампани. В центре находился император Оттон, его германские бароны со своей конницей и пехотой в примерно равных пропорциях. На этом участке у французов стоял сам Филипп Август, который также располагал как конницей, так и пехотой. И наконец, на правом крыле (самом близком к дороге) находились Рено де Даммартен и Вильям Длинный Меч со своими солдатами и с наемниками, нанятыми на английские деньги. Хотя среди них, как можно полагать, имелась и кавалерия, все же отряды эти были по большей части пехотными, количество которой увеличивалось по мере того, как к полю боя подтягивались пехотинцы из Нидерландов. Им противостоял французский левый фланг — конница и пехота под началом графов Понтье и Дрэ, а также епископа Бове и многих других.

ца, короля Франции Жана (Иоанна) II. Поражение вынудило французскую сторону подписать соглашение в Бретиньи, по условиям которого им пришлось уступить английской короне изрядные территории. Автор иллюстрации XV столетия воссоздает события сражения, не заботясь, однако, о точности в изображении доспехов и оружия.

Битва

Бой начался столкновением между французским правым крылом и соответственно левым флангом войск «коалиции» — со встречных атак кавалерии с копьями наперевес. «Первые французские порядки ударили на фламандцев, как подобает храбрым мужам, пробив их ряды и пронзив их войско отважным натиском», — пишет анонимный автор того же труда (*Relatio*). Все решилось быстро. «Фламандцы, видя себя в одночасье побежденными, оборотили тыл и устремились в бегство», — сообщает *Relatio*. И снова более опытная французская конница одержала верх над не столь бывалым противником. Как можно судить, пехота на этом участке в бою участия не принимала.

В то время, пока у него на правом фланге всюду трещали копья и звенели мечи двух противоборствующих конных валов, сам Филипп решительно атаковать не спешил. И вновь в такой осторожности виден почерк опытного воеводы, действи-

тельно сведущего в военном деле. Он послал в бой впереди кавалерии пехоту, осознавая, что предпочтительнее действовать в подобной манере оборонительным строем, чем осуществлять резкий (чисто кавалерийский) наступательный бросок. Оттон посчитал иначе. По крайней мере, когда левое его крыло вступило в битву, сам он тоже ринулся на центр французов. Поначалу ему сопутствовал успех и германцам удалось потеснить французские отряды, натиск был настолько силен, что самого короля сбросили с лошади (злые языки среди современников и вслед за ними иные поздние авторы утверждают, будто Филипп вообще плохо держался в седле. — Прим. пер.). Между тем французские порядки устояли — никто не обратился в бегство. Вот как Гийом Бретонский описывает критическую ситуацию на поле битвы:

«Когда французы сражались с Оттоном и его германцами, германские пехотинцы, проникшие далеко вперед, неожиданно появились перед королем и копьями и крюками сбросили его на землю. Если бы не прекрасные доспехи, кои покрывали его тело, защищая его столь надежно, они (немцы) непременно убили бы его прямо на месте. Но немногие бывшие при нем рыцари — среди них Галон де Монтины, который неустанно размахивал своим знаменем, призывая помощь, и Пьер Тристан, который по собственному почину спрыгнул с коня и бросился на вражеские копья и мечи, чтобы защитить

короля, — одолели и убили всех пеших сержанов. Король вскочил в седло и управлял конем так ловко, как никогда прежде. После того как король вновь воссел на лошадь, а тот сброд, что сбросил его наземь, был перебит, королевский «батальон» вошел в соприкосновение с порядками Оттона. И тут началась великолепная драка — и с той, и с другой стороны кололи и резали насмерть людей и коней, ибо все бились с величайшей доблестью».

В итоге германская атака увязла, тогда как французская пехота при поддержке построенного позади резерва кавалерии устремилась вперед, чтобы воспользоваться обстановкой. Раненый конь Оттона развернулся и помчал императора прочь с поля боя. Так и в центре тоже выиграли французы.

Похоже, что во время жаркого боя на центральном участке нечто такое же происходило и между двумя последними «дивизионами» — правым крылом «коалиции» и левым — французов. И снова

СРАЖЕНИЕ ПРИ САН-РОМАНО, разорвавшееся в 1432 г. между Сиеной и Флоренцией, увековечено в трех полотнах Паоло Учелло, написанных для семейства Медичи в период с 1435 по 1460 г. На этой картине живописец воздает дань уважения победоносному флорентийскому полководцу Николо да Толентино. Автор довольно точно изобразил конников в полноте кованых латах, бьющихся между собой коньями и чеканами. Невозможно не отметить особенностей посадки всадников, которые держат ноги прямо, что мы видим на многих средневековых холстах, где запечатлены столкновения кавалерии.

Французский рыцарь (конец XIV столетия)

В период активных военных действий в XIV и XV веках (т.е. на протяжении двух столетий, завершающих эпоху Средневековья) военные технологии претерпели глобальные изменения. Приблизительно к 1350 г. у кавалеристов прочно вошла в обиход кираса, которая представляла собой выкованный из одного листа металла фрагмент доспеха, прикрывающий грудь, верхнюю часть живота и бока. К концу века такие же металлические пластины защищали уже спину, шею, ноги и руки, шлемы же получили откидные забрала. Поверх

лат солдаты обычно носили сюрко, или табары (матерчатые безрукавки. — Прим. пер.), которые служили для размещения на них «знаков отличия» — геральдики (изначальное предназначение — защита от солнца. — Прим. пер.). Наступательное вооружение осталось тем же, что и раньше, — копье и меч, правда и они, отвечая на изменения в доспехах, претерпели эволюцию. Копье стало более длинным, а основной меч — более коротким и заостренным с усиленной колющей частью (ранее кавалерийские мечи часто имели закручение, поскольку предназначались для того, чтобы рубить, а не колоть. — Прим. пер.).

атаковали силы «коалиции», которые, пользуясь поддержкой все прибывавшей пехоты, еще продолжали драться тогда, когда остальные — если верить современным источникам — уже обратились в бегство. Здесь расклад сил получился примерно равным, что побудило Гийома Бретонского с восторгом отозваться о командире противника: «Граф Рено Бу-

лонский, который постоянно оставался в рядах сражающихся, бился так умело и с такой силой, что никто не мог одолеть и победить его. Он применил одно новшество в сражении: он построил хорошо вооруженных пехотинцев двойным кольцом, которые встали плечо к плечу так плотно, что образовали нечто вроде колеса. В том кольце имелся лишь один проход, кото-

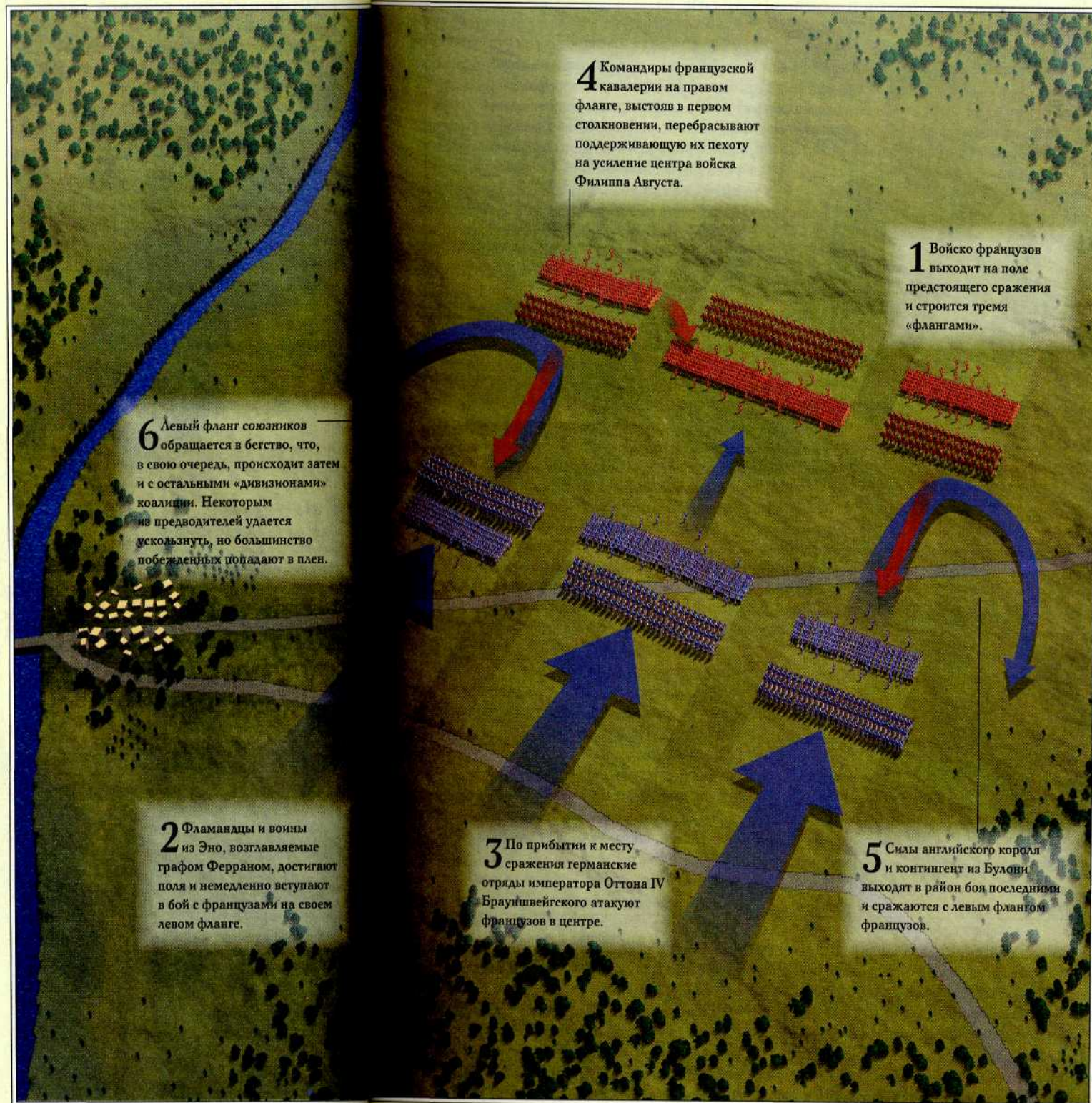
Битва при Бувине

1214 г.

У городка Бувин, что на севере Франции (около сегодняшнего Лилля), французский король Филипп II Август решил дать сражение преследовавшей его объединенной армии германского императора, английского короля и мятежных французских вельмож. Победа в битве была поистине жизненно важной для Филиппа, поскольку проигрыш мог наверняка стоить ему французского трона. Союзники, достигнув поля сражения, немедленно вошли в боевое соприкосновение с французским войском, построившимся тремя «дивизионами». Бой можно разложить на довольно четко ограниченные периоды: сначала французская кавалерия на правом крыле против кавалерии союзников, уже вышедшей на поле; затем в центре между конницей и пехотой с обеих сторон; и наконец, между французской пехотой и кавалерией на левом фланге против преимущественно пехотного контингента, подтянувшегося к району боя на заключительном его этапе. Как бы там ни было, по мере того, как силы союзников подходили к Бувину, французам удалось разгромить каждый из отрядов поодиночке и выиграть сражение.

Филипп Август, возглавлявший крупную французскую армию, преследуемую также многочисленными силами коалиции войск Священной Римской империи, Англии и находящегося в оппозиции сюзерену французского нобилитета, принял решение прекратить отход и дать бой врагу под Бувином.

Французский рыцарь в кованых латах (ок. 1480 г.)

К середине XV столетия оружейники всех стран Западной Европы научились производить превосходные, но и очень дорогие комплекты латных доспехов для богатых господ, воинов дружин аристократов и городов, а также и для турнирных дуэлянтов. В дизайне доминировали два направления: итальянский и германский, хотя латы итальянского стиля необязательно делались именно в Италии, точно так же, как «германские» — не непременно в Германии. Представленный на иллюстрации комплект доспехов хранится в коллекции Музея Армии в Париже и датируется примерно 1480 г. Выполненные в итальянском стиле такие доспехи использовались преимущественно для боя, при том что для турниров применялись латы повышенной защищенности, значительно снижавшие подвижность всадника. Отсутствие кронштейна, который поддерживал древко копья, наводит на мысль о том, что латы предназначались скорее для пехотинца, чем для конника. Удлиненными сабатогами в этом случае комплект снабдили, вероятно, отдавая дань моде, и для боя в пешем строю их приходилось снимать.

рым он (граф) и пользовался, когда желал перевести дух или когда неприятель слишком сильно наседал на него. И так он делал несколько раз».

В итоге, когда французская сторона на этом участке начала получать подкрепления от двух других победоносных «дивизионов», единственный оставшийся на поле отряд «коалиции» — незначительное

количество конницы и большее пехоты — начал выдыхаться и слабеть. Только когда под графом Булонским пал конь, придавив собой всадника, бой наконец прекратился. Если верить Гийому Бретонскому, к тому моменту рядом с графом осталось всего шесть рыцарей. Уцелевшие силы «коалиции» числом от 5000 до 20 000 чел. частью бежали, частью попали в плен.

Как ни удивительно, принимая во внимание продолжительность битвы и количество участников, имеются сведения о гибели всего 169 рыцарей «коалиции» и двух французских конников, что, вероятно, следует приписать качеству имевшихся у них в те времена доспехов. О потерях у пехоты не сообщается, но можно предположить, что среди пеших воинов, также хорошо обеспеченных защитным вооружением, количество убитых тоже было невелико. Куда больше оказалось пленных, отправившихся в заточение в тюрьмы Филиппа, среди них и пять крупных баронов — граф Фландрии Ферран, Вильям Солсберийский, Рено де Булонь, Виллем Голландский и оставшийся безымянным граф Текленбурга, — 25 других нобилей и 139 рыцарей. Убежать удалось только императору Оттону IV Брауншвейгскому, Гендрику Брабантскому и Юго де Бову.

Упадок кавалерии

Другая причина появления кованых лат заключается, возможно, в том, что кавалерия стала менее победоносной в столкновениях с простолюдинами, а потому для всадника возрастал риск погибнуть от рук «меньшого народца» — пехоты. Посему коннику требовалась лучшая защита.

Хотя кому-то, может быть, история раннего и «высокого» Средневековья кажется сплошной чередой битв, в действительности крупные столкновения случались редко и велись ввиду отсутствия выхода, когда одно войско вторгалось на чью-то территорию, а другое пыталось преградить путь завоевателям (скажем, Пуатье, Эдингтон, река Диль, Лехфельд, Стамфорд-Бридж, Гастингс, Манцикерт [озеро Ван], Норталлертон, Арзурф и Фалькерк). Также когда требовалось разрешить конфликт между сюзереном и вассалом (к примеру, Кассель, река Эльстер, Бремюль, Буртерульд, Линкольн, Леньяно, Парма, Беневенто, Тальякоззо, Льюес, Ивсгем и Бувин). Лишь очень редко случалось предводителю вести в своей жизни более одной большой баталии, причем если такое и случалось, то обычно в силу того, что самоуверенность полководца брала верх над его мудростью. Нередко победоносный в одной битве во-

еначальник терпел крах в следующей, как те же Гарольд Годвинсон, Симон де Монфор и Вильям Уоллис. Даже такой яркий полководец, как Ричард Львиное Сердце, за всю славную карьеру сражался лишь в трех по-настоящему серьезных битвах, включая и те, которые выпали на его долю во время Третьего крестового похода.

В реальности для средневекового полководца, намеревающегося прибрать к рукам часть чужей-то земли или отвоевать свою собственную, почти всегда куда выгоднее и разумнее представлялась осада. Такой хитроумный военный лидер, как король Филипп II (Август), за период своего долгого правления во Франции (более 40 лет) вел лишь одну крупную битву, описанное выше сражение при Бувине в 1214 г., что в действительности дало ему совсем немного в том, что касается увеличения территории государства. Между тем осады крепостей и городов в Анжу, Нормандии и Аквитании дали ему возможность завоевать почти все «английские» земли во Франции, за исключением Гаскони. (Трудно поспорить с этими замечаниями, если забыть о том, что, не будь триумфа при Бувине и одержанной трем с половиной неделями ранее победы около Анжера, Филиппу пришлось бы думать не об «увеличении территории государства», а о том, как не допустить ее уменьшения вследствие потери контроля над многими и особенно недавно отвоеванными у англичан областями. — Прим. пер.)

Битвы обходились недешево, хотя подчас стороны не несли больших потерь. Когда господство на полях средневековых сражений захватила конница, никогда численно не превышавшая в армиях пехоты (каковой процесс поступательно развивался, как мы проследили, с приходом к власти каролингской династии), количество погибших начало снижаться. Получение выкупа за рыцаря и за других конных воинов стало более предпочтительным, чем убийство их. Так, под Бувином «коалиция» потеряла убитыми меньше 200, а французы всего двух рыцарей, несмотря на то что всего в противостоянии участвовало, возможно, до 40 000 чел. В то время как в битве при Бремюле (1119 г., состязание за «нормандское наследство между Генри I Английским и поддержанным

Луи VI Французским племянником Генри I, Гийомом Клитомом. — *Прим. пер.*), где, по словам хрониста Ордерика Виталиса, сошлось «девятьсот рыцарей, погибло только трое», что летописец приписывает тому обстоятельству, что «христианский воин не жаждет крови своих братьев по вере». Другие сражения эпохи «высокого» Средневековья тоже нередко отличаются невысоким количеством погибших (если, конечно, не считать крестовых походов, где, бывало, одна армия вырезала другую почти полностью. — *Прим. пер.*).

Крупномасштабные сражения

Однако ближе к 1300 г. средневековые войны меняют свой облик. Количество крупных битв после этой даты и примерно до 1550 г. заметно возрастает (в соответствии с тенденцией, наметившейся со второй половины XIII столетия). Так, между 1302 г. и 1347 г. в Европе происходило ни много ни мало 19 серьезных сражений — больше, чем за два предыдущих столетия. Кроме того, участники этих конфликтов, похоже, начисто забыли, что бьются с христианами, поскольку число жертв значительно возрастает, причем даже среди тех воинов, за которых можно было рассчитывать получить хороший выкуп. Например, под Куртре в 1302 г.

победители перебили от 40 до 50 процентов французских конников; у Баннокберна в 1314 г. пало от 154 до 700 английских нобилей; под Монс-ан-Певель в 1304 г. французы и фламандцы оставили на поле по 4000 чел.; у Невилл-Кросс в 1346 г. шотландцы, по самым скромным оценкам, недосчитались 2000 чел.; столкновение при Креси в том же 1346 г. стоило жизни девяти французским князьям, свыше 1200 рыцарей и между 15 000 и 16 000 представителей других сословий, тогда как после побоища на Кефиссе в 1311 г. (в Греции, см. 1-й раздел. — *Прим. пер.*) среди погибших оказались чуть ли не все франкские солдаты.

Чем дальше, тем все больше и больше конфликтов разрешалось в поле, а не за счет осад. Три сражения — Грансон, Мюртен и Нанси, — проходившие в 1476—1477 гг., решили судьбу противостояния швейцарцев и бургундцев в пользу швейцарцев, тогда как за 32 года Войн Алой и Белой Роз состоялось не менее 15 крупных сражений. И наконец, период войн между Священной Римской империей и Францией (включая и союзников), которые велись преимущественно в Италии на закате XV и в начале XVI в., характерен тем, что за этот период отмечалось крупных полевых столкновений больше, чем когда-либо ранее. (Полями сражений стали предместья таких населенных пунктов, как Семинара в 1494 г.; Форново в 1495 г.; Сериньола в 1503 г.; Гариляно — две битвы — в 1503 г.; Аньяделло в 1509 г.; Равенна в 1512 г.; Новара в 1513 г.; Мариньяно в 1515 г.; Бикокка в 1522 г.; Павия в 1525 г.; Ландриано в 1529 г. и Чересоле в 1544 г.) Все перечисленные битвы отличались большой кровопролитностью.

Следует отметить целый ряд причин данного явления. Сокращение сроков осад ввиду применения все шире распространенного огнестрельного оружия

Утративший ножные доспехи комплект лат конца XV столетия, в настоящее время обретенный в Польше, демонстрирует типичный германский стиль турнирных доспехов. Хорошо видимый кронштейн на правом боку кирасы предназначался для облегчения задач всадника при «кушировании» копья, тогда как практически жестко закрепленный шлем обеспечивает владельцу большую степень защиты при попадании в него турнирного копья.

МАКСИМИЛИАН АВСТРИЙСКИЙ, с 1486 г. носивший титул римского короля, а с 1493 по 1519 г. правивший как государь Священной Римской империи, являлся заметным коллекционером доспехов и оружия, а также покровителем турниров и тому подобного «рыцарского искусства». Он не раз бился в поединках на такого рода представлениях, причем как на коне, так и пешим. На выполненной его современником иллюстрации Максимилиан изображен выбивающим из седла противника. Оба всадника в «германских» доспехах, шею коней покрывает кольчужное плетение.

могло привести к увеличению столкновений в поле, правда, инновации в области фортификации шли нога в ногу с процессом совершенствования наступательных средств и технологий. В итоге после сравнительно непродолжительного периода, когда сроки осад уменьшились из-за использования пороха, все опять вернулось на круги своя и осады вновь стали продолжительными.

Самым убедительным объяснением учащения битв в период с 1300 по 1550 г. может служить тот факт, что в это время на доминирующие позиции в поле выходит пехота. Хотя в нескольких крупных столкновениях в Средние века основную роль играли пехотинцы, причем часто успех сопутствовал им, миф о превосходстве кавалерии продолжал жить и здравствовать. Данная тенденция не могла не колебаться, когда в XIV столетии фламандцы, шотландцы, швейцарцы, фризы и льежцы — пехота — стали выигрывать сражения с армиями французов, англичан, австрийцев и германцев, в войсках которых господствовала конница.

Господство пехоты

Приносящая успех пехотная тактика развивалась быстро. Пехотинцы стали «готовить поле» за счет рытья рвов и ловушек, возведения палисадов, сооружения крепостей из повозок или затопления и без того болотистой местности, чтобы вы-

нудить противника атаковать их в лоб и на невыгодных для него условиях. Кроме того, пехота образовывала оборонительные эшелоны из плотных, выстроенных одна за другой на большую глубину шеренг. Когда противник атаковал, он довольно быстро терял напор, рассеивался и выдыхался. Утратив темп и натиск, кавалерия оказывалась лишенной основного преимущества. Всадники и неприятельская пехота старались прорубиться через оборонительные порядки. Конников сбрасывали с седла крюками, и те, оказавшись на земле, становились особенно уязвимыми перед вооружением противника — копьями, пиками, мечами, секирами и гудендагами (*goedendag*), — которое позволяло действовать весьма эффективно против любого воина, какими бы хорошими доспехами тот ни располагал.

Только возникнув, новая пехотная тактика быстро распространилась и стала повсюду с успехом применяться против неприятеля. Когда же ее усвоили англичане, удачно использовав в битве при Боробридже в 1322 г. (в Йоркшире, где Эдуард II победил Томаса Ланкастера. — *Прим. пер.*) и несколько позднее, в 1332 г., при Дамплин-Мур (когда Эду-

Возникнув в XIV столетии, в течение 100 лет небольшой удел турок-османов превратился в доминирующую силу восточного Средиземноморья. Основной упор в османской армии делался на пехотные части, тогда как конница — более легкая, чем западноевропейская, — в основном служила средством поддержки пеших воинов. Турецкая кавалерия была представлена лучниками и копейщиками, как этот османский конник, которого мы видим на иллюстрации. И лучники и всадники с кольчужными доспехами, как представленные на картинке.

арде Бальоль разгромил короля Шотландии Давида II; см. 1-й раздел. — *Прим. пер.*) и у Хейлидон-Хилл в 1333 г. (где Эдуард III разгромил шотландцев; там же. — *Прим. пер.*), английские стратеги внесли свое дополнение — воинов с большими, или валлийскими, луками, которых обычно ставили на флангах. Позднее англичане сумели выиграть в главных сражениях Столетней войны — при Креси, Пуатье, Нахере (эта и следующая битвы на Пиренейском полуострове в 1367 г. и 1385 г. соответственно. — *Прим. пер.*), Альжубарроте, Азенкуре и Вернейе (1424) — в столкновениях с превосходящими силами противника (и проиграть в завершающей битве под

Кастильоном в 1453 г., потеряв почти все завоевания). В итоге к 40-м годам XV века ручное огнестрельное оружие потеснило на полях сражений Европы луки и арбалеты, приняв на себя их тактические функции, по крайней мере, на начальном этапе. Естественно, что кавалерия неизбежно утратила исключительную роль главного ударного оружия. Распространение таких смертоносных видов вооружения, как мощные луки и аркебузы, привело к тому, что конник — до 1300 г. нечасто рисковавший лишиться жизни на поле боя — начал становиться все более уязвимым. Господство кавалерии на полях сражений в Средние века неминуемо подошло к концу.

Битва при Никополе — 25 сентября 1396 г.

Сражение под Никополем, разыгравшееся 25 сентября 1396 г. на равнине к югу от главного в ту пору болгарского города, интересно не только последствиями, но и тем, какое количество разных народов принимало в нем участие. С одной стороны, Баязет I, султан турок-османов, возглавлял войско, собранное у себя на родине, в Малой Азии, а также на завоеванных его предками территориях, населенных сербами, болгарами, боснийцами и албанцами. Вдобавок к этому он располагал «корпусом» турецких янычар, состоявшим из обращенных в ислам христианских пленников или из воинов, которых детьми взяли из их семей и воспитывали в казармах как профессиональных солдат, превращая в ярых врагов христианства. Общая численность турецкого войска оценивается хронистами-современниками (в основном западными авторами) более чем в 100 000 чел., но в действительности составляла, вероятно, где-то около 15 000 чел.

Баязету противостояла армия, собранная из различных стран Западной и Центральной Европы для крестового похода и включавшая в свой состав венгров, валлахов, выходцев из Трансильвании, братьев-госпитальеров, германцев, бургундцев, французов и англичан. Количественно войско это уступало туркам, насчитывая ближе к 10 000, чем к 100 000 чел. (вероятно, около 12 000), как утверждают современные источники. Возглавляла армию франко-бургундская кавалерия с ее лидерами, что породило проблему, ибо западные европейцы были новичками в регионе, но новичками самоуверенными и не желавшими прислушиваться к советам тех, кто жил в нем и лучше знал повадки противника. В частности, франко-бургундские полководцы не захотели обращать внимания на рекомендации венгерского короля Сигизмунда I. (Вышеупомянутыми военачальниками были Филипп д'Артуа, коннетабль Франции; Жан II ле Менгр, маршал Франции, называемый Бусико; Жан де Вин, адмирал Франции; Гийом де ля Тремуаль, маршал Бургундии; мессир Ангерран де Куси VII; а также 25-летний Жан Бесстрашный, который как наследник престола Бургун-

дии являлся номинальным предводителем франко-бургундских сил.) Все они имели тот или иной — некоторые довольно богатый — опыт боевых действий, однако им почему-то показалось, что их знания перевешивают знания Сигизмунда с его опытом войны с турками.

Никополь стал первым полем крупной битвы, на котором османы померились силами с западноевропейской армией. До того османским войскам приходилось сталкиваться с византийцами или с дружинами из юго-восточной Европы (что, разумеется, не совсем верно, так как нельзя сбрасывать со счетов крестоносцев Греции, госпитальеров и тому подобных западных воинов, воевавших с турками на протяжении всего XIV века. — *Прим. пер.*). Политически турки-османы являлись молодым народом, так как их государство существовало всего менее ста лет. Если отбросить в сторону мифы и легенды, которые то и дело множились в последующие столетия, можно проследить происхождение османов — небольшого, но влиятельного клана из западной части Малой Азии — от первого их лидера, оставившего след в истории, Османа I (1280—1324). Осману, или Оттоману, удалось расширить территории за счет соседей. При его ближайших потомках окрепли турки-османы превратились в большую угрозу для народов восточного Средиземноморья и юго-восточной Европы. К 1396 г. османы контролировали большую часть Малой Азии и Балканского полуострова. Они захватили почти всю территорию Византийской империи, оставив грекам к концу XIV века фактически только сам Константинополь с его предместьями (частью территорий Греции с начала XIII столетия и до 1460 г. владели потомки крестоносцев Четвертого похода. — *Прим. пер.*).

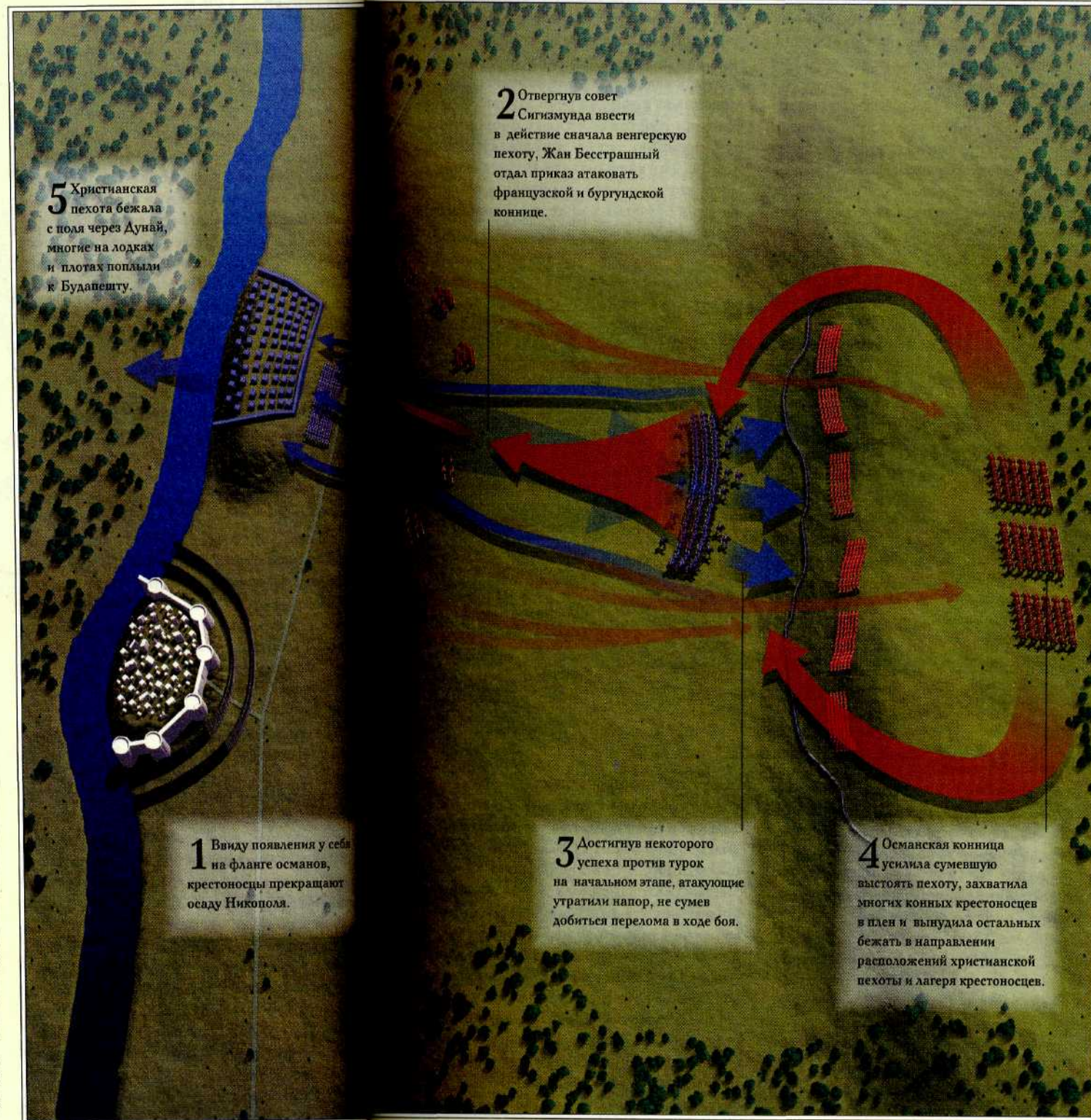
Западноевропейские государи стали испытывать тревогу в отношении османской Турции уже с момента раннего этапа ее становления. Скорость османских завоеваний и их направленность на европейские земли заставили некоторых — особенно приближенных папы — насторожиться перед перспективой необходимости сражаться с исламским противником ближе к центру христианского мира, чем это было, когда война шла на Ближнем Востоке или в Испании. Однако в ходе Столетней войны

Битва под Никополем 1396 г.

В целях возвращения юго-восточных европейских районов (в основном на территории современной Болгарии), недавно захваченных османской Турцией, коалиция западноевропейских и венгерских «крестоносцев», находившаяся под номинальным предводительством Жана Бесстрашного, наследника трона Бургундии, осадила принадлежавший на тот момент турецкой стороне Никополь. Со своей стороны, султан Баязет I отправился снимать осаду с города. Отмахнувшись от совета венгерского короля Сигизмунда I, Жан решил атаковать османское войско силами тяжелой кавалерии. Успех способствовал предпрятию лишь на начальном этапе, когда конная лава смяла легковооруженных всадников и пехотинцев противника, однако же, столкнувшись с расположившимся за заграждениями из кольев сильным пехотным формированием, рыцари утратили преимущества. Вторая попытка переломить ситуацию также не привела к успеху. Пехота крестоносцев предпочла не вступать в бой и бежала с поля битвы, в то время как многие всадники были взяты в плен и казнены турками. Неудача в сражении положила конец попыткам христианских королей остановить османскую экспансию на юго-востоке Европы.

Выступившие для деблокаровки осажденного крестоносцами Никополя отряды турок-османов под предводительством султана Баязета I дали битву христианской армии на равнине подле города.

5 Христианская пехота бежала с поля через Дунай, многие на лодках и плотах поплыли к Будапешту.

1 Ввиду появления у себя на фланге османов, крестоносцы прекращают осаду Никополя.

2 Отвергнув совет Сигизмунда ввести в действие сначала венгерскую пехоту, Жан Бесстрашный отдал приказ атаковать французской и бургундской коннице.

3 Достигнув некоторого успеха против турок на начальном этапе, атакующие утратили напор, не сумев добиться перелома в ходе боя.

4 Османская конница усилила сумевшую выстоять пехоту, захватила многих конных крестоносцев в плен и вынудила остальных бежать в направлении расположенной христианской пехоты и лагеря крестоносцев.

ни французские, ни английские монархи не проявляли доброй воли к прекращению взаимных конфликтов и к тому, чтобы совместными силами выступить против османов. Тем временем германские и итальянские политические лидеры не располагали силами и не проявляли склонности подняться на новый крестовый поход против ислама. Только венгры — прежде всего из-за их территориальной близости к османам — приступили к частично наступательным, частично оборонительным действиям против турецкого противника.

Так или иначе, в 1396 г. в попытках прекратить Столетнюю войну был заключен 28-летний мир в Париже. Его залогом служил брак еще молодого английского монарха, Ричарда II (род. в 1367 г., на троне с 1377 г.), с Изабеллой, одной из дочерей Карла (или Шарля) VI, а также совместное

*«Великий плач воцарился над
всей Францией... Все наши
сеньоры дали повеление слу-
жить мессы за упокой добро-
детельных сеньоров, рыцарей
и воинов, да и за всех хрис-
тиан, что сложили головы
свои...»*

*«КНИГА ДЕЯНИЙ МАРШАЛА
ДЕ БУСИКО»*

участие англо-французских войск в крестовом мероприятии против турок-османов в Восточной Европе. Поначалу подразумевалось, что крестоносцев возглавят сами короли Франции и Англии, однако те перепоручили ответственные задачи родственникам и приближенным: Луи (или Людовику), герцогу Орлеана, Филиппу Доброму, графу Бургундии (помимо герцогства, существовало и графство с таким названием), и Джону Гонтскому, герцогу Ланкастера.

Вскоре те, в свою очередь, предпочли переложить высокие обязанности на кого-нибудь другого. Так руководство перешло к молодому Жану Бесстрашному и его «штабу» из французских нобилей.

20 апреля 1396 г. крестоносцы собрались в Дижоне, откуда довольно быстро и без особых затруднений проследовали через Центральную Европу к Буде (в Венгрии), куда прибыли в конце июня. Там Жан Бесстрашный собрал свои отряды и тех, кто присоединился к крестоносцам по пути. Он даже выслушал мнения тех, кому уже приходилось сталкиваться с османами, а кроме того, обсудил вопросы

стратегии и тактики с другими полководцами и с Сигизмундом I, королем Венгрии. Все они, за исключением Сигизмунда, пришли к решению выступать прямо к ближайшим османским владениям — к крепостям, замкам и городам, расположенным к югу от реки Дунай. Король Венгрии советовал избрать оборонительную позицию, чтобы крестоносцы могли помочь ему защитить страну от неминуемого, как он считал, вторжения османов. Мнение остальных лидеров, явившихся к Дунаю не защищаться, а нападать, заглушило голос венгерского короля.

Битва

Поначалу действия против турок развивались успешно. В результате яростных штурмов крестоносцев в их руках оказались

Видин и Рагова (теперь Оряховица). Однако новости о победах скоро достигли ушей Баязета, занимавшегося подчинением оставшейся территории Византии, который немедленно выступил для противодействия войскам Запада. По всей видимости, крестоносцы оставались в неведении относительно его планов и даже не подозревали о приближении неприятеля. В действительности

Жан Бесстрашный узнал о появлении готового сразиться с ним османского войска только за день до битвы, когда враг находился в 6—7 км от Никополя. Крестоносцы, которые в ту пору как раз и посвятили себя осаде Никополя, узнав о прибытии армии Баязета, отказались от прежних намерений и приготовились к бою.

Жан Бесстрашный собрал военный совет. Сигизмунд предложил, чтобы его солдаты и воины из других центрально-европейских государств — почти сплошь пехота — составили авангард, который бы встретил нерегулярную пехоту турок — передовые отряды их армии. Заняв оборону, христианские воины попробовали бы спровоцировать османские войска на

атаку, которую отбили бы либо силами самой пехоты, либо с помощью франко-бургундской кавалерии (при такой диспозиции последней отводилось место в тылу). Франко-бургундские командиры отказались следовать подобной схеме. Несмотря на совпадение мнений Сигизмунда и Ангеррана де Куси, наиболее опытного и бывалого из франко-бургундских лидеров, Роберт д'Артуа использовал свое влияние и пост коннетабля, чтобы «забаллотировать» предложение венгерского короля. Коннетабль, как и большинство других полководцев в стане крестоносцев, считал, что главная их сила заключается в тяжелой кавалерии и ее непрекращаемом преимуществе — верховой ударной атаке.

Спесивые и горячие франко-бургундские всадники очертя голову бросились на турок, пехота которых благоразумно преградила доступы к своим позициям, во множестве утыкав землю перед собой кольями. Изначально, однако, верховая атака развивалась успешно, рыцари прорвались через заграждения и отбросили турецкую пехоту. Однако строй османов не был прорван, а потому командиры быстро восстановили порядок и готовились к отражению второго наскока кавалерии. И второй — тоже отчасти успешной — атакой крестоносцам не удалось обратить турок в бегство. Когда же регулярные войска Баязета — конница, пехота и лучники — перешли в контратаку, натиск крестоносцев ослаб, энергия их наступления была растрачена и, несмотря на усилия бросившихся им на выручку

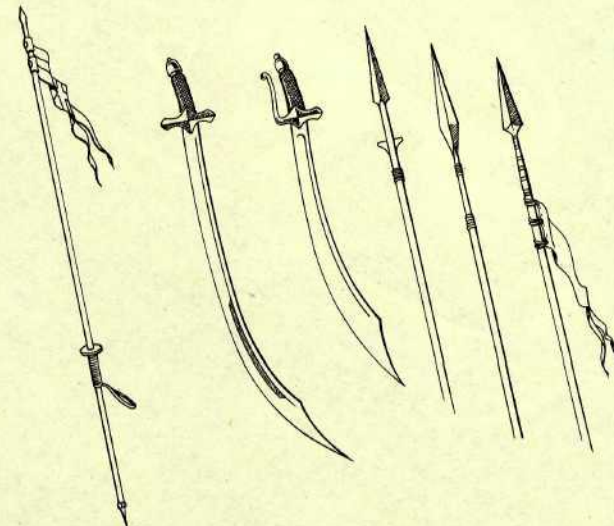
германской и венгерской пехоты, битва завершилась разгромом христиан. Те, кто мог, попытались спастись, однако на пути отступления лежал Дунай. Не многим удалось перебраться на другую его сторону, и крестоносцы подверглись яростной резне торжествующего противника.

Среди уцелевших оказались валахи и отряды из Трансильвании. Они не участвовали в битве в тот день, когда же неприятель стал одолевать, не пожелали прийти на помощь крестоносцам. Сам же король Сигизмунд сумел добраться до берега Дуная и переправиться через него на лодке. Вся битва продолжалась, по-видимому, не более часа.

Эффект сражения под Никополем не замедлил сказаться. Франко-бургундские рыцари, привыкшие к возможности выкупа, как случалось на Западе, беспощадно истреблялись на поле боя. Только после того, как в руки турок угодил Жан Бесстрашный, победители стали брать христиан в плен, что, однако, не всегда гарантировало сохранение жизни — султан приказал казнить несколько сот воинов уже после сражения.

Менее чем трем сотням из вовлеченных в битву крестоносцев — до 6000 чел., по разным оценкам, — посчастливилось уцелеть. После уплаты 200 000 дукатов выкупа они вернулись домой примерно через девять месяцев. Турки тоже понесли огромные потери, что, возможно, отчасти и объясняет их кровожадность, однако все же количество убитых у них оказалось несоразмерно меньше, чем у крестоносцев.

Вооружение конницы османов, которым она сражалась, походило на копья, пики и мечи, которыми пользовались европейские кавалеристы, хотя в том, что касается размеров и очертаний вооружения сторон, имелись свои и довольно заметные, что называется, традиционные различия. Наиболее наглядным образом они воплощаются в знаменитом кривом османском мече, или сабле, более удобном при нанесении рубящих ударов, нежели прямой меч. Вместе с тем, как и в случае с европейскими конниками, в атаке турки пользовались коньями, прибегая к мечам для ближнего боя.

Командование и контроль

Средневековые полководцы не располагали широкими техническими ресурсами для достижения контроля над полем боя. Им приходилось пускаться на всяческие хитрости, внедрять тактические инновации и импровизировать, особенно перед лицом численно превосходящего противника.

В период Средневековья феодальная Западная Европа воевала на всех направлениях. На севере тевтонский орден подчинял язычников-пруссов, земли балтов — литовцев и латышей, а позднее столкнулся с Древней Русью (пруссы также были племенами, родственными литовцам и латышам. — *Прим. пер.*). Приходившие с северо-запада викинги превращались в бедствие не только для жителей прибрежных регионов, безжалостные и коварные разбойники не раз угрожали Парижу и достигли даже Константинополя. Пути их следования пролегли по русским рекам и через Средиземноморье и словно бы охватывали Европу со всех сторон. Наступавшие с юга армии мусульманских фанатиков захватили Испанию, Сицилию и добрались до Пуатье во Франции, а турки — также под знаменем ислама — в итоге завоевали Константинополь и всю Грецию. Катившиеся с востока орды мажар, а позднее монголов сметали на своем пути все преграды, причем в последнем случае экс-

ОБЛАЧЕННЫЕ В КОЛЧУЖНЫЕ ДОСПЕХИ рыцари рубят мечами безоружных катаров в ходе альбигойского крестового похода. Несмотря на примитивизм стиля, иллюстрация довольно наглядно демонстрирует средневековую манеру держаться в седле и применять оружие. Ноги всадников почти совсем выпрямлены, чтобы обеспечить воину на коне наибольшую устойчивость при нанесении рубящего удара сверху вниз. Седло похоже на кресло, что позволяет максимально сфокусировать кинетическую энергию седока и лошади на кончике копыя.

пансия остановилась только по причинам изменения внутреннего положения в гигантской державе. Позднее на авансцене событий возникли гуситы, готовые дать умелый отпор засилью западных феодалов — рыцарей.

Народам Европы приходилось иметь дело с самым разным противником: от передвижавшихся на судах пехотных дружин норманнов до сочетавших в себе как пехоту, так и конницу, но обладавших сравнительно слабым защитным вооружением исламских полчищ и до полностью кавалерийских орд степных кочевников или же гуситов с передвижными крепостями из повозок. Те из западных полководцев, которым удалось уцелеть в первых столкновениях с новым и сильным врагом, старались извлечь максимальную выгоду из «родов войск», имевшихся в их распоряжении, и использовать слабые места неприятеля. Те же, кто не научился побеждать, теряли жизни, а страны их падали под пяту завоевателей. Закаляясь в горниле войн, средневековые полководцы сталкивались с теми же проблемами, с которыми приходилось иметь дело военачальникам до них и которые досаждали другим, тем, кто шел им на смену. Главная из них — как достигнуть неограниченных целей с ограниченными ресурсами.

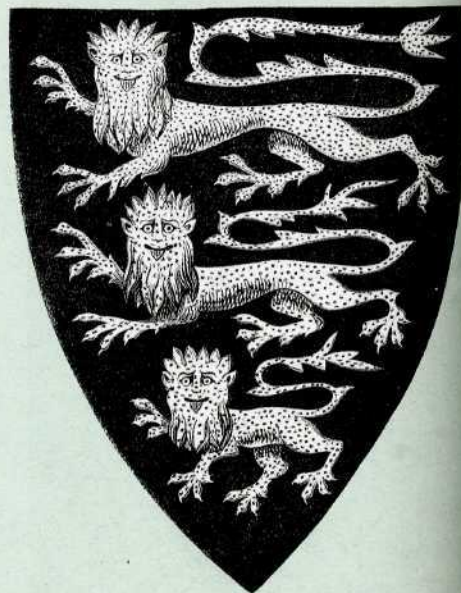
Племенной строй и феодализм

Начало Средневековья связано с процессом медленного, но неизбежного распада Римской империи. За границами этой уже древней и дряхлой державы жили по большей части народы, общественный строй которых называется обычно племенным. Письменных свидетельств о том, как жили там люди, нет, если не считать, конечно, записанных соседями-римлянами, то есть в данном случае наличествует только, так сказать, взгляд извне. На более позднем этапе появляется несколько летописей,

В СВОДЕ ПРАВИЛ ФРАНЦУЗСКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ цвет герба короля Эдуарда III Английского с изображенными на нем в соответствии со своей природной окраской «свирепыми» леопардами, обозначается словом *gules* («тюль», т.е. красный. — Прим. пер.). Поскольку средневековый художник полагался на свою фантазию и туманные знания экзотической фауны, леопарды у него вышли больше похожими на неких фантастических львов.

написанных священнослужителями уже на местах. Имея на руках все эти свидетельства, мы можем составить себе представление о том, как воевали эти народы.

Средневековые племена представляли собой сообщества людей, сложившиеся сначала вокруг одной семьи, а позднее, с разрастанием количества ее членов и возникновением других семей — вокруг главной из них. У кланов из одного племени путем заключения браков возникали связи с другими племенами. Старейший в главенствующей семье мог созвать соплеменников в войско, скажем с целью нападения на соседей или же, напротив, для защиты от врага. Однако делалось это где добровольно, где с помощью нехитрой дипломатии (угроз или посулов) — единого непоколебимого правила, предписывавшего всем выступать дружным фронтом, по сути дела, не существовало. Постепенно, однако же, обязанность являться на призыв старшего стала нормой, а отказ или пренебрежение могли повлечь за собой наказания — конфискацию земли (главной собственности) и даже смертную казнь. Чем богаче был глава семьи или сообщества семей, тем больше «домашних войск» (большую дружину) он мог собрать. В Германии саксов ярлы — отсюда и английское эрл — могли собирать отряды *файрдов* (во Франции это называлось «арьер бан» [*arriere ban*] — букв.: созыв вассалов «второго, или заднего, эшелона», т.е. вассалов круп-

ного, обычно практически независимого сеньора. — Прим. пер.), создавая более крупные армии. Таким образом, в основе строения войска лежало земельное владение. Так, в саксонской Англии IX столетия с одного надела, с которого кормились пять семей, полагалось выставять одного воина. Удачливый и, как сказали бы теперь, харизматический лидер имел возможность собрать более крупную армию. Воины могли присоединиться к другому племени, пойти за более удачным и храбрым предводителем, что часто и делали. В более позднем обществе у саксов переход из одного шайра (округа/графства) и к другому эрлу требовал королевского дозволения и определенной платы. Аналогичные процессы происходили и у других народов. Скажем, фигура Чингисхана привлекала к нему воинов из других племен Азии и до того, как он объединил все их под монгольским штандартом.

Предводители создавали вокруг себя окружение из особо приближенных и доверенных спутников, формируя «домашние войска» — дружины хус- или хаускарлов (*huscarl* — букв.: домашний человек. — Прим. пер.), лично зависимых от господина. Они, как с традиционной античной патетикой писал Цезарь в своих *De Bello Gallico* («Записках о галльской войне»), могли, если бы такое потребовалось, последовать за вожаком даже в могилу. Воинам полагалось приходить вооруженными — с тем оружием, владеть которым они умели и которое имели (часто определенным традицией того или иного племени). Воевали часто толпой — собранием отдельных личностей, мало чем связанных между собой, при этом каждый стремился показать свою удалость. Хотя бывали и исключения. Мотивированные наличием у них общего дела (часто просто алчностью), они бились за добычу (солдатского жалованья тогда не существовало) или ради славы, а подчас с целью приобрести как одно, так и другое.

Строение племенных армий

Племенные армии обычно представляли собой устрашающее зрелище, однако в силу примитивности командной структуры плохо поддавались управлению на поле боя. Часто войско подразделялось на десятки отрядов с командиром во главе каждого из них. Существовало еще деление на сотни, как, к примеру, обстояло дело у тех же саксов, у викингов, у ирландцев и у пруссов.

При племенной системе командир ожидал поступления от каждой семьи количества воинов, сообразного размерам ее земельной собственности. Главенство в племени часто передавалось по наследству, но, бывало, вождами становились за счет личных качеств, как Чингисхан, в долгой и кровавой борьбе объединивший монгольские племена. Нередко вождей

выбирали из числа наиболее выдающихся членов верхушки, как, скажем, выбирали королей саксы.

Официальные структуры Римской империи неуклонно разрушались по мере того, как ослабевала государственная власть и у центра становилось все меньше средств для поддержания порядка в провинциях. Постримское общество оказалось фактически предоставлено само себе, вынужденное создавать властные структуры, не имея в большинстве случаев никаких ясных инструкций, кроме «теперь вы сами по себе»; за исключением Британии, получившей, по крайней мере, соответствующий эдикт. В смутную эпоху передела сфер влияния и перестройки общества на поверхности появлялись наиболее сильные лидеры, часто носившие более поздний римский титул «дука» (откуда в английском и французском языке возникло слово «герцог» — *duke* и *duc*, соответственно, а также «дож» в Венеции и «дуче» в Италии. — Прим. пер.). Они создавали личные армии вокруг ядра из профессиональных воинов своего ближнего круга.

Самым выдающимся из подобных вождей в период после крушения западной

«Храбрость их позволила им совершить все те доблестные деяния, что они совершили. Лишь героизм мог подвигнуть их на такое — преодолеть широкую реку, вскарабкаться по отвесным берегам и броситься в бой со столь неудобной позиции».

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

части античной империи, несомненно, является Шарлемань, или Карл Великий. Именно он унаследовал франкское королевство, созданное Хильдериком (вторая половина V века. — *Прим. пер.*), заметно усилившееся при его сыне, Хлодвиге I (481—511), который принял христианство, и упрочившееся перед лицом противостояния с арабскими завоевателями при Карле Мартеле. Его внук Карл, позднее прозванный Великим, взшел на трон в 768 г., чтобы за 46 лет правления превратить франкское государство в империю, земли которой простирались от Ла-Манша до Пиренеев, от границ Восточного Рима на север до Дании, и включавшее в себя, помимо Франции и половины Италии, территории Швейцарии, Баварии и часть Австрии. Ни один государь Европы более не владел таким царством до начала эры завоеваний Наполеона почти тысячу лет спустя. На всей этой гигантской по меркам Средневековья территории Шарлемань активно поддерживал систе-

му, по которой землевладельцы обязывались поставлять определенное количество воинов центральной власти, т.е. королю. Одним словом, он использовал и развивал рудиментарный феодализм для увеличения собственной армии. Подобный «тренд» продолжал встречать поддержку и при других государях, только центральная власть слабела, а потому феодализм распространялся по Европе как плесень по старому сыру, покрывая ее как морщинами сеть больших и малых уделов. Феодальная модель оставалась своего рода шаблоном, который претерпевал лишь некоторые частные изменения в соответствии с условиями конкретного региона.

Светские и религиозные войны

В средневековой Европе, где власть передавалась по наследству и нобилитет которой связывала сложная система родственных взаимоотношений (скажем, за счет браков между представителями правящих домов), возникало множество больших и малых конфликтов. Примечательно, например, то, как Алиенора (иначе Элеонора) Аквитанская резко изменила баланс сил в Западной Европе просто за счет развода с одним государем, Луи (или Людовиком) VII Французским, и браком с другим — Генри II Английским (середина XII в. — *Прим. пер.*). В результате герцогство Аквитания на юго-западе Франции перешло под власть английского короля (уже владевшего по праву наследо-

вания многими другими территориями на континенте, что повлекло триста лет конфликтов между Лондоном и Парижем. — *Прим. пер.*). Нечто подобное проделала и ее тезка, Элеонора Кастильская, принеся права на спорную половину Гаскони в качестве приданого Эдуарду I. Оба эти брака послужили основой для Столетней войны, которая разгорелась из-за отказа Эдуарда III от принесения омажа (вассальной присяги. — *Прим. пер.*) французским монархам за английские территории во Франции. Жадная до светской власти Католическая церковь тоже служила одной из главных движущих сил в европейских конфликтах. С помощью меча она отстаивала и утверждала свои позиции в противостояниях с неверными, отступниками, вольнодумцами и политическими противниками, как происходило это в ходе крестовых походов в Прибалтике, Реконкисты в Испании, войны за кастильское наследство и альбигойского крестового похода к северу от Пиренейских гор (а также и в войнах гвельфов с гибеллинами. — *Прим. пер.*). Споры между монархами как внутри государств (с собственным нобилитетом, плюс всевозможные споры между соседями — держателями уделов), так и во внешних взаимоотношениях, а также религиозный фанатизм приводили к тому, что средневековая Европа почти беспрерывно воевала.

Монгольское вторжение в Европу. Легница — 1241 г.

История монгольского предводителя Чингисхана могла бы показаться невероятной фантазией, но она правдива. Его звали Темучином, но позднее он принял имя Чингисхан, что значит «великий хан», и объединил всех монголов. В молодости ему пришлось трудно — случалось скитаться, голодать и томиться в рабстве — и ничего не говорило тогда о том, что придет день и обычный юноша из кочевого племени потрясет вселенную. Когда Темучин был еще ребенком, его семья потеряла своего главу, Есугая, которому отомстили соплеменники человека, убитого когда-то отцом будущего Чингисхана. Вот такое начало большого пути досталось человеку, создавшему к концу своей долгой жизни невиданную по величине империю.

Ядром монгольской армии служили конники, вооруженные копьём, луком и щитом: не защищенные доспехами легкокonnные всадники и тяжелая кавалерия, способная атаковать «железной лавой» с яростью и напором, вполне подходящими любому средневековому европейскому рыцарю. Вдобавок к конникам самого Чингисхана предводитель располагал всадниками подчинявшихся ему племен, а также разного рода «специалистами» (например, в области осадного дела), преимущественно китайскими. Однако самыми важными чертами, присущими монгольской армии, делавшими ее едва ли не уникальной в то время, следует называть, во-первых, способность полководцев блестящим образом координировать действия находящихся на значительном расстоянии один от другого отрядов и колонн, а во-вторых, удивительную слаженность, с которой действовали монгольские командиры в разгаре и неразберихе боя.

Монгольские орды, вторгшиеся в Европу, казались их противнику неким дьявольским войском. Для средневекового человека приход монгольской армии, явившейся из бескрайней и неведомой степи, представлялся самым настоящим наказанием от Господа — «бичом Божиим» (и как приходится признать, именно так она себя и вела). Завоевание Европы являлось лишь частью плана Великого Хана монголов, в соответствии с которым им предстояло наступать до «последнего моря». Чингисхан умер в 1227 г., а в 1229 г. его место занял Угедей. К тому моменту отец его уже железной рукой объединил монгольские племена и сократил раскинувшуюся в степях Средней Азии великую Хорезмскую империю. Он приступил к завоеванию Китая, в ту пору расколотого между сторонниками враждующих династий, и сделал столицей Каракорум. Там Угедей и собрал на курултай всех видных вельмож империи.

К тому времени в Европе уже знали, что монгольские армии достигли Грузии и берегов Черного моря, где разгромили коалицию русских князей. Угедей объявил о том, что намерен продолжить завоевание Китая, а одному из внуков Чингисхана, Бату, отвел роль подчинения Европы. Бату оказывалась некоторая поддержка: он получал «команду» из опытных воен-

ШАРЛЕМАНЬ СО СВОИМИ РЫЦАРЯМИ ПОКИДАЮТ ЭКС-ЛЯ-ШАПЕЛЛЬ (столицу Карла, современный Аахен в Германии. — *Прим. пер.*), отправляясь в паломничество в Сантьяго-де-Компостела (Испания. — *Прим. пер.*). Иллюстрация создавалась в XII столетии, а посему все детали выполнены в соответствии с представлениями художника, черпавшего информацию из современной ему действительности. Это дает нам возможность посмотреть на тогдашних всадников в их «ратной справе» и лишний раз убедиться, что главным оружием рыцаря служило копье.

Монгольский воин тяжелой кавалерии (XIII столетие)

В руках у монгольского воина «штангарт» тумена. Всадник мало походит на западного конника той эпохи. В основе тактической концепции монголов лежали стычки и наскоки, в ходе которых верховые лучники изматывали врага прежде, чем в надлежащий момент в дело вступали всадники с копьями и мечами. На иллюстрации отсутствует маленький круглый щит, место которого на левом предплечье.

В комплект вооружения входил запасной лук с тетивами. Луки изготовлялись из узлов, сделанных из разных материалов, которые скреплялись друг с другом путем склеивания. При натягивании тетивы дуга лука выгибалась и принимала форму «С». Чтобы добиться этого, лучнику приходилось упирать нижний конец дуги во что-то твердое и всем весом наваливаться на верхний конец лука, чтобы зацепить за него тетиву.

чальников и воинов, чтобы обучить и подготовить степные орды, влившиеся в состав армии Чингисхана на более ранних этапах завоевания — 50 000 бывалых монгольских конников, 20 000 новичков и китайских и персидских специалистов, — что позволяло выставить в поле семь туменов по 10 000 чел. в каждом. (В монгольской армии существовала следующая организация: арбан из 10 чел., джагын [или чагын]

из 10 арбанов, минган из 10 джагынов и тумен из 10 минганов.)

В Европе, где один государь (как светский, так и духовный) с радостью увидел бы крушение другого, ожидать организованного отпора не приходилось. Папа Григорий IX открыто воевал с римским императором Фридрихом II (как раз в 1241 г. последний осадил папу в Риме. — Прим. пер.), а потому ни тот, ни другой не могли

помочь войсками Бела IV, королю Венгрии, оказавшейся на переднем крае. Его вассалы старались быть каждый сам по себе, а определенные государи глотали слюнки в ожидании возможности прирезать себе территории за счет соседа. Расположенное на севере польское государство представлялось рыхлым децентрализованным образованием, в котором слабый король делегировал слишком много власти крупным феодалам, а наследник его тщетно пытался восстановить авторитет центральной власти.

Монголы планировали охватить Европу в гигантские «клещи». Около четверти армии Бату послал на север, чтобы разгромить раздираемую междоусобицами «империю» наследников Владимира Святого и Ярослава Мудрого, а затем сокрушить венгерские войска. Пали многие города, в том числе Киев, Люблин и Сандомир. Однако, как бы медленно ни распространялась в те времена информация, реакция Запада была еще более ленивой, точнее, она почти не ощущалась. Двигавшаяся на южном направлении главная армия самого Бату опустошила Валахию, расположенную на северо-западном побережье Черного моря. Тремя путями монголы прошли через Карпаты и, словно горная река, устремились к Пешту.

Венгерский король Бела принял к себе куманов (у нас чаще половцы. — Прим.

пер.), которых отбросил на запад монгольский «паровой каток», и начал укреплять границы Венгрии. Когда же слухи о приближении монгольских полчищ усилились, Бела собрал армию и созвал всех возможных союзников. Они пришли, однако не собирались подчиняться. Вельможи желали удаления куманов и делали, что им заблагорассудится, жители в страхе бежали с границы, а монгольский потоп становился все более страшным. Через три дня после того, как король получил известия о продвижении врага к Буде, передовые монгольские разъезды находились всего менее чем в 30 км от столицы. Пылавшие ревностью к милости, оказанной королем куманам, венгерские нобили убили вождей кочевников, и те рассеялись по стране, сея смерть и разрушения вокруг. Бела ждал, ждали и придворные — теперь, когда монголы находились совсем близко, они не могли уехать. На севере монголы прощупывали Польшу и достигли Кракова, но затем повернули назад. Местный воевода отпра-

АВТОР ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ викторианской эпохи имел весьма туманное представление о том, каким оружием пользовались в середине XIII века монголы и венгры. Хотя, думается, он довольно верно передал дух той кошмарной неразберихи схватки, в которой столкнулись друг с другом многие тысячи воинов.

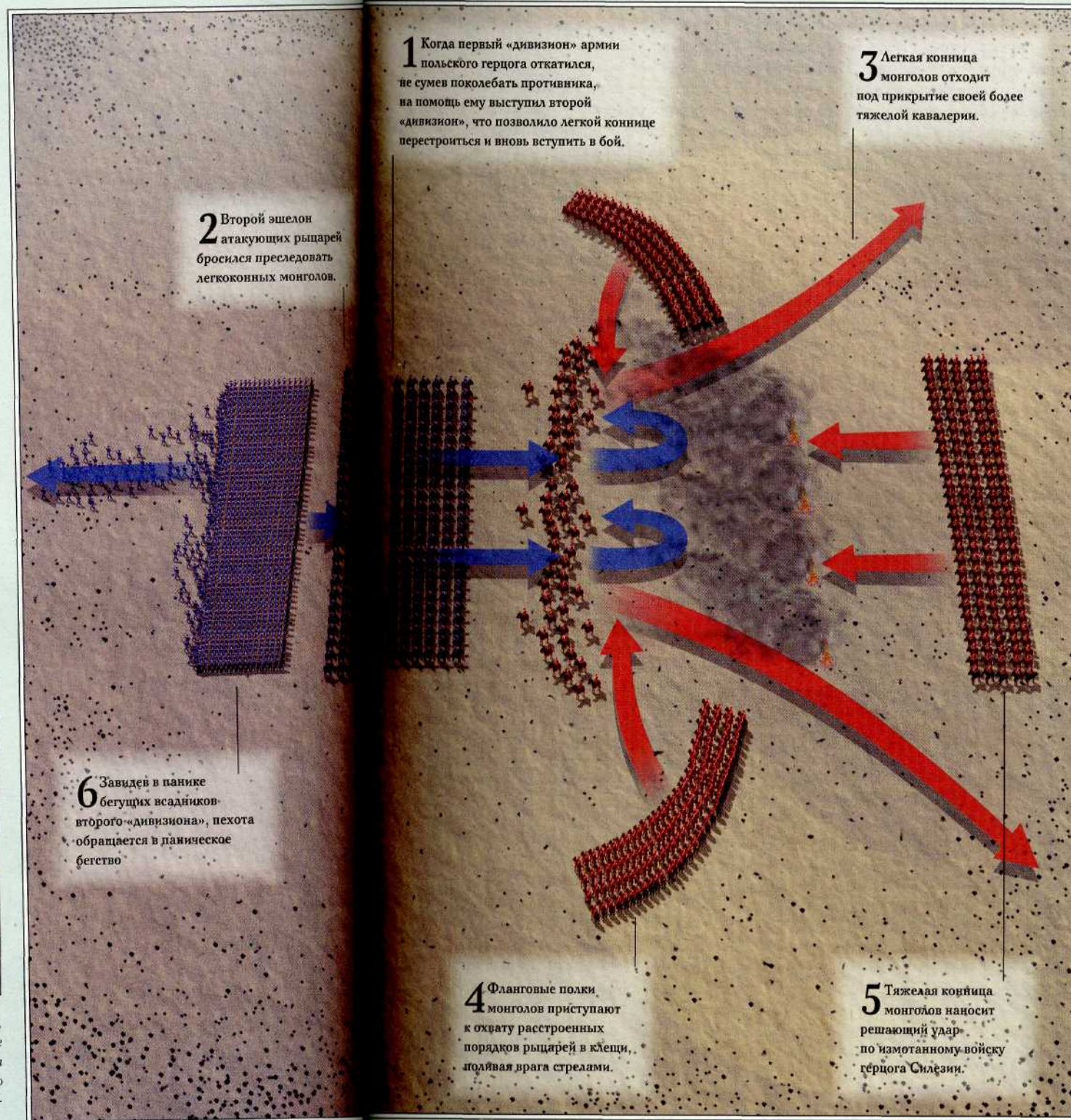

Битва при Легнице 1241 г.

Хотя стратегические подходы могли меняться в зависимости от обстоятельств, традиционная тактика западного рыцарства не отличалась особой затейливостью и состояла в том, чтобы очертя голову бросаться в лобовую атаку на вражеские порядки. Под Легницей монголы обернули эту негибкость противника себе на пользу. Легкая конница передового эшелона, особенно искусная в имитации беспорядочного отступления, отразила передовой «дивизион» армии герцога Силезии, также состоявший из легкой конницы, а когда в дело вступила тяжелая кавалерия поляков и тевтонов — второй «дивизион», — отступила под прикрытие своих более тяжелых всадников. Как почти всегда случалось в таких случаях, в ходе преследования строй рыцарей рассыпался, и как раз тогда они попали под ливень стрел фланговых отрядов монголов. Затем тяжелая конница последних обрушилась на врага и завершила его разгром. Хитроумные кочевники устроили дымовую завесу, которая скрыла происходившее от глаз остальных частей войска герцога Силезии. Пехотинцы, таким образом, не имели понятия о том, что происходит с рыцарями, до тех пор, пока не увидели в панике бегущих всадников — тех немногих, которые вырвались из мясорубки. Судьба напуганной и близкой к панике пехоты была предрешена.

Монголы одолели противника в битве, во-первых, потому, что сумели нарушить взаимодействие отрядов противника, во-вторых, воздействуя на боевой дух врага. Последнее было не так уж трудно осуществить, так как они стяжали себе славу непобедимых воинов во многих сражениях.

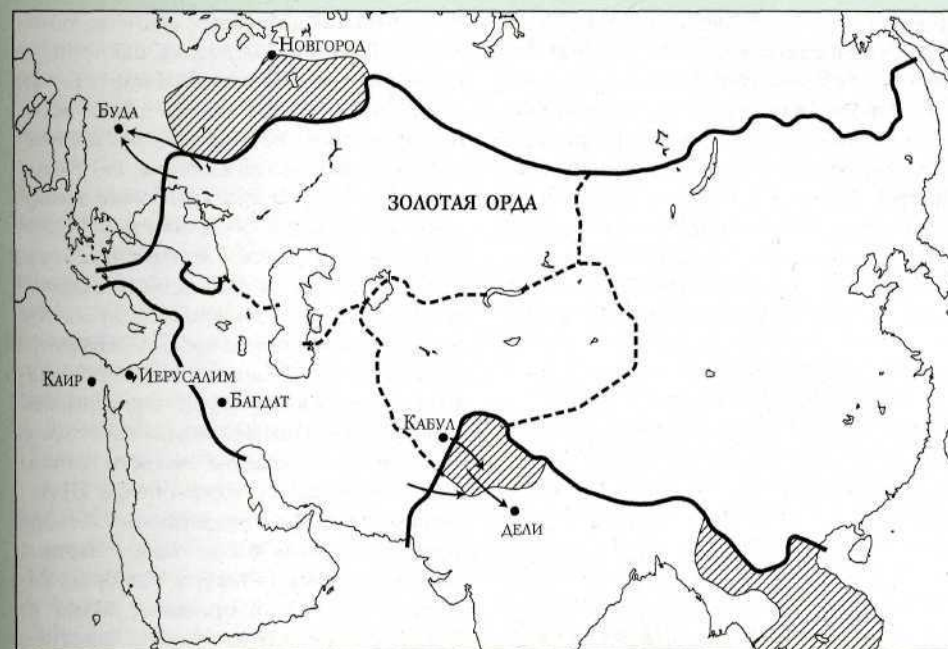
вился в преследование. Чтобы оторваться от поляков, монголы бросили пленных и ушли налегке, а воевода поспешил на помощь своему тестю, Беле Венгерскому. Уловка монголов сработала. Примерно в 40 км от города поляки были почти полностью перебиты, захлебнувшись ливнем монгольских стрел. Вроцлав, что к северу и западу от Кракова, стал следующей целью завоевателей, и вот, когда те готовились переправиться через реку Одер, разведчики донесли о появлении еще одной армии, готовой поиграть с монголами в кошки-мышки. Генрих Силезский собрал рыцарей с севера и ожидал прибытия Венцеслава Богемского к Легнице. Совершив стремительный бросок по типу тех, что так хорошо известны тем, кто изучал наполеоновские войны, монголы приготовились ударить с их центральной позиции на Генриха прежде, чем на помощь ему подтянется Венцеслав со своими 50 000 чел. Богемская армия находилась совсем близко — всего в каком-нибудь дневном переходе. Вроцлав остался в стороне, и 9 апреля 1241 г. под Легницей разыгралась кровавая битва.

Войско Генриха состояло из самых разнообразных частей — от высокобое-способных до почти никуда не годных. Имелись в нем отряды пехотного опол-

чения, феодальные рыцарские дружины и сержанты (оставим этот, свойственный средневековой англо-французской системе понятий термин оригинала [см. 2-й раздел, сноски]. — *Прим. пер.*), а также и братья-рыцари из разных военно-монашеских орденов — несколько госпитальеров, даже горстка тамплиеров, но зато тевтонские братья пришли стройными рядами во главе со своим командором. Всего считывалось до 20 000 чел. Армия герцога Силезии построилась в четыре «баталь», при этом вся пехота сосредоточилась в одном «дивизионе», тевтоны расположились в центре, а дружины феодалов по флангам.

У монголов по центру стояла легкая конница, особенно умело применявшая прием притворного бегства. На флангах располагалась легкая конница, способная вести стычки с противником, стреляя из луков или атакуя копьем. В тылу у «зачинщиков» разместилась облаченная в доспехи тяжелая кавалерия, умевшая действовать в манере легкой, однако всегда готовая к проведению мощной фронтальной атаки. Легкая конница Силезии ударила на монголов, была отражена, и в дело вступил второй эшелон — вперед устремились рыцари. Когда же центр монголов обратился в притворное бегство,

МОНГОЛЬСКИЙ КОННЫЙ ЛУЧНИК сидящий верхом на обычной для кочевников чрезвычайно выносливой низкорослой лошади, которая — с ее коротким, ровным шатом — представляла собой неотъемлемую составляющую монгольской военной машины. Обратите внимание на отсутствие натрудного построения, необходимого для крепления седла западных рыцарей.

основные силы силезцев и их союзников кинулись преследовать противника. Чтобы и вовсе изолировать атакующую тяжелую кавалерию врага от остальной армии, монголы устроили позади ударного конного клина дымовую завесу, вслед за тем монгольские фланги выдвинулись на соединение друг с другом, и на рыцарей обрушился град стрел. После этого на поредевшие ряды израненных и измотанных христиан хлынула тяжелая конница врага. Один из «дивизионов» попытался найти спасение в поспешном отступлении, однако все, чего добился, — оставил без прикрытия товарищей, и вскоре все отряды, включая и рыцарей военных орденов, пали в безнадежной схватке, перебитые один за одним. Пехота, отрезанная дымовой завесой, ничего не знала о происходящем, пока не увидела появившихся из клубов дыма бегущих рыцарей и преследовавших их монголов, после чего бросилась враспынную. Сражение превратилось в резню. Венцеслав же поспешил убраться восвояси, а монголы принялись бесчинствовать в долине Одера и не остановили кровавого пира до тех пор, пока не опустошили все окрестности, уничтожив или угнав в плен всех, кто попался им на пути.

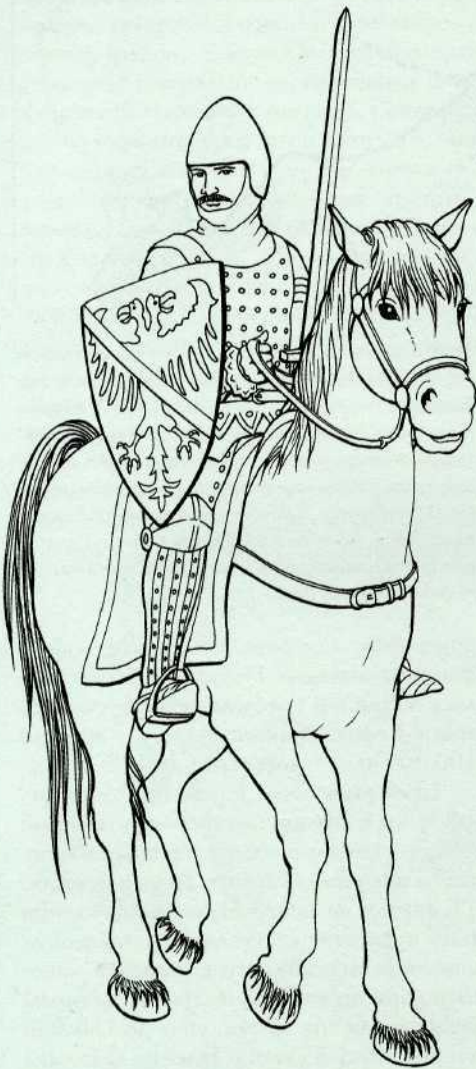
Южнее же, неподалеку от Буды, тот же трюк сработал и с армией Белы. Монголы начали отступать, возможно, и не-

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ около 1300 г. представляла собой крупнейшую расположенную на континенте державу, которую когда-либо видел свет. В момент своего наивысшего расцвета монгольскому хану подчинялись территории, протянувшиеся от морей, омывавших Юго-Восточную Азию на востоке, до Польши на западе. Ведомые одним из внуков Чингис-хана, Бату, монголы в 1237 г. вторглись в Восточную Европу, за одну зиму овладев западными территориями Древней Руси.

притворно, посчитав венгерское войско слишком сильным. Нобили Бель возгорелись желанием преследовать струсившего врага. Король приказал войску — всего до 100 000 чел. — довершить дело.

Через день после битвы при Легнице, в 800 км к югу другая часть монгольской армии сровняла с землей город Германштадт и разгромила армию Трансильвании. 11 апреля на центральном направлении Бату прекратил отступление и, обрушившись на венгерских преследователей, нанес им полное поражение. За три дня монголы уничтожили три армии, убив до 150 000 воинов. Путь в Европу далее на запад лежал открытым. Только преждевременная смерть Угедея остановила монгольские орды, поскольку предводители поспешили назад для решения вопроса наследования престола. (О том, что могло случиться, если бы... можно, конечно, лишь гадать. Венгрия как королевство на несколько лет

просто перестала существовать. Вряд ли следует сомневаться, что монголы разбили бы и Венцеслава. Наиболее крупная фигура Европы, император Фридрих II фон Гогенштауфен, вынужденно погрузился в пучину кровопролитных конфликтов с папской партией в Италии. Следующим и, пожалуй, единственным после Фридриха был государь находившейся тогда на подъеме Франции Людовик IX Святой. Любопытны в связи с этим строки из пос-

ВНЕШНЕ ВЕСЬМА НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ в юности, Бертран дю Гесклен позднее превратился в сильного и отважного воина, не лишенного хитрости и коварства, необходимого предводителю. На щите его — двуглавый орел Бретани. Начав, что называется, с низов, дю Гесклен дослужился до поста коннетабля Франции.

лания Понтия д'Альбона, магистра тамплиеров Франции, Людовику, написанного после разгрома князя Силезии: *«Герцог Польши пал среди многих своих баронов, и шестеро наших рыцарей и пятьсот сержанов также легло там. Только трое братьев наших (имеются в виду, конечно, рыцари. — Прим. пер.) смогли уйти. Теперь все в тех местах взяли крест и пошли сражаться с захватчиками. Если их побьют, между вами и татарами никого не будет»*. Несмотря на усиление Франции после долгого правления Филиппа II и на упрочение положения самого Людовика, подавившего бунты баронов и не имевшего опасного противника в лице слабого короля Генри III Английского, трудно представить себе, что французы сумели бы поставить плотный заслон степному потоку, и повторить некогда совершенный предками подвиг на Каталонских полях во времена нашествия монголов. — *Прим. пер.*)

Можно насчитать шесть отдельных монгольских «колонн». Бату, не боясь, дробил силы, когда требовалось, и вновь соединял отдельные корпуса, каждый из которых насчитывал минимум один конный тумен из 10 000 чел., что примерно соответствует в сумме 70 000 чел., предназначенных для вторжения. К сожалению, нет никаких убедительных данных, помогавших бы прояснить то, как ему удавалось координировать действия такой большой и разбросанной на обширной территории армии.

Военные ресурсы

На вершине феодальной пирамиды находился король. Неопытный или же слишком юный государь или государыня правили с помощью регента, назначаемого советом вельмож. Деятельный король или регент мог командовать войсками самостоятельно или же путем перепоручения военных забот коннетаблю или маршалу («военному министру» и его заместителю. — *Прим. пер.*). Войско составлялось из дружин сеньоров разных рангов и из отрядов наемников. При феодализме бразды правления обычно находились в руках короля, который мог отобрать поместье и даже титул у рыцаря, не выполнявшего свои обязательства — не явивше-

гося на призыв государя с обусловленным числом воинов. Также широко применялись всевозможные штрафы.

Военные ресурсы, находившиеся в распоряжении короля, обычно доставались ему по наследству. Лишь немногим полководцам случалось внедрять и активно применять новые вооружения или же организацию — на все это могло не хватить целой жизни. Средства производства средневекового общества еще более ограничивали возможность быстрых перемен. Технологии изготовления вооружения развивались медленно, так же медленно, как менялись и сами приемы ведения боевых действий. По мере роста доходов населения и увеличения его численности, процессы эти могли бы убыстряться, но потребность в более надежном защитном вооружении поглощала возрастающее количество «человеко-часов» и съедала все больше средств.

Феодалные дружины обычно несли обязательную службу сеньору и через него королю в течение 40 суток (подразумевался период между окончанием сева и началом уборки урожая). По окончании этого срока воины имели право отправляться по домам. 40-дневная служба делала ведение продолжительных кампаний довольно затруднительным, а потому королям все больше приходилось обращаться к услугам наемников, очевидно, сеньоров с их дружинами, которые по тем или иным причинам не были призваны на военную службу собственными государями, или же «капитанов» (само слово происходит, очевидно, от латинского *caput*, что значит «голова», или «предводитель» [то же нем. *Hauptmann*]. — *Прим. пер.*) шаек бродячих солдат — искателей удачи. Сеньор или капитан приводил боеспособный отряд оговоренной численности (обычно 50—500 чел.), которым предстояло воевать на стороне нанимателя либо за плату (в соответствии с продолжительностью «контракта»), или же за долю в добыче. (Нередко в роли наемников выступали собственные солдаты сеньора, которые соглашались сражаться за него сверх условленного срока на взаимовыгодных условиях. — *Прим. пер.*)

Мирные договоры и перемирия (а также так называемые «заповедные сроки», когда Церковь запрещала христианам сражаться друг с другом. — *Прим. пер.*)

приводили к сокращению спроса на услуги наемников. Перед угрозой потери источника средств к существованию некоторые отряды «солдат удачи» продолжали «работу» на свой страх и риск и уже только на себя. «Рота» наемников могла захватить замок или даже несколько крепостей и начать совершать вылазки с целью грабежа или же под предлогом «защиты» местного населения, которое, стоя перед выбором заплатить или быть ограбленным, обычно проявляло готовность раскошелиться. «Подзаработав на жизнь», временные сеньоры, не дожидаясь законного возмездия от хозяев территории, перекочевывали в другую местность. Нередко такие «роты» имели вполне современную по тем временам организацию: включали в себя священников и даже счетоводов, а также какое-нибудь общепризнанно справедливое лицо, которое занималось распределением добычи с целью не допустить раздоров внутри «кумпанства» (слова «рота» и «компания», в том числе и предприятие, обозначаются в английском языке, как и во многих других, одним и тем же словом: *company, compagnie, Kompanie, Kompagnie* и т.д.; см. 1-й раздел. — *Прим. пер.*). Порой случалось, что несколько сравнительно малых «рот» объединялись между собой для осуществления «крупных проектов». Так называемая «большая рота», например, состояла из 16 000 чел., которые бесчинствовали в долинах Роны и Соны на юго-востоке Франции где-то между 1360 г. и 1365 г. Случалось, что таких солдат нанимали для своих предприятий даже короли. Так, Бертран дю Гесклен (ок. 1320—1380. — *Прим. пер.*), рыцарь из захудалого рода Бретани, сумел за счет военных талантов дослужиться до поста коннетабля Кастилии и Франции (в 1370 г.). Он собрал 10 000 солдат, чтобы помочь Генриху II (Энрике Конде де Тастамара. — *Прим. пер.*) свергнуть сводного брата и соперника Петра (Педро) I Жестокого и стать королем Кастилии. После воцарения Генриха и убийства им соперника Петра нужда в наемниках отпала. Однако они вскоре потребовались вчерашнему противнику, Черному Принцу, или Эдуарду Плантагенету (ум. в 1376 г.), который с блеском командовал английскими войсками при Пуатье в

1356 г. (и которого некоторые британские историки называют королем Эдуардом IV [жил и правил примерно век спустя], чтобы вернуть трон Петра I. — *Прим. пер.*) (см. ниже).

Когда Столетняя война завершилась и французская монархия укрепила позиции, «свободные роты» откочевали восточнее. Многие действовали в Италии, где стали известны как кондотьеры (*condottiere* — контрактник, предположительно от *condotta* — «контракт», которым «капитаны» связывали себя с «работодателем»). Кроме того, существовали тенденции «меньшого народца», скажем, вооруженных крестьян, прибавиться к армии в надежде на легкий заработок или возможность пограбить. Последние назывались в Европе рибо или рутье (*ribaids* или *routiers*), и обычно действовали на свой страх и риск. Между тем им порой удава-

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЛАГЕРЬ разительно отличался от лагерей римских легионеров. Слуги крупных представителей нобилитета спорили и подчас дрались за престижные места для шатров своих господ, и в ссоры их, случалось, вступали чуть ли не все обитатели лагеря. Поскольку всю горячую пищу приходилось готовить на открытом огне, на стоянке часто было нечем дышать от дыма и всегда сохранялась высокая опасность возникновения пожара.

лось добиваться поразительных успехов, так, например, во время альбигойского крестового похода (1209—1255) они захватили Безье. Особо успешные «любители» тоже вливались в шайки наемников-профессионалов.

Хотя и традиционно «низкоприоритетные» в том, что касается внимания хронистов, простые горожане с течением времени, как можно с уверенностью предположить, принимали все более широкое участие в войне. Скажем, торговые гильдии брали на себя ответственность за оборону определенных участков стены (так поступали и «профессиональные военные» и в обороне и при осаде. — *Прим. пер.*). Кроме того, городская «милиция» (ополчение) могла действовать против нарушителей порядка, пусть даже те и являлись представителями рыцарского класса. В трех заметных случаях — в Шотландии, в Нидерландах и в Швейцарии — ополченцы-простолюдины представляли собой ядро армий, тогда как феодалам оставалась роль поддержки на поле. Часто полководец не мог с уверенностью рассчитывать на то, что сможет собрать нужное ему количество рыцарей, копейщиков или лучников (в желательной пропорции), и должен был довольствоваться тем, что имел.

Королям или маршалам (последние обычно занимались наемниками. — *Прим. пер.*) приходилось как-то осуществлять руководство этими разношерстными отрядами, что порой давалось очень нелегко, поскольку все понимали, что лучший способ быть замеченным и отмеченным королем (или иным сеньором) — показать ему свою необычайную удачу или представить особо хитрый план. Добавим к этому необычайную спесь и гордость своевольного нобилитета, порой готового перегрызть друг другу глотки за место в колонне или на поле боя, и можем представить, что некий излишне мягкий или неопытный король мог потерпеть поражение только из-за того, что ему не удавалось заставить подчиненных командиров и войско беспрекословно слушаться своих команд. (Так, 8 февраля 1250 г. во время Седьмого крестового похода брат короля Луи IX, граф Роберт д'Артуа, находившийся в авангарде, поссорился из-за места в колонне с магистром тамплиеров, нарушил приказ брата, в результате угодил в западню и бесславно погиб с примерно 800 рыцарями, фатально ослабив все войско крестоносцев. — *Прим. пер.*)

Консолидация власти

Королевские титул и власть передавались по наследству обычно по мужской линии. (Средневековые феодальные законы допускали право наследовать престол и для дочерей. Обычно такая девушка должна была выйти замуж за «сильного» нобилея, который считался королем до рождения наследника или наследницы, после чего становился королем-регентом. Такой порядок с небольшими отклонениями от правила просуществовал, скажем, в Иерусалимском королевстве с 1186 по 1277 г. О «равноправии» наследников обоего пола говорит продлившаяся полтора десятилетия (1139—1153) война между королем Англии Стефаном I (внуком Вильяма I Завоевателя через дочь последнего, Адель) и Матильдой, или Мод (единственной дочерью умершего короля Генри I и соответственно внучкой того же Вильяма I). — *Прим. пер.*) Хорошо, когда наследник существовал. Если же он отсутствовал, престол мог перейти к одному из

баронов (обычно родственнику), причем наличие двух или более кандидатов могло вызвать споры. Избранный правопреемник нередко присовокуплял к королевским и свои собственные фамильные владения. Случалась передача власти в одном государстве (сеньории) под управление более крупного феодала, который затем силовым решением присоединял территорию к своему домену. (Также принцип *возвращения* «выморочного удела» — переход в распоряжение сюзерена [великого князя] земель вассала [удельного князя], умершего без наследников, знакомый нам по истории Древней Руси. — *Прим. пер.*) Тенденции дробления территорий, характерные для начала феодализации Европы после Карла Великого, на более позднем этапе сменил обратный тренд все более активного сосредоточения власти в одних руках. Наилучшим примером может служить та же Франция, которая к началу правления первого из Капетингов (987) представляла собой классический пример того, что историки называют «периодом феодальной раздробленности». Понадобилось более половины тысячелетия, чтобы Франция обрела те границы (примерно), которые теперь окаймляют на карте территорию Французской Республики. Гораздо раньше процесс консолидации власти произошел в постримской Англии, когда между собой объединились Нортумбрия, Мерсия, Уэссекс и другие королевства. Однако сцементировать ее по-настоящему помогли лишь «нормандские законы» Вильяма Завоевателя. (Аналогичные процессы происходили и в другом крупном владении выходцев из Нормандии Готвилей [упом. в 1-й разд.], обосновавшихся на юге Италии во второй половине XI столетия, что тоже на долгие века привело к созданию «сильного» государства — сначала герцогства, а позднее, с 1130 г., королевства. — *Прим. пер.*)

Альбигойские войны. Мюре — 1213 г.

Исторически сложилось так, что регион Лангедок во Франции развивался по-иному, чем остальная Франция: сначала большое влияние на него оказали римляне, пришедшие сюда лет на 80 раньше, чем в центр и на север Галлии (в 121 г.

ПЕХОТИНЕЦ со знаменем Кастилии и Леона. Щит имеет довольно интересную особенность — нижняя часть его отогнута вперед, чтобы не стеснять движение левой ноги при ходьбе.

до Р.Х.). После них там обосновались вестготы (V столетие), оставили свой след на долгом пути в Африку вандалы, около пяти десятилетий (с начала VIII века) прохозяйничали на юге арабы, затем туда вернулись франки (Пепиниды и Шарлемань), которые принесли и феодализм. Даже язык южных «французов», давший название региону (ланг-д'ок — от латинского *hoc* [да], в отличие от ланг-д'ойль — от латинского *hoc ille* [да], превратившее-

ся в современном французском в *oui*. — Прим. пер.), отличался от языка северян. Начиная с X—XI столетий на всегда особо чувствительный к поэзии (именно там появились поэты-импровизаторы, или трубадуры — от южнофранцузского *trobar*, что может переводиться как «изобретать/творить». — Прим. пер.) и склонный к ересям юг Франции с Балкан проникло дуалистическое мировоззрение катаров (букв.: чистых), деливших мир надвое — на духовный (хороший и чистый) и на плотский (однозначно грязный). Катары не имели церквей и, более того, считали Римскую церковь принадлежащей к плотскому (сотворенному дьяволом) миру, а служителей ее подверженными всем наихудшим порокам. Они любили собираться вместе и устраивать разного рода церемонии, танцевать и считали женщин равными мужчинам.

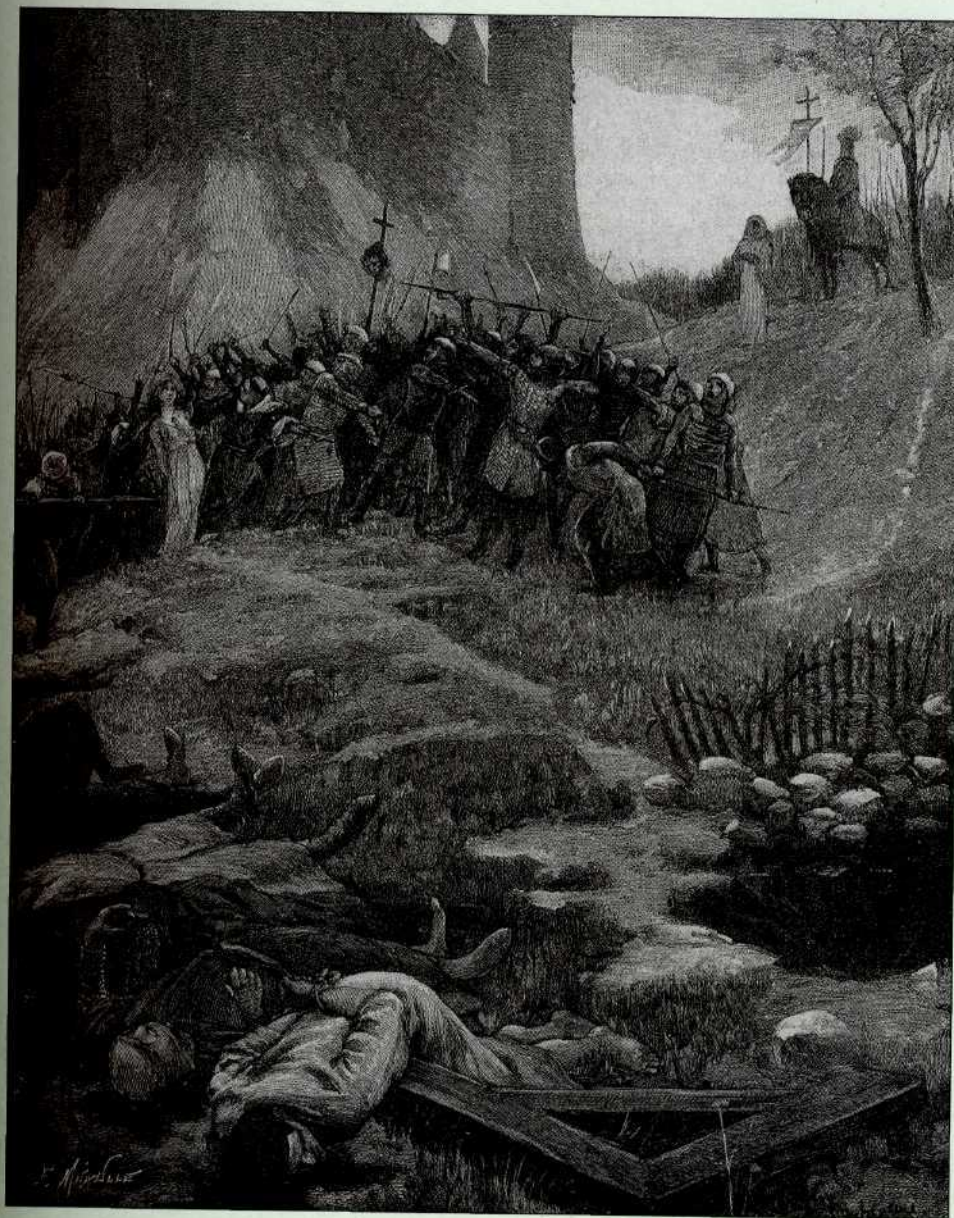
Несмотря на такое отношение к Католической церкви катаров, долгое время они и остальное — правильное католическое — население неплохо ладили друг с другом, жили в одних и тех же селениях и городах. Конечно же, западная Церковь, столетиями всеми средствами борováшаяся за светскую власть — за главенство в брeном мире, — не могла долго мириться с подобным «диссидентами». Генератором идей «чистоты веры» к тому времени уже около двух столетий служили сначала Ключни, а затем знаменитый Цистерцианский монастырь и Клерво. Католические власти принялись «бить тревогу» — сигнализировать в Рим папе. Славившийся особой ретивостью папа Иннокентий III (так, организованный им крестовый поход закончился завоеванием христианского Константинополя и Греции. — Прим. пер.) отправил в Лангедок легата, цистерцианца Пьера Кастельно (в 1207 г.), который и подтвердил худшие опасения Рима: на юге Франции пустила корни и расцвела пышным цветом самая злокозненная ересь. Папа потребовал от графа Тулузы, Раймунда VI, принять соответствующие меры, однако тот не только не внял голосу Иннокентия, но даже явно готовился спустить на тормозах дело об убийстве папского легата (январь 1208 г.). Данное обстоятельство и послужило предлогом для объявления крестового похода. 24 июня 1209 г. под Лионом собралась армия во главе с Арно Амори (также

Арнольд Амальрик. — Прим. пер.), аббатом Сито (Цистерцианского монастыря), Эдом (Оттоном) III Бургундским, графом Невера Эрве де Донзи и Симоном де Монфором. Они двинулись к Валансу, затем дальше — захватили Монтимар и Безье. Крестоносцы вырезали заодно с катарами и католиков, действуя по провозглашенному Амори принципу «убивайте всех — Господь отличит праведников».

В Каркассоне еретикам позволили покинуть город, который затем был разграблен. После 40 дней многие крестоносцы

отправились восвояси с хорошей добычей, однако Симон де Монфор (отец знаменитого потом английского бунтовщика, также Симона, или Саймона, эрла Лес-

Альбигойский крестовый поход (а точнее, серия разных по масштабу карательных операций в период с 1209 по 1244/45 г.) отличался крайней жестокостью и отмечен среди прочего резней в Лавануре, изображенной на гравюре 1891 г. На иллюстрации изображен сложный ландшафт Пиренеев и то, в сколь сложных условиях приходилось сражаться участникам экспедиций.

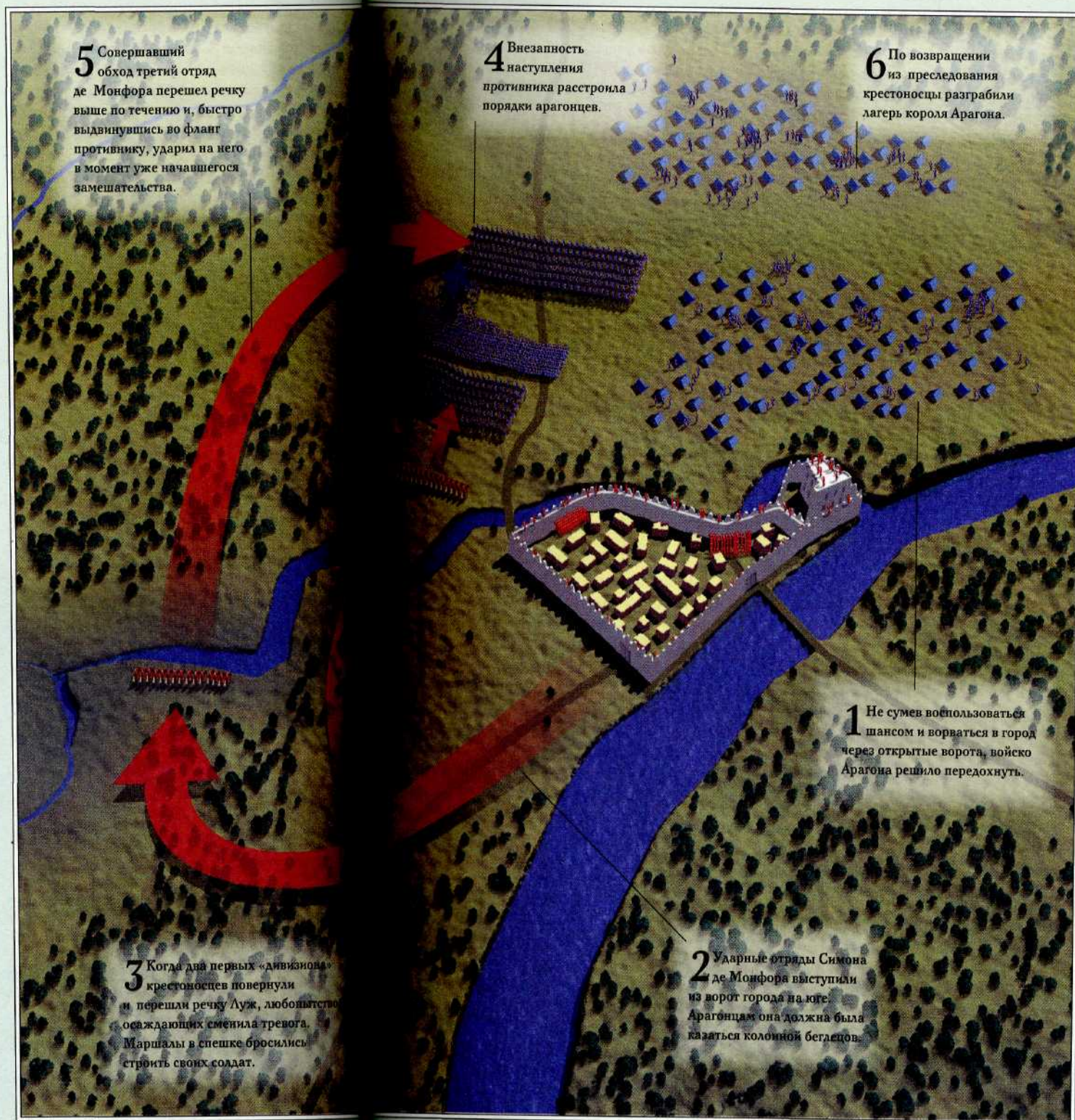
Битва при Мюре

1213 г.

Отвлеченная неожиданной удачей — тем фактом, что противник не запер ворота, — и перспективой легкой победы, осаждавшая город армия короля Арагона Педро бросилась на штурм города. Когда же предприятие застопорилось, осаждающие позволили себе передышку и занялись приготовлением пищи прямо под стенами Мюре. Неожиданно с юга появилась быстро двигающаяся колонна всадников. Сперва арагонцы не поняли намерений противника, считая конников беглецами, когда же колонна развернулась и построилась для атаки тремя отрядами, осаждающих охватила тревога. Два «дивизиона» атаковали в лоб опешивших арагонских солдат, которые в момент необходимости отражать непосредственную угрозу упустили третий «дивизион» из вида (что нередко случалось в горячке битвы). Под ударами крестоносцев арагонские передовые отряды дрогнули и побежали, сменяя тех, кто находился у них в тылу. В этот момент третий отряд Симона де Монфора ударил в незащищенный правый фланг резервного королевского «дивизиона». Бой закончился полным разгромом «экспедиционного корпуса» Арагона и гибелью его предводителя.

Превратившийся за несколько месяцев из богобоязненного крестоносца в алчного барона-грабителя Симон де Монфор стремился отхватить себе как можно больший кусок пиренейского пирога, нещадно истребляя при этом ни в чем не повинных мирнолюбивых катаров.

5 Совершивший обход третий отряд де Монфора перешел речку выше по течению и, быстро выдвинувшись во фланг противнику, ударил на него в момент уже начавшегося замешательства.

4 Внезапность наступления противника расстроила порядки арагонцев.

6 По возвращении из преследования крестоносцы разграбили лагерь короля Арагона.

1 Не сумев воспользоваться шансом и ворваться в город через открытые ворота, войско Арагона решило передохнуть.

3 Когда два первых «дивизиона» крестоносцев повернули и перешли речку Луж, любопытство осаждающих сменила тревога. Маршалы в спешке бросились строить своих солдат.

2 Ударные отряды Симона де Монфора выступили из ворот города на юг. Арагонцам она должна была казаться колонной беглецов.

тера) остался для продолжения борьбы. Хотя в начале предприятия сотни катаров были сожжены как еретики, при Монфоре поход перестал являть собою собственно карательную экспедицию и превратился в завоевательную акцию — средство приобретения феодальных владений для руководителя. Раймунд VI, тоже вынужденно принявший участие в походе, теперь со все большим раздражением следил за дей-

«Средства сбора информации и шпионаж в средневековой Западной Европе всегда отличались примитивностью и не шли ни в какое сравнение с теми, которыми располагали искушенные в этой области Византия и мир ислама».

НИКОЛЬ

ствиями Монфора, но, несмотря на наличие у него больших сил, чем у захватчика, в открытое противостояние пока не вступал. В сентябре 1212 г. крестоносцы овладели Мюре. В то же время нападению и включению в домен Монфора подверглись территории сеньоров Коммена и Беарна. Вот тут предприимчивый крестоносец допустил ошибку — оба являлись вассалами Педро (Петра) II, ко-

роля Арагона (носившего прозвище «Католик»). К нему в поисках справедливости они и обратились. В конце концов Симон де Монфор был таким же вассалом другого короля, а вел себя так, словно независимый суверен. Обе стороны на первых порах дипломатично решили, что лучшим судьей им будет папа, однако тут у Монфора имелся веский козырь — папский легат. Не найдя правды у римского понтифика, который взял сторону своего представителя, Педро предоставил протекцию населению Тулузы и начал собирать войско, чтобы самому взыскать с Монфора.

функцию выполняла Гаронна). С запада и севера, однако, подступы к лагерю оставались открытыми. 11 сентября солдаты Педро установили метательные машины и принялись обстреливать стены.

Тем временем известие о появлении неприятеля достигло Монфора, находившегося в 65 км восточнее, в Фанжо. Он немедленно собрал свои довольно скромные — особенно по сравнению с войском противника — силы: 240 рыцарей и 500 конных сержанов.

Защитники Мюре при своей малочисленности не смогли бы сдержать атакующих, которых появление Монфора с запада застало как раз за штурмом города. Точно неясно, что именно — паника или приказ — заставили их прекратить приступ и в спешке покинуть стены, чтобы не быть атакованными в спину вражескими рыцарями. Посему де Монфор беспрепятственно вступил в город. На следующий день между сторонами начались переговоры. В ходе короткой передышки случилось так, что северные ворота, наиболее близкие к расположению армии Арагона, остались незапертыми (кто-то считает, что намеренно, кто-то, что по ошибке). Как бы там ни было, Педро не мог не принять такого подарка и решил воспользоваться ситуацией, приказав испанскому авангарду при содействии пехотинцев Раймунда VI из арьергарда ворваться в город.

Испанцы скопом бросились узким мостиком через Луж, причем как пешие солдаты, так и конница. Из-за давки лишь немногие сумели ворваться в город, где были быстро окружены, отрезаны и перебиты. Остальным приказали отойти и приготовиться к штурму, а главное — подкрепиться. Тем временем де Монфор вышел со всеми имевшимися у него верховыми через ворота в юго-западной стене и построил их в три «баталь». Первым двум предписывалось атаковать неприятеля в лоб и связать его боем, тогда как

На всаднике на иллюстрации доспехи, характерные для эпохи альбигойских крестовых походов, а на щите его изображен герб Мюре. Скрывающий голову шлем придает рыцарю некую злое-щую анонимность — враг, в лицо которого невозможно заглянуть. Напугать врага уже своим видом накануне схватки всегда было очень важно.

третьему «дивизиону» под началом самого Монфора предстояло совершить широкий охватный маневр на восток и ударить во фланг противнику. Очень смелый план, принимая во внимание тот факт, что в каждом из трех отрядов насчитывалось примерно по 250 чел. Уже один только авангард Педро был едва ли не больше всей дружины крестоносцев. Однако испанцы не ждали атаки, по крайней мере, многие закусывали. Возможно, они даже расседлали коней и сняли доспехи. Скорее всего происходившее не являлось некой цепью случайностей и совпадений. Монфор выбирал удобное время, а его люди стояли в готовности, ожидая, когда командир сочтет, что благоприятный момент настал, и даст сигнал об атаке.

Монфор, словно бы читавший трактаты древних китайских стратегов, отдал все знамена первому «дивизиону», вслед за которым двигался и второй (собранные у передового отряда флаги заставили бы врага вообразить, что перед ним гораздо больше воинов, чем на самом деле. — Прим. пер.). Каждый шел сначала под прикрытием стен города, после чего должен был вовремя и очень точно выполнить разворот. Весь механизм сработал безупречно. Ничего не подозревавшие солдаты противника с удивлением уставились на плотные ряды рыцарей под развевающимися флагами. Поняв, что их атакуют, испанцы пришли в замешательство: спешенные сеньоры бросились отдавать команды оруженосцам, те, кто уже сидел в седле, торопились найти свое место в строю, в котором оказалось слишком мало людей для отражения решительного вражеского наскока. В общем, в результате нападения крестоносцев вражеский авангард «развеялся как пыль, унесен-

ная ветром». Пехота побежала в лагерь, где тем временем спешно строилась для отражения атаки «дивизион» короля, который и принял на себя удар скачущих конников. Тем временем подоспел и Монфор, выполнявший свой хитроумный план с целью выхода во фланг злосчастным солдатам Арагона. Сам король пал в рукопашной, остальные бежали, преследуемые крестоносцами. Ввиду огромного численного перевеса неприятеля, люди де Монфора не могли позволить себе брать пленных для выкупа, а потому большинство тех, кто не смог убежать, пали под мечами победителей.

Интересна координация действий двух колонн крестоносцев, каждая из которых, принимая во внимание возможность ехать в колонне не более чем попарно, растянулась на 500 м (положив по 4 м на каждую лошадь, учитывая и дистанцию

между ней и следующей). Развернутый в ряд строй составлял бы около 300 м (по 1,2 м на каждого всадника с конем). Командиру в голове колонны предстояло очень точно выбрать момент для разворота, потому что существовала серьезная опасность допустить ошибку. Слишком поспешный сигнал первой колонне застал бы ее всадников еще в воротах города. Чересчур рано отданная второй колонне команда привела бы к «перехлесту» ее с хвостом первой, что вывело бы из игры часть людей. Опоздай вторая, и расстояние между обеими шеренгами получилось бы слишком большим, что могло бы позволить противнику смять малочисленные силы первого ряда и сдерживать второй. Существовало два способа сделать все правильно (какой именно избрали крестоносцы — неизвестно). Либо сигнал перестраиваться давал замыкающий, достигнув некой критической точки, либо у всадников существовал способ точно измерять покрытое ими расстояние. Современная пехота могла бы считать шаг. Как бы там ни было, блистательной победой Монфор обязан своему смелому плану и его исполнителям: Бушару де Марли, возглавлявшему первую колонну, и Гиюму д'Анконтру — командиру второй.

Симон де Монфор провозгласил себя графом Тулузы, виконтом Безье и Каркассона, а также герцогом Нарбонна. Но граф Раймунд VI не пожелал сложить оружие. В сентябре 1217 г. он занял Тулузу. Летом следующего года, как раз при осаде Тулузы, де Монфор погиб, сраженный снарядом из камнемета.

Планирование

В то время как сегодня в распоряжении командующего всегда находится масса самых «свежих» донесений с фронта, налаженная связь с политическим руководством на родине, высококачественные карты и сделанные со спутника фотоснимки, средневековый полководец располагал в этом плане куда меньшими возможностями. Начать с того, что под рукой у него не всегда имелась даже карта, а если она и наличествовала, на ней, как правило, отмечались крупные населенные пункты, реки, возможно, особо приметные возвышенности. И все — более подробная информация обычно отсут-

ствовала. Следовательно, планировать продвижение войск и даже выбирать место для устройства лагеря по картам было довольно трудно. Они давали весьма общее представление о местности. Чтобы наверняка добраться от пункта «А» до пункта «Б», полководцу требовался кто-то хорошо знакомый с транспортной сетью региона, так как дорожные знаки в современном смысле этого слова отсутствовали. Любой — от местного сеньора до священника, купца или крестьянина — мог быть задействован в качестве «гида», причем нередко против собственной воли и с риском для жизни, особенно если проводника заподозрили бы в попытке завести колонну не туда, куда надо.

Уточнив место дислокации противника, средневековый полководец мог созвать военный совет, на котором решалось, где, какими силами и как действовать. Иногда приходилось довольно долго созывать войско: различные отряды могли подтягиваться к месту встречи неспеша, поскольку требовалось немало времени, чтобы гонцы достигли вассалов «первой руки» (верхнего уровня), а уж от них сигнал «спустился» вниз по феодальной лестнице».

И вот рыцари съезжались и становились лагерем в соответствии с планом, предписанным государем. (Штабу последнего надо было все четко продумать, чтобы при разметке мест не обидеть кого-нибудь из крупных вассалов, всегда ревностно относившихся к тому, какое расстояние отделяло их шатер от шатра короля и насколько высокими были опорные столбы в шатрах соседей. — *Прим. пер.*) Рыцарям полагалось иметь как минимум одного, а лучше двух боевых коней (обычно жеребцов), ездовую лошадь (кобылу или мерина), может быть, мула (или мулов) для поклажи, добавим к этому оруженосца (или нескольких), минимум одного конюха и прочих слуг, порой повозку или несколько. Численно рыцарские дружины могли быть очень внушительными, хотя количество нонкомбатантов в них нередко значительно превосходило число самих «благородных конников». Естественно, было немало бедных рыцарей и сержанов при минимальном количестве «лагерных попутчиков». Чем выше ранг имел воин, тем больше людей и предметов его окружало. Как известно, караван идет со скоростью самого тихого верблюда. Так

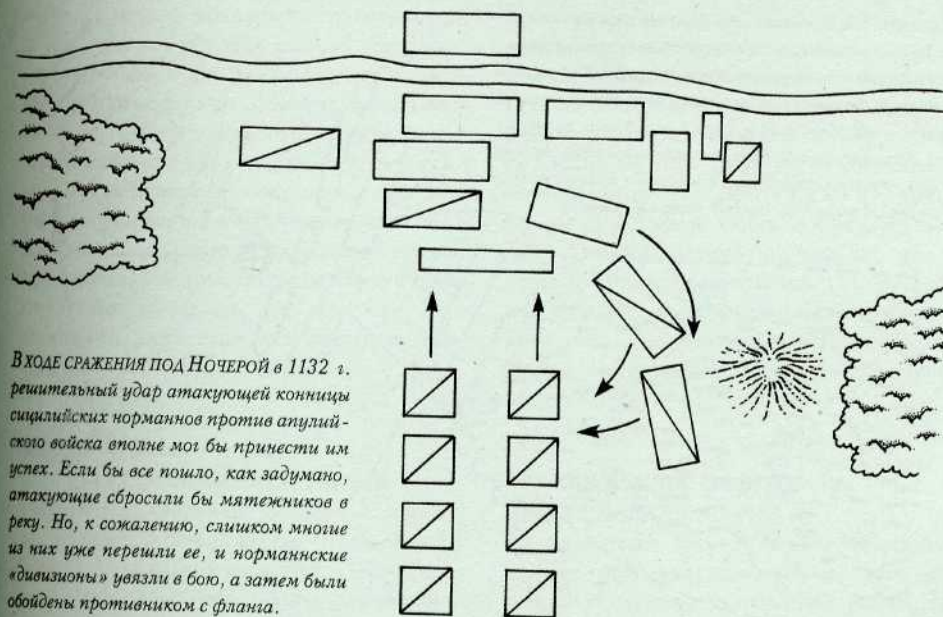
и армия в Средние века продвигалась со скоростью пешехода и проходила обычно не более 15—25 км в день (40—50 км при форсированном марше). При приближении к месту предполагаемой дислокации противника особую роль приобретали разведчики. Дело идентификации неприятеля упрощалось, если тот опустошал окрестности (при вторжении) или уничтожал запасы, которые не мог увезти с собой (готовясь к отступлению), — такие дымы пожаров служили своего рода «маяками», выдавая не только место, но порой и намерения врага. Если средневековый полководец действовал силами нескольких колонн (отрядов/армий) на разных направлениях, то выполнение поставленной задачи обычно целиком и полностью доверялось командиру отряда, и главнокомандующий не занимался корректировкой их действий в процессе операции. Четкое взаимодействие удаленных друг от друга формирований как некой когерентной силы отмечается на территории Европы, пожалуй, только у монголов.

В день предполагаемой битвы, когда противники имели возможность видеть друг друга, армии строились в «баталь» — «дивизионы». Здесь наблюдалась «сегрегация» по оперативно-тактическому признаку: кавалерия и пехота передвигались с разной скоростью и выполняли разные функции на поле боя. Сама конница

тоже делилась на лучше экипированных богатых рыцарей, «рыцарскую бедноту» и сержанов (последние, будучи лицами неблагородного звания, чаще задействовались как пехота, потому имели более легкие латы, в частности облегченные ножные доспехи без металлических «сапог», которые снижали бы устойчивость воина на земле. — *Прим. пер.*). Чем богаче был воин, тем лучшее снаряжение он имел, а лучше вооруженные занимали сообразно места в первом ряду. Пехота подразделялась на «дивизионы» с оружием, позволяющим вести бой на расстоянии (луки, арбалеты, позднее аркебузы), и на тех, кто бился врукопашную. Во главе каждого формирования ставился опытный и знатный сеньор. Высокородная аристократия не пожелала бы выполнять приказы кого-нибудь из лиц более низкого ранга.

Тактические приемы

Какими же тактическими возможностями располагал гипотетический средневековый полководец, стоя лицом к лицу с многочисленным противником и имея при этом очень жестко ограниченные ресурсы? Начнем с того, что вместе с армией, достававшейся ему по наследству, он получал и военные традиции предшественников — нередко и противник тоже как бы наследовался, таким образом, бу-

ВХОДЕ СРАЖЕНИЯ ПОД НОЧЕРОЙ В 1132 г. решительный удар атакующей конницы сицилийских норманнов против апулийского войска вполне мог бы принести им успех. Если бы все пошло, как задумано, атакующие сбросили бы мятежников в реку. Но, к сожалению, слишком многие из них уже перешли ее, и норманнские «дивизионы» увязли в бою, а затем были обойдены противником с фланга.

дущий государь часто с детства учился у отца (брата, дяди или деда), как воевать с неприятелем. Некоторые имели возможность познакомиться с трудами римлян, таких, как Вегетий (упомянутый в 1-м разделе. — *Прим. пер.*) или Секст Фронтин с его «Стратегематиком» (живший в I столетии от Р.Х. губернатор Британии и автор нескольких работ, в том числе *De re militari* [«О делах военных»; утеряна] и *Strategematicon*. — *Прим. пер.*). Во времена, когда война служила главным развлечением господствующего класса, военное дело являлось вполне естественной темой для обсуждения. Широко распространенное мнение о том, что средневековые армии делились на три «дивизиона»: авангард, основное ядро и аррьергард, — слишком упрощенное. Средневековые полководцы строили войска в соответствии с конкретными потребностями.

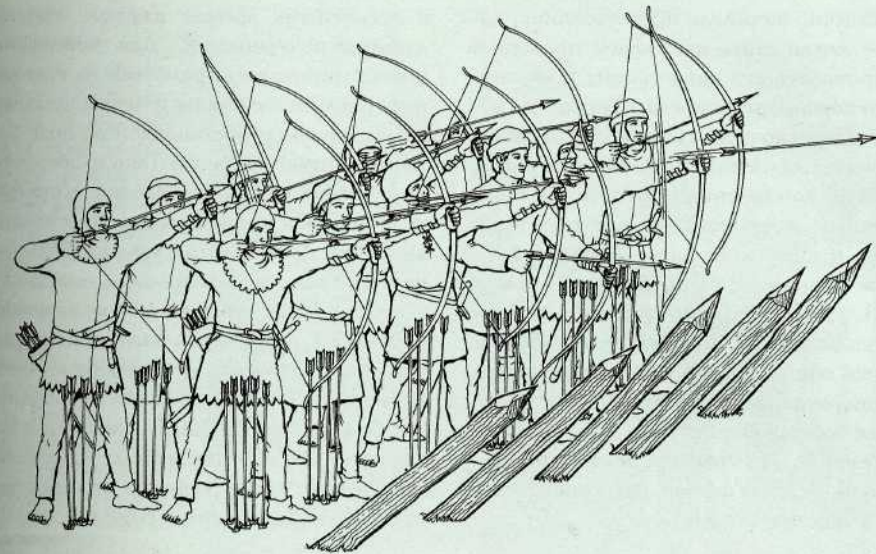
В 1132 г. под Ночерой норманнский король Сицилии Рутгер II (Роже/Руджеро), имея дело с построенным в шесть «дивизионов» войском мятежной Апулии, сформировал на поле боя целых восемь «баталь». Разыгравшаяся битва продемонстрировала, что тактическая гибкость войска не приносит результата, если полководец оказывается неспособен должным образом использовать ее. Рутгер попытался сосредоточить усилия армии на атаке половины строя бунтовщиков, построив

Черный Принц сделал при Пуатье ставку на лучников и спешенную кавалерию — «жандармов», оставив лишь небольшой конный резерв. Первые две атаки французов силами кавалерии и затем пехоты были — как одна, так и другая — сорваны лучниками. Затем англичане нанесли ответный удар, двинув в бой тяжелооруженных конников в пешем строю. Резервный отряд кавалерии довершил победу.

все восемь «дивизионов» в колонну, ударившую в правое крыло противника. Первые два отряда атаковали и потеснили неприятеля, который развернул остальные три своих «дивизиона» во фланг, казалось, выигрывавшим битву двум «баталям» Рутгера. Получилось так, что все войско мятежников оказалось задействовано против только двух «дивизионов» армии сицилийского короля. Смятые превосходящими силами противника, они внесли сумятицу в остальные формирования Рутгера, что привело к поражению и большим потерям. Процесс разворота второй половины вражеского войска предоставлял Рутгеру возможность ударить на противника оставшимися силами в ходе выполнения им маневра. Хотя, вероятно, реально не занятые в бою сицилийские «дивизионы» находились слишком далеко от сражающихся, иначе мятежники едва ли отважились бы подставить королю фланг. Возможно, все происходило слишком быстро, или же Рутгер «не видел» поля битвы.

Более простые планы и построения обычно приносили больший успех. Самый элементарный способ — атаковать врага в лоб. Если и тот делал то же самое, от полководцев уже мало что зависело — сражение превращалось в простую проверку на прочность кулаков и мечей соперников. Если военачальник имел дело с закаленным и изобретательным противником, та-

ким, как монголы, лобовая атака служила гарантированным способом подарить победу неприятелю. Более разумным для средневекового полководца было взять на вооружение один или несколько перечисляемых ниже тактических приемов.

Выбор местности

Такие полководцы, как английские короли Эдуард III и Генри V (первый — при Креси в 1346 г., а второй — при Азенкуре в 1415 г.), находились в меньшинстве, а потому им неминуемо приходилось применять тактические приемы, прежде всего — рельеф местности, который как в том, так и в другом случае затруднял действия конницы, вынуждая ее атаковать на узком фронте. Еще большее значение имел выбор местности в битве армии герцога Афин с каталонскими наемниками, когда атакующие железной лавиной рыцари увязли в болотце перед позициями пехоты, которую рассчитывали смести дружным натиском, но были практически полностью вырезаны ею, не имея возможности даже спастись бегством (см. 1-й раздел. — *Прим. пер.*).

Засада

или атака со скрытой позиции

Расположив сильные отряды в засаде, полководец мог также значительно увеличить свои шансы на успех. Непредвиденный удар даже небольшого формирования

Длинные, или валлийские, луки представляли собой грозное оружие. Лучники успевали выпустить уже третью стрелу, когда первая попадала в цель. Для большей устойчивости на неровной и часто скользкой почве они нередко сражались босиком. Для того чтобы держать себя в форме — иметь достаточно сил, чтобы многократно натягивать тетиву, — приходилось много упражняться. В этом-то и таилась слабость стрелков из лука, поскольку ошестрельное оружие не требовало столько сил, подготовки и мастерства, а потому могло применяться любым солдатом.

ния из укрытия во фланг ведущему бой войску противника производил порой сокрушительный эффект, часто прежде всего моральный — ощущение того, что противник повсюду обычно заставлял средневековых солдат не думать ни о чем, кроме немедленного спасения бегством. Однако для такой атаки требовалось все очень точно распланировать и заручиться гарантией того, что удар будет нанесен своевременно. Несмотря на то что такой прием представлял собой в Средние века давно рассекреченное ноу-хау, тактика то и дело успешно срабатывала. (По русской истории мы знаем, как ею воспользовался Дмитрий I Московский в битве с ордынскими войсками Мамай на Куликовом поле в 1380 г. — *Прим. пер.*)

Своевременное свертывание преследования

Труднее всего было добиться возвращения из преследования. После того как войско обращало противника в бегство,

оно обычно начинало преследование, которое могло стать настоящей проверкой на прочность его дисциплины и способности командира вовремя прекратить погоню. Нередко солдаты бросались грабить неприятельский лагерь, забыв о прежних хозяевах вожденной добычи, которые получали возможность перегруппироваться и даже атаковать «победителей». Такое произошло, к примеру, 4 октября 1189 г. Крестоносцы опрокинули было войска Саладина, но увлеклись грабежом. Войска левого фланга мусульман уцелели и контратаковали христиан, предававшихся беспорядочному грабежу в шатрах противника. Итогом чуть не стала катастрофа. Во всяком случае, крестоносцы понесли чувствительные потери.

Охват «в клещи»

Охват «в клещи» таил опасность превратиться в палку о двух концах. Окруженный противник, лишенный пути к бегству, мог решить стоять до конца и сражаться с удвоенной силой, что приводило к росту числа погибших и раненых с обеих сторон. В августе 1304 г. французская армия подавляла мятеж в Нидерландах, сражаясь с ополчением, состоявшим преимущественно из копейщиков. Расположившись между селением, с одной стороны, и рекой — с другой, они прикрыли тыл тройной стеной из повозок. Помнившие свое поражение, понесенное от копейщиков два года назад под Куртре, французы действовали осторожно. Сначала пустили арбалетчиков, но те встретили ответный огонь стрелков врага. Французская кавалерия состояла из 15 «дивизионов», восемь из которых вышли в тыл противнику, но не смогли преодолеть заграждения из повозок, остальные старались отвлечь копейщиков противника, «прощупывая» их с фронта. В итоге «встреча» закончилась вничью — обе стороны заявили о победе, при несколько большем уроне у французов (так или иначе, это сражение привело их к победе в войне в 1305 г., когда фламандцам пришлось покориться. — *Прим. пер.*).

Отвлекающая атака

Отвлекающая (или ложная) атака с последующим отступлением использовалась

с древнейших времен и была особенно любима кочевниками. Для достижения успеха требовалось грамотное планирование, послушные воины и четкое владение командованием обстановкой на поле боя, иначе притворное бегство могло обернуться настоящим (как происходило в описанном немного выше случае в противостоянии под Акрой, когда маневр Саладина чуть не привел к катастрофе, и только алчность крестоносцев помогла ему исправить ситуацию). Примеры завлечения врага в ловушку ложным отступлением: битва мамелюков с монголами при Айян-Джалут (в Галилее) в 1260 г., закончившаяся катастрофой для последних; столкновение крестоносцев с турками из Дамаска в предместьях Антиохии в 1098 г.

Опрокидывание фланга

Выход во фланг мог производиться как «открытой атакой», так и за счет использования скрытого в засаде отряда или путем обходного маневра. В грохоте и неразберихе боя порой трудно было сразу обратить внимание на тревожные предупреждения — полководец (особенно находясь в гуще сражающихся) мог не сразу заметить, что его атакуют с нового направления. Такое произошло с германской армией Оттона II, имевшей дело в Италии с мусульманским войском из Северной Африки, воевавшим на стороне византийцев. В битве при Котроне в 982 г. германцы ударили на центр мусульман, убили полководца и прорвали неприятельский фронт, но, атакованные, в свою очередь, с фланга, не удержали строя и проиграли в столкновении. Итогом стало поражение с потерей примерно 10 000 убитыми и попавшими в плен. Симон де Монфор превосходным образом совершил обходной маневр, принесший ему «чистую» победу при Мюре.

Война за кастильское наследство. Нахера — 1367 г.

Права короля Педро I Жестокого (называемого также и Справедливым. — *Прим. пер.*) на владение престолом Кастилии оспаривал его сводный брат Энрике (Генрих) Конде де Тастамара — более популярный в королевстве незаконнорожденный сын

ДОВОЛЬНО РОМАНТИЗИРОВАННОЕ представление о нравах Средневековья демонстрирует автор данной гравюры, изображавший английского командира, Черного Принца, уговаривающего Педро Жестокого помиловать своего сводного брата. Педро тут справа, тогда как стройный мужчина перед ним как раз и есть Черный Принц. На знамени за его спиной изображены гербы английского полководца. Человек справа от Педро, очевидно, приор одного из военно-монашеских орденов.

Альфонсо XI. Ситуацию осложняла еще и произошедшая недавно скоростная и непонятная смерть жены Педро, приходившейся родственницей Карлу (или Шарлю) V, королю Франции.

Энрике, получивший финансовую подпитку от соседнего Арагона, также заручился сотрудничеством французов. Папа Урбан V добавил свою гирику на чашу весов Энрике, обратив внимание на непереносимое положение в армии Педро, в ряды которой входили мусульманские отряды, и... провозгласив против него крестовый поход. «Безработные» наемники во Франции, всегда готовые «встать за правое дело» за плату и долю в добыче, тоже «приняли крест», нашив, как и полагается, красные полосы на плащи и табары (безрукавные балахоны поверх доспехов. — *Прим. пер.*). Карл назначил их командиром Бертрана дю Гесклена из Бретани. Несмотря на невысокое происхождение, тот показал себя храбрым воином и трезвым тактиком. Бертран привел армию в Авиньон (папскую резиденцию в 1309—1377 гг. — *Прим. пер.*) под благословение Урбана. Получив напутствие и право безнаказанно убивать еретиков и неверных, они вступили в Кастилию, где события развивались очень быстро и кроваво. Крестоносцы врываются в города, вырезают врагов Господа, в том числе и евреев. Вскоре Педро бежал, а Энрике

получил корону. Одним словом, поход 1366 г. увенчался успехом.

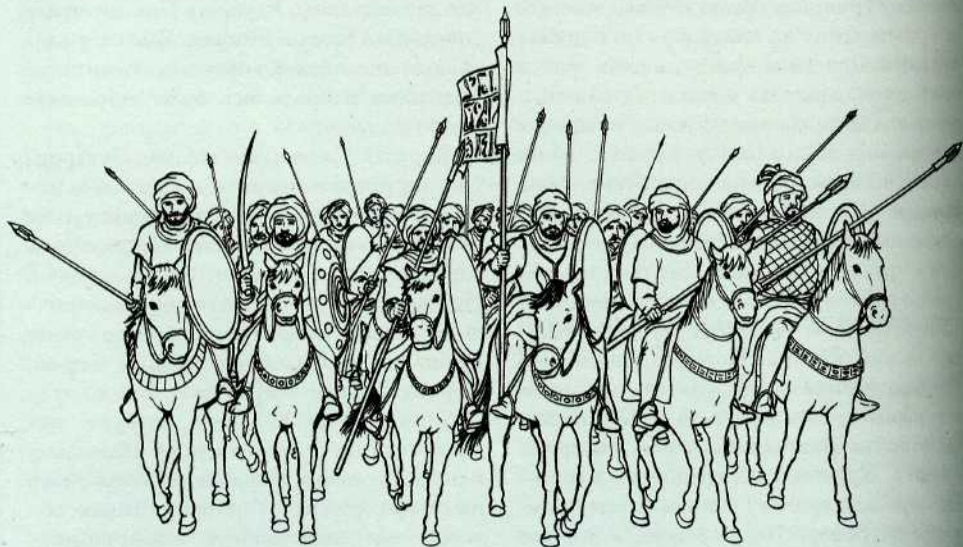
Однако Педро не торопился складывать оружие и позвал на помощь действовавшего тогда в Аквитании английского наследника Эдуарда, известного как Черный Принц (или князь [Уэльса и Аквитании]; черный, вероятно, из-за цвета доспехов. — *Прим. пер.*), а также королей Наварры и Мальорки, чтобы вернуть престол. Наемники к тому времени успели проесть добычу и опять нуждались в нанимателе. Словом, желающих воевать хватало, предложение превышало спрос, что предоставило Черному Принцу право отбирать в армию лучших. Вместе с вассалами английской короны из Аквитании наемники отправились бить вчерашних «работодателей».

Карл II Скверный, король Наварры, был не прочь помериться силой и с королем Энрике, и с Черным Принцем, не желая видеть на перевалах Пиренейских гор ни того, ни другого. После неудачи, однако, он затворился в замке, лишенный возможности как вредить, так и помогать любой из противоборствующих сторон. Король Энрике собрал войско в Санто-Доминго-де-ля-Кальсада, откуда мог двинуться на северо-восток в Памплону или же на север к Миранде, а оттуда снова на северо-восток к Виттории. Таким образом, он занял удачную позицию пос-

редине, так что обойти его становилось непростым делом. Он же всегда имел возможность успеть блокировать маршрут вторжения, какой бы путь ни избрал противник. Перевалив через горы, Черный Принц встал лагерем около Виттории, которой спустя более чем 400 лет предстояло стать местом новой победы англичан. Энрике передислоцировался в Анастро, взяв под контроль дорогу, ведущую из Наварры на юго-запад через Витторию и Миранду к столице Кастилии, Бургосу.

Вот тогда-то и наступил момент показать себя разнице в тактических традициях двух армий. Испанцы привыкли сражаться на широких и открытых пространствах, но также умели действовать в горах, эффективно применяя легковооруженную кавалерию. Как-никак они уже 600 лет воевали с маврами. Солдаты войск Черного Принца и Педро (будем называть их здесь «союзническими») учились сражаться в более густонаселенной Франции, где попадалось много обрабатываемых территорий и имелось меньше про-

МУСУЛЬМАНЕ ВТОРГАЛИСЬ в Испанию в VIII столетии, после чего довольно активно колонизировали ее. Несмотря на успех христианской реконкисты в Испании, до конца XV века там продолжали оставаться небольшие мусульманские анклавы, в которых сохранялись собственные военные традиции. Изображенные тут мусульманские конники не имеют тяжелых доспехов, подобных латам христианских рыцарей. В целом такая кавалерия действовала больше наскоком, предпочитая маневр и тактическую подвижность всеокрушающему фронтальному удару.

стора. Воины — даже конница передовых разъездов — обладали более тяжелым защитным вооружением и действовали меньшими группами. Английский главнокомандующий отправил в дозор 100 конников. Энрике же, в свою очередь, отрядил 6000 чел. для «прощупывания» вражеского лагеря, с каковой задачей они превосходно справились. Силы сошлись, когда люди Энрике возвращались с задания. Союзники спешили и сосредоточились на вершине холма, закрепившись на котором они отбили несколько приступов сначала легкой, а потом и более тяжелой испанской кавалерии и уступили только перед атакой французского элемента, действовавшего в пешем строю.

Затем в течение почти недели обе армии стояли одна перед другой в нерешительности. Необъявленное «перемирие» первым нарушил Черный Принц. Он снялся с лагеря ночью и повел армию на восток, а потом на юг через Сьерра-Кантабрия, чтобы перейти реку Эбро в Логроньо, сохранив верность Педро Жестокому. Союзники, таким образом, эффективно обогнули позицию Энрике, ускоренным маршем покрыв за два дня 50 км. Энрике поспешил за противником, форсировал Эрбу у Аро и прибыл к Нахере, когда тот находился в Наваррете, что в 9 км к востоку от дороги к Памплоне, выполняя маневр для блокировки Черному Принцу пути к столице.

Рядом с Нахерой, примерно по оси север — юг, пролегла довольно широкая водная преграда, разделявшая оба войска,

и находилась равнина — идеальное место для конного боя. Энрике решил форсировать поток и вынудить неприятеля к сражению. Опыт Гесклена, хорошо знавшего боевые приемы англичан, побудил его послать авангард в атаку в пешем строю. В эти 2000 чел. входили французские рыцари и их оруженосцы, тяжеловооруженные конники Кастилии и некоторое количество арбалетчиков. Все конники в основном формировании оставались в седлах. В центре и прямо за авангардом занял место король Энрике с 1500 рыцарями. По флангам располагались еще 1000 тяжеловооруженных всадников верхом и плюс к тому 1000 вооруженных дротиками легкоконных «застрельщиков» для стычек при поддержке еще какого-то контингента арбалетчиков. Третье формирование Энрике было полностью пехотным — всего до 20 000 чел.

Черный Принц построил армию также тремя линиями, в каждую из которых входили спешенные тяжеловооруженные конники рядом с таким же количеством лучников. В первом эшелоне находилось примерно по 3000 чел. (как всадников, так и стрелков), более половины которых приходилось на наемников. Средний эшелон состоял из трех формирований, центральным из которых — 4000 всадников Педро Жестокоего с пиками — командовал Черный Принц. Каждый из фланговых отрядов насчитывал примерно по 4000 чел., представленных приблизительно поровну тяжеловооруженными конниками и лучниками. Третьим эшелон, где командующий отвел место гасконцам и оставшимся наемникам — всего около 6000 чел., — руководил король Мальорки. Итого круглым счетом 10 000 тяжеловооруженных всадников плюс точно не установленное количество английских лучников, арбалетчиков из числа феодальных ополчений и наемников, а также гасконской пехоты — без доспехов, со щитами и легкими копьями. Огромные армии, по меркам того времени, с большим процентом наемников, нехватки в которых в период затишья в Столетней войне не ощущалось.

И вот два авангарда вошли в боевое соприкосновение, в ходе которого союзники попятись, отступив «на длину копья». Затем фланговые отряды кавалерии попытались сблизиться с крыльями войска

Черного Принца. Однако английские луки позволяли на расстоянии наносить урон вооруженными дротиками испанским хинетес (*jinetes* — всадники вообще, зд. легкая или средняя конница из Андалузии).

В итоге оба кастильских фланга обратились в бегство. Командиры их явно не прислушались к рекомендациям Бертрана дю Гесклена. Им следовало совершить охватный маневр с флангов, оставаясь на дистанции чуть больше расстояния полета стрелы, что вынудило бы многочисленные союзнические силы к развороту и помешало бы Черному Принцу задействовать их в битве. На таком широком пространстве было совершенно ни к чему сблизиться с английскими лучниками, чтобы атаковать их врукопашную.

Оба фланговых «дивизиона» союзников вступили в происходившую на поле схватку, а Черный Принц выдвинул центральное формирование на усиление своего фронта. Король Энрике не собирался сдаваться и то и дело бросал в бой кавалерию, однако она не могла прорвать строя спешенных рыцарей. А английские лучники тем временем занимались отстрелом кастильской пехоты. И вот, словно удар кинжала в горло соперника в поединке, в дело вступило формирование короля Мальорки, врубившееся с левого фланга в толпы дерущегося противника на центральном направлении. Широкий охватный маневр вроде того, что предлагался выше, мог бы сковать силы этой третьей «волны». В данном случае заслуга короля Мальорки бесспорна: не имея наблюдательного пункта на возвышенности, он тем не менее сумел распознать, где в нем нуждались больше всего, затем смог развернуть свой неповоротливый отряд сначала вправо, чтобы обогнуть ареал, на котором шла схватка, а затем влево и бросить его на дерущихся солдат противника. Достигнуть этого король мог, только возглавив колонну со своим штандартом, при этом остальным приходилось следовать за ним толпой, удерживать жесткий строй при выполнении такого маневра было бы вряд ли возможно. Кастильцы обратились в бегство, не оставив иного выбора Энрике, как только самому искать спасения. Французам в центре не представилось и такого шанса — им было некуда и не на чем бежать, а потому они рубились до

тех пор, пока не пала примерно треть их и дю Гесклен не протянул меч противнику в знак капитуляции. Пехота погибала от рук преследователей или тонула в реке. Испанцы потеряли около 7000 чел., Черный Принц и его союзнические отряды — всего четырех рыцарей, 20 лучников и 40 тяжелооруженных конников.

Как нередко случается, победа в битве не влечет за собой неизбежной победы в войне. Хотя Педро вернул трон, он не смог расплатиться с наемниками, и они ушли от него. Между тем Энрике удалось ускользнуть. Скоро он, заручившись помощью французов, в битве при Монтелье отбил вожделенную корону у брата, которому противоборство на сей раз стоило головы. (23 марта 1369 г. победитель собственноручно убил Педро. Дом Трасамамара — потомки Энрике — правил в Кастилии до 1504 г. — *Прим. пер.*)

Связь

Функции полевой разведки в Средневековье выполнялись легковооруженными верховыми воинами. Сами же они и служили курьерами, так как ничего подобного римской имперской службе доставки сообщений не существовало, и порой донесения передвигались со скоростью всадника, вынужденного в лучшем случае пересаживаться с коня на коня, а в худшем делать длинные остановки для того, чтобы дать отдых животному. (На Ближнем Востоке мусульманами широко, а христианами иногда использовались почтовые голуби. Кое-где применялась система оповещения условными световыми сигналами. Так, построенная еще римлянами сеть укреплений, скажем, в христианской Трансиордании в XII веке позволяла, разжигая костры на башнях, передавать по эстафете известие об опасности — неожиданном появлении неприятеля. — *Прим. пер.*) На поле боя звук труб и рожков позволял не только подбадривать воинов, поддерживать боевой дух, но и подавать им сигналы. Барабаны служили, по всей видимости, только для устрашения неприятеля и для «разжигания крови» бойцов. Очень важную роль играло знамя (флаг как отдельного отряда, так и главнокомандующего). Знаменосцу представлялась специальная

охрана, поскольку сам он, держа в одной руке поводья, а в другой — штандарт сеньора, не мог сражаться. Применять в качестве боевого оружия служившее в качестве древка стяга копьё категорически запрещалось, так как, не увидев знамени в небе, солдаты могли решить, что битва проиграна, и обратиться в бегство. На всякий случай наготове имелся запасной штандарт.

Проблемы и способы их решения

Как же справлялись средневековые полководцы с проблемой, известной нам в XX и XXI веке как гонка вооружений? Во время Второй мировой немецкие «тигры» и «пантеры» имели толстую броню и мощную пушку, но были излишне тяжелыми, пожирали массу горючего и порой застревали в грязи. Русские разработали «Т-34» с наклонной броней, широкими гусеницами, которые при рациональном использовании металла конструкторами обеспечивали сравнительно невысокое удельное давление на грунт.

Нечто подобное происходило и в Средневековье, хотя стороны обычно старались одолеть противника на тактическом и стратегическом поле, нежели в области технологической. Типичные наступательные и оборонительные тактики будут описаны ниже.

«Морские десантники» Средневековья

Используя в качестве навигационных приборов приспособления, позволявшие определить широту по положению тени, викинги подходили к чужим берегам почти всегда неожиданно. Священники молились, прося Бога «избавить их от ярости норманнов», благоразумные монархи — такие, как король Альфред Великий в Британии, — укрепляли ключевые города и строили крепости, поручали оборону на местах эрлам и фэйрдам и строили флот для противодействия непредсказуемым рейдерам.

Флот не позволял эффективно предотвратить набегов викингов, однако вполне давал Альфреду возможность перекрыть пути их отхода. Фортификации сокращали викингам простор для маневра, а местные дружины могли давать отпор высадившимся

с моря разбойникам. Если бы не труды Альфреда как организатора и не его победы как полководца, особенно под Ашдауном в 871 г., не исключено, что наиболее популярным языком в мире сегодня был бы не английский, а норвежский, датский или шведский. Впрочем, тут большая заслуга принадлежит и Вильяму Завоевателю, благодаря триумфу которого под Гастингсом принесенная французами «вульгарная латынь» облагородила еще более вульгарные варварские наречия саксов-германцев.

Как пробить стену из щитов?

Когда в 1066 г. норманнские дружины вышли в поле против саксов неподалеку от Гастингса, последние заняли сильные с обеспеченными флангами позиции на холме. Чтобы поколебать стену щитов, норманны использовали притворные отступления (а в случае своего левого крыла и вполне реальное бегство. — *Прим. пер.*) и навесную стрельбу из луков. В Италии же, однако, чуть раньше битву решила удавая атака конной лавы норманнов. Поставьте себя на место людей, стоящих перед мчащимся на всем скаку табуном коней, и вы легко поймете, почему рыцарям в ту пору

часто сопутствовала удача. Если добавить к этому длинные копья с острыми наконечниками в руках всадников, ощущение станет еще более полным. В битве при Чивитате в 1053 г. первый же удар норманнских рыцарей сокрушил всю армию папы, состоявшую из ломбардской конницы и швабской пехоты. Та же тактика принесла успех в противостоянии с византийскими войсками при Монте-Маджоре в 1041 г. в той же Италии, когда 700 норманнских рыцарей при поддержке 1300 пехотинцев на полном ходу обрушились на значительно превосходившую их чис-

ленно армию, построенную к тому же в две линии. В результате прорыва первого строя обратившиеся в бегство византийцы смяли и увлекли за собой второй. (До этого нормандцы воевали за византийцев как наемники и считали себя обманутыми в отношении оплаты своих услуг, потому нетрудно представить себе, с какой злостью они атаковали.)

Как одолеть всадника с копьём?

Мусульманским армиям в Испании тоже приходилось изобретать способы для противодействия рыцарям, и они преграждали им ход большими «пехотными каре», которые поливали атакующих дождем из

«Сеньоры рыцари поддерживают власть свою, держа подданных в вечном страхе смерти... Кто хочет преуспеть при дворе такого государя, вынужден помнить о каре, которая может настигнуть его в любой момент. Чтобы вынести все это, надо быть выдающейся личностью — умной, или очень твердой — или же просто безумцем».

НЬЮАРК

стрел, в то время как более легкая конница стремилась обойти противника и ударить с флангов и с тыла. Под Аларкосом в 1195 г. кастильская кавалерия Альфонсо VIII прорвала фронт мусульманской пехоты, однако оказалась затем окруженной другими пехотинцами второго эшелона и атакующей с флангов легкой конницей. Уцелевшие пехотинцы первого эшелона бросились в бой на пехоту христиан и быстро смяли ее. Как и во многих других случаях, злую шутку сыграло с рыцарями их собственное надежное защитное вооружение — в тяжелых шлемах с узкими смотровыми щелями они имели очень ограниченный обзор и становились весьма уязвимыми перед наседавшим со всех сторон противником, многие из всадников которого ловко орудовали палицами. Скоро христианские рыцари потонули в массах вражеской пехоты, и мало кому из них удалось уйти с поля битвы.

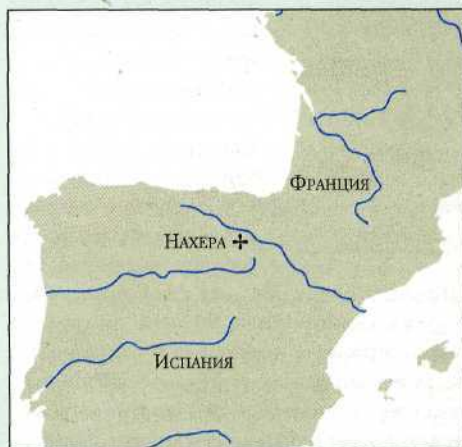
Отход и атака

Ни техническое или численное превосходство, ни ярость и напор сами по себе

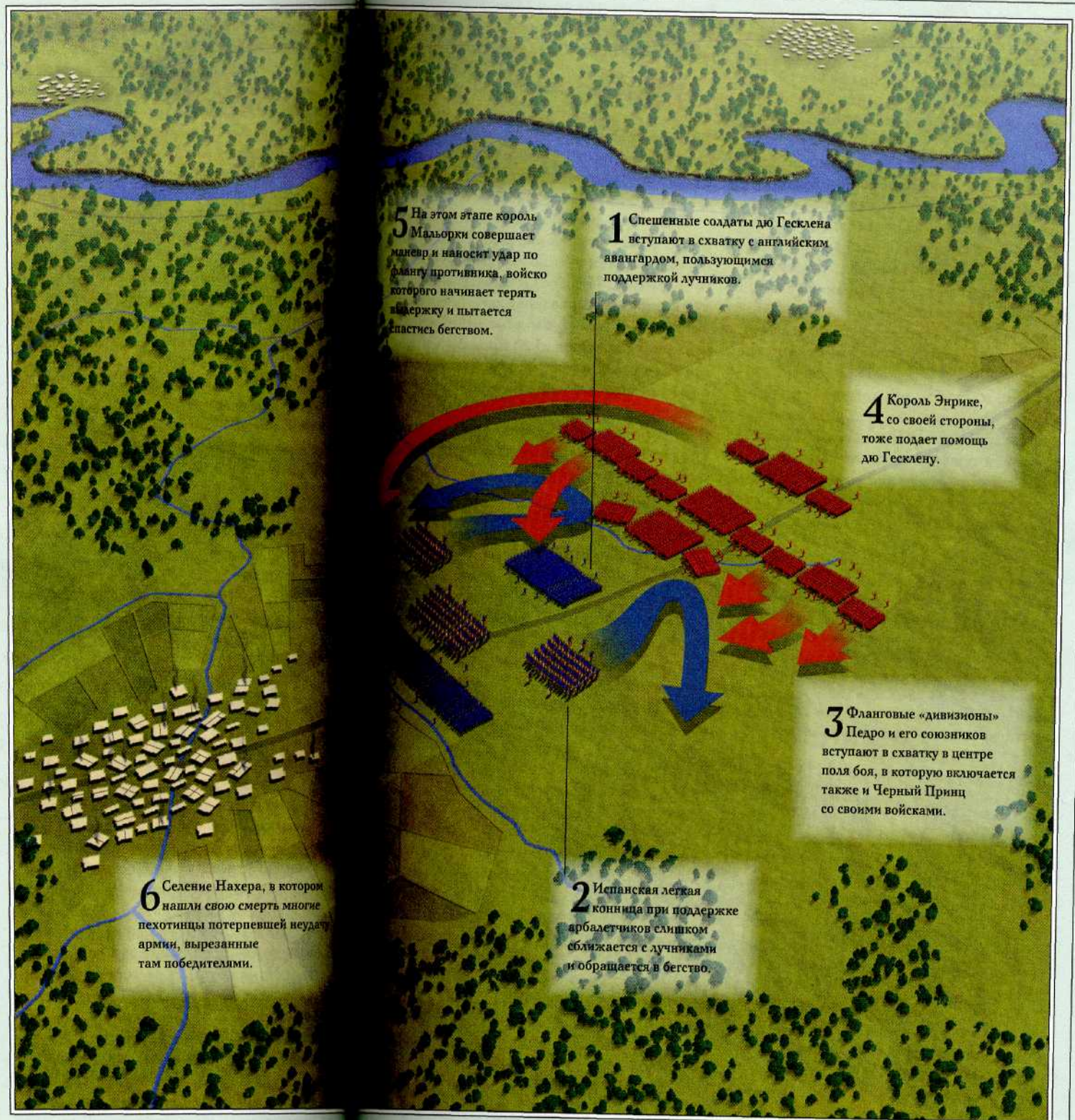
Битва при Нахере

1367 г.

География места событий позволяла испанскому королю Энрике блокировать продвижение Черного Принца, который попытался обойти противника, вследствие чего и произошла битва под Нахерой. Энрике, однако, не удалось лучшим образом использовать имевшиеся у него отряды. Ему следовало бы приказывать коннице с арбалетчиками действовать на флангах при достаточном удалении, чтобы притягивать и сдерживать фланговые отряды Черного Принца и его резервы, не попадая под губительный огонь валлийских луков, что позволило бы основным пехотным «дивизионам» дю Гесклена и короля Энрике сконцентрировать свои силы на Черном Принце. При избранной Энрике тактике его кавалерия — «застрельщики» — пала жертвой английских лучников. Не было ли это намеренной жертвой, направленной на то, чтобы позволить дю Гесклену и его войнам без потерь сблизиться с англичанами? Точного ответа мы, разумеется, никогда не узнаем. Так или иначе, смерть Черного Принца и даже его пленение заметно повлияли бы на ход событий западноевропейской истории. Совершая свои стратегические маневры, которые наверняка не оставили бы равнодушным даже Наполеона, Черный Принц и король Энрике показали, что средневековые армии способны на быстрые и решительные марши, если, конечно, во главе колонн стоят толковые лидеры.

Заключительная фланговая атака носит несколько необычный характер, поскольку противник — испанские солдаты — подвергся удару с той стороны, с которой их прикрывали щиты. Однако так король Энрике оказывался отсечен от своих территорий к западу и скован в случае необходимости отхода.

5 На этом этапе король Мальорки совершает маневр и наносит удар по флангу противника, войско которого начинает терять поддержку и пытается спастись бегством.

1 Спешенные солдаты дю Гесклена вступают в схватку с английским авангардом, пользующимся поддержкой лучников.

4 Король Энрике, со своей стороны, тоже подает помощь дю Гесклену.

3 Фланговые «дивизионы» Педро и его союзников вступают в схватку в центре поля боя, в которую включается также и Черный Принц со своими войсками.

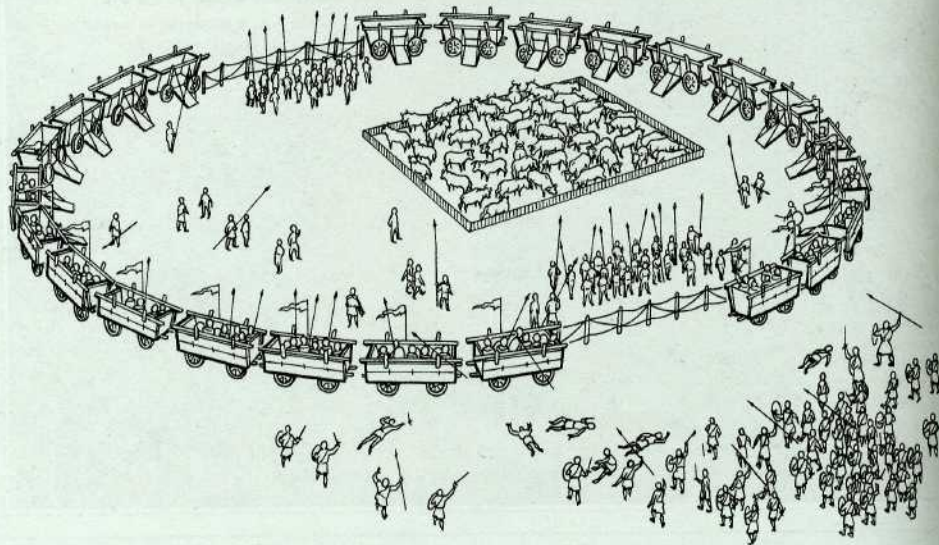
2 Испанская легкая конница при поддержке арбалетчиков слишком сближается с лучниками и обращается в бегство.

6 Селение Нахера, в котором нашли свою смерть многие пехотинцы потерпевшей неудачу армии, вырезанные там победителями.

не являлись залогом успеха в средневековой битве. Как тогда, так и теперь было и остается важным разумное использование различий между сторонами. Магьяры сражались по большей части как конные лучники, однако они применяли также дротики и лассо. У них отмечается много общего с гуннами, посетившими Европу несколькими веками раньше. Они в отличие от европейцев тоже воевали небольшими отрядами и в рассредоточенном строю. Они предпочитали применять засады и притворные отступления с последующим разворотом для неожиданной атаки, чтобы лишить неприятеля его грозного оружия: расстроить плотные порядки и, измотав стрелами на расстоянии, в нужный момент нанести ку-де-грас (*coup de grace*) — решающий удар.

Такой тактический подход с поразительной эффективностью продемонстрировал свою действенность в битве на реке Брента в 899 г. Всего где-то около 5000 магьяр в течение недели уходили от преследователей — ломбардской кавалерии герцога Беренгара (впоследствии

Штурм гуситского табора выливался в большую проблему для атакующих, потому что в арсенале средств и приемов боя средневекового войска не находилось эффективного способа борьбы с таким на первый взгляд простым явлением. Между тем постановка табора требовала времени и выбора подходящей — как можно более открытой и просторной — местности. Если же ландшафт плохо просматривался или противнику удавалось застать таборитов врасплох, их шансы на победу резко понижались.

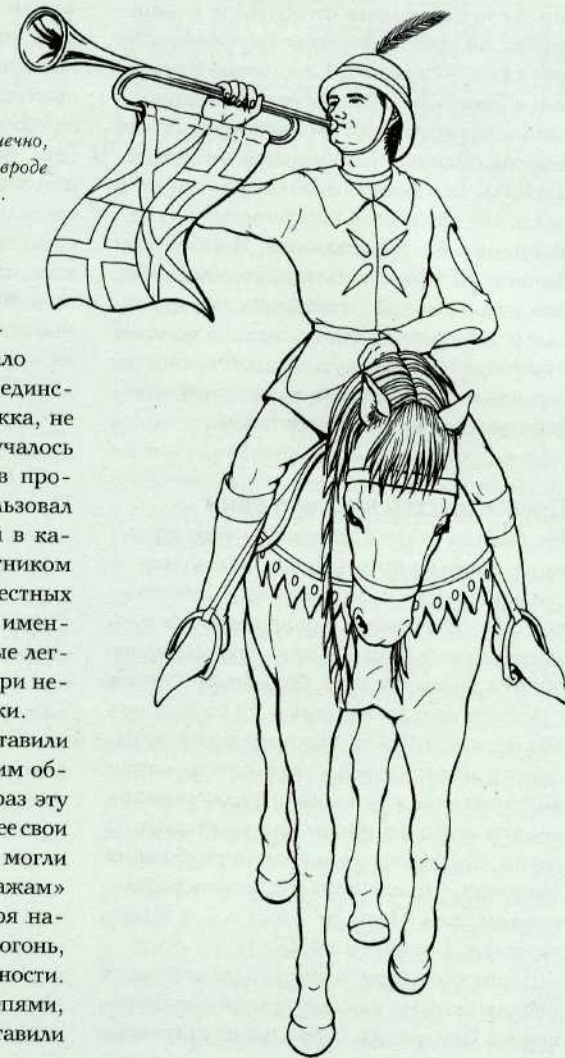
последнего каролингского императора Беренгара I [915—924 гг.]. — *Прим. пер.*), — численно превосходивших их раза в три. Магьяры перешли Бренту и, встав лагерем, попытались договориться с противником, затем оседлали свежих лошадей и неожиданно атаковали ломбардцев прямо через реку, когда те ели и отдыхали. Бросок привел к быстрому разгрому ломбардцев, которые обратились в бегство. Многие погибли.

На любую силу может найтись другая, и магьяры, в свою очередь, потерпели поражение в битве при Лехфельде (около Аусбурга) в 955 г. (от Оттона II. — *Прим. пер.*), когда направление их отхода блокировало формирование из 8000—9000 верховых германцев. Им пришлось предпринять атаку в лоб, которая не удалась, хотя в результате небольшого флангового маневра один отряд сумел оттянуть на себя один из восьми германских «легионов» и нанести урон охране «багажного поезда».

Стены на колесах

Религиозный фанатизм некоего «переходного» реформаторства и зарождающееся чувство национального самосознания привело в Богемии в 1420 г. к так называемому движению таборитов, или гуситов (от идейного лидера Яна Гуса, сожженного на костре в 1415 г. — *Прим. пер.*), и их мятежу против сюзерена, Сигизмунда, короля Венгрии и (позднее) римского

Противники нуждались в поддержании связи друг с другом. Данную функцию в Средневековье выполняли герольды. Они же зачитывали волю государя войску, а также вели учет тех, кто явился на службу, а кто нет (речь идет о мобилизации, конечно, а не о крестьянах). Существовало нечто вроде ведомости с именами вассалов и их гербами.

императора. Против неопытных в военном деле горожан и крестьян он вывел бывалых солдат феодального ополчения, которым хватало оружия и мастерства, но не хватало единства. Повстанцев возглавил Ян Жижка, не новичок в сражениях, которому случалось уже повоевать на стороне поляков против тевтонского ордена. Он использовал новый тактический строй, который в какой-то мере послужил провозвестником военных технологий будущего, известных нам по истории нового времени, а именно — неприступные «каре», которые легко оборонять и из которых можно при необходимости переходить в контратаки.

Кочевники-степняки, бывало, ставили повозки вокруг лагеря, создавая таким образом передвижные крепости. Как раз эту идею и использовал Жижка, внося в нее свои усовершенствования. Борта повозок могли подниматься, предоставляя «экипажам» дополнительное укрытие, и благодаря наличию «амбразур» позволяли вести огонь, оставаясь в относительной безопасности. Повозки скрепляли между собой цепями, а иногда для надежности на стыках ставили небольшие деревянные заграждения.

Такой форт (табор) в виде двух полушфер устраивался на какой-нибудь важной стратегической позиции, с которой властям приходилось выбивать повстанцев. За каждой повозкой закреплялся «экипаж», у половины членов которого имелось оружие для стрельбы — арбалеты, а позднее примитивные «мушкеты». Остальная половина орудовала врукопашную соответственно алебардами, пиками и особенно популярными боевыми цепями. Пока противник сближался с табором, стрелки уничтожали его с относительно безопасных позиций, а когда уцелевшие добивались до повозок, в дело вступали табориты с холодным оружием.

Крепость на колесах сводила к минимуму все преимущества верховых воинов.

Энергия строя скачущих всадников иссякала при необходимости останавливаться перед непреодолимой для коня преградой, к тому же сам всадник оказывался на одном уровне с противником, стоящим на повозке, даже оружие рыцаря — его копье — не было более длинным, чем пика таборита. Тактика стен на колесах впервые продемонстрировала свои преимущества в битвах при Людице и Куттенберге в 1421 г. По мере течения конфликта, продолжавшегося довольно длительное время, в арсенал таборитов стала включаться и легкая артиллерия, что повысило эффективность и позволило им одержать верх над крестоносцами в трех случаях (в 1426 г., 1427 г. и 1431 г. — *Прим. пер.*). К тому же защитники передвижных фор-

тов стали переходить от обороны к нападению, не просто защищая Богемию, но и вторгаясь в Силезию, Саксонию, Тюрингию и Венгрию. В итоге феодальные ополчения стали бояться атаковать крепости на колесах. Однако непобедимых не бывает. Феодалы не смогли одолеть гуситов, но в рядах тех наметился раскол между «умеренными» и «радикалами». В битве при Липани в 1434 г. первые соблазнили вторых возможностью легкой победы: «радикалы» Прокোпа Великого сделали вылазку и, отойдя слишком далеко от крепости, оказались отрезанными кавалерией и перебиты. Сам Прокоп тоже погиб.

Превосходство в вооружении

На раннем этапе Столетней войны французы неизменно терпели поражения в столкновениях с английскими лучниками. Из собственно французских источников нам известно, как они пытались обойти англичан с их большими луками с фланга под Азенкуром в 1415 г. и под Вернёем в 1424 г. Не преуспев в этом, французы вернулись к тактике осад и стали применять кочующие отряды тяжело-вооруженных конников для уничтожения групп «фуражиров» и колонн снабжения англичан, что помогло достигнуть успеха, скажем, под Пате (в 1429 г.) и Клермонт-ан-Бовези (в 1430 г.).

Против оставшихся по большей части неподвижными формирований копейщиков из Нидерландов французы старались использовать те же фланговые маневры и значительные отряды стрелков, задействовали даже катапульты в поле с целью расколоть вражеский строй. Бургундские армии Карла Смелого так и не смогли найти средства эффективно противодействовать напору масс швейцарских копьеносцев, алебардчиков и пехоты с ручным огнестрельным оружием. Потери Бургундии в трех столкновениях с швейцарцами под Грансоном (1476), Муртеном (1476) и Нанси (1477) превышали 20 000 чел., не говоря уже о дорогом снаряжении.

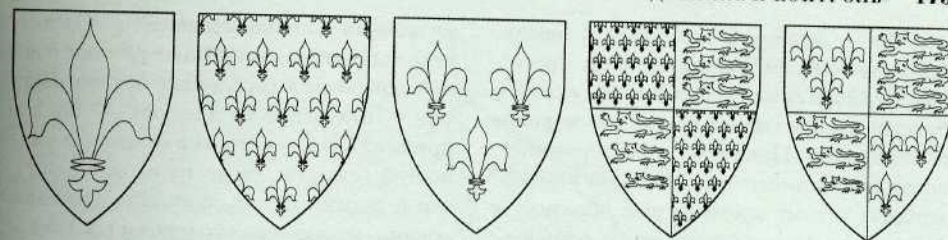
Столетняя война — Вернёй, 1424 г.

Во время Столетней войны, период которой охватывает 120 лет, обе стороны

искали союзников и помощников. Англичане привлекали бретонцев, бургундцев, гасконцев и фламандцев; валлийцам тоже приходилось сражаться за них. Французы, со своей стороны, рекрутировали бретонцев, богемцев, фламандцев, гасконцев, генуэзцев, германцев и шотландцев. Одни воевали связанные узами феодальной присяги, другие — за деньги, а третьи — заключая союз из политических соображений. Крупных битв за более чем столетие насчитывается немного. В основном велась, так сказать, «малая война» — рейды, часто с целью просто пограбить какой-нибудь регион или захватить город, замок или несколько городов или замков.

В 1423 г. французы наложили руку на Ирви на берегах реки Эр для того, чтобы использовать его как базу для рейдов на территорию англичан. В следующем году англичане под предводительством эрла Суффолка собрали силы для ликвидации неприятельского гнезда. Сам город пал, однако гарнизон отступил в замок, и началась осада. Как нередко случалось в Средние века, защитники соглашались сдать, если не получат помощи к определенному сроку, в данном случае к 15 августа. (Как правило, подобные условия — результат договоренности командира гарнизона со своим вышестоящим начальством, сделанной на основании расчета обороноспособности замка или города. По феодальным законам, не полагалось сдавать крепость до истечения съестных припасов. Если помощь от сюзерена не приходила до того, когда у защитников кончалась еда, комендант мог открыть ворота, в противном случае его ждало наказание вплоть до смертной казни. — *Прим. пер.*) Ввиду важности объекта французы развернули широкую деблокировочную операцию. Значительное место в ней занимал шотландский контингент — союзническая помощь. Командовал отрядом шотландский эрл Дуглас.

Армия Дугласа прибыла к Нонанкуру, что к юго-западу от Ирви, но все равно опоздала. 14 августа английский герцог Бедфорд уже принял капитуляцию гарнизона Ирви, после чего с войском отошел к Эвре, что северо-западнее Ирви. Французы держали военный совет. Многие командиры в их стане проявляли осторожность, поскольку не раз безуспешно мерились силами с англичанами и не

Основополагающая трудность, с которой сталкивалась в своем развитии геральдика, хорошо показана на этой иллюстрации. По мере того как шло время и одни поколения сменяли другие, композиции на геральдических щитах становились все изощреннее. Последние из представленных образцов разделены на четыре части. Это еще куда ни шло. Однако следующий придется делить не на восемь, а на шестнадцать, а потом на 256, что сделает его просто нечитаемым!

очень-то рвались в бой за уже потерянный город. Такая логика казалась им разумной. Поскольку англичане обычно одерживали верх в крупных столкновениях, французская стратегия тяготела к тому, чтобы изматывать их в мелких стычках. В то же время франко-шотландский альянс неплохо показал себя в сражении при Боже за три года до этого, которое сумел выиграть, и шотландцы горели желанием повторить успех.

План состоял в том, чтобы занять город Вернёй выше по течению и южнее настоящей позиции. Населенный пункт находился на территории герцога Алансона, бывшего в составе «союзнического» войска (будем называть так французов и шотландцев), и открыл ворота без боя. Суффолк с 1600 чел. последовал за противником, не желая терять из вида 14 000 солдат неприятеля, разгуливавших около границы его владений.

Одним словом, Бедфорд выступил, чтобы разобраться с союзниками. Для верности он предложил Дугласу «разделить с ним выпивку». Дуглас ответил, что «прибыл во Францию, [как раз] чтобы найти его». План союзников напоминал тот, что использовался под Азенкуром. Конные воины на флангах должны попытаться «клещами» выйти во фланги и (или) в тыл английским лучникам. Под Азенкуром англичане обеспечили фланги благодаря трудной местности. Перед Вернёем ситуация в этом плане наблюдалась для них не столь благоприятная. Союзническая армия построилась перед городом со стеной

и рвом (как и положено). Шотландский контингент находился у них на левом крыле, на самых оконечностях с той и с другой стороны стояло по 600 конников: справа — ломбардцев, слева — французов. Наличествовал в войске значительный, но количественно точно не установленный элемент лучников. Остальную часть армии представляли по большей части испанские и ломбардские наемники, а также и собственно французские солдаты.

В тылу у англичан оставался большой лес. В случае неблагоприятного исхода пехота могла отступить в заросли, где конница не сумела бы эффективно преследовать ее. Местность между лесом и городом представляла собой чистую и ровную поверхность — удобно для английских лучников. Армия англичан «оседлала» дорогу из Дамвилля, расположив фуры неровным кругом, привязав к ним коней.

Около 2000 лучников образовывали резерв на правом крыле. Остальную часть армии составляли еще 6000 лучников и 2000 тяжеловооруженных конников. Войско построилось просто: тяжеловооруженные конники в центре, а лучники — с флангов. Последние располагали колями, чтобы воткнуть их перед своими позициями.

Французы дали старт бою, но их лучники и арбалетчики не имели успеха против численно превосходивших стрелков-англичан. Бросок французской кавалерии застал английских лучников неподготовленными — они не успели воткнуть в землю колья, и примерно 500 из стрелков пришлось дорого заплатить за это. Ломбардцы на другом фланге выполнили обходной маневр и принялись грабить обоз англичан. Тем временем по центру английские тяжеловооруженные всадники контра-таковали французов, которым пришлось сражаться в опасной близости от источника наибольшей для них угрозы — английских лучников. «Огневая поддержка» предопределила исход столкновения на данном

участке — французы поскакали к городу, преследуемые англичанами. Тем временем Бедфорд сумел собрать своих людей и бросить в бой в тыл все еще не дрогнувшим шотландцам. Поначалу они держались, когда же английские лучники из резерва, которые к тому времени уже обратили в бегство как французскую, так и ломбардскую кавалерию, ударили в правый фланг горцам — те побежали. На стороне союзников погибло около 7000 чел., тогда как еще 200 были взяты в плен для получения выкупа. Англичане потеряли свыше 1000 чел., относительно высокая цифра — под Азенкуром убитых насчитывалось где-то между 100 и 500 чел.

Нельзя не подивиться влиянию Бедфорда как командира. Преследовавшие обращенных в бегство союзнических конников англичане знали, что перед ними хорошая добыча — рыцарей можно взять в плен и получить выкуп, — однако они не поддались соблазну и развернулись, чтобы ударить в спину еще не сломленным шотландцам, которые тоже заслуживают уважения за проявленную стойкость. Сражаться с английской конницей, действовавшей при непосредственной поддержке лучников, было уже само по себе очень непросто, а потом еще и иметь дело с атакующим с тыла противником и не поддаться панике — это, несомненно, демонстрация высокого боевого духа.

Дисциплина

В современной армии воля старшего по званию обязательна для выполнения младшими по законам установленной иерархии — каждый знает, кому и почему должен подчиняться, а также и что произойдет, если нарушить устав. У средневековых военных тоже существовали правила и предусмотренные за их нарушения наказания. Однако они не всегда имели такие ясные формы, поскольку далеко не всегда фиксировались в письменной форме. Надо особо отметить, что имелись как бы две формы власти. Одна — гражданская, осуществляемая светским сеньором и предусматривавшая наказания вроде лишения владений и титулов, поместий и замков, тюремного заключения, нанесения увечий (отрубания конечностей, ослепления) и смертной казни. Кроме того,

церковная, проявлявшаяся в Средние века часто на самых разных уровнях и использовавшая излюбленное оружие папства — отлучение от Церкви, — причем применяя его как против отдельных личностей (скажем, римских императоров), так и против целых сообществ (городов, военно-монашеских орденов и т.д.) путем наложения интердиктов (скажем, запрет крестить младенцев и, что куда страшнее, отпевать усопших на определенной территории. — *Прим. пер.*).

Нужно помнить, что в книге этой идет речь о временах до того, как в Европе сложился абсолютизм, когда воля монарха — даже его прихоть — часто являлась законом. В описываемую пору в средневековой Европе существовали довольно высокие понятия о справедливости (имелись суды различных инстанций и уровней, где обвиняемому мог быть предоставлен адвокат), но все же есть основания полагать, что во время кампаний суды проводились довольно быстро, и большое значение для вынесения приговора имела воля командующего, особенно если он располагал реальной силой и мог добиться приведения его в исполнение (в случае если речь шла о наказании строптивого вассала из «высшего» звена).

Скажем, во время Третьего крестового похода германская армия Фридриха I Барбароссы, передвигавшаяся по суше через Малую Азию (в отличие от французоз и англичан Филиппа II и Ричарда I, воспользовавшихся водным путем), сумела пройти через территорию турок (чего не удавалось ни одной западной армии со времен Первого похода) и даже взять их столицу Икониум (теперь Кония) во многом благодаря железной дисциплине. Казнили — секли руки и головы «меньшому народу» войска, вздерживали и рыцарей, повесив щит на шею (не только смерть, но и бесчестье). Когда же после всех побед 67-летний император погиб вследствие несчастного случая, его войско мгновенно распалось в панике, превратившись в толпу, несмотря на наличие в командовании многих высокородных господ.

Мотивации

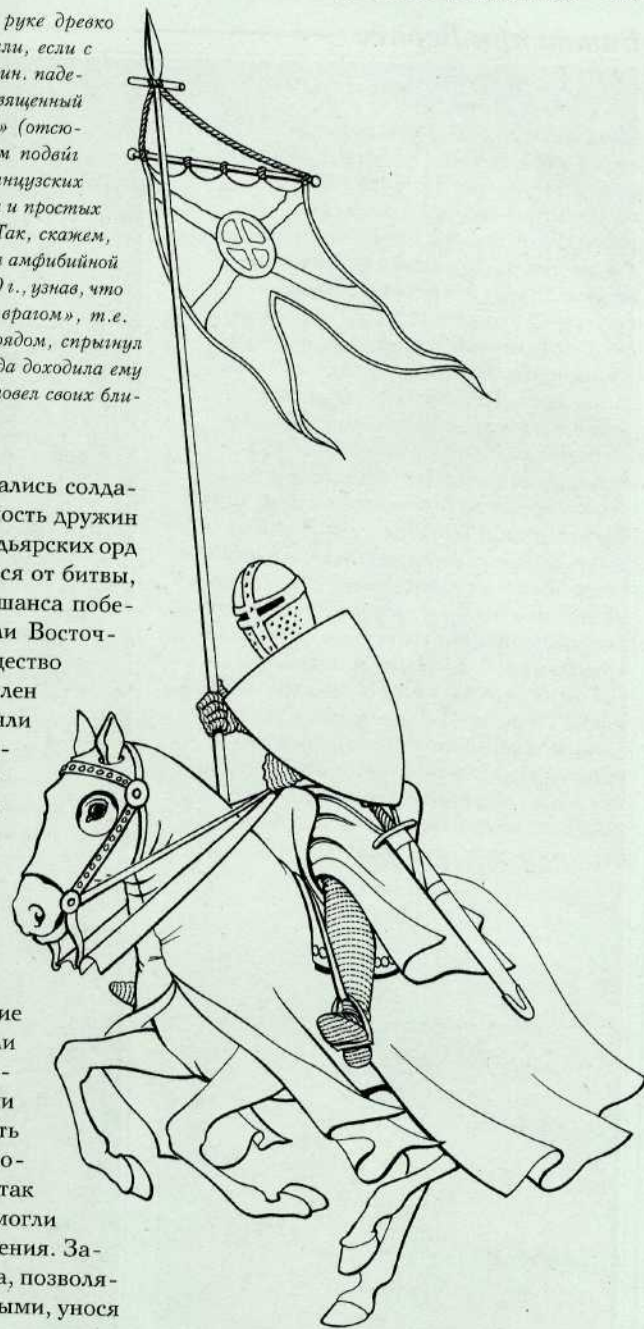
Причины, заставлявшие воинов идти на битву, неизменно оказывали значитель-

Французский рыцарь держит в руке древко знамени Сен-Дени, Орифламму (или, если с женским окончанием по-русски в вин. падеже, Орифламму. — *Прим. пер.*), священный штандарт Франции из «огненного» (отсюда и название) шелка. Орифламму подвиг на многие подвиги как самих французских юсударей и их приближенных, так и простых людей, имена которых забылись. Так, скажем, король Людовик IX Святой во время амфибийной высадки на египетском берегу в 1249 г., узнав, что штандарт его «уже сражается с врагом», т.е. доставлен на сушу передовым отрядом, срынул в воду в полных доспехах, хотя вода доходила ему почти до самого юрла, после чего повел своих ближайших подданных в бой.

ное влияние на то, как сражались солдаты в Средние века. Подвижность дружин викингов и тех же конных мажарских орд часто позволяла им уклоняться от битвы, если они не видели верного шанса победы в ней. Мажары грабили Восточную Европу, забирали имущество жителей, а самих угоняли в плен для продажи или заставляли работать на себя. Только блокировав им путь отхода, германцы смогли вынудить их принять бой под Лехфельдом. Викинги приходили «с черного хода», разгоняли и резали жителей, набивали их добром драккары и отчаливали в море. Иногда случалось, что местное население или дружина правителя давали им битву, если викинги выходили из нее победителями. Они обычно не щадили никого, весть об их кровожадности распространялась далеко по округе, так что в следующий приход они могли и вовсе не встретить сопротивления. Запугивание — разумная тактика, позволяющая уйти целыми и невредимыми, унося с собой награбленное.

Гордые рыцари, часто облаченные в дорогие доспехи, шли в битву обычно потому, что их обязывала честь воина и нередко из желания показать себя. К тому же в случае отказа явиться на призыв сеньора феодал рисковал лишиться удела, а то и жизни. Зато тот, кто хорошо и удачно воевал, мог рассчитывать на обогащение путем получения добычи или выкупа за

пленника, а также за счет пожалований от господина. Нередко рыцари соглашались сражаться и без малейшей надежды на победу или даже на спасение. Порой они шли в бой вопреки здравому смыслу. Нередко звучало это удалое и гордое: «Мы не согласны с вами, но будем сражаться рядом, пусть даже ни вам, ни нам не придется вернуться живыми». Случалось,

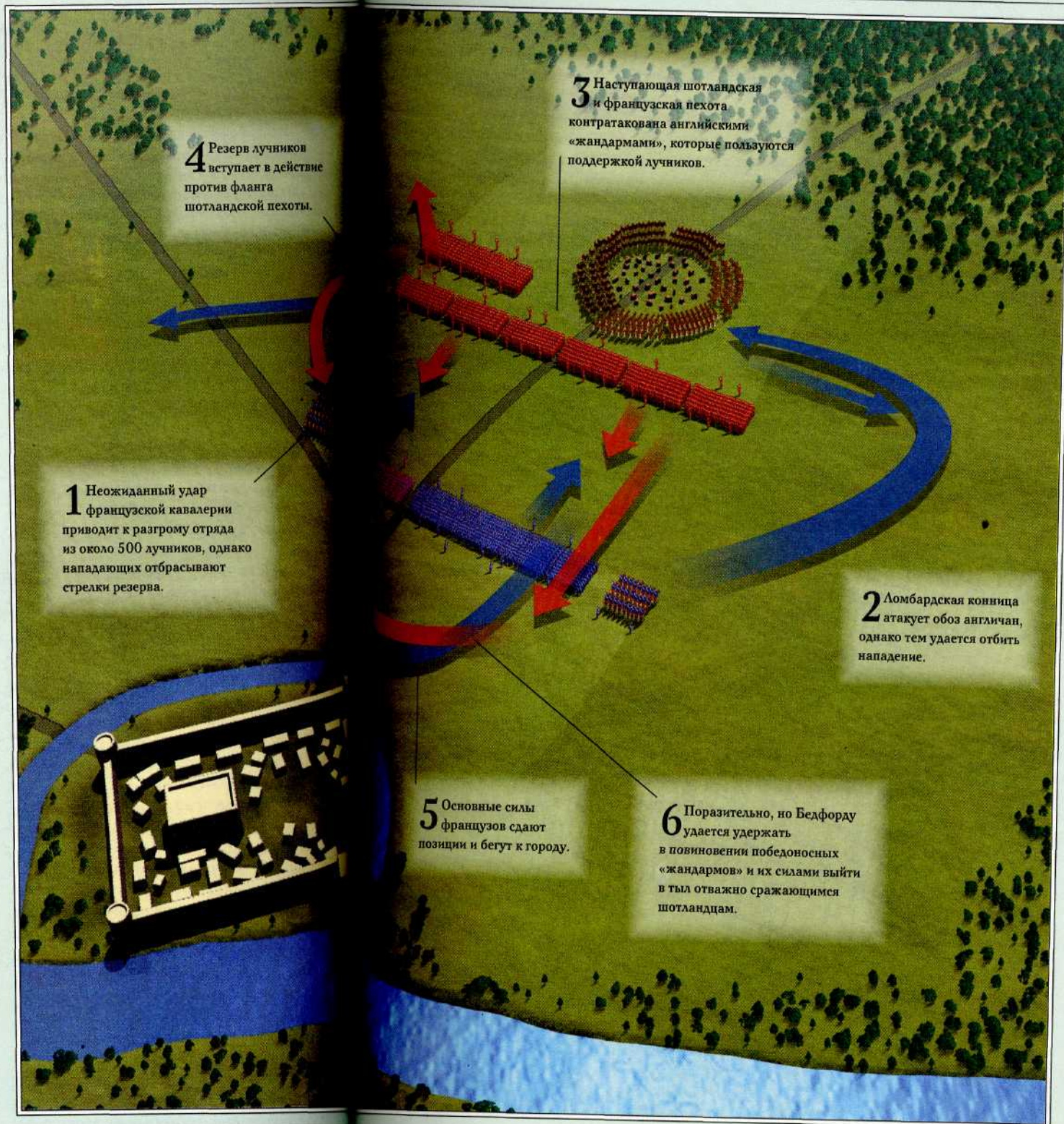

Битва при Вернёе 1424 г.

Англичане следовали старой как мир иностранной политике: поддерживали более слабые европейские страны в конфликтах с более сильными, чтобы соблюсти своеобразный баланс и сделать невозможным для противника вторжение на Британские острова. Точно так же континентальные страны, от Испании до Швеции, стремились ослабить Британию, поддерживая ирландских и шотландских бунтовщиков. Соответственно альянс между Шотландией и Францией тоже вполне соответствовал подобной схеме и вытекал из логики развития событий, правда французы относились к такому союзу с несколько большей прохладцей, чем шотландцы. Тем не менее французская политика нередко добивалась успеха, вынуждая соперника придерживать живую силу и военные материалы в Англии и даже перебрасывать туда дислоцированные на континенте части. План «союзников» — французов и шотландцев — чем-то напоминал схему действия противников короля Генри под Азенкуром, точно так же конница искала пути обойти с фланга более уязвимую там пехоту. Случилось же опять то, что уже не раз происходило на протяжении столетнего конфликта — валлийские луки англичан решили исход сражения.

Столетняя война длилась так долго, что вырисовывались довольно определенные границы. Одной из таких границ служила река Эр, которая повидала в те времена немало стычек.

они побеждали в самой невероятной ситуации, но чаще бездарно гибли под ударами не столь благородного врага, ставившего выше всего победу, а не саму битву и геройскую гибель в ней ради сохранения чести. Вместе с тем чем богаче был воин, тем меньше он рисковал погибнуть, поскольку вступала в действие материальная заинтересованность противника — лучше взять в плен и получить выкуп, чем убить и довольствоваться лишь имуществом убитого. Мотивы в завоевательных походах могли оказываться самыми разными. Чаще всего людьми двигали жажда наживы и желание подраться. Лучшее всего — за правое дело. Таким «правым делом» для средневековых европейцев стали крестовые походы. Между тем многими, отправившимися туда, двигали отнюдь не только высокие мотивы. Так, примечательно,

что среди светских предводителей первой подобной экспедиции не найти ни одного короля, из двух же герцогов один (Годфруа, или Годфрид Бульонский) не имел безусловного права на титул, вследствие чего его положение на родине отличалось заметной шаткостью. В непростых ситуациях дома (по тем или иным причинам) находились и некоторые другие крупные фигуры похода. Почти все они неплохо устроились на Востоке.

Воины в армиях Швейцарии, Фландрии и Шотландии во многих случаях сражались, чтобы отстоять независимость их земли. Преимущественно пехотинцы, они серьезно рисковали, так как пешему в случае поражения трудно уйти от всадника. Однако тут мы говорим об армиях, противостоящих завоеванию. Попытка той же Шотландии перейти в наступление

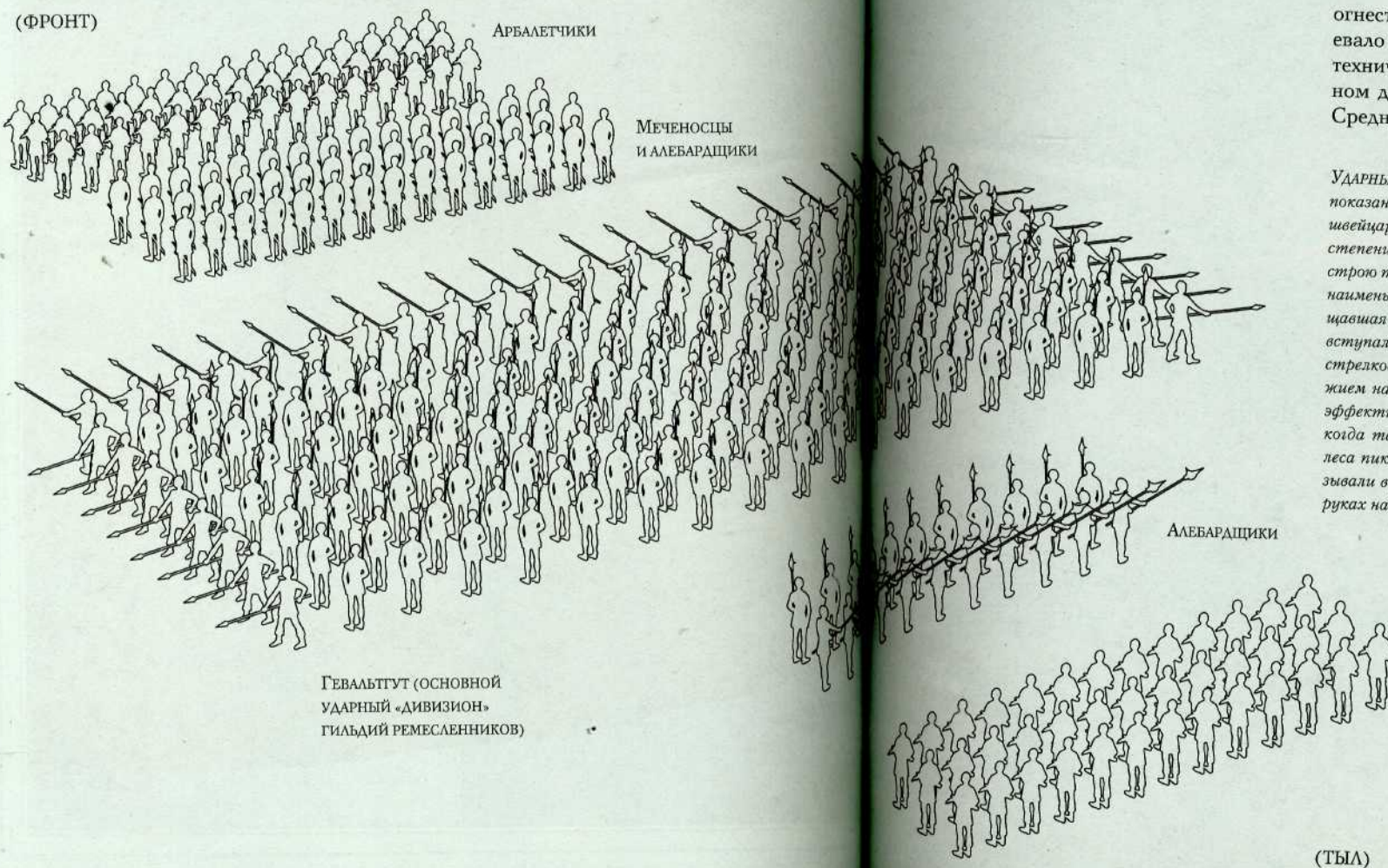
на другом фронте — экспедиция в Ирландию Эдуарда Брюса, брата короля Роберта, закончилась весьма печально при Фогарте (1318); сам предводитель погиб. Научившиеся эффективно действовать в обороне копейщики дрались с напором и хорошо показали себя против кавалерии, однако не смогли ничего противопоставить массам лучников. Точно так же проигрывали европейские армии перед лицом конных лучников — турок и монголов.

Все подобные столкновения неминуемо обращают внимание на одно в них общее. Очевидно, что стрела — пущена ли она из большого лука или из арбалета пехотинцем или же всадником — способна вывести из строя противника с большого расстояния. Таким образом лучники способны, почти не неся потерь, изматывать неприятеля до того, как тот сможет всту-

пить с ними врукопашную. Однако для подготовки лучника требовались долгие годы, большая сила и выносливость, которые позволяли ему в бою десятки и сотни раз натягивать тугую тетиву, не говоря уже о меткости — способность поражать движущуюся мишень, причем целя в незащищенные места.

Несмотря на государственные эдикты, направленные на популяризацию этого «вида спорта» в Шотландии, в Гаскони и даже во Франции, там всегда ощущались трудности с набором нужного числа людей. Арбалеты не обеспечивали скорострельности, сложные механизмы порой отказывали, тогда как позднее стрелы не пробивали защитного вооружения новых образцов, а потому, несмотря на чрезвычайно низкую скорострельность и громоздкость, появившиеся после изобретения пороха (или открытия его в Европе) огнестрельное оружие очень быстро завоевало популярность. С улучшением же его технических характеристик настал в военном деле конец и периоду, называемому Средневековьем.

Ударный «дивизион» швейцарских копейщиков показан тут вместе с отрядами поддержки. Хотя швейцарская военная система в очень значительной степени опиралась на копейщиков, все же такому строю требовалась поддержка, помогавшая бы ему с наименьшими потерями сблизиться с врагом и защищая фланги. Арбалетчики и позднее аркебузиры вступали в бой первыми, выводя из строя вражеских стрелков. Алебардики, вооруженные грозным оружием на длинной рукояти, представлялись весьма эффективным средством атаки во фланг коннице, когда та занималась нелегким делом преодоления леса пик основного отряда. И если копьеносцы связывали врага боем, то их товарищи с алебардами в руках наносили смертельный удар.

Осадное дело

Средневековые осадные технологии находились в постоянном развитии. В них все время шло своего рода соревнование между атакующими и обороняющимися. Изобретались новые технические средства и приемы для взятия крепостей и тут же начинали совершенствоваться фортификации. Одни процессы словно бы подхлестывали другие.

В области средневекового осадного дела отмечаются довольно длительные периоды, когда ничего или почти ничего не менялось. Стоило ли придумывать что-то, тратить время и средства на внедрение новшеств, если можно обойтись имеющимся? Только развитие какой-то особенной техники или вооружения или появление неизвестной прежде техники могло подтолкнуть к переменам. Самым большим «стимулом» служило, конечно, новое вооружение, способное разрушать кладку. Тут уж обороняющимся приходилось либо строить более крепкие стены, либо выдумывать некое средство, как нейтрализовать действие нового неприятельского вооружения.

В раннем Средневековье подобные новые вооружения появлялись редко. Люди пользовались тем, что изобрели в античности, причем чаще всего средневековые технологии даже уступали — и порой значительно — общепринятым в древнем мире, поскольку на начальном этапе как в военном деле, так и в жизни вообще су-

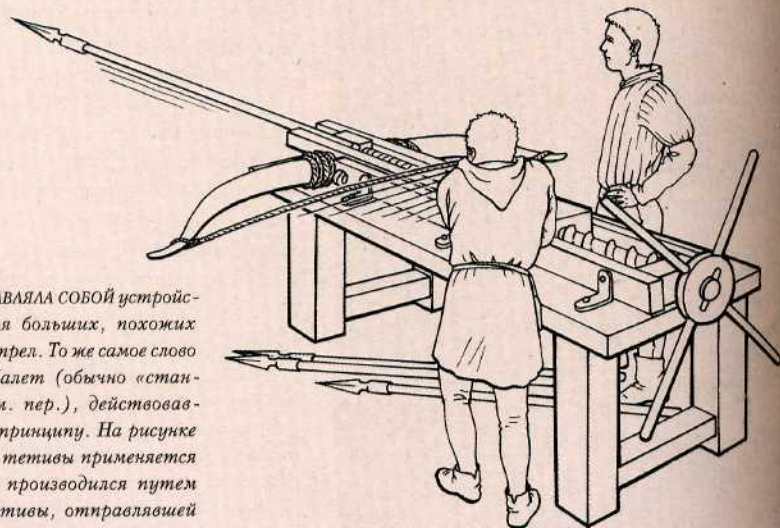
Ближе к концу Средневековья пушки стали доминирующим оружием осады. К тому времени оружейники научились делать просто-таки громадные стволы. Усилия, необходимые для транспортировки такой сверхмощной артиллерии, делали ее практически непригодной для использования полководцем в кампаниях, однако при осадах пушки оправдывали себя.

ществовала тенденция к снижению стандартов практически во всем. Точную картину происшедшего установить трудно, поскольку не хватает данных. Имеющиеся планы и схемы часто являются лишь более поздними интерпретациями. Куда лучше обстоит дело с эпохой ближе к закату Средневековья — здесь имеется немало куда более достоверного иллюстративного материала. Другая сложность для историка состоит в том, что, несмотря на большое «документальное» освещение осад в письменных источниках, авторы их редко хорошо разбирались в технике. Писали обычно монахи — люди, как правило, без военного опыта. Поэтому терминология их порой вызывает сомнение, например в том, что же в действительности скрывается за очень популярным термином «мангонель». (Разобраться в этой терминологии, и верно, довольно сложно. Скажем, те же римляне под словом *ballista* подразумевали камнемет, а под *catapulta* — приспособление для стрельбы стрелами или стреловидными снарядами (большой, обычно «станковый» арбалет), однако встречались катапульти, выпускающие иные предметы (в частности, те же камни, как баллисты). Такое смешение понятий не должно казаться удивительным. Принцип действия баллист и катапульти, в сущности, един, как одинаков он и для всего оружия дальнего действия в период до внедрения огнестрельного оружия, за исключением требующе, в которых задействовался противовес (см. ниже). Вообще

для улучшения ориентации в терминах читатель может использовать одну подсказку, а именно этимологию слова «катапульта», образованного от двух греческих слов «ката» (пробивать) и «пельте» (щит), т.е. нечто «пробивающее щит» (таково было первоначальное предназначение), для каковой цели лучше подходят, конечно, стрелы и дротики, способные не только пробить щит, но и сделать его неудобным или вовсе непригодным для использования. — *Прим. пер.*) Под ним, как выясняется, разные авторы подразумевали порой довольно заметно отличавшиеся друг от друга метательные машины. Мы, однако, попытаемся все же кое-что выяснить.

Осадная техника античности

Внимательный взгляд на осадное дело в древнем мире позволяет установить, что в Средневековье не изобрели ничего или почти ничего принципиально нового. Иногда по тому, что и как пишут историки, можно сделать вывод, будто в античности развитие в данном направлении протекало быстро, а в Средние века — напротив, очень медленно. Такое убеждение обманчиво. История античности довольно продолжительна — до нескольких тысяч лет, — тогда как нам с вами, говоря о Средневековье, придется иметь дело всего лишь с десятью столетиями. Иными словами, перемены

БАЛЛИСТА ПРЕДСТАВЛЯЛА СОБОЙ устройство для метания больших, похожих скорее на копья, стрел. То же самое слово обозначало и арбалет (обычно «станковый»). — *Прим. пер.*), действовавший по тому же принципу. На рисунке для натягивания тетивы применяется ворот. Выстрел производился путем освобождения тетивы, отправлявшей снаряд к цели.

в Средние века шли, конечно же, медленно, но все же, возможно, быстрее, чем в предшествовавший ему период.

Тем не менее трудно не согласиться с тем, что природа средневекового осадного дела уходит корнями в античность. Фортификационные сооружения известны, по крайней мере, с 3000 г. до Р.Х., а первые иллюстрации осадных приемов — штурмовые лестницы на колесах — можно датировать примерно 2000 г. до Р.Х. Года этак с 1800-го попадаетеся нечто уже в общих чертах знакомое и по Средневековью — тараны и передвижные башни — берфрей или берфруа (*berfrei/berfroi* [даже беффруа — *beffroi*]; предпочитаю пользоваться все же старофранцузской терминологией, тем более что английское *belfry* [колокольня] оригинала имеет французские корни. — *Прим. пер.*). На Ближнем Востоке во времена между шумерами и ассирийцами произошли заметные инновации в повышении качества техники обороны и наступления: так, возникли, с одной стороны, осадные лагерь, насыпи (для ведения наступательных действий с них), а с другой — рвы, стенные башни, цитадели и т.п. Отмечаются свидетельства ведения сап, или подкопов («минирование»), появления подъемных мостов и рамп для установления на них таранов.

В первом тысячелетии до нашей эры заметную роль в распространении осадных технологий начинают играть Сиракузы, особенно во время правления Дионисия I (405—367 до Р.Х.), который немалому научился у финикийцев, способствовавших проникновению соответствующих знаний с Ближнего Востока на Запад. А уже Сиракузы «передали опыт» греческим городам-государствам. Каменные укрепления стали обычным делом. Правители Сиракуз привлекали талантливых инженеров и вели поиски в направлении улучшения вооружения дальнего боя, создав в том числе гастропет (*gastrophetes* — нечто очень похожее по устройству на арбалет и являвшееся скорее стрелковым оружием. — *Прим. пер.*) и оксибел (*oxybeles*) — машины, выпускавшие стреловидные «снаряды». Делались в Сиракузах и приспособления для метания камней. В то время как Карфаген, противник Сиракуз, позднее стал местом, где изобрели крытый таран на колесах.

Отец Александра Великого, Филипп II Македонский (359—336 до Р.Х.), тоже активно привлекал для своих кампаний «военных инженеров». В его метательной технике применялись волосные веревки, жилы животных (как и в любых других подобных машинах того времени. — *Прим. пер.*), благодаря закручиванию которых обеспечивалось усилие, необходимое для произведения броска. В арсенал осадных средств входили штурмовые лестницы, передвигающиеся на колесах башни и крытые тараны, а также разновидность «черепахи» — нечто вроде вагона, в котором прятались солдаты, продвигавшиеся к стене, допустим, чтобы забрасывать ров фашинами и другими тому подобными «наполнителями».

Во время осады Родоса (305—304 до Р.Х.) греческое войско сооружало колесные башни, приводившиеся в движение с помощью огромного ворота. Высота одной из них достигала 43 м, а несколько уровней (этажей) с расположенными на них солдатами и осадными машинами прикрывали даже металлические пластины. По завершении осады «высвободившегося» железа хватило на строительство Колосса Родосского в гавани (гигантской [выше 30 м] фигуры бога солнца Гелиоса).

В истории осадного дела одни народы заимствовали приемы, наработанные другими. Последними в цепочке сменявших друг друга цивилизаций античности оказались римляне, многому научившиеся в этой области у греков. Римляне любили воевать и неплохо потрудились на ниве развития осадных технологий в Западной Европе — их вклад, само собой разумеется, занимает центральное место в осадном деле европейского Средневековья. Осадные технологии немало помогли римлянам в завоевании Запада, как можно видеть на примере того же Юлия Цезаря под Алезией в 52 г. до Р.Х. (как и вообще в Галлии). С типичной римской основательностью завоеватель приказал построить по всей Галлии сеть укрепленных лагерей и фортов и в итоге вынудил Верцингеторикса сесть в осаду. Наступил судьбоносный момент в завоевании Галлии. Несмотря на численное превосходство его войска (80 000 против 60 000 чел., как считается. — *Прим. пер.*), Верцингеторикс проиграл, попал в плен и

послужил ценным трофеем на устроенном в честь победителя в Риме триумфе, а спустя шесть лет (в 46 г. до Р.Х.) был церемониально удушен.

Римляне тоже применяли ряд самых разных приспособлений, включая баллисты (*ballistae* [мн. ч.]) и тому подобные камнеметы (для бросания не только камней, но и окованных железом бревен, бочек с горячей смолой и т.п. — *Прим. пер.*), катапульты, передвижные лестницы, крытые тараны и т.д. В некоторых случаях римляне совершенствовали более ранние виды вооружений, как, скажем, создали модификации метательных агрегатов вроде «скорпиона» и «дикого осла» (ставшие предтечами средневековых осадных машин). Римляне применяли большую баллисту (*ballista*) с сильной передней рамой, что позволяло «вести огонь» довольно точно. От них Средневековью по наследству достались, скажем, пандусы для подведения осадной техники (башен) к вражеским укреплениям (или вывода ее на уровень, позволявший прицельно обстреливать территорию внутри крепости), а также «минирование» стен — ведение подкопов. Многие «типично средневековые» осадные аксессуары активно применялись еще римлянами: рвы, подъемные мосты, укрепленные воротные башни и даже опускающиеся решетки в них. Одним словом, в области осадного дела римляне как бы «перебрали мостик» от себя в Средневековье.

Раннее Средневековье в Европе

В раннем Средневековье Европа постоянно воевала, период этот отмечен частыми вторжениями, переделом сфер влияния на территориях и вообще характерен большой нестабильностью. Римская империя рухнула, но накопленный ею опыт не исчез бесследно, повлияв на характер военного дела на Западе. Восточная же Римская империя и вовсе уцелела и существовала как Византийская вплоть до 1453 г., т.е. примерно до конца периода Средневековья.

Византия продолжала совершенствовать полученные ею от античности военные технологии. Одним из крупнейших изобретений раннего Средневековья стал придуманный византийцами так назы-

ваемый «греческий огонь». Возможно, разработчиком был даже не грек в узком (сугубо национальном) смысле слова — идея приписывается одному сирийскому инженеру, служившему Византии. Состав смеси держался в строжайшей тайне. Главным ингредиентом служила, вероятно, нефть, смешанная со смолой и селитрой. Жидким «греческим огнем» византийцы стреляли из «пушек» — труб, направленных в сторону противника, одним словом, принцип действия схож с современным огнеметом. Особенно хороший эффект давал греческий огонь в морских сражениях против кораблей — тогда полностью деревянных. Существовал и другой способ применения, более подходящий на суше: снаряды с вышеназванной смесью выстреливались с помощью камнеметов. Оружие применялось начиная с конца VII столетия и было опробовано, судя по свидетельствам, в сражении на подступах к Константинополю в 672 г. (около современного Балихисара в Турции). Греческий огонь не раз помогал византийцам отразить нападавших на их территории — и прежде всего на столицу — арабов, руссов и других завоевателей. Позднее он (в сухопутном варианте) попал к арабам, которые применяли его против крестоносцев. Впоследствии оружие сыграло важную роль в осадном деле.

Мы уже имели возможность отметить, как передавались навыки ведения осад и соответствующая техника от народа к народу в древнем мире. Но вот и вторгшиеся в «цивилизированную» Европу «варвары» стали перенимать римские методы. Им приходилось брать города, окруженные стенами из камня. Им требовались оборонительные сооружения, которые помогли бы выстоять против «продвинутых» римских технологий и вооружения. Историки традиционно недооценивают способность «варваров» учиться у противника. Вообще сам термин «варвары» — это лишь механическое повторение за римлянами их презрительной оценки сильного и ловкого врага. Византийцы относились к неприятелю с таким же высокомерием и презрением. Между тем «варвары» Европы не только разрушали, они учились у римлян и созидать. Вообще же говоря, если подходить к понятиям «варварство» и «цивилизация» с сегодняшней точки

зрения, то надо сказать, что римляне являлись в действительности не меньшими варварами, чем их противники, — как еще назвать деяния, совершаемые византийцами, вскрывавшими чрева беременных женщин и варившими плоды в котлах. Но нельзя отрицать, конечно, и наличия у римлян высокой культуры, которую в определенной мере менее развитые народы приняли, как усвоили они многое и в области ведения войны.

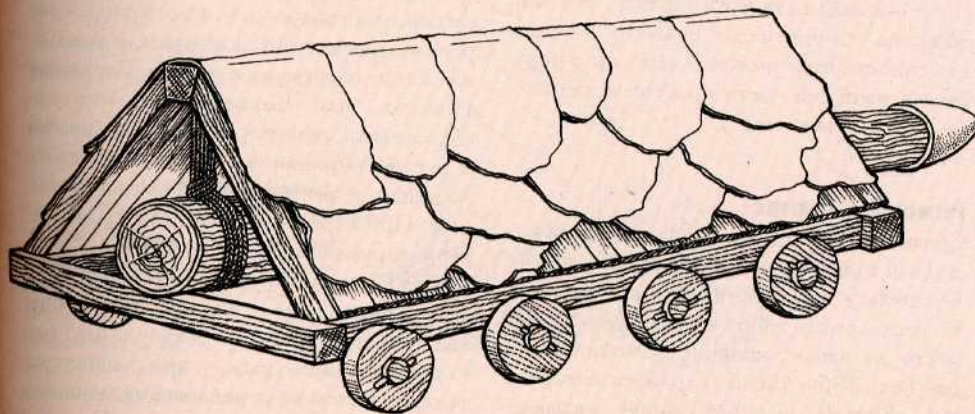
Раннее Средневековье было, безусловно, периодом крайней политической нестабильности, но не стоит ставить на нем клеймо грубого животного невежества. С давних времен «варварские» дружины использовались в римских армиях как вспомогательные (прежде всего кавалерия), почасту представители племен и даже целые племена жили бок о бок с римлянами как федераты, или союзники. С крушением Римской империи на западе римская цивилизация не исчезла в одночасье. Новые народы стали жить в римских городах, часто перенимая методы управления римлян, они пользовались римскими дорогами и даже «римским» языком — многие «варвары» усвоили так называемую народную, или вульгарную, латынь. Нет ничего удивительного в том, что «варвары» с самого раннего времени применяли римскую технику, в том числе и при ведении осад, так, король гуннов Аттила задействовал при осаде Орлеана таран. Находились и люди, которые помогали «варварам» перенимать опыт римлян. Вспомним описанный Феофилактом (византийский историк VII века. — *Прим. пер.*) случай с попавшим в плен к аварам византийцем Бусасом.

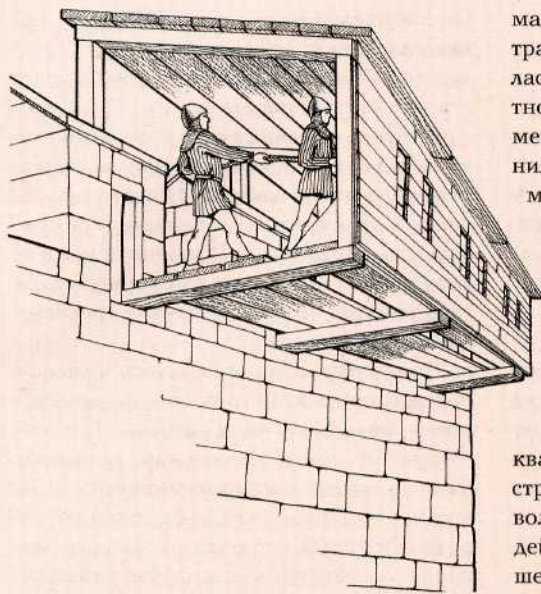
Он попытался договориться о выкупе, однако любовник его жены расстроил сделку, тогда в отместку Бусас научил аваров строить метательные машины.

Римские каменные строения стали служить новым господам — франкам, остготам, вестготам и саксам. Им приходилось учиться содержать их в порядке и ремонтировать укрепления. Римляне привыкли записывать опыт, а потому их труды стали позднее пособиями для многих средневековых архитекторов.

Вторгавшиеся на территорию империи народы применяли различное вооружение и приемы. Так, Григорий Турский говорит о некоем Ледегизеле, конюшом (что-то вроде военного министра в то время. — *Прим. пер.*) франкского короля Гунтрама, строившем «новые машины» — крытые сырыми шкурами животных тараны — для осады Сен-Бертран-де-Комменжа в 585 г. Франки применяли метательные приспособления (в частности, с «зажигательными снарядами»), передвижные башни и раздвижные лестницы. Некоторые историки склонны считать, что «варварам» не доставало вооружения и техники для того, чтобы справиться с обороной хорошо укрепленных городов, но факты свидетельствуют о том, что даже такие города удавалось взять. Так, одним из первых достижений

ТАРАН ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ, по сути дела, подвешенное к раме на канатах бревно. Металлическая «голова» на одном его конце усиливала разрушающий эффект. Крыша из шкур животных — часто влажных — повышала степень защищенности таранной «прислуги», особенно если сверху лили кипяток или кипящую смолу.

ДЕРЕВЯННЫЕ ПРИСТРОЙКИ сверху крепостной стены, часто с кровлей над ними (или навесные башни), позволяли осажденным метать в противника разнообразные снаряды, лить смолу, кипящее масло, киньток или даже нечистоты на голову штурмующим, попутно крыша прикрывала гарнизон от вражеских стрел.

саксов в Британии стало взятие Пивенси. Его мощные римские стены дают возможность представить себе, каким серьёзным препятствием на пути противника они служили. И все-таки «варвары» Аэллы взяли его (тогда крепость Андерида. — Прим. пер.) в 491 г. Гильдус (историк VI века) писал в своем *De excidio et conquestu Britanniae* («О низвержении и покорении Британии») о том, что крупные британские города не смогли устоять перед ударами неприятельских таранов (не стоит забывать и того факта, что для обороны обычно очень больших по протяженности стен римских городов в пору заката империи часто просто не хватало людей. — Прим. пер.).

Римское влияние

Средневековые командиры часто обращались к древнеримским трудам, чтобы перенять у авторов тактические приемы и технологии вооружений. Особенное место занимает, конечно, Флавий Вегетий (ок. 385—450 гг.), работа которого *Rei militaris instituta*, иначе называемая

Epitoma rei militaris («Учебник или трактат по военному делу»), пользовалась особой популярностью. Он, в частности, подробно описал способы применения «наступательного минирования» (ведения сап), катапульт и прочих метательных машин. Большое влияние оказывал трактат Марка Витрувия *De architectura*, написанный гораздо раньше, по всей видимости, во времена императора Августа (правил с 27 до Р.Х. по 14 г. н.э.). Витрувий, в частности, обращал внимание на то, что круглые башни более устойчивы перед таранами и сапами, чем квадратные. Кроме того, он советовал строить выступающие башни, что позволяло бы обороняющимся эффективнее действовать против неприятеля, находившегося уже непосредственно под стенами. Дижон, описанный епископом Григорием Турским во времена раннего Средневековья, судя по всему, строился с учетом этой рекомендации: город имел 30 укрепленных ворот, стены высотой 9 и толщиной 4,5 м плюс к тому не менее 33 выступающих башен. Григорий рассказывает о многих событиях своего времени, хотя не так уж часто вдаётся в детали. В одном нет сомнения — римские фортификации и техника «пользовались почетом» и часто применялись «варварами» в VI столетии от Рождества Христова.

Викинги и осада Парижа

К IX столетию «варварские» народы заселили Европу и более или менее определились с территориями. Исчезли древнеримские провинции, вместо них всюду выросли королевства франков, готов, саксов, лангобардов и т.п. Каждый король желал быть независимым, и каждый имел свое собственное войско. Восточная Римская, или Византийская, империя содрогалась под ударами аваров, арабов и руссов. Франки ближе всех на Западе подошли к реставрации Римской империи. При первых Меровингах франкские территории заметно расширились.

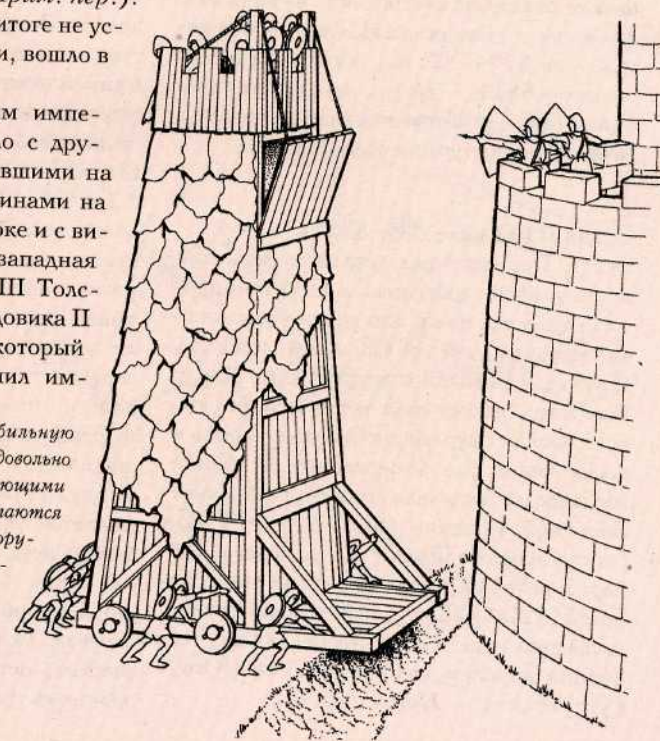
В VIII столетии «ленивых» Меровингов официально сменили энергичные «администраторы» — майордомы, или «премьер-министры», при царствующих, но ничем не управляющих монархах.

Одними из наиболее ярких майордомов являлись Карл Мартел и его сын Пепин Короткий (в 751 г. ставший королем). Эту династию называют обычно каролингской по имени самого значительного короля, внука Мартела и сына Пепина Карла — Шарлеманя, или Карла Великого (*Carolus Magnus*). Он завоевал немало земель и укрепил власть франков во всей Западной Европе, за исключением Британии, Испании и юга Италии. Он короновался императором, словно бы возродив Западную империю, однако казавшаяся при нем монолитной страна впоследствии стала крошиться на части. Сам Карл удерживал империю непрерываемой властью и авторитетом через назначаемых эmissаров — *missi dominici* (посланников господина. — Прим. пер.). При наследовавшем Карлу сыне Людовике I Благочестивом (814—840) государство еще сохраняло единство, однако уже его сыновья в 843 г. официально разделили империю на три части: западную (Западную Франкию, позднее Францию) взял Карл II Лысый (875—877), восточную — Людовик Немецкий (Восточную Франкию, позднее Германию), а центр достался старшему, Лотарю (отсюда и название — *Lothari Regnum*, «царство Лотаря», или Лотарингия. — Прим. пер.). Центральное королевство в итоге не устояло и, распавшись на части, вошло в состав двух соседних.

Каролингским правителям империи приходилось иметь дело с другими завоевателями, посягавшими на их земли: а именно с сарацинами на юге, с мадьярами — на востоке и с викингами на севере. К 885 г. западная часть принадлежала Карлу III Толтому (881—887), сыну Людовика II Немецкого (855—875), который на короткое время объединил им-

перию под своим скипетром. Западная Франкия фактически распалась как единое государство, и дело обороны территории от викингов перешло в руки вельмож. Наиболее деятельно показал себя Роберт Сильный (его потомки основали династию Капетингов; см. ниже.). В 861 г. Карл Лысый сделал Роберта Сильного графом Анжу. Он правил Нейстрией (часть совр. Франции к западу от р. Мез и северу от Луары. — Прим. пер.) от имени этого короля и служил в качестве эmissара (*missus*) в Мене, Анжу и Туре. С 863 по 866 г. он одержал три важные победы над викингами. В 865 г. Карл заменил Роберта своим сыном, Людовиком Зайкой, отдав Роберту Бургундию, однако вскоре Роберта пришлось вернуть на север, сделав в марте маркизом Бретани. В 866 г. Роберт Сильный пал в сражении под Бриссартом против викингов Хастинга.

Хотя Роберт и погиб, франки одолели викингов. Между тем угроза не исчезла, напротив, викинги продолжали наносить удары, поднимаясь вверх почти по всем крупным рекам, захватывая и грабя города. Но, что еще хуже, викинги стали действовать как колонизаторы, создавая тут и там свои поселения на французском берегу (в основном около речных устьев).

БЕРФРУА представляла собой мобильную осадную башню. На этом рисунке (довольно условном. — Прим. пер.) изображены викинги, которые пытаются овладеть Парижем, подкатывая сооружение к стене. Башни имели несколько ярусов. Для защиты башни и «штурмового отряда» от огня использовались все те же шкуры животных, которые обычно поливали водой перед приступом.

Одним из таких гнезд стал остров Узель на Сене, неподалеку от Руана. Вполне возможно, что построенные ими лагеря послужили основой, на которой выросли впоследствии средневековые замки. Их форты не отличались большими размерами и представляли собой насыпи с частоколами, окруженные рвами.

Сын Роберта Сильного Одо, или Эд (*Eudes* по-французски), на момент гибели отца еще не достиг совершеннолетия. Войдя в возраст, он вернул отцовское влияние и был назван графом Парижа. Именно этот пост он и занимал, когда городу пришлось выдержать сильнейшее испытание — новый рейд викингов. Сена представляла собой один из наиболее привлекательных маршрутов для норманнов, которые совершили не один набег на Париж. Так, в 845 г. они потребовали и получили 7000 фунтов серебра откупа. В 857 г. Париж подвергся разграблению и в 861 г. и 865 г. был атакован снова. Викинги извлекли пользу из нестроений, начавшихся после смерти Людовика III (король «французов» в 879—882 гг., победивший норманнов в 881 г. — *Прим. пер.*), разграбив Руан в 885 г., а потом поднявшись выше по течению и приступив к осаде Парижа.

Осада Парижа — 885—886 гг.

Осада Парижа представляется важным политическим событием, и особенно примечателен тот факт, что спасителем города стал сын Роберта Сильного, граф Эд. Призыв о помощи к императору, Карлу Толстому, около года оставался без ответа. Осада сыграла значительную роль в выдвижении Эда на передовые позиции в государстве и сделала его в итоге королем Западной Франкии (888—898). (У Роберта Сильного имелся еще один сын, Роберт I, который тоже побывал на престоле брата [922—923 гг.], что создало спустя примерно полстолетия прецедент для избрания королем его внука Юга [Юго/Гуго] Капета. — *Прим. пер.*)

Небезынтересно и то, что об этой осаде остался довольно подробный рассказ — нечастое явление для Средневековья. Более того, автором оказался очевидец события, находившийся в ту пору в городе (в «королеве» городов, как он называл Париж). Человеком этим был молодой монах Аббо, живший в монастыре Сен-Жермен-де-Пре, располагавшемся за городской стеной, на левом берегу реки.

Аббо написал свой труд всего лишь десятилетие спустя. Вместе с тем современным историкам не во всем приходится доверять текстам: написанным стихами и не лишенным преувеличений. Уже сам настоятель аббатства, в котором жил Аббо, не особенно высоко ценил написанное монахом, а в наше время истори-

ки отмечают не слишком хорошую латынь автора, но, несмотря на это, рукопись все равно — важное свидетельство.

В 885 г. викинги вновь поднялись по Сене к Парижу. 24 ноября они примерно на 700 кораблях подошли к городу, ведомые Зигфридом (по-норвежски Сигурд. — *Прим. пер.*). На мостах через Сену и вокруг города их ждали новые фортификации. Тогда весь город уместился на двух островах на Сене, один из которых называется сегодня Иль-де-ля-Сите, а другой — Иль-де-Сен-Луи, а также в древнем укрепленном районе на левом берегу, где и в наши дни можно видеть развалины римских бань. По обеим сторонам реки тоже имелись селения, стояли монастыри, однако острова служили сердцем города, и, как уже упоминалось, власти позаботились о модернизации фортификаций (хотя работу и не успели закончить). Иль-де-ля-Сите — первый из двух островов на пути викингов — сегодня является сердцем Парижа, на нем расположен всем известный собор Нотр-Дам-де-Пари. (Иль-де-Сен-Луи чуть выше по течению и связан с Иль-де-ля-Сите мостом.) Стоя на одном из современных мостов, нетрудно представить себе, как выглядел средневековый город.

«Они привели свои башни в действие, подкатывая их к стене. Наши люди запаслись крепким дубьем, оправленным в железо, дабы бить им по датским машинам».

АББО ИЗ ФЛЁРИ, ХРОНИСТ

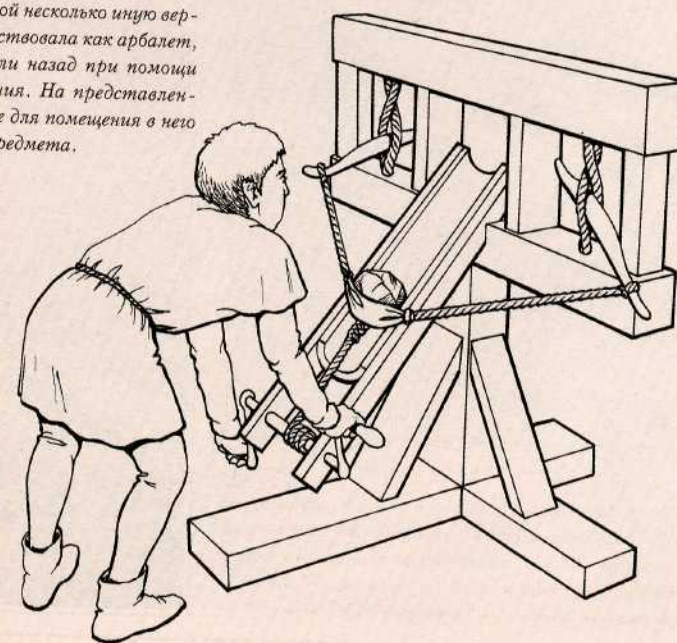
Продвигаться далее выше по Сене викинги могли, только овладев мостами. В общем, им требовалось захватить Париж. Многие годы защитником региона был Гюг (или Юго) Аббат, однако он заболел и не принимал участия в обороне Парижа в 885 г., а на следующий год и вовсе скончался, а вот епископ Парижа Гослен де Сен-Дени, напротив, немало сделал для спасения города. Сначала он разделял ответственность с Эдом, графом Парижа. Однако и Гослен ушел из жизни в 886 г., так что весь груз бремени пал на плечи Эда, сына Роберта Сильного.

Первым делом викинги попытались уничтожить башню моста, ведущего с Иль-де-ля-Сите к правому берегу Сены. В случае успеха они могли бы проследовать на кораблях дальше. Башня стояла «на большой земле», контролируя вход на мост и перекрывая доступ к главному острову. Укрепление это начали возводить сравнительно недавно, в 870 г., и вследствие небрежения жителей не закончили. Викинги сошли со своих ладей, атаковали башню с суши, но взять ее не смогли. Ночью франки успели устранить нанесенный противником ущерб и даже добавить еще один уровень к башне.

С рассветом викинги вновь атаковали и вновь безуспешно. Они пытались подрубить деревянные укрепления кирками,

но не преуспели в этом. Хотя на Западе в ту пору применение «греческого огня» не отмечалось, «зажигательные снаряды» и разного рода горючие жидкости не являлись, конечно, чем-то неизведанным. Защитники смешивали смолу и деготь и лили на головы викингам. Имелись у парижан также и мощные катапульты, выпускавшие стрелы, способные пронзить сразу семь воинов и превратить их в своего рода жаркое из человечины на вертеле. Какой-то шутник из франков предложил отнести его на кухню и приготовить «блюдо» как положено (скорей всего, однако, все это лишь слухи или фантазия хрониста, маловероятно, чтобы он сам находился на переднем крае обороны). По уверениям Аббо, башню защищали всего 200 чел., тогда как викингов приплыло ни много ни мало 40 000; можно смело разделить это число надвое (драккары вмещали, как правило, не более пятидесяти человек, обычно и меньше; см. также в след. разделе. — *Прим. пер.*). Совершенно ясно, что силы викингов не были такими огромными, как казалось хронисту, потому что они не могли окружить весь город. Вместе с тем вполне очевидно, что нападавшие располагали определенным арсеналом осадных вооружений. Мы находим упоминание не только о разного рода катапульт, но и о попытках подкопать ук-

КАТАПУЛЬТА представляла собой несколько иную версию баллисты. Она тоже действовала как арбалет, тетиву которого оттягивали назад при помощи того или иного приспособления. На представленной тут версии имеется ложе для помещения в него камня или аналогичного ему предмета.

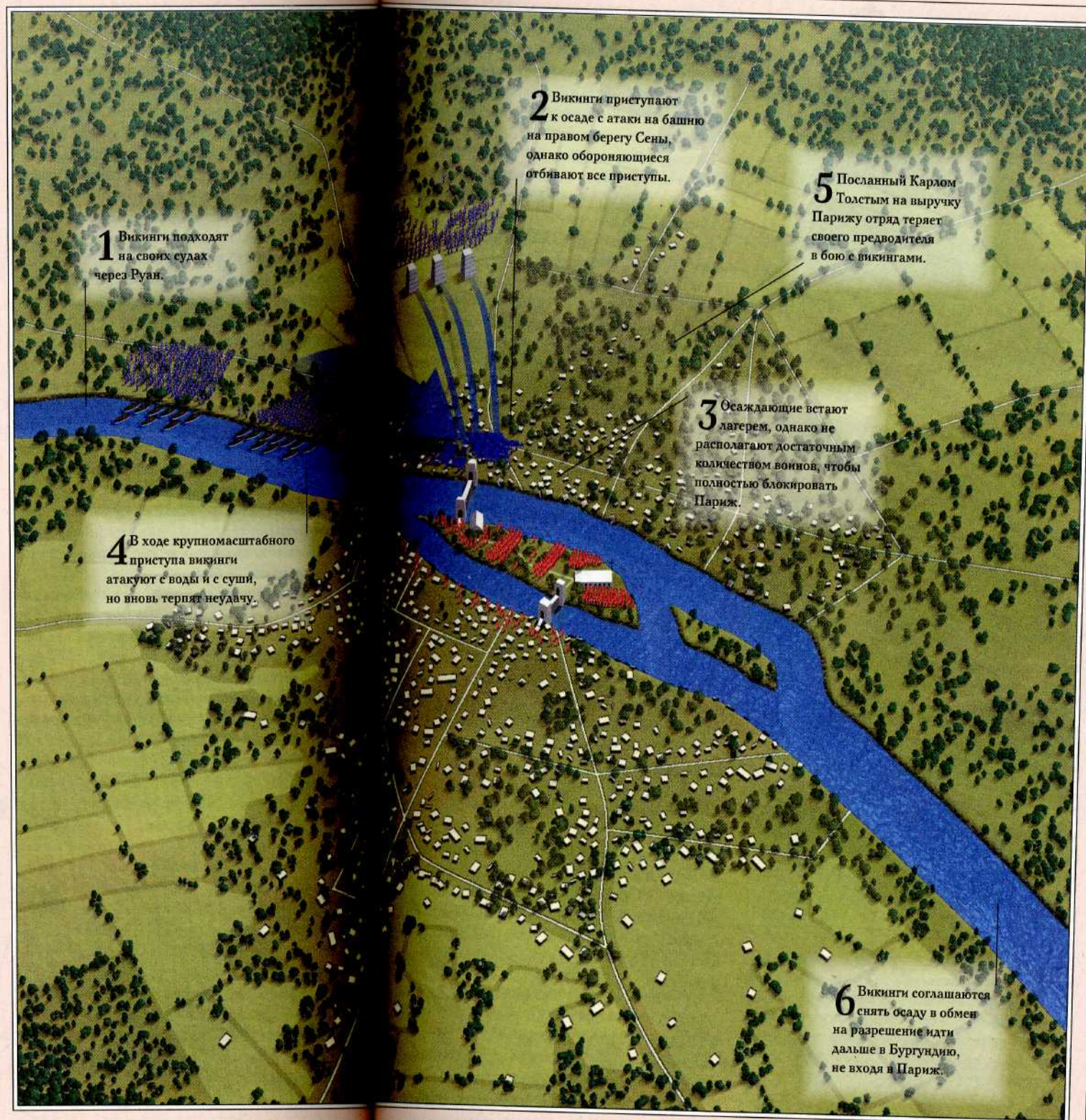
Осада Парижа

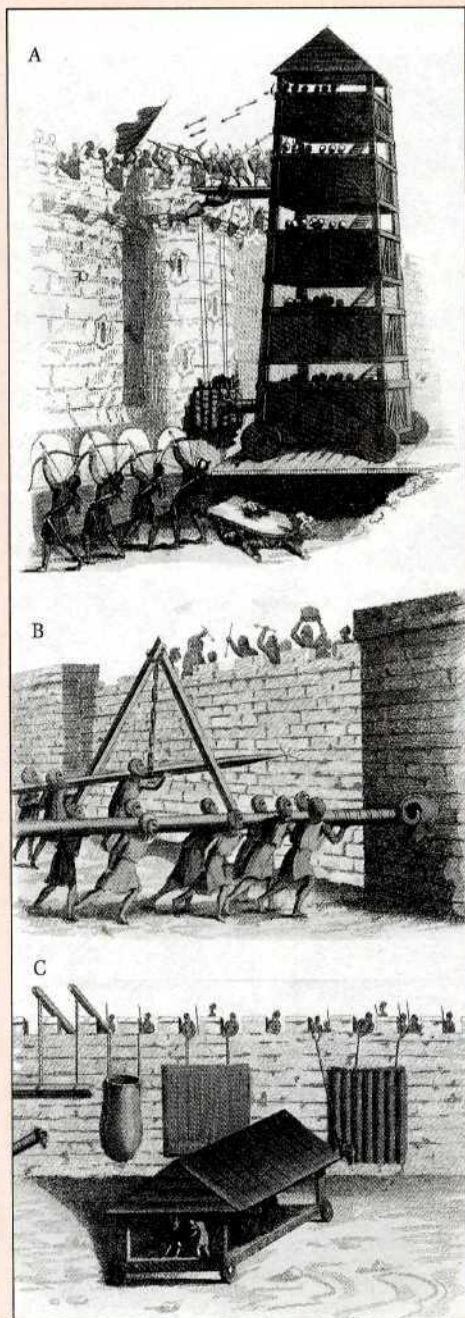
885 г.

Отряды грабителей-викингов приблизились к Парижу, поднявшись вверх по Сене на 600—700 ладьях, предварительно успев разграбить лежавший у них на пути город Руан. Парижане отказались пропускать рейдеров дальше. Город тогда размещался на острове посреди реки, к каждому берегу которой от него тянулся укрепленный мост. Сначала викинги попытались счастья с башней правобережного моста. Они применяли различные осадные приспособления, в том числе берфруа и брандеры, однако успеха не достигли. Они встали лагерем с намерением взять жителей измором. Однако у осаждающих не хватало людей для полной блокады города, а потому линии снабжения работали, помогая избежать голода. Тогда викинги попробовали генеральный штурм координированными силами с суши и с моря. Опять безуспешно. В городе начался мор, который унес даже активно участвовавшего в обороне Парижа епископа, однако граф Эд, светский предводитель горожан, не сдавался. Деблокировочные силы, отправленные на помощь парижанам Карлом Толстым, не смогли разгромить врага и даже потеряли своего предводителя, однако их вмешательство вынудило все же викингов искать мирного способа разрешения конфликта. Они получили право пройти дальше и грабить Бургундию. Париж, однако, устоял.

Париж представлял собой ключевую позицию на Сене в системе обороны франков против нашествий викингов. Мосты, построенные потомками Карла Великого, служили цели не допустить прохода викингов — не дать им подняться вверх по реке.

ПРИМЕРЫ ОСАДНЫХ РАБОТ И ШТУРМОВ крестоносцев, изображенные художником в XIX столетии. Можно видеть А) уровни берфруа, а также ниже таран, операция проводится при поддержке лучников, стреляющих с земли; В) разрушение стены тараном или буром; С) различные средства для предотвращения эффективной работы тарана вроде свисающих со стены матов, а также «свинья», или передвижной навес на колесах, призванный прикрывать осаждающих, занимающихся «минированием» стены.

репления и уничтожить мост брандерами (см. подробнее в след. разделе).

Три дня викинги непрестанно атаковали башню. Защитники сделали удачную вылазку, и викинги решили, оставив башню, попытать счастья на новом направлении. Они разбили лагерь на правом берегу и принялись строить осадные машины.

Викинги предприняли координированную атаку тремя отрядами с суши и с кораблей. Сухопутный контингент образовал «черепашку» из щитов, попытался под прикрытием приблизиться к стене и завалить ров. Викинги сконструировали нечто вроде берфруа, посадили в нее лучников и подкатили к башне. Оборонявшиеся делали вылазки и даже захватили берфруа викингов, однако на одном участке атакующим удалось прорваться. Графу Эду пришлось лично возглавить отряд и рубиться с противником в рукопашной до тех пор, пока его не удалось отразить.

Однако врагами защитников были не только осаждающие, парижане страдали от мора, который унес и епископа Гослена. Между тем они держались и надеялись на подход помощи. Карл Толстый, ставший императором в 881 г., обещал прислать ее. Он направил Генриха, герцога саксов, которому не повезло — его конь свалился в вырытый викингами ров. Герцог был схвачен и убит. Тогда к городу выступил сам Карл Толстый.

Конец осаде принесло соглашение 886 г. Карл Толстый предпочел договориться с викингами, в том числе и заплатить им отступного, если они оставят Париж и пройдут дальше в Бургундию. Так или иначе, Париж удалось спасти в значительной мере вследствие упорства жителей, которые отважно сражались, приводили в порядок укрепления и делали вылазки под своими «шафрановыми» стягами. Главным результатом осады в историческом плане стало возвышение графа Эда (его после смерти Карла Толстого в 888 г. избрали королем западных франков. — Прим. пер.).

Строительство замков

Наверное, первым по существу новым вкладом в осадное дело в Средние века стало появление иных типов фортификаций. Конечно, обнесенные стенами горо-

да и форты существовали с незапамятных времен. Находясь на войне, во время походов и осад римляне всегда укрепляли лагерь, превращая его в крепость. Разумеется, замки не являлись чем-то принципиально отличным от уже существовавших типов укреплений, и все же было в них кое-что такое, чего не знали прежние времена. В Средневековье крепости представляли собой важные форпосты, с помощью которых сравнительно небольшой гарнизон получал возможность контролировать довольно обширные территории, и нередко становились камнем преткновения для противника — тот не мог двигаться дальше, не взяв замка. Оборонять замки было обычно проще, чем большие города с протяженными стенами. Цитадели внутри городов тоже

не являлись чем-то новым, однако теперь они стали резиденциями, в которых жили нобили — короли, герцоги, графы и кастеляны (или шатлены [от *castel/chastel/chateau/chateau* и т.д.], букв.: «замковые», т.е. обычно назначаемые сюзеренами коменданты или держатели одного замка. — Прим. пер.).

Одна из задач замка — практически главная — заключалась в предоставлении защиты сеньору, его семье и приближенным. Начиная примерно с X столетия замки отражали изменения в устройстве общества: теперь территории контролировались не сверху (императором/королем), а на более низком уровне, а это вело к тому, что часто любой держатель замка превращался *de facto* в самостоятельного властителя. Как именно возникли замки, не вполне ясно, однако скорее путем эволюции, нежели революции — постепенно развились из более старых фортификаций или были построены на новом месте потому, что необходимость диктовала создать тут или там аванпост для защиты или, наоборот, для захвата территории. Главная особенность замков заключалась в их размерах. Даже для защиты «огромного»

средневекового замка хватало порой нескольких сотен хорошо обученных солдат. В любом случае процент комбатантов в замке был всегда значительно выше, чем в городе одинаковых с ним размеров, при том что укрепления замка при прочих равных обычно бывали значительно более изощренными.

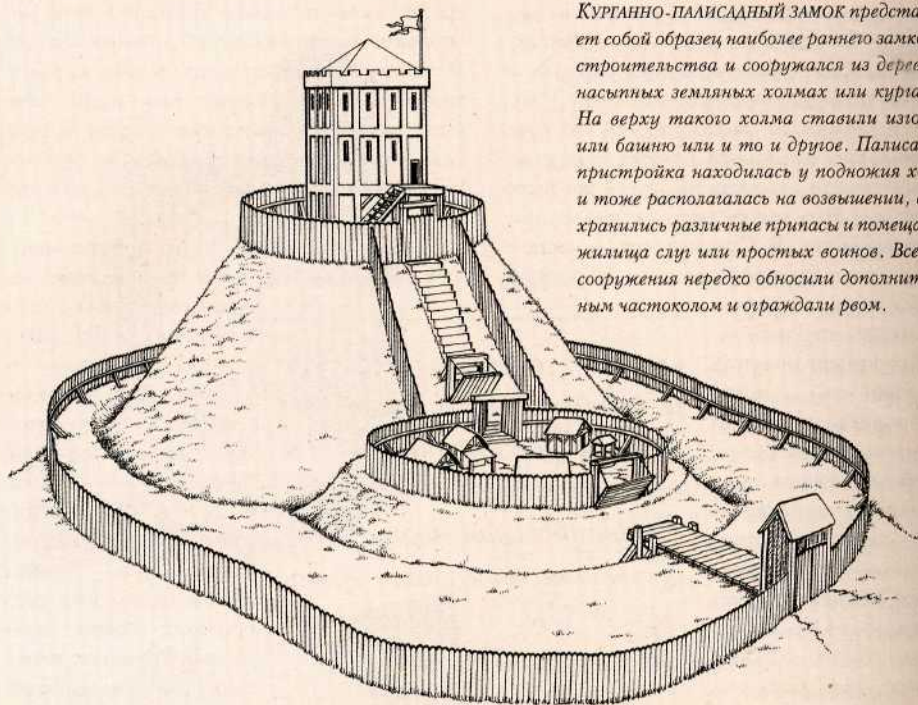
Основные знания об устройстве пер-вых замков мы черпаем прежде всего из археологических раскопок, а не из литературы, поскольку в древние времена одна и та же терминология применялась как для описания замков, так и других фортификационных сооружений. Несомненно, изыскания археологов еще обогатят наши знания и заставят пересмотреть некоторые взгляды. Так, скажем, Ланже в долине Луары считался когда-то

самым старым *настоящим* европейским замком (995). Однако расположенный сравнительно недалеко Дюе-ля-Фонтен, над которым археологи работали с 1967 г., оказался даже старше (950) (см. ниже).

Оба описанные выше замка строились из камня, однако в ту пору у них имелся еще очень сильный конкурент в виде земляного замка, тоже служившего укрепленным «домом сеньора». Такие строения обходились дешевле и возводились быстрее, чем каменные, а потому их довольно долго строили во время кампаний, годились они и в качестве резиденции не располагавшего большими средствами сеньора. Традиционным в замковом строительстве служил *стил* «мот-э-бай» (от *motte* — курган, на котором сооружался деревянный донжон, и *baille* — от старофранцузского «палисад», т.е. нечто огороженное; это также может быть и место между оградой и донжоном, т.е. вместе это то, что в нашем понимании означает верхний и нижний замок. — Прим. пер.). Для таких курганно-палисадных замков были характерны земляные «брустверы», частоколы на них и выкопанные вокруг рвы с перекидывавшимися через них де-

«Замок по сути своей в общем и целом не что иное, как укрепленное жилище. Именно дуализм замка... и есть его отличительная черта, позволяющая проводить грань между ним и крепостями иного типа».

Р. АЛЛЕН БРАУН, ИСТОРИК

Курганно-палисадный замок представлял собой образец наиболее раннего замкового строительства и сооружался из дерева на насыпных земляных холмах или курганах. На вершине такого холма ставили изгородь или башню или и то и другое. Палисадная пристройка находилась у подножия холма и тоже располагалась на возвышении, в ней хранились различные припасы и помещались жилища слуг или простых воинов. Все эти сооружения нередко обносили дополнительным частоколом и ограждали ревом.

ревянными мостиками. В «бай», или «балль», размещались «подсобные помещения» — конюшни, сараи для хранения припасов и т.д. В донжоне же жил сам сеньор с семьей, слугам и солдатами.

Точную хронологию происхождения курганно-палисадного замка проследить труднее, чем истоки каменного. Одно из довольно древних мест такого рода, где производились раскопки, Гюстеркнупп около Фриммерсдорфа в Германии. Похоже, что оборонительное сооружение возникло там в X столетии как укрепленный дом с забором. Позднее внутри изгороди насыпали курган и построили на нем деревянный донжон, что сделало жилище типично курганно-палисадным замком. Однако превращение дома в такую крепость произошло относительно поздно.

Самые первые земляные замки, похоже, все-таки северные и находятся (или находились) опять-таки на западе и северо-западе Европы — во Фландрии и во Франции. По-видимому, появились они уже во время вторжений викингов и сочетают в себе «фортификационные стили» как скандинавов, так и франков; замки служили скорее укрепленными военными лагерями, нежели собственно резиденциями сеньоров. Викинги строили такие кре-

пости во множестве, а потому неудивительно, что обнаруживаются они в районах, наиболее подвергавшихся налетам скандинавских рейдеров — во Фландрии, в Нормандии и в Бретани. Когда Вильям Завоеватель (известный тогда больше как Гийом ле Батар, т.е. Незаконнорожденный. — *Прим. пер.*) вторгся в Бретань, ему пришлось иметь дело с курганно-палисадными замками. Подобные же (Ренн, Динан, Доль) отражены на шпалере из Байе — те же «брустверы» и деревянные донжоны. Если верить авторам полотна, сам Байе тоже представлял собой такой земляной замок. Такие же замки возводились по приказу Вильяма Завоевателя после высадки в районе Гастингса в октябре 1066 г. (о чем упоминается в первом разделе данной книги. — *Прим. пер.*). Нормандцы строили их и в других районах Англии, когда подчиняли ее себе во второй половине XI столетия. Позднее, в более стабильные времена, многие земляные замки подверглись перестройке и стали каменными.

Так или иначе, к XI столетию для сеньоров на Западе замки — земляные или каменные — стали обычным явлением. Помимо массы всевозможных строений, более простых и дешевых, Вильям Завое-

ватель заложил два крупных замка в Англии — один в Лондоне, а второй в Рочестере. Примерно в то же время росли норманнские замки и в других местах — на завоеванных территориях на юге Италии и на Сицилии. Прошло какое-то время, и лицо Западной Европы изменилось, покрывшись «оспинами» больших и малых замков. Даже в городах воздвигались замки, служившие цитаделями. Нередко приходится читать о том, как то или иное войско врывается в город, но не может взять замок.

К XII столетию в Западной Европе наблюдается некоторая стабилизация центральных властей. Положение королей начинает укрепляться, и им удается более эффективно держать в узде своевольных магнатов. Также усиливается контроль герцогов и графов над их кастиелями (комендантами или владельцами замков). Вассалам становится все труднее оспаривать волю королей, рост богатств которых повышает их безопасность и упрочивает почву под ногами. Средства позволяют возводить лучшие замки и создавать совершенные «осадные поезда». В XII столетии большинство замков строится из камня.

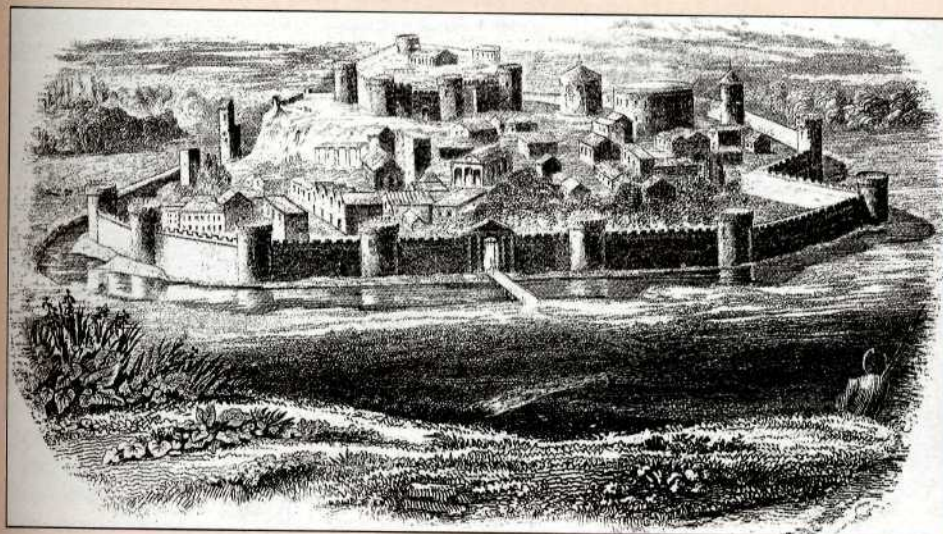
Прежде донжоны и башни замков делались преимущественно прямоугольными. Теперь же «революционные технологии» требовали строить их круглыми (своего рода возрождение — еще древние римляне оценили преимущества округлостей в архитектуре). Причиной перемен служило отчасти, возможно, чтение римских

авторов, таких, как Витрувий, например. Не исключено и влияние крестовых походов — знакомство с фортификациями византийцев и архитектурой Ближнего Востока, тоже во многом романско-эллинистической или греко-римской. Отсутствие наиболее уязвимых перед осадными машинами и подкопами углов делали башни более неприступными. Многие ранние замки, которыми продолжали пользоваться, теперь перестраивались, что требовало от нападающих совершенствования их техники и приемов ведения осад.

Классические ранние замки

Изначальные укрепления Дюе-ля-Фонтен и Ланже во Франции (на которых позднее выросли более современные замки «высокого» и позднего Средневековья. — *Прим. пер.*) считаются старейшими в Европе. Замок Дюе-ля-Фонтен, возведенный что-то около 900 г., перестроенный после пожара (строится донжон, т.е. центральная башня) графом Теобальдом (по-французски Тибо. — *Прим. пер.*) около 950 г., как можно считать, служил в качестве резиденции графа Блуа. На входе в цокольный, или нулевой, этаж (по-

Поздние средневековые замки сооружались из камня и обычно имели две или больше стен, что превращало их в так называемые «концентрические замки». Постепенно на смену квадратным башням пришли более стойкие круглые, а также нашли распространение и выступающие башни по периметру стен.

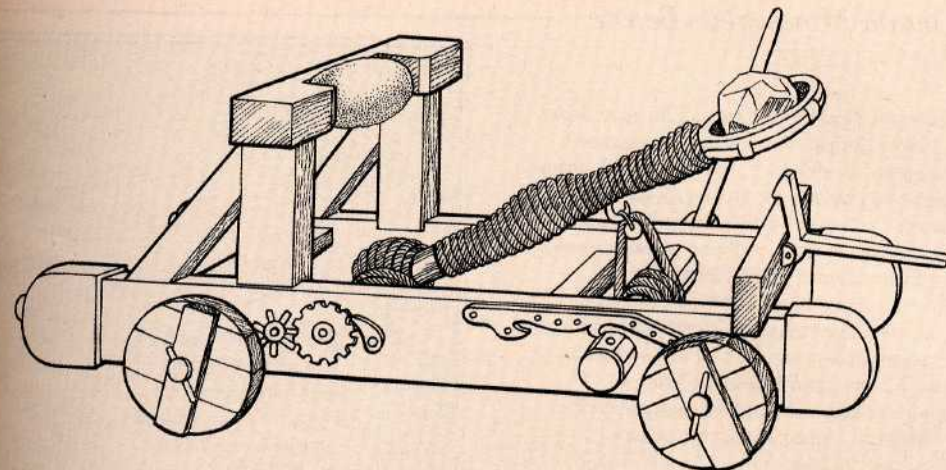

нашему, первый. — Прим. пер.) донжон на появившиеся препятствия, осложнявшие несанкционированный доступ, к тому же добавились пристройка и еще один этаж. Крутые склоны насыпи у подножия укрепления затруднили доступ к стенам. Мы используем слово «замок» (обычно вызывающее ассоциации с более поздними постройками — XIII—XV века. — Прим. пер.), однако на деле конструкция представляла собой модернизацию уже существовавших и довольно распространенных укрепленных резиденций. Что же касается замка Ланже, расположен он между реками Луара и Румер и обязан своим появлением одному из ярчайших деятелей того времени, Фульку Нерра, или Черному, графу Анжу (987—1040 гг., прозванному «Великим Строителем» [*le Grand Bâtisseur*]. — Прим. пер.). Точно известно, что строение «вошло в строй» до 995 г., когда его осадила дружина Эда I, графа де Блуа. Замок представлял собой четырехугольный каменный донжон (от *dominion/dominio*, т.е. нечто доминирующее; англ. *donjon, dungeon* и *keep* также синоним слова «тюрьма». — Прим. пер.) на вершине насыпи. Позднейшие укрепления выросли рядом, однако развалины старого донжона видны у подножия садов. Формой своей башня мало отличается от многих прямоугольных донжонов, во множестве выросших в следующем столетии во Франции, Англии и других странах Западной Европы.

Осада Монтрёй-Белле — 1149—1151 гг.

В качестве второго примера в этом разделе изберем для более подробного изучения случай с Монтрёй-Белле, осада которого продлилась почти три года (1149—1151). С точки зрения политической явление это ничего знаменательного собой не представляет. Причина — мятеж против своего сюзерена Жерара Берле, вассала графа Анжу, Жоффруа V, прозванного ле-Бель (Красивым). Жоффруа V женился на дочери Генри I Английского, «императрице» Матильде (бывшей до того женой императора Генриха V, отсюда и прозвище. — Прим. пер.), и стал впоследствии отцом Анри, или Генри Плантагенета (в 1133 г.), сделавшегося в итоге королем Англии Генри (или, как принято, Генрихом) II (1154—1189).

Некогда каролингское вице-графство (отсюда известный термин «виконт» — *viscount*. — Прим. пер.), Анжу в то время превратилось в одно из мощнейших «княжеств» во Франции. Жоффруа пришлось продемонстрировать всем, кто главный в его вотчине, как-то разобравшись с взбунтовавшимся Жераром, хотя строптивец и засел в одном из самых впечатляющих замков того времени. Замок стоял недалеко от реки Туз, чуть южнее Сомюра. Первую крепость возвел там еще великий строитель замков Фульк Нерра, граф Анжу. Как именно выглядела крепость в середине XII столетия, мы не знаем, ибо после ее захвата она подверг-

лась разрушению, и позднее на том месте вырос новый замок. Более поздние постройки еще видны, они белокаменные, как многие такие сооружения ближе к концу периода Средневековья, и имеют «римские» круглые башни. Так или иначе, совершенно очевидна сложность задачи, которую приходилось решать атакующим, поскольку объект располагался на скале, высясь над так называемой Еврейской долиной, и чтобы подступить к нему, приходилось преодолеть эту серьезную естественную преграду.

Осада описана в созданной по почти свежим впечатлениям биографии Жоффруа V, так и называвшейся «Житие герцога Жоффруа». Написал ее монах из Мармутье — монастыря, стоявшего на территории, где осуществлял свою власть Жоффруа. Монах Иоанн (или Жан) рассказывает об осаде в подробностях и описывает твердыню такой, какой она виделась ему — с двойными стенами и с «возносящимися к звездам» донжоном.

Жоффруа V подступил к замку с войском, построив укрепленный лагерь с использованием камня. Это дает возможность предположить наличие прочных стен, так что, вполне вероятно, речь шла об осадной крепости — «контрзамке». Жоффруа также велел возвести осадные башни. Однако никакие попытки сломить оборону на первом этапе противостояния не принесли успеха. Так начался почти трехлетний период изматывающей осады, в которой Жоффруа стремился либо умирить защитников голодом, либо принудить их к капитуляции. Чтобы преодолеть

метательная машина, называвшаяся манюнель, работавшая по принципу использования торсиона — перекручивающихся веревок. Напоминавший ложку рычаг оттягивался назад и фиксировался. В «ложку» вкладывался камень или иной снаряд. При освобождении рычага тот ударялся о перекладину рамы, и снаряд отправлялся на встречу с целью.

злосчастную долину — расщелину перед крепостью, — Жоффруа в итоге приказал людям с ярмарки в ближайшем Сомюре явиться к нему под Монтрёй-Белле и забрасывать естественный ров камнями и мусором.

Наконец, стало возможным подкатить к замку берфруа, с которых стрелки принялись поливать защитников стрелами. Но и этого оказалось мало, и Жоффруа решился на необычный ход, что говорит о нем как о передовом командире, готовом к применению инноваций. На выработку идеиповлияли, повсейвидимости, глубокие связи с латинским королевством в Святой Земле, возникшим в результате крестовых походов. Отец графа, Фульк V Младший (правил с 1109 г.), бывал в Святой Земле как паломник, а впоследствии посватался к наследнице короля Иерусалима и, оставив сыну графство Анжу, отбыл на Ближний Восток, чтобы в итоге унаследовать корону тества (1131—1143). Как видно, оттуда и пришел к Жоффруа секрет византийского оружия, «греческого огня». (Едва ли вероятно, что крестоносцы в то время сами использовали «греческий огонь», так или иначе нет никаких указаний на то, что они умели производить его. — Прим. пер.) Летопись говорит о приближенных графа, имена которых: Роберт де Греко,

Подведение сапы под стену было известно с глубокой древности и нередко находило применение в осадном деле Средневековья. Задача состояла в том, чтобы подвести под стену или башню тоннель, подперев его потолок балками. По завершении земляных работ в тоннеле под фундаментом разводился огонь, от которого сгорали опорные балки, что вело к обрушению стены. Осаждающим оставалось только броситься в пролом и довершить дело решительным штурмом.

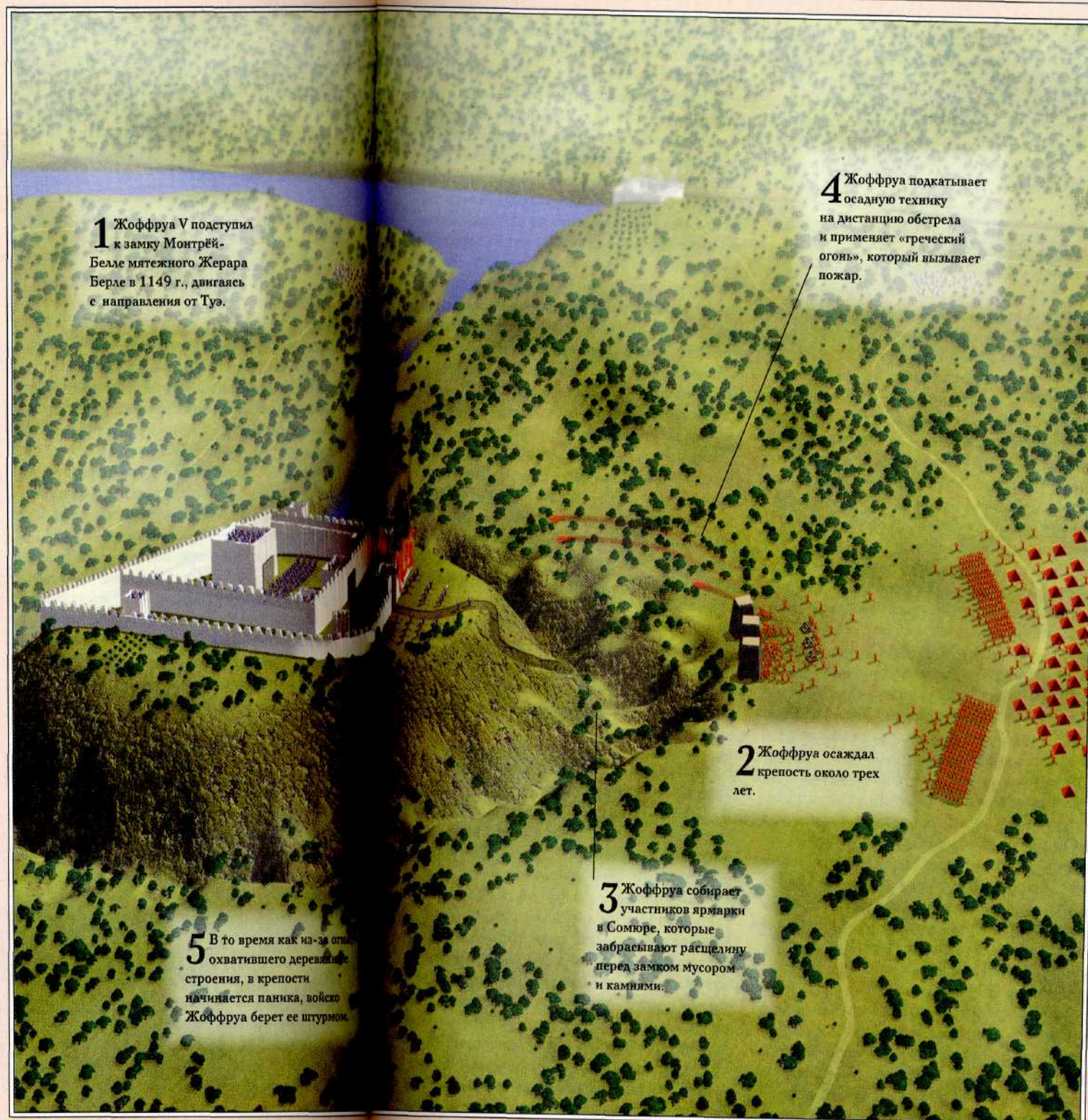

Осада Монтрёй-Белле 1149–1151 гг.

Монтрёй-Белле принадлежал Жерару Берле, в 1149 г. взбунтовавшемуся против своего сюзерена, Жоффруа V, графа Анжу. Донжон замка был так высок, что «устремлялся к звездам». С одной стороны прикрытием ему служила река, а с другой — расщелина, служившая вместо рва. Поскольку от отсутствия запасов всего необходимого в крепости не страдали, Жоффруа приступил к длительной осаде. Для начала он согнал людей с ярмарки в Сомюре, которым приказал забрасывать расщелину мусором и камнями. Затем Жоффруа двинул к стенам осадную технику, в том числе берфруа. Наконец метательную машину зарядили горшком с чем-то, по принципу действия очень напоминающим знаменитый «греческий огонь». Эффект получился вполне впечатляющий: загорелись многие строения, а в замке вспыхнула паника. Жоффруа бросил на штурм воинов, которые захватили объект, положив конец трехлетней осаде.

Монтрёй-Белле стоял близ реки Туэ, впадавшей в Луару, и находился южнее Сомюра. Подступ к замку прикрывала расщелина, называвшаяся Еврейской долиной. Изначально замок возвел тут еще Фульк Нерра.

1 Жоффруа V подступил к замку Монтрёй-Белле мятежного Жерара Берле в 1149 г., двигаясь с направления от Туэ.

4 Жоффруа подкатывает осадную технику на дистанцию обстрела и применяет «греческий огонь», который вызывает пожар.

2 Жоффруа осаждал крепость около трех лет.

3 Жоффруа собирает участников ярмарки в Сомюре, которые забрасывают расщелину перед замком мусором и камнями.

5 В то время как из-за огня охватившего деревянные строения, в крепости начинается паника, войско Жоффруа берет ее штурмом.

Архалою и Галопе, что свидетельствует о связях Анжу с греками. Как бы там ни было, каким-то количеством «греческого огня» или подобной ему жидкости Жоффруа располагал. Более ранних свидетельств о применении подобного оружия в Европе нет, следующее же связано опять-таки с Анжу — с Ричардом Львиное Сердце (внуком Жоффруа V и графом Анжуйским).

В подкатившейся к замку осадной башне имелось укрытие с машиной, способной стрелять снарядами с «греческим огнем». Иоанн из Мармутье так описывает действие оружия: «И поднялись в небо огненные шары, и скоро весь замок обьяло пламя». (В очень похожих выражениях живописуют действие сарацинского «греческого огня» хроники крестовых походов, в частности в середине XIII века под Мансурой в Египте. — *Прим. пер.*) Атакующие ворвались в замок, а защитники его под стрелами арбалетчиков и лучников в спешке отступили к донжону. После чего стороны договорились о перемирии сроком на сутки, чтобы похоронить убитых и оказать помощь раненым.

Однако перемирие закончилось, и противостояние возобновилось. Граф приказал подтянуть камнеметы, которые пробili стены, однако осажденные заделали брешу. Жоффруа V углубился в литературу, в частности обратился к упоминавшемуся здесь не однажды Вегетию Ренату, к его *De Re Militari* («О военном деле»; названия копий нередко менялись в процессе переписки. — *Прим. пер.*). Поскольку тогдашний французский уже далеко ушел от классической латыни, граф, естественно, нуждался в помощи монахов из Мармутье (наверняка и сам Иоанн находился в их числе). Одного из них Иоанн обозначает всего лишь инициалом «G», называя «мужем значительным, ведущим достойный образ жизни, человеком острого ума и больших знаний» (вероятно, Гийом [Gulielmus] де Конш, служивший при дворе Жоффруа). Вот как раз «G»-то и занялся чтением Вегетия. Он нашел отрывок о том, как захватить поврежденную, но отремонтированную противником башню. Выслушав его, Жоффруа V изрек следующее: «Встань завтра рядом со мной, дорогой брат, и ты увидишь, как вычитанное тобой воплотится в жизнь».

Примечательно то, что Вегетий (который жил в эпоху до изобретения «греческого огня») писал о горючих материалах и способах их применения против брешей в кладке, залатанных деревом.

Жоффруа снова решил применить «греческий огонь», или то, что служило ему в качестве зажигательных боеприпасов. Он приказал сковать металлическую кадку, которую для прочности стянули металлическими обручами. Затем туда залили ингриденты «греческого огня», в том числе конопляное и ореховое масло. Кадку плотно запечатали железом, затем поместили в раскаленную печь до тех пор, пока металлические стенки не покраснели, а само содержимое не закипело. Чтобы охладить прикрепленную одним концом к кадке, а другим — к метательной машине цепь, ее полили водой. Затем раскаленный докрасна сосуд полетел прямо туда, где находился участок стены, заделанный противником тесом. «Греческий огонь» вспыхнул при столкновении с деревом, и в результате сгорело не только оно, но и три стоявших позади стены строения. Жерар Берле сложил оружие и сдал Монтрёй-Белле Жоффруа, который приказал сровнять замок с землей, оставив лишь часть руин в качестве напоминания о том, как сеньор покарал строптивого вассала. По обычаям того времени Жерар понес довольно суровое наказание для вельможи своего уровня. Он был посажен под арест и освобожден позднее королем Франции Людовиком VII.

Круглые башни и более мощные замковые укрепления

В XII и XIII веках происходили дальнейшие подвижки в деле усиления обороноспособности замков. Первой из важнейших особенностей стало распространение круглых башен по углам «ограждения», а также дополнительные башни на стенах. Как мы уже предполагали, причиной мог служить интерес к римской архитектуре, в частности советы Марка Витрувия. Крестовые походы тоже привели к близкому знакомству с военным строительством Ближнего Востока, как византийского, так и сарацинского. Прекрасным примером потребности перемен служит замок Рочестер, который осаждал король Джон (Жан/Иоанн) Безземельный, сража-

ясь со своими баронами в 1215 г. В ходе осады «саперы» короля подвели подкоп под прямоугольную башню главного укрепления, и та рухнула. При перестройке замка эту прямоугольную башню сделали круглой, хотя остальные угловые башни сохранили прежние формы.

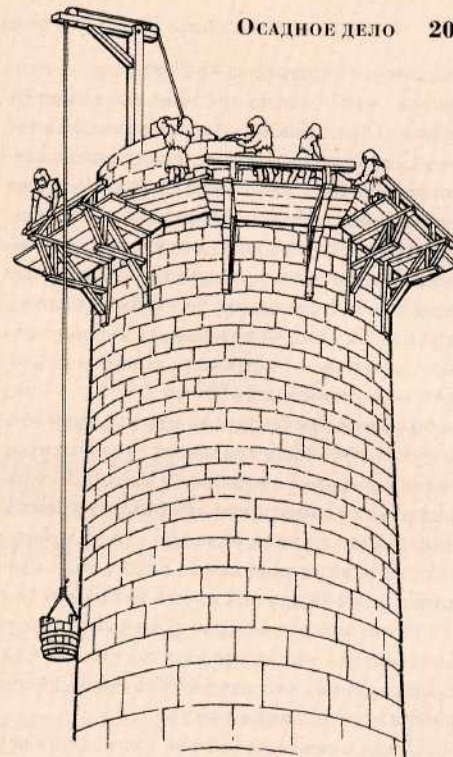
Пожалуй, активнее всего на Западе велось строительство новомодных замков во времена правления королей Франции Луи (Людовика) VII (1137—1180) и особенно Филиппа II Августа (1180—1223). Недавние исторические находки позволяют утверждать это с еще большей уверенностью. Круглые башни применялись в конструкции ряда крепостей XII столетия, включая Фаршвилль в Ля-Ферте-Але, Шатофор, Тур-Гинетт в Этампе и Нюфле-Шато в Ивелине. Еще один пример «круглобашенного» замка Филиппа Августа — Дурдан. Время постройки этих и других укреплений датируется примерно серединой и концом XII столетия.

Теперь ученые знают гораздо больше и еще об одном примечательном замке времен Филиппа II. Ныне это, наверное, самая знаменитая достопримечательность Парижа (если не считать, конечно, Эйфелевой башни) — Лувр. Позднее Лувр сделался королевским дворцом, и очень многое в нем подверглось перестройке. Старый замок, по всей видимости, вообще был разрушен, однако современные археологи обнаружили часть средневекового фундамента оригинальной крепости.

После раскопок и приведения в порядок этих фрагментов в нижнем этаже Лувра можно наблюдать округлость внешней стены с массивными круглыми башнями, а внутри — не менее впечатляющий круглый донжон. Все выглядит так же, как выглядело, наверное, во времена Филиппа.

Замки крестоносцев

С конца XI столетия рыцари из Западной Европы — как обосновавшиеся на Востоке, так и вновь прибывавшие — постоянно вели войны в Святой Земле. Этот период связан с ростом активного замкового строительства в регионе. Некоторые из построенных в XII веке замков особенно впечатляющи, такие, как Бофор и Кракде-Шевалье. На архитекторов оказала

Круглая башня в процесс сооружения. На рубеже XII и XIII веков подобные круглые башни стали повсеместно вытеснять старые прямоугольные. Ввиду отсутствия выдающихся улов такие башни были более устойчивы перед ударами снарядов метательных машин и перед воздействием предельских сап.

большое влияние «военная архитектура» сарацин и византийцев. Именно от них, как считают многие специалисты, идет усвоенная крестоносцами тенденция делать особый упор на внешние стены. Прямоугольные замки с башнями по углам и без донжона в центре характерны для Святой Земли. Как раз таким был Бельвуар, имевший двойные внешние стены (ставшие правилом в более позднюю эпоху — в XIII веке), что оказало влияние на строителей и, как видно, привело к возникновению в Западной Европе замков, построенных по принципу концентрических окружностей.

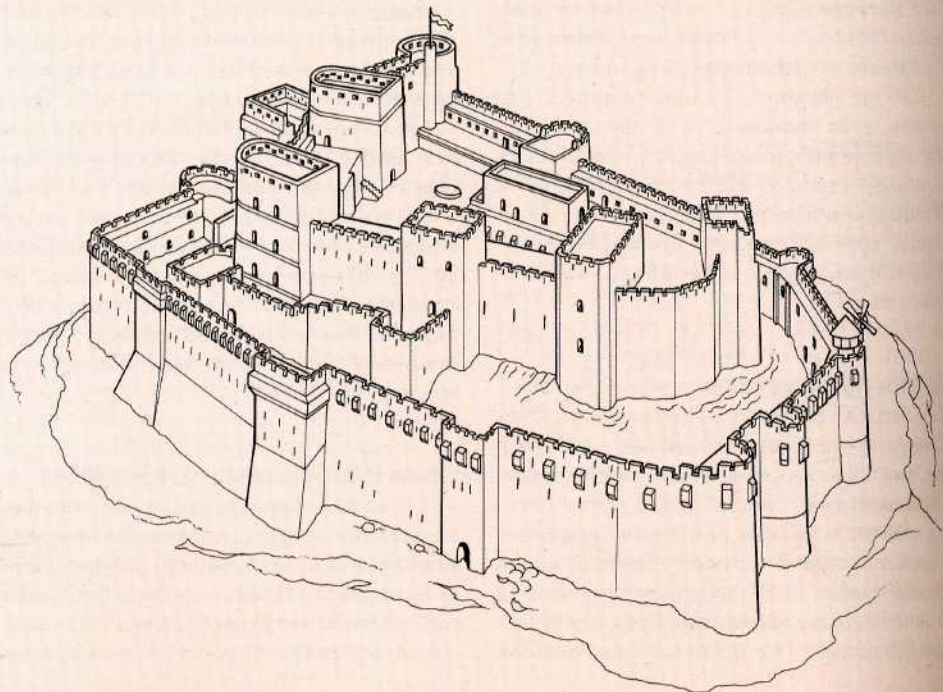
Осада Шато-Гайяра — 1203—1204 гг.

Те же самые факторы, которые оказывали влияние на французскую архитектуру, сказались и на английской. Герцог Нормандии Ричард IV Кер-де-Льон (Ричард I Английский, или Львиное Сердце), как и его современник Филипп II, был кресто-

носцем и строителем. Так или иначе, считается, что именно он повелел возвести замок Шато-Гайяр на господствовавшем над Сеной утесе Андели, с которого далеко вглубь просматривалась французская территория. Название переводится как «наглый замок», поскольку его строительство служило пощечиной сюзерену герцогов Нормандии — французскому королю. Замок, учитывая его внушительные размеры, построили довольно быстро — в период с 1196 по 1198 г. — на небольшом треугольном плато. Подойти к крепости представлялось возможным только с одной стороны, с которой путь захватчику преграждали рвы. Укрепления замка можно назвать «трехслойными» — атакующим приходилось бы овладеть одним за другим двумя поясами стен и собственно донжоном. Каждый следующий «слой» господствовал по высоте над предыдущим, так чтобы обороняющиеся всегда имели преимущество.

Перед внешним «бай» (или двором) замка пролегал глубокий и широкий ров,

Крак-де-Шевалье в Сирии — один из крупнейших замков крестоносцев, построенный ими на уступе горы. В 1142 г. граф Триполи передал его госпитальерам, которые владели замком до 1271 г. После землетрясения его пришлось отремонтировать, так он превратился в концентрический замок с круглыми башнями.

подобное же препятствие разделяло первый и второй эшелон обороны. Круглый донжон стоял *en bes* (на высеченном в скале основании в виде «клюва»), крутые и прочные скаты которого представляли дополнительную сложность для «саперов», вздумавших бы «минировать» твердыню. Непривычно полукруглые башни усиливали круглый донжон. Восточную часть высоты занимал независимый форпост — шатле (*châtelet* — уменьшительное от «замок». — *Прим. пер.*). Единственный путь в цитадель лежал по узкому каменному мосту через ров.

В 1203 г. Шато-Гайяр принадлежал королю Джону Английскому, младшему брату Ричарда. Гарнизон командовал Роже де Ласи. Филипп II Август, король Франции, пришел, чтобы взять замок в рамках широкой кампании по изгнанию Плантагенетов с земель Франции. Захват мощной крепости служил своего рода ключевой операцией этой кампании. Падение замка фатально ослабило позицию Анжуйского дома, привело к потере им Нормандии и в итоге многих других владений.

Сена представляла собой для Филиппа Августа естественный путь в Нормандию, и Шато-Гайяр являлся потому важнейшей целью. Филипп вторгся в Нормандию в 1203 г. и в августе подступил к тверды-

не. Перед тем он уже прибрал к рукам несколько ближайших фортов, чтобы изолировать главный и осложнить подачу помощи гарнизону. Сам Шато-Гайяр представлял лишь часть комплекса фортификаций в Лез-Андели. В одном месте на острове находилась укрепленная резиденция, от которой к обоим берегам вели мосты, а доступ со стороны реки прикрывал ров. Замок же помещался на высоте, господствующей над островом.

Солдаты Филиппа прорвали протянувшийся вдоль рва рубеж обороны. Поскольку имевшийся мост гарнизон уничтожил, король приказал образовать переправу из поставленных одна к другой лодок — своего рода понтонный мост. Как для охраны этой переправы, так и для наступления на замок были сооружены плавающие башни. Джон попытался подать помощь гарнизону, отправив отряды одновременно по суше и по воде. Однако по причине несогласованности атак они не вместе — течение задержало двигавшийся по реке отряд. Сухопутный контингент, ведомый Вильямом Маршалом (или Гийомом ле Маршалем) и капитаном наемников, Люпескаром, атаковал ночью. Французы сдержали натиск, и многие из нападавших погибли, «как овцы от волка» (Гийом Бретонский, «Филиппида»).

Прибытия речного войска с нетерпением ждали как осажденные, так и осаждающие. Англичанам удалось повредить временный мост, однако французы починили его при свете факелов до того, как на рассвете появился флот. Французы заняли места на башнях и на мосту и приготовились отразить приступ англичан с реки. На палубы кораблей летели тяжелые камни, балки и тому подобные снаряды, дождем сыпались стрелы. Одну тяжеленную балку сбросили так удачно, что она потопила сразу два судна. Не достигнув успеха, флот ушел. Двое из воинов Филиппа Августа, братья Ле Нуар, захватили с отря-

дами два корабля и бросились преследовать противника.

После изгнания английской эскадры французы снова могли сконцентрировать все усилия на осаде. Некий Гальбер привязал к себе емкости с «греческим огнем», вплавь подобрался к защищавшему остров «палисаду», взобрался на него и устроил самый настоящий взрыв. Полыхнуло так, словно заговорил «вулкан Этна» (13 лет назад многие крестоносцы Филиппа и Ричарда проезжали на пути в Святую Землю через Сицилию и знали, что это такое. — *Прим. пер.*). Деревянные укрепления и постройки вспыхнули, что помогло захватить остров. В результате французы овладели всем комплексом на подступах к замку, шанс получить помощь для его гарнизона резко снизился.

Филипп принял решение переоборудовать собственный лагерь. Многие из тех, кому раньше приходилось спать под открытым небом, переехали в деревянные хижины с соломенными крышами. Для прикрытия своих передвижений французы построили крытые галереи, сровняли вершины холмов, чтобы установить там осадную технику.

Тем временем Роже де Ласи с тревогой следил за тем, как убывают припасы. По его приказу нонкомбатанты покинули крепость. Первым французы дали уйти, но потом Филипп передумал, и несколько сотен людей оказались словно между молотом и наковальней. Несчастные изнывали от голода, ели траву — все, что хоть как-то годилось в пищу. Свалившуюся со стены замка курицу разорвали на части, не дав упасть на землю. Не осталось ни перьев, ни лап. Беременная женщина родила ребенка на этой «ничейной земле». Люди принялись умолять о помощи. Филипп смягчился, приказал дать несчастным еды и разрешил пропускать через свои позиции. У одного из беженцев в руке была собачья шкура, с которой он не желал расстаться, объясняя, что эта собака

«Мы видели меж ними [несчастные нонкомбатанты, изгнанные из Шато-Гайяра] бедолагу, сжимавшего в руках собачью шкуру. Когда же ему велели выбросить ее, он сказал: «Не расстанусь с ней, ибо она спасла мне жизнь»».

ГИЙОМ БРЕТОНЕЦ

помогла ему выжить. В конце концов, он отдал шкуру в обмен на хлеб.

Французский автор утверждает, что король Джон предпочел «остаться в безопасности» и не идти на вырубку замку. В действительности же в сентябре Джон предпринял рейд в Бретань, надеясь отвлечь Филиппа от осады. Однако французский король держался избранного плана. В конце концов Джон уступил. 5 декабря он сел в Барфлере на корабль и отбыл из Нормандии, чтобы больше никогда уже не появиться там.

Филипп II тем временем сосредоточивал усилия на осаде. В феврале 1204 г. он сам в доспехах и в шлеме раздавал приказы прислуге каменщиков и «саперам», ведущим подкоп под первый пояс обороны. Французским лестницам не хватало длины, и они не доставали до верхней кромки стены, но атакующие упорно карабкались вверх, чтобы, вырезав уступы в кладке, взбираться дальше и в итоге перевалить через преграду.

И вот осталось два «эшелона». Интересно то, как французам удалось проникнуть за второй «палисад». В 1202 г. Джон построил там дом с «гардеробом» (т.е. с туалетом, которые имелись тогда далеко не во всяком замке. — Прим. пер.), из которого вниз вел соответствующий сток. Вот по этому-то неуютному тоннелю французы и пробрались за вторую стену. Затем уже один из них, Пьер Божи, встал на плечи товарища и открыл себе доступ в подвал часовни, откуда бросил спутникам веревку. Подпавив двери, они провалились дальше. Гарнизон всполошился. Пламя распространялось, а с ним ширилось смятение. Тем временем французам, опустившим подъемный мост, удалось открыть своим путь в средний двор. Атакующие хлынули туда, сметая перед собой всё и вся. Скоро от второго пояса обороны остались одни руины и головешки. Те из защитников, кому удалось спастись, отступили, найдя убежище в цитадели.

Донжон выглядел неприступным. Считалось, что равных ему не существовало в то время. Однако у него имелась ахиллесова пята — некая на первый взгляд, однако обнаруженная осаждающими. Единственный вход пролегал через вырубленный в скале мост. Перейти его при наличии отпора почти не представлялось

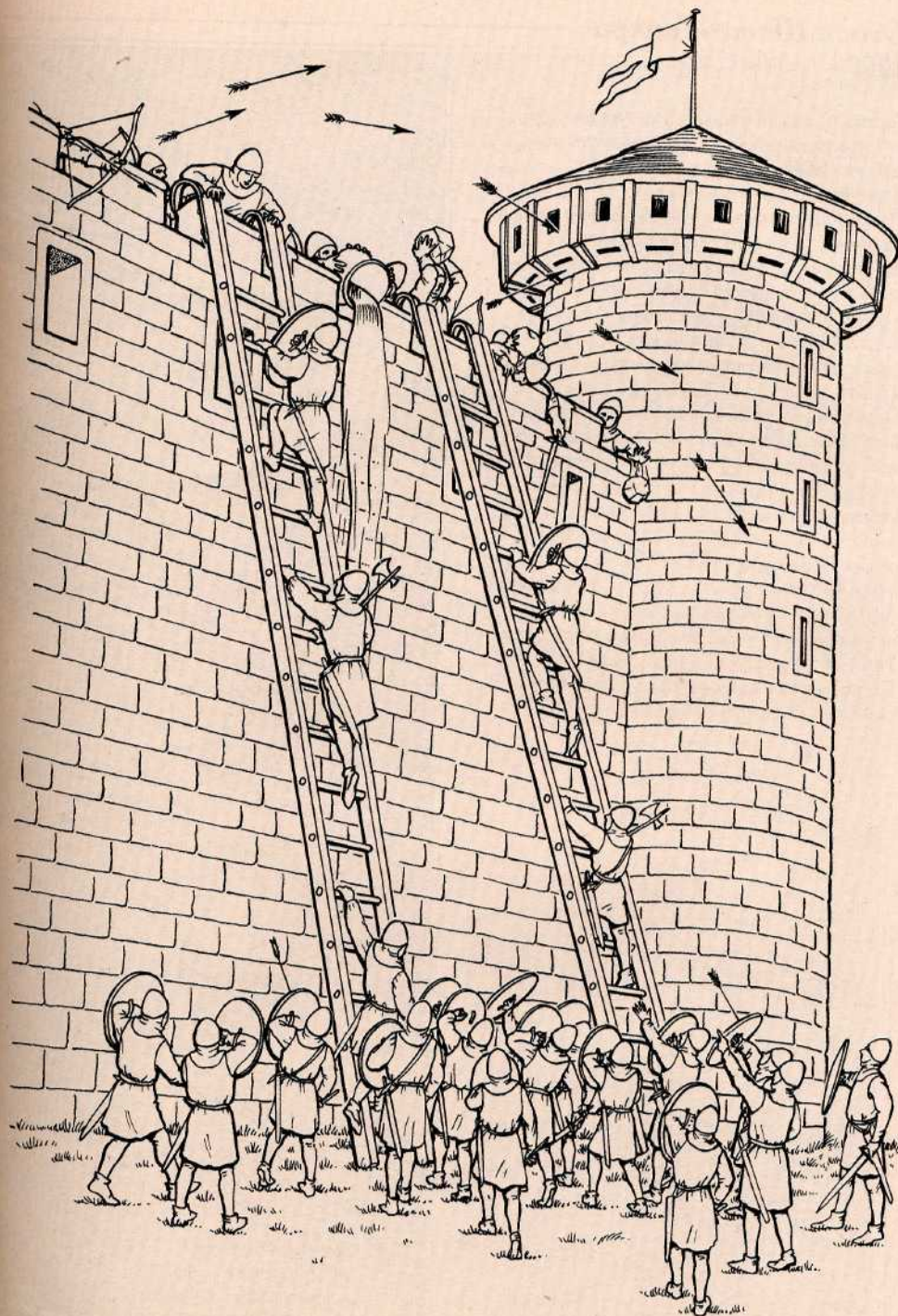
возможным. Однако осажденные не могли уничтожить его. Этим путем французы одолели последнее препятствие. 6 марта 1204 г. последние 20 рыцарей и 120 тяжелооруженных воинов внутри Шато-Гайяра сложили оружие.

Власть Анжу в Нормандии рухнула после этого довольно быстро. Армия Филиппа Августа овладела Руаном и устремила к побережью. За Нормандией пришел черед почти всей Франции Плантагенетов — Анжу, Мен, Турен и часть Пуату; власть Филиппа признала Бретань. Однако англичанам все же удалось удержаться на самых южных территориях, прежде всего в Гаскони. Так или иначе, описанная осада имела очень глубокие последствия для европейской истории. Поражения на континенте отозвались для Джона беспорядками и в самой Англии, где восставшие бароны в итоге заставили короля признать унижительную для него *Magna Carta* (Великую хартию вольностей).

Осадное вооружение «высокого» Средневековья

К середине периода, называемого Средними веками, в осадном деле отмечались две главные тенденции: первое — заметное улучшение обороны с появлением так называемого «концентрического замка» (т.е. построенного по принципу концентрических окружностей. — Прим. пер.), а второе — совершенствование арсеналов атакующих.

Чтобы попасть в город или замок, приходилось как-то преодолевать стену, с каковой целью применялась одна, если можно так выразиться, подгруппа вооружений или технических средств. Самым «естественным» из них служили, конечно, лестницы, прежде всего деревянные, но также и пеньковые. Для фиксации лестницы на верхнем крае стены применялись крюки или зацепы (также якоря). Одним из заметных шагов по совершенствованию штурмовых лестниц служили туннельные лестницы, т.е. снабженные крытым верхом, который предоставлял штурмующим дополнительную защиту, хотя и лишал их обзора. Иногда лестницы водружали на специальные платформы, чтобы сделать их выше, не теряя в устойчивости, которая снижалась, если лестницу приходилось

Осадные лестницы мир знал с самых древних времен, тем не менее они повсеместно находили применение и в XIV столетии от Рождества Христова. Средневековые осадные лестницы обычно снабжались крюками, чтобы зацеплять их за стены. Такой способ штурма замка был, что называется, самым прямым и самым, наверное, наиболее опасным. Атакующим предстоя-

ло сначала продвинуться от своих исходных позиций к подножию стены, затем установить лестницы, вскарабкаться по ним и вступить в рукопашный бой с защитниками. Все это время осаждающие находились под угрозой «огня» со стороны гарнизона, солдаты которого стремились также столкнуть лестницы и сбросить штурмующих вниз.

Осада Шато-Гайяра 1203–1204 г.

Король Франции Филипп II Август вторгся в Нормандию и быстро отвоевал ее у короля Джона Английского. В августе 1203 г. Филипп осадил ключевую крепость Шато-Гайяр, построенную по приказу Ричарда Львиное Сердце за несколько лет до того. С суши подступиться к замку представлялось возможным только со стороны внешнего «палисада». Оборону возглавлял Рожер (иначе Роджер) де Ласи. Джон отправил деблокирующие отряды и попытался войти в замок, действуя как с суши, так и с моря. Отряды не достигли взаимодействия и были отражены. В итоге Джон предоставил крепость ее собственной судьбе. Французские солдаты раз за разом пробивали себе путь через три эшелона укреплений. В феврале 1204 г. удалось подвести мину под внешний «бай». В средний двор осаждающие пробрались тайком через выходное отверстие «гардероба» — туалета. Внутренние укрепления, несмотря на их внешнюю неприступность, тоже не продержались долго. Замок капитулировал 8 марта 1204 г. Потребовалось не более года, чтобы Филипп стал господином Нормандии.

Шато-Гайяр возвышался на границе Нормандии, принадлежавшей тогда королю Англии, с территорией французского короля. «Наилый» замок гордо высился на каменистых холмах к востоку от Руана, в месте слияния рек Сена и Гамбон.

4 Глубокий ров, окружавший цитадель, осаждающие преодолели по каменному мосту. Под его прикрытием они смогли проникнуть во внутренний замок. Гарнизон короля Джона сдался 8 марта 1204 г.

3 Через сток «гардероба», или туалета, несколько смельчаков проникают в часовню, после чего штурмовой отряд врывается во внешний двор замка.

2 В феврале 1204 г. солдатам Филиппа удается с помощью сапёров овладеть первым эшелоном укреплений.

1 Войско Филиппа II подступает к замку в августе 1203 г. Французы «окапываются», чтобы защитить свою стоянку от вылазок неприятеля.

делать очень длинной. Нередко лестницы устанавливались на берфруа или, когда осада велась с воды, на кораблях. Лестницы применялись обычно массированно, чтобы дать возможность подняться на стены как можно большему количеству людей одновременно и не позволить противнику сконцентрировать усилия для противодействия штурму на немногих участках. Мы находим упоминание о том, что при осаде Иерусалима крестоносцами летом 1099 г. двум рыцарям полагалось обеспечить по одной лестнице (в предприятии участвовало, по-видимому, до 1300 рыцарей, тогда как протяженность стен не превышала 2—2,5 км. — *Прим. пер.*). Но лестницы применялись не только открыто, их также задействовали для инфильтрации в ночное время. Так, например, в 1098 г. при осаде Антиохии отряд в шестьдесят крестоносцев с помощью лестниц взобрался перед рассветом на башню (по договоренности с охраной), овладел участком стены, потом открыл ворота, в результате чего огромный город (с населением, вероятно, до 100 000 чел.) к полудню полностью оказался в руках завоевателей.

Для пробивания брешей в стенах и воротах применялись тараны, известные еще с античности. Самый примитивный — большое бревно, которым несколько человек периодически наносили удары в одну точку. Иногда, особенно когда местность не изобиловала подходящей растительностью, в качестве тарана годились снятые с кораблей мачты. Внедрение металлического наконечника значительно повысило эффективность оружия. Более совершенный таран устанавливался на колесную «тележку», чтобы быстрее и с меньшими затратами сил подкатывать его к стенам, обычно рабочая часть веревками или цепями крепилась к раме, что позволяло раскачивать таран и наносить более сильные и частые удары. Со временем, особенно когда в моду вошли специальные воротные башни, стало привычным настилать на каркас установки сверху крышу из сырых шкур животных, что обеспечивало «таранной прислуге» защиту от кипящего масла или смолы, которыми поливали противника защитники. В 1268 г., по всей вероятности, именно таран после полумесяца осады

решил судьбу все той же Антиохии (в ту пору христианской) — города, который до того переходил из рук в руки лишь вследствие предательства.

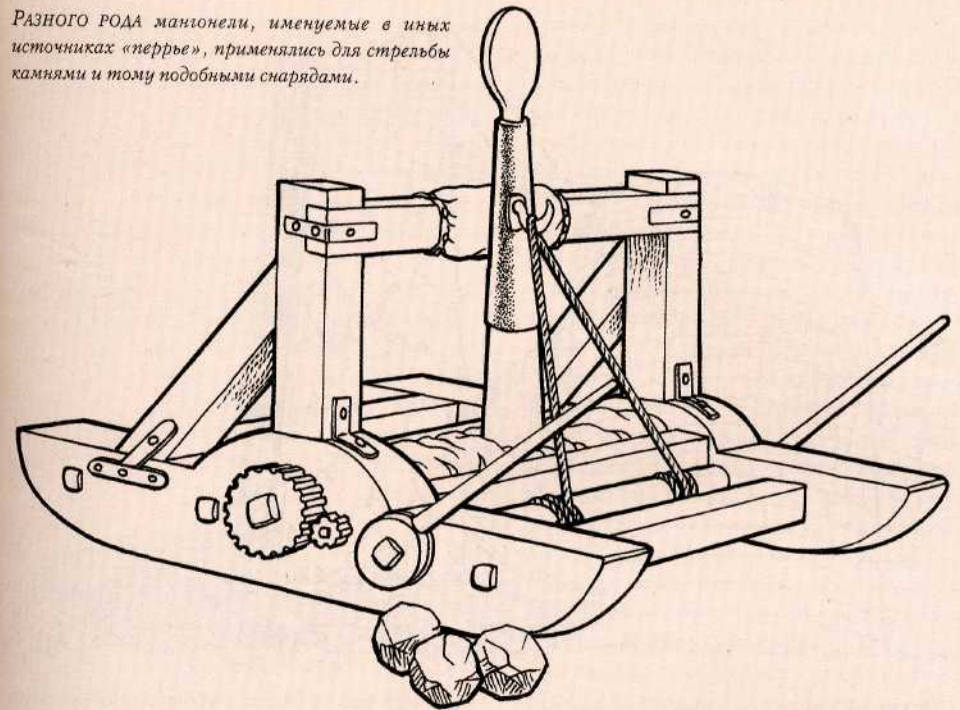
Еще одним традиционным способом преодоления стен служили «мины» — специальные подкопы. Такая техника пользовалась популярностью еще у римлян. Обычно под стену подводился туннель, который укреплялся балками, чтобы обрушение не произошло спонтанно раньше времени, после окончания работ в туннеле зажигали масло, когда балки сгорали участок стены рушился, открывая осаждающим дорогу в крепость. «Саперам» короля Джона под Роучестером понадобилось сало 40 свиней.

В 1291 г. при осаде Акры египетский султан аль-Ашраф открыто похвалялся перед осажденными, что подкоп под их укрепления ведут более тысячи человек. В 1285 г. из-за обрушения части укрепления госпитальерам пришлось сдать неприступный Маграт. В 1289 г. те же «мины» послужили причиной падения Триполи. Иногда задача «саперов» состояла в прорытии туннеля — подземного пути в замок или город. Часто для прикрытия входа в туннель использовались укрытия, так, во время осады Тулузы в 1218 г. такое укрытие («кошка») скрывало действия 550 чел. Для обеспечения маскировки подкопы нередко велись ночью. В любом случае «саперное дело», как тогда, так и теперь, отличалось повышенной опасностью. Нередко «минеры» гибли при преждевременном обрушении стены или в результате встречного «минирования», когда они сталкивались под землей с отрядом осажденных, стремящимся помешать неприятелю закончить работу.

Метательные машины

Но не всякий грунт позволял применять «мины». А вот разного рода метательные машины использовались практически всегда. Такие приспособления условно делились на две группы: одни действовали по принципу арбалета, стреляя большими стрелами, а другие использовали энергию двух раскручивавшихся веревок, чтобы привести в движение «лапу» со «снарядом» (камнем, бочкой с известью или нечистотами, сосуда с «греческим огнем»,

Разного рода мангонели, именуемые в иных источниках «пифры», применялись для стрельбы камнями и тому подобными снарядами.

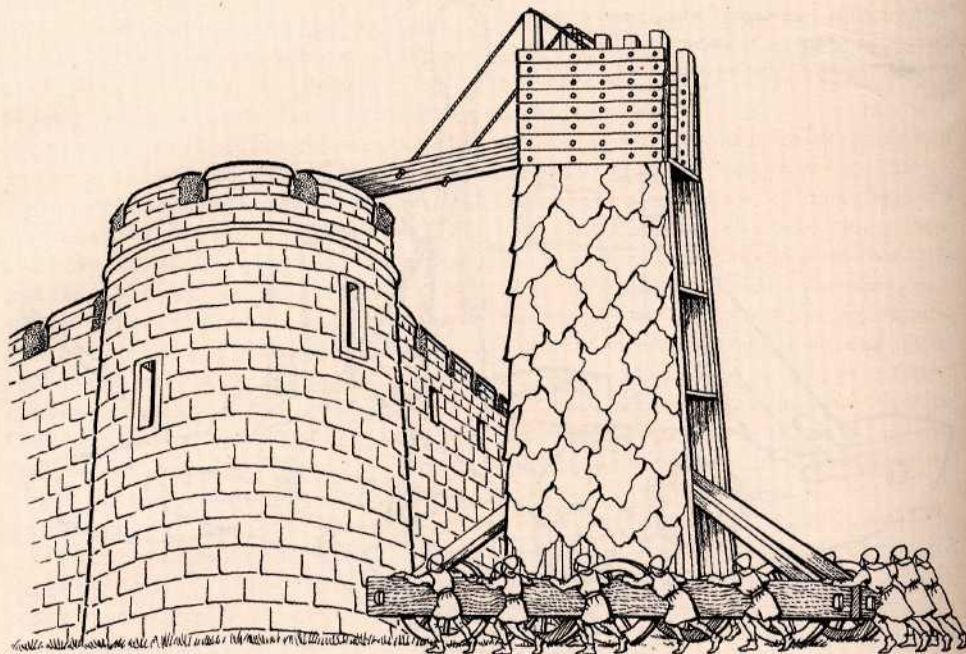

мертвым телом или его частью и т.д.). Метательные машины строились для разных целей, но лишь наиболее крупные применялись для разрушения стен. Довольно сложно установить, какого именно вида приспособления задействовались в том или ином случае, поскольку хроники, как мы уже отмечали, писались часто монахами, не слишком-то разбиравшимися в военном деле. Они использовали латинские слова, однако применяли их порой далеко не точно. Потому термин «баллиста» или «мангонель», как и «катапульта», может подразумевать под собой в разных хрониках мало похожие друг на друга машины. Иллюстрации в манускриптах помогают кое-что прояснить (хотя и они выполнялись обычно такими же некомбатантами, как и сами хронисты), случается, и письменный источник предоставляет вдруг детальные подробности. Однако в любом случае особенно доверять им не приходится.

Машины, метавшие стреловидные снаряды, варьировались в размерах от несколько увеличенного арбалета до огромных монстров, обеспечивающих усилие, недостаточное, чтобы послать снаряд (часто металлический) величиной с копье и весом до 25 кг на несколько сот метров (до по-

лукилометра). Особенный эффект подобное вооружение позволяло достигнуть при попадании в места скопления живой силы неприятеля. Как мы знаем из того, что поведал нам монах Аббо, в 885 г. под Парижем одна из таких стрел пронзила сразу несколько человек. Для того чтобы натянуть тетиву такой баллисты, требовался расчет из нескольких человек. Французы во время крестовых походов осуществляли «взвод» механизма с помощью ворота (часто просто палка, продетая между веревками), что обеспечивало большую точность стрельбы. Выпущенный из баллисты снаряд мог покрыть до трех четвертей километра. (Иосиф Флавий говорит, что во время осады Иерусалима римлянами в 70 г. н.э. дистанция полета камня весом в один талант [24 кг] достигала семисот метров. — *Прим. пер.*)

Такого рода машины не являлись диковинками ни для арабов, ни для франков и саксов. Стрельба осуществлялась широким спектром снарядов от стенобойных (большие камни) до зажигательных и даже... бактериологических (нечистоты, трупы людей и животных, особенно тех, кто умер от опасной инфекции). Так, Халим I Завоеватель (иначе Яков I. — *Прим. пер.*), король Арагона (1213—1276),

Перекидной мостик, как видим мы на этой иллюстрации XIV столетия, опускается на стену, позволяя осаждающим в берфруа ворваться в башню. Внутри осадной башни имелись разного рода приспособления, в том числе и лестницы, по которым штурмовой отряд мог карабкаться на стены.

применял катапульты с воспламеняющимися снарядами. Использовались метательные машины (особенно малые) и как средство деморализации неприятеля, скажем, для отправления осажденным голов их убитых родичей и товарищей. Под Оберошем французы зарядили мангонель английским связным, отправленным осажденным гарнизоном за помощью, привязали донесение ему на шею и запустили обратно в замок. Англичане были «весьма поражены его возвращением».

Мангонель — наиболее распространенное название орудий средневековой «артиллерии», применявшихся до внедрения настоящих пушек и мортир. Хотя вообще для обозначения метательных машин существовало не менее дюжины терминов самого различного происхождения (латинского, греческого, арабского и т.д.), перечислять даже часть из которых здесь нет никакого смысла.

Обычно под мангонелем подразумевается камнемет с подвижной рабочей частью, по виду напоминавшей огромную ложку, которую оттягивали как можно

дальше назад посредством закручивания переплетенных веревок рычагом (по принципу ворота), затем в нужный момент резко отпускали (обычно фиксируя перед выстрелом). Освобожденная рабочая часть стремительно двигалась вперед до соприкосновения с передней поперечной переладиной рамы, ударялась о нее, и выброшенный в результате резкого торможения рабочей части из «ложки» снаряд летел в сторону неприятеля. Один средневековый арабский хронист извинялся перед читателями за то, что не мог позволить себе привести всех подробностей конструкции мангонеля, поскольку не имел права «раскрывать тайну, которую обязан соблюдать». Однако он проговаривается, что лучше всего вырезать рычаг из вишни, поскольку она особенно гибка и упруга. Слово происходит, по-видимому, от греческого «манганон» и обозначает «дробление». Можно встретить термин «петрари» (или «перрье»), восходящий явно к греческому слову «камень» и переводимый потому как «канемет». Иногда такие машины ставили на колесные платформы (или же на суда, как поступили осажденные в Акре в 1291 г. крестоносцы, обстреливавшие с воды лагерь султана. — *Прим. пер.*), что позволяло менять позиции. Есть описание турецких мангонелей с подвижной «чашей» на конце подвижной

части, что давало возможность задавать разную траекторию полета снаряда, не меняя положения всей машины. Дальность бойности большинства этих камнебросалок, как можно судить, невысока — около 100 м. Как уже говорилось, снарядами могли служить не только камни. Уже в десятом столетии есть упоминания о металлических «ядрах». Вспомним также о «греческом огне» Жоффруа V под Монтрэй-Белле в XII веке, о «металлическом дожде» (видимо, свинцовом) Эдуарда I во время осады Эдинбурга в XIII столетии, о навозе в случае противостояния под Карлштайном в XV века и о кусках человеческих тел под Малагой (1490).

Осадные башни

Берфруа, или осадные башни, находили применение практически во всех крупных осадных мероприятиях центрального периода Средневековья. Идея состояла в создании боевой позиции на уровне стены или лучше выше, что позволило бы прицельно обстреливать неприятеля на этапе сближения, а по окончании его «высадить десант» на стену по мосткам. Строились такие башни на удалении от стены, после чего подкатывались к ним иногда по специальной насыпи или своего рода гати из досок. Применялись различные приводы: самый простой — толкать и тянуть на веревках, однако нередко использовались и более изощренные механизмы, такие, как ворота и шкивы. Обычно башни сооружались на месте из подручных материалов (на лишенной леса местности даже из узлов кораблей), но случалось, готовые узлы доставляли к цели, где оставалось только составить их вместе, скрепить и использовать сооружение по назначению. Иногда башни служили для отвлечения неприятеля и прикрытия подкопов, которые вели под ними осаждающие. На берфруа могла устанавливаться различная осадная техника: тараны, катапульты и т.д., однако основная функция подвижных башен состояла в доставке «десанта» на стены и обеспечении его прикрытия, каковую функцию выполняли лучники или арбалетчики.

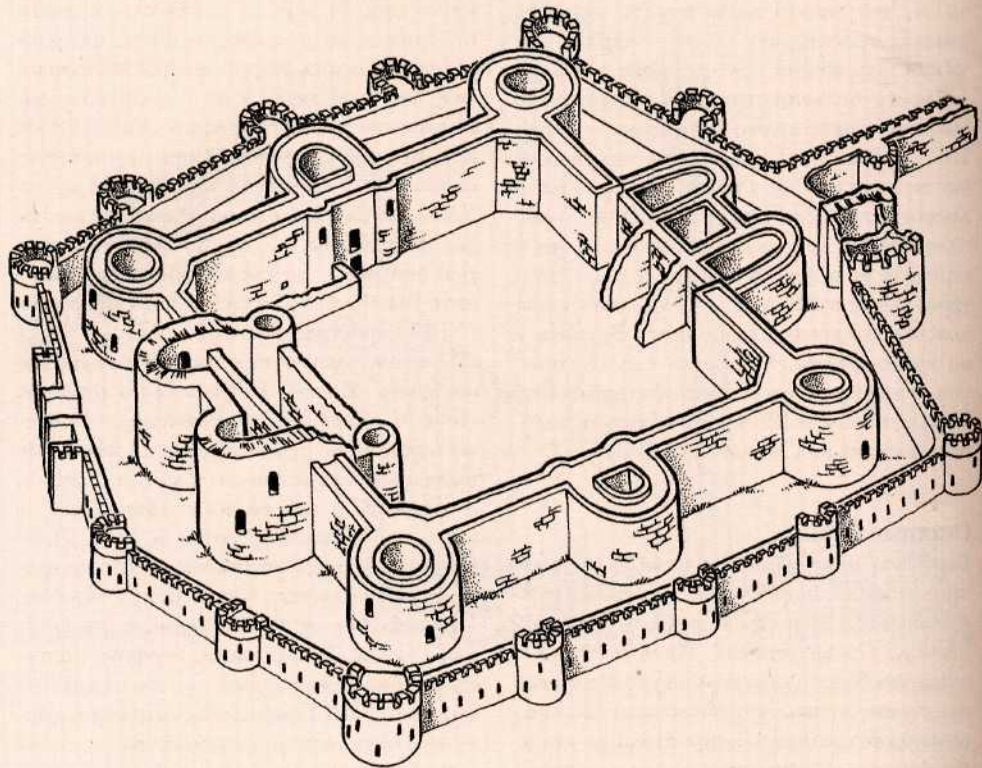
Обычно берфруа имели многоуровневую структуру с лестницами или мостиками для выхода на стену. Поскольку стро-

ились они из дерева, в качестве средств по снижению пожароопасности изделий задействовались сырые шкуры животных или листы железа, а на случай возгорания имелись емкости с водой. Уже в 885 г. викинги возводили под Парижем крытые башни на 16 колесах каждая. Берфруа Хаиме I Арагонского на Мальорке имела две платформы — одну посередине, а другую наверху — со съемными заграждениями. Высота башни осаждавших Лиссабон (1147) христиан достигала 29 м.

Берфруа далеко не являлись идеальным оружием. Многие застревали по дороге к стене и даже переворачивались. Вовремя сделанная решительным гарнизоном вылазка могла привести к захвату башни, ее поджогу и гибели всего «экипажа» — иногда до нескольких сотен человек. Противник мог поджечь башню стрелами или снарядами своих метательных машин. Происходили и обыкновенные несчастные случаи. Так, скажем, берфруа братьев-меченосцев во время одного из крестовых походов в Прибалтике перевернулась просто от порыва сильного ветра.

Обманные приемы в осадном деле

Взять крепость обманом никогда не считалось зазорным. Иногда осаждающие могли использовать личину мирных жителей — кушдов или простых крестьян, — чтобы проникнуть за ворота, порой старались найти предателя, который бы за деньги или по какой-либо другой причине впустил их в город или замок. Так случилось во время уже упомянутого взятия Антиохии в начале июня 1098 г., когда один из предводителей крестоносцев, князь южноитальянских норманнов Боэмунд вошел в тайный контакт с командиром охраны двух башен, который пропустил в город небольшой «диверсионный отряд» франков. Иногда смелые и отчаянные люди пускались на приемы, годящиеся для романов вроде «Три мушкетера» А. Дюма. Жоффруа де Брюйер пробрался в замок Арахорон в Морейском (иначе Ахейском) княжестве (середина XIII века), напоил кастеляна, а потом, украв у него ключи, впустил своих людей в крепость. Забавный, хотя и несколько трагикомический случай произошел в Ла-Рошели во время Столетней войны с недале-

ЗАМОК БОМАРИ — вид «с птичьего полета» — был построен по приказу Эдуарда I мастером Джеймсом из Сен-Джорджа на острове Англси, чтобы стать одним из нескольких больших замков в завоеванных валлийских землях. Замок в полном смысле концентрический — имеет два ряда стен и окружен круглыми башнями. Твердыню недостроили, также никогда никто не попытался штурмовать ее.

ким Филиппом Манселем, комендантом английского гарнизона. Французский мэр города знал о глупости Манселя и, пригласив того на обед, зачитал якобы полученное от Эдуарда III письмо. «Приказом короля» Манселю якобы предписывалось вывести войска из цитадели и построить на городской площади. Мансель так и сделал, однако французы окружили его солдат и принудили их сложить оружие, после чего легко захватили оставшийся без защитников замок. На слабохарактерного коменданта той или иной крепости могло произвести впечатление уже количество солдат неприятеля (нередко хитрый командир мог посадить на коней и мулов всех лагерных некомпатантов) и заставить его согласиться на добровольную сдачу. Случались и совсем уже «грязные трио-

ки». Так, в 1266 г. во время осады «неприступного» Сафеда тамплиеров султан Бейбарс распространил слух, что жаждет крови лишь рыцарей, тогда как любой сержант и слуга сможет рассчитывать на снисхождение. После этого рыцарям (меньшинству) пришлось договариваться о капитуляции, так как они могли в любую минуту ожидать предательства со стороны «неблагородных» братьев. Несмотря на обещание сохранить жизнь сдавшимся рыцарям, султан велел перебить их. Всех прочих угнали в рабство.

Концентрические замки

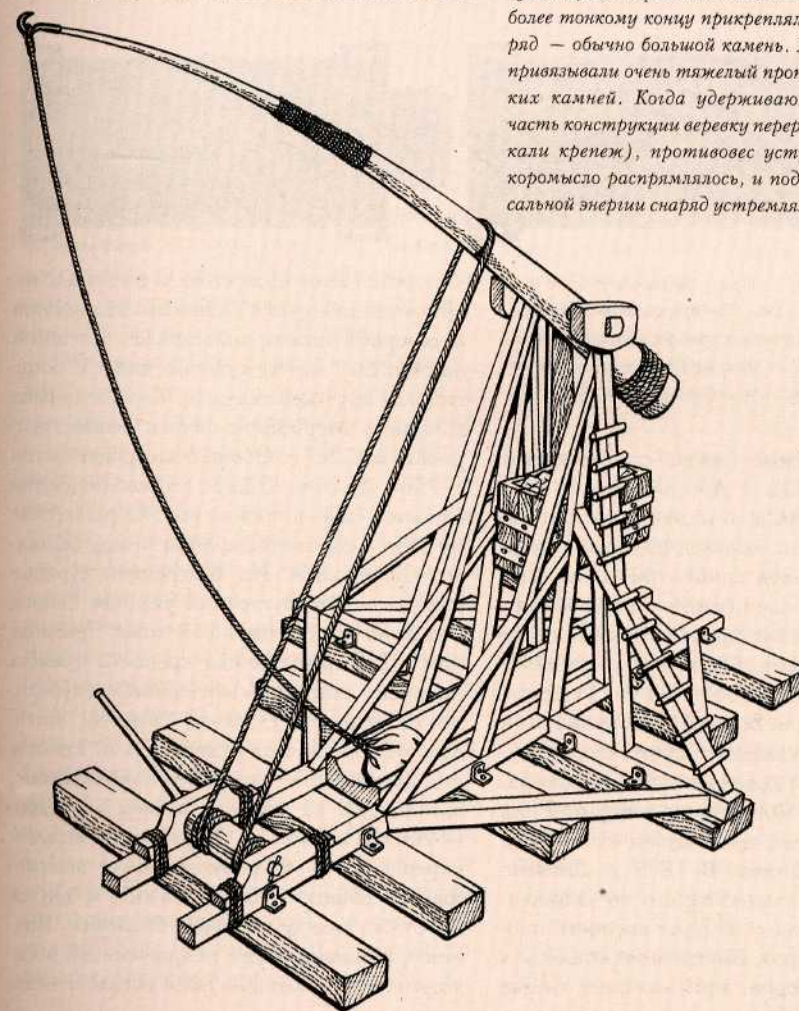
Извечное соревнование между обороной и нападением в осадном деле выразилось в «высоком» Средневековье в значительном конструктивном усложнении укреплений замков. О круглых башнях мы уже говорили. Следующий шаг касался усовершенствования внешних фортификаций, т.е. в строительстве концентрических (построенных по принципу концентрических окружностей) замков, имевших более одного (обычно два) «кольца» стен. В этом случае средняя (т.е. вторая) стена делалась

выше внешней (первой). Концепцию эту мы можем наблюдать на примере того же Шато-Гайяра, хотя и не являвшегося концентрическим в строгом смысле слова, но обладавшего двумя «палисадами», что давало обороняющимся возможность, потеряв один ряд, продолжать держаться за вторым. Сооружение башен по периметру стены (обычно на расстоянии среднего полета стрелы, около 100 м. — *Прим. пер.*) повышало обороноспособность крепости, позволяло действовать против штурмующих с фланга. При этом захват одной башни не гарантировал падения всего эшелона обороны — захватившие ее рисковали оказаться отрезанными «огнем» из двух соседних башен (справа и слева). (Яркий пример та же Антиохия, построенная за 300 лет до Р. Х. и отреставрированная византийцами в XI веке; к моменту прихода крестоносцев она имела

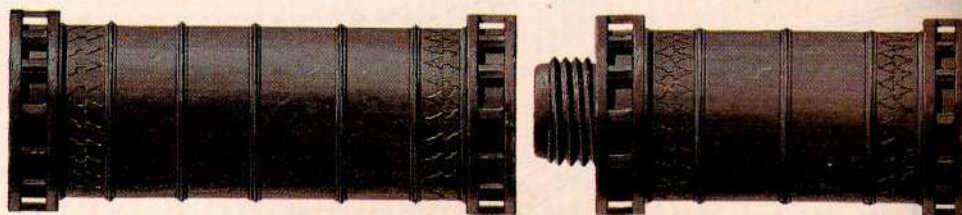
400 башен. — *Прим. пер.*). В Средние века данная концепция вызвала отход от старого прямоугольного дизайна и переход к полигональному, или многоугольному.

В «новых» крепостях архитекторы придавали больше значения стенам, нежели донжону, или внутреннему замку. Пример — французские замки XIII столетия, такие, как в Анжере или Булони. Особый упор делался на оборону входа, над которым обязательно возвышалась башня или же пролегала «галерея» между двумя выступавшими по бокам башнями, сами же ворота ставились в два уровня в своего рода туннеле (иногда идущем под углом и сужавшемся), порой с одной или несколькими подъемными решетками.

ТРЕБЮШЕ ЯВЛЯЛА собой одну из двух главных изобретенных в Средневековье осадных машин. Длинное сужающееся коромысло сгибали и фиксировали. К более тонкому концу прикрепляли металлический снаряд — обычно большой камень. К толстому концу привязывали очень тяжелый противовес из нескольких камней. Когда удерживающую качающуюся часть конструкции веревку перерубали (или отпустили крепез), противовес устремлялся к земле, коромысло распрямлялось, и под действием колоссальной энергии снаряд устремлялся в полет.

Осадные пушки применялись уже в XIV столетии, на протяжении которого они непрерывно эволюционировали, чтобы стать важнейшим осадным вооружением на заключительном этапе Средневековья. Само слово «пушка» (в большинстве западноевропейских языков оно происходит и пишется довольно схоже. — Прим. пер.) восходит к греческому «канун» (лат. *сиппа*), что обозначает просто трубку. Типичной разновидностью являлась бомбарда (справа), изготавливавшаяся из железа и скреплявшаяся железными же обручами. Пороховой заряд в такие орудия засыпался с дульной части. К 1500 г. пушки становились все тяжелее и мощнее. Обычно вес снаряда составлял около 130–140 кг, но встречались бомбарды и с более внушительными возможностями.

Пушка Мехмета II (внизу), отлитая в 1464 г. и примененная турками для прикрытия Босфора. Орудие обладало способностью разделяться на две части, что облегчало транспортировку. Масса его составляла 18 т, а длина достигала 5,25 м.

Очень сложные замки строились по приказу Эдуарда I Английского в ходе завоевания Уэльса. В их конструкции нашли отражение все последние технические новшества, а идея концентрических стен (применение более одной стены, полностью окружающей замок) была поднята на новый уровень. Основные концентрические замки в данной группе: Раддлан, Гарлех и Бомари. Все они возводились под руководством главного архитектора Эдуарда I, мастера Джеймса из Сен-Джорджа. Раддлан в Флинтшире к югу от Рила был, как и Гарлех, построен на месте более раннего укрепления. В 1277 г. Джеймс приступил к перестройке его по «концентрическому» плану. Вокруг крепости пролегал широкий ров. Внутренний «палисад» имел шесть сторон, при этом две самые

короткие стены на востоке и на западе отличались двойными башнями. На южной и северной стояли одинарные. Внешний эшелон был соответственно ниже и опоясывался крутыми скатами. Гарлех на реке Двирид в Мерионете начали реконструировать в 1283 г. Обошлось строительство в 9500 фунтов. С двух сторон подступы охранял очень широкий ров. Обращенные на восток ворота проходили между башнями-близнецами. На внутренней куртине находилась закругленная угловая башня. Внешний крепостной вал тоже пролегал ниже. В Гарлехе новая крепость пришла на смену старому «мот-э-бай» (курганно-палисадному) замку, саму же цитадель от города стал отделять ров. Работы над Бомари, — наверное, наиболее впечатляющим из всех, — велись на острове Англи в 1295 г. Внутренний эшелон укреплений — прямоугольный с массивными «башнями-барабанами» и двумя воротами между парными башнями. Внешнее, напоминающее неправильный восьмиугольник «кольцо» так и осталось неза-

конченным. Впрочем, никто так никогда и не попытался овладеть крепостью.

Нельзя, касаясь этой темы, не упомянуть Конузэй и Карнарвон, также построенные мастером Джеймсом для Эдуарда I в Северном Уэльсе. В Карнарвоне работы начались в 1283 г. Как и в Гарлехе, замок Карнарвон и город разделил ров. Сооружение необычного по форме, — как считается, на проектировщика повлияло знакомство с укреплениями Константинополя, — восьмиугольного замка не было доведено до конца. Его нельзя все же назвать в строгом смысле концентрическим. Конузэй тоже не в полной мере концентрический, так как два главных строения стоят одно к одному. Вместе с тем стены с востока и запада были двойными, тогда как с других сторон (где укрепления прикрывали вода или ров) нужда в дополнительном внешнем эшелоне просто отсутствовала.

Осадное вооружение на более позднем этапе Средневековья

Мощные укрепления замков, характерных для «высокого» Средневековья и более позднего времени, сильно затрудняли выполнение задач осаждающим. Привычные методы осады продолжали действовать и повсеместно применялись, однако все чаще возникала потребность в некоем более сильном вооружении.

Первое в полном смысле оригинальное такого рода приспособление эпохи «высокого» Средневековья — требюше (*trebuchet*). Основное конструктивное новшество ее заключалось во внедрении противовеса. Трудно сказать, когда именно появилась первая требюше. Более или менее достоверные упоминания о ней относятся к XIII столетию, однако не вызывает сомнения тот факт, что эксперименты в данном направлении широко велись уже в XII веке, а то и ранее. Сходная машина описывается в хронике, посвященной завоеванию крестоносцами Лиссабона в 1147 г., и называется «балеарской пращей», нечто похожее имелось и у Вильяма Льва (короля Шотландии 1165–1214 гг. — Прим. пер.) под Уарком в 1174 г. (название другое, но принцип действия одинаковый), а также использовалась на исходе XII столетия Ричардом Львиное Сердце и, наконец, Ха-

име I Арагонским (термин вновь другой, но суть та же). Все эти машины можно, по-видимому, назвать требюше.

Основной рабочей деталью требюше служил гибкий деревянный рычаг, или коромысло (или подвижная рабочая часть наподобие той, что у манготелей, но существенно длиннее — около 15 м. — Прим. пер.), качающийся на закрепленном к раме штыре. К более короткому и толстому концу коромысла подвешивался противовес (в виде камней или же свинцовых грузил — до 10 т. — Прим. пер.). С более длинного и тонкого конца свисала петля (напоминающее «пращу» приспособление). Этот конец с помощью лебедки оттягивался вниз и закреплялся, вследствие чего противовес поднимался. В петлю клали «снаряд» — тяжелый камень весом примерно 130–140 кг. Затем «курок» спускался (часто просто обрубалась веревка. — Прим. пер.), противовес летел к земле, а снаряд соответственно в направлении цели на расстояние до 300 м.

Как мы уже отмечали, есть основание считать, что требюше (возможно, под другим названием) использовалась уже в XII столетии. Так или иначе, к XIII в. она завоевала репутацию наиболее мощного осадного вооружения. Противовес и петля позволяли стрелять куда большими снарядами и давали возможность нанести ущерб даже мощным укреплениям.

Эджидио Колонна, служивший Филиппу IV Красивому, королю Франции (1285–1314), насчитывал четыре вида требюше. Эксперимент, проведенный куда позднее, уже во времена Наполеона III, показал, что такая машина может бросить камень весом в 11 кг на 182 м. Не слишком впечатляющий результат. Сегодняшний рекорд — 1000-килограммовый снаряд при примерно 25-тонном противовесе. Так что приведенные выше данные (снаряд около 135 кг, противовес 10 т) можно считать средними и, стало быть, наиболее реальными. Понятно, что такая громоздкая машина не могла обеспечить высокой скорострельностью. Однако этого и не требовалось. Так, требюше Хаиме I Арагонского при осаде замка Ивисы выпустила всего 10 камней, чего оказалось достаточно, чтобы принудить осажденных к сдаче. В Кастельнодари в XIV столетии один из трех камней сразу

На иллюстрации представлена осада Кале в 1346–1347 гг., в ходе которой осаждающие применяли пушки (один из первых подобного рода случаев). Эдуард III осадил Кале после своей победы под Креси. Французский гарнизон короля Филиппа VI, руководимый Жаном де Винном, оказался блокирован как с моря, так и с суши. Наученный горьким опытом Креси, Филипп не мог отважиться на еще одно столкновение с англичанами, а потому не приложил особенно много усилий для того, чтобы выручить осажденных, которые и капитулировали в 1347 г.

снес башню, второй разрушил зал, а третий убил множество защитников.

Как мы видим, требовало производила колоссальные разрушения, уравнивая таким образом шансы атакующих и обороняющихся, которые теперь не могли уже полностью положиться на мощные укрепления. Однако в XIV столетии появилась еще более грозная сила, которая поначалу не произвела особого фурора. Порох знали еще древние китайцы, однако они использовали его в основном для фейерверков. Роджер Бэкон, францисканский фриар и ученый (ок. 1220–1292), описывает эксперименты с огнестрельным оружием уже в 1249 г. О военном применении пороха в

том же столетии упоминается у другого автора, арабского, а в XIV веке огнестрельное оружие применялось маврами в Испании. «Миллеметова рукопись» (*Millemete Manuscript* — рукопись Роджера де Миллемета. — Прим. пер.) 1327 г. имеет иллюстрацию, на которой изображено нечто вроде пушки — этакое сосуд вроде вазы с отверстием для запала, заряженный стрелой наподобие арбалетной.

К первой половине XIV столетия относятся и несколько других упоминаний об огнестрельном оружии в Западной Европе, включая Англию, Францию, Бельгию, Италию и Испанию. Эдуард III Английский использовал при осаде Кале десять пушек (1346–1347), в то же время в самом лондонском Тауэре их находилось около сотни. Поначалу, как можно предположить, большой эффект производил грохот взрывов, пламя и дым, нежели сами снаряды, однако к XV столетию пушки перестали быть лишь хлопушками. Они строились во все больших количествах и становились важнейшим вооружением при осадах.

Английское слово *саппон* (в других западноевропейских языках очень похо-

жие. — Прим. пер.) происходит от греческого «канун», что означает «труба» (возможно, по ассоциации с камышом — *саппа*. — Прим. пер.). Одна из первых пушек представляла собой восьмиугольную трубу с круглым отверстием, камора к которой приковывалась на заключительном этапе процесса отливки. Применялись различные материалы — часто медь и бронза, однако наибольшее распространение получил чугун. Первые пушки клали на какую-то твердую опору и наводили в сторону неприятеля, некоторые (обычно маленькие) привязывались к деревянному «ложу» и устанавливались на клинообразные расчалки, чтобы менять угол наводки. В XV столетии появились колесные лафеты. Порох засыпался в рабочую камеру через дульное отверстие, затем забивался дере-

вянный пых, а потом уже вкладывалось «ядро» (часто просто более или менее круглый камень. — Прим. пер.). Порох воспламенялся через запальное отверстие фитилем. Первые пушки были обычно небольшими, однако к середине XV столетия появилось немало самых настоящих гигантов.

Осада Константинополя. 1453 г.

Осада Константинополя турками в XV веке получила широкое освещение в тогдашней хроникально-документальной литературе. Однако проблема в том, что едва ли не все летописи греческие или же западные, что предоставляет несколько однобокий взгляд на события. Главный источник «с другой стороны» не столь детален, хотя и позволяет немного «выровнять баланс».

Местоположение Константинополя, выросшего «на стыке» Европы и Азии, превратившегося в центр международной торговли, делало его притягательной мишенью для завоевателей. Между тем лишь немногим удавалось взять город при-

ступом, прежде всего из-за удачного его расположения — с трех сторон Константинополь омывало море: на севере — залив Золотой Рог, на востоке — Босфор, а с юга — Мраморное море.

Подойти к городу по суше представлялось возможным только с запада, где противника ожидали мощные оборонительные фортификации. Константинополь пережил в Средние века множество осад.

«При свете факелов турки стянули к городу артиллерию. Они издавали боевые кличи, главным образом для того, чтобы посеять в нас страх. Из их осадной машины летели камни, и черные тучи скрывали солнце».

ГЕОРГИЙ СФАНИЦ,
ГРЕЧЕСКИЙ ХРОНИСТ

Тут — и не раз — пробоваали свои силы персы, арабы и руссы, но назвать только их значит не назвать почти никого. В 1097 г. великий центр христианства попытались захватить не неверные, не язычники, а самые что ни на есть христианские воины — участники Первого крестового похода, поссорившиеся с императором Алексеем на почве нежелания приносить ему вассальную при-

сягу. Они атаковали в аккурат на пасхальной неделе. Тогда не получилось, зато своей цели добились участники Четвертого крестового похода, дважды штурмовавшие город в 1203–1204 гг. (см. подробнее в след. разделе).

К тому времени христианство разделила схизма — римский католицизм Запада стал врагом православного Востока, т.е. Византии. Девяностолетний слепец, дож Венеции Энрико Дандоло (ок. 1109–1205), многие годы лелеял месть. Купец и политик, он... ловко перекупил крестоносцев (обратил их в своих должников) и заставил служить интересам Венеции. Сначала удар их войска испытал на себе христианский Задар (конкурент Венеции в торговле), затем крестоносцы двинулись к Константинополю, во властных эшелонах которого тогда творился невообразимый хаос.

Отряды Четвертого крестового похода подступили к городу в июне 1203 г. и устроили приступ, вызвавший настоящее смятение у византийской знати. Крестоносцы действовали вначале как бы в интересах справедливости — возвращали на

Осада Константинополя 1453 г.

Султан Мехмет II приступил к осаде Константинополя 7 апреля 1453 г. Туркам к тому моменту принадлежали уже значительные территории в Восточной Европе, а потому город фактически находился в изоляции и мог рассчитывать лишь на незначительную помощь извне, что позволяло туркам вести планомерную осаду. Турки применяли в том числе и большие пушки, отлитые для них венгром, ренегатом Урбаном. Итальянскому флоту удалось пробиться в залив Золотой Рог, чтобы немного помочь осажденным. Затем Мехмет обошел закрывавшую вход в Золотой Рог огромную цепь — его флот частично был переброшен в залив по суше. После того как турки овладели Золотым Рогом, город оказался в полной блокаде. 29 мая осаждающие развернули генеральный штурм, атакуя волнами. Последними на приступ пошли элитные части — янычары. Турки преодолели стену и почти одновременно прорвались через малые ворота, которые оказались незапертыми по оплошности или по недоразумению. Константин XI погиб в последней битве. После трех дней бесчинств турецких воинов Мехмет приказал навести порядок. Константинополь превратился в его новую столицу.

Константинополь, древняя Византия, занимал очень важную стратегическую и выдвинутую с экономической точки зрения позицию, так как располагался между Европой и Малой Азией и между Средиземным и Черным морями.

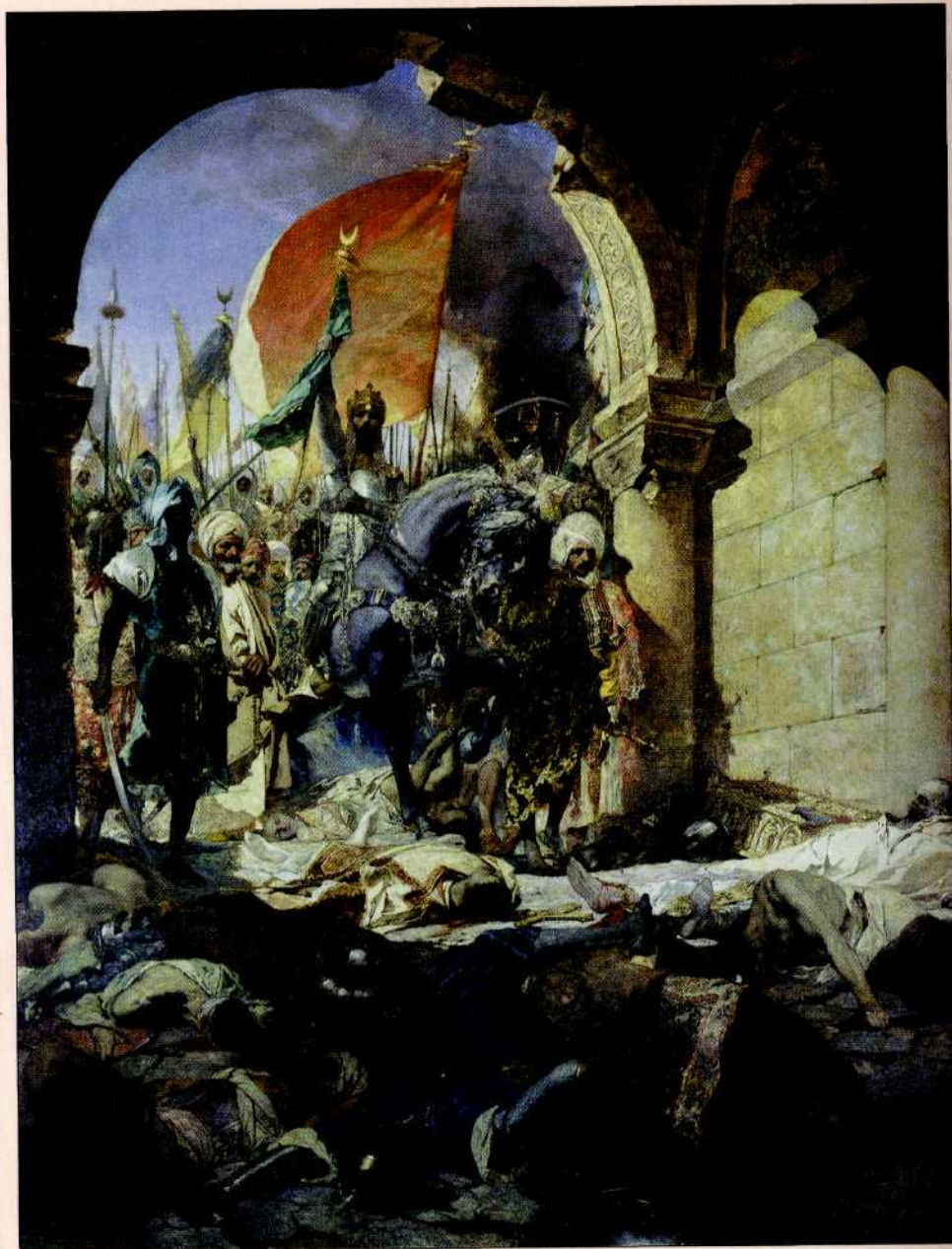
1 Начиная с 7 апреля 1453 г., войско Мехмета становится лагерем против стены, прикрывающей Константинополь с суши. Город отрезан и подвергается постоянным бомбардировкам.

4 В ночь с 28 на 29 мая турки прорвали оборону и проникли в город через маленькие воротца.

3 Мехмет приказывает перекачать свои корабли в Золотой Рог по суше в обход Перы. Константинополь оказывается полностью обложен противником.

5 Константин XI погиб на улицах своей столицы, которую победитель отдал на три дня на разграбление своим войскам.

2 Небольшой итальянской эскадре удается прорваться в Золотой Рог и усилить оборону.

ТУРКИ ВСТУПИЛИ в Константинополь 29 мая 1453 г. Византийский император Константин XI погиб во время штурма. Султан Мехмет II отдал войскам город на трехдневное разграбление.

престол представителя свергнутой партии. Цели они достигли: императора Алексея III Ангела сменил ранее низложенный (и ослепленный) им брат, Исаак II Ангел, с сыном Алексеем IV в качестве соправителя (он и обращался за помощью

к крестоносцам. — *Прим. пер.*). Алексей не смог выполнить обещания — покрыть долги франков дожу. Сложилась очень непростая ситуация, которая стоила Исааку II и Алексею IV трона и жизни. Освободившийся престол занял аристократ по кличке Морчофль (так звучало Муртзуфл, или Муртзуфлус — насуленный — у франков), ставший Алексеем V.

К началу апреля 1204 г., уразумев, что платить никто не будет, крестоносцы

бросились на штурм города с моря и суши. Алексей V Дука бежал, но был схвачен и сброшен с высокой колонны. В разграбленном Константинополе воцарился граф Фландрии, провозглашенный латинским императором Бодуэном I. В 1205—1209 гг. франки завоевали Грецию (власть их там продержалась до 1460 г.). Сама латинская византийская империя просуществовала лишь до 1261 г., когда Михаил VIII Палеолог с помощью Генуи (соперника Венеции) вернул утративший бывшее величие город грекам практически без крови. Так или иначе, сделанное крестоносцами показало, что Константинополь можно взять штурмом.

Период с 1261 по 1453 г. выдался не самым благодатным в истории Константинополя, наибольшую угрозу для которого с XIV века представляли турки-османы. Сам город еще держался, но провинции его одна за другой переходили в чужие руки. Между 1393 г. и 1422 г. Константинополь пережил три крупные турецкие осады, тогда как население резко сократилось из-за Черной смерти. Не единожды византийские императоры пытались заручиться помощью Запада, но без особого успеха. Константин XI вступил на трон в 1448 г., чтобы стать последним византийским императором.

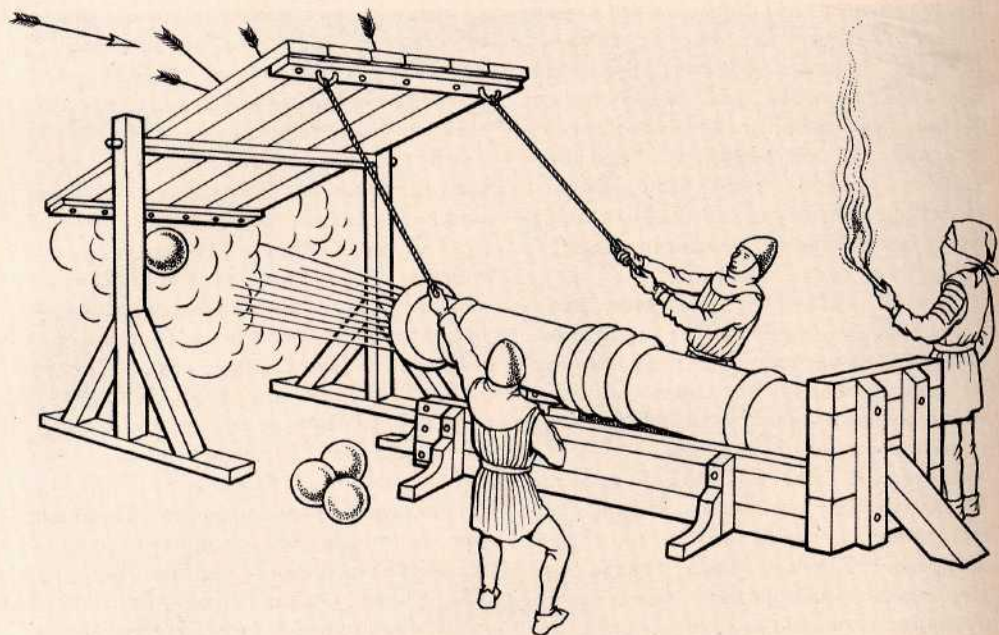
К тому времени турки, переставшие быть, как те же сельджуки, просто ордами конных лучников, многому научились в военном деле, перенимая кое-что в том числе и у Запада. Ядром их армии служили профессионалы: воспитанные в казармах дети христиан — янычары. Османы уделяли немало внимания осадным технологиям. Большой находкой для мусульман стал венгерский инженер по имени Урбан (Константинополь просто не мог заплатить тех денег, которые требовал специалист за услуги). Турки располагали нужными средствами, и Урбан отлил для них множество мощных пушек, незаменимых при осаде укреплений великого города.

Мехмет II Фатих (или Завоеватель) вторично стал турецким султаном в 1451 г. (он уже занимал трон с 1444 по 1446 г. еще ребенком. — *Прим. пер.*), и в 1451 г. ему было только 19. Однако Мехмет любил учиться и с удовольствием слушал, как ему читают историю Рима. У молодого сына христианской рабы-

ни имелись широкие амбиции и стойкая нелюбовь к Константинополю. Предшественники Мехмета по тем или иным причинам не овладели городом, что стало главной задачей молодого султана, который подошел к делу со всей серьезностью, приказав построить перед Константинополем новый форт, Румели-Гисари (что-то вроде «Нож в Горло»), на европейском берегу Босфора. Когда один венецианский корабль попытался подойти к городу, его тут же потопили. Спасшихся — обезглавили. Так началась осада. Мехмет собрал огромную армию — 258 000 чел. на 400 судах. Войску предстояло одолеть, наверное, самую лучшую крепость в мире, окруженную 14 км стен с моря и 6,5 км с суши, где перед ними пролегал громадный ров. Противостоявшие вторжению воины охраняли укрепления, занимая места на 100 башнях. Однако императоры давно уже и отчаянно нуждались в средствах и изрядно запустили фортификации, которые местами требовали срочного ремонта, чем греки и занялись. Гавань Золотого Рога перегородила огромная цепь, не позволявшая вражеским судам войти в залив. Восток в который уж раз обратился за помощью к Западу, но на призыв откликнулось лишь 700 итальянцев. Автор-современник сетовал, что вооруженных «людей едва хватало, чтобы поставить по стенам».

Мехмет изучил представленные ему штабом планы и решил избрать главным сухопутное направление. Там он разбил лагерь, в центре которого велел воздвигнуть красный с золотом шатер. Затем султан приказал ввести в действие осадную машинерию, в том числе и пушки-гиганты, изготовленные для него Урбаном. Скоро рухнули воротные укрепления, часть которых осела в ров, упрощая задачу туркам, трудившимся над тем, чтобы завалить его. Греки бросились заделывать брешь деревом и землей.

Турки же сжимали кольцо. Вот они захватили два внешних форта и остров в Мраморном море. Пленных ждала жестокая участь — несчастных «насаживали задами на острые колья, которые пронзали их насквозь», как сообщает Джакомо Тедальди, воин из Флоренции, являвшийся свидетелем печальных событий. 18 апреля турки попытались преодолеть

Большие пушки получили распространение в позднем Средневековье. Так, одни из наиболее крупных стволов артиллерии использовались при осаде Константинополя в 1453 г. На рисунке мы видим, как артиллеристы применяют пушку со щитом. На то довольно продолжительное время, пока прислуга занималась подготовкой пушки к стрельбе, дверь опускалась, чтобы открыться для выстрела.

заваленный ров, однако ворваться в город все же не смогли. Затем последовало затишье, во время которого прибыл небольшой флот генуэзских галер. Суда уцелели под обстрелом и ночью потихоньку вошли в гавань. Так христиане одержали небольшую победу. Результатом стало смещение турецкого адмирала, которого султан приговорил к смерти, но потом заменил казнь бастонадой (палочными ударами по пяткам и спине. — *Прим. пер.*).

Мехмет решил сменить подход. Он приказал перетаскать корабли в Золотой Рог по суше, таким образом обойдя заграждение. Через Галату проложили специальную дорогу. Пушки били, создавая дымовую завесу, призванную скрыть передвижения турок, которые спустили на воду Золотого Рога семьдесят судов. Тем временем шли осадные работы и на суше, где турки вели 14 подкопов. Однако византийцы с помощью «греческого огня» сумели уничтожить вражеские «мины», не позволив ввести их в действие. Кон-

стантин XI с приближенными объезжал стены, чтобы подбодрить защитников. Золотые и серебряные украшения и посуда переплавлялись на монеты, чтобы расплатиться с солдатами.

Турки тем временем соорудили бертруа и приготовились к генеральному штурму с моря и суши. Греческие священники с иконами совершали крестные ходы, истово молились. Били колокола. В Святой Софии шли христианские богослужения — последние молебны в тысячелетнем храме. Сам император с высокой башни смотрел на мириады огней в турецком лагере. А турки при свете факелов подкатывали артиллерию ближе к стенам. За защитниками внешней стены заперли все ворота. Воинам предстояло выстоять или умереть. Штурм начался после полуночи, около 1.30. Загрохотали турецкие барабаны, завывли трубы и рожки, зазвучали боевые кличи. Атаковали волнами, первыми пускали тех, кто послабее и кого совсем не жалко — нерегулярные войска, толпы башибузуков. Султан приказал убивать любого из них, кто бросится вспять. Они сумели выйти к стене и местами взобраться наверх, но оборона выстояла. Спустя часа два Мехмет дал отбой и велел начать артподготовку. Скоро на недавно восстановленных оборонявшихся участках стен вновь появились бреши. Пыль и дым

стояли в воздухе. В проломы бросилась вторая волна штурмующих, однако они частью пали под мечами и секирами защитников, а частью бежали. При вывозе трупов задействовали сорок телег, но места на них не хватило — множество тел осталось там, где воинов застала смерть. Второй приступ закончился неудачей.

Тем временем начинало светать. Мехмет приготовился к последней попытке — наступала пора бросить в бой янычар. Мехмет сам возглавил их и «проводил» до края рва. Один из греческих командиров, итальянец Джустиниан, получил ранение, и для его спасения открыли ворота, что сильно повлияло на боевой дух греков. Другие бросились к воротам, началась паника. В то же самое время другой греческий отряд сделал вылазку через малые ворота в стене. На обратном пути они не успели запереть их, и турки устремились туда вслед за защитниками. Скоро внешние стены пали. Торжествующие победители рекой полились в город, без жалости вырезая греков. В безнадежном бою на улицах сложил голову и сам Константин XI. Позднее его опознали по носкам с вышитыми двуглавыми орлами. Кровь лилась рекой. Мехмет дал воинам три дня на разграбление. Наконец, кровавая вакханалия закончилась. Греческие авторы, описывая город, называют его «опустошенным, мертвым, голым, безмолвным, лишенным красоты и формы».

За Константинополем утвердилось название Стамбул (еще в XIII веке арабы называли его Истинполин вслед за самими жителями, которые произносили «эйс тен полин», что означало просто «в городе». — *Прим. пер.*), он сделался центром мусульманской Турции — Османской империи. Мехмет II вошел в историю как Мехмет Завоеватель. Святая София превратилась в мечеть. Несмотря на фанатизм мусульман, на первых порах город оставался до известной степени «международным», но с течением времени положение менялось — шла все более активная исламизация. Так или иначе, на протяжении следующих 50 лет численный состав населения рос, и в итоге город опять стал самым большим в Европе. Возродились торговля и ремесла. Стамбул вернул себе право считаться «центром мира», однако Византийская империя исчезла с карты, тысячелетняя цивилизация

ушла безвозвратно. Великая осада имела великие последствия, которые мир ощущает на себе и по сей день.

Наступление новой эры

Требуше, а потом и пушки сместили баланс сил в осадном деле. Стены и башни не могли уже служить надежной защитой. Эра замков подошла к концу. Однако хозяева городов и крепостей позднего Средневековья искали способы усилить их оборонительный потенциал. Стены делались еще толще, рвы еще шире. И, конечно, находила применение новая техника.

Требуше не слишком-то подходили для защиты, однако пушки вполне годились для такой роли. Появились орудийные бойницы, более приземистые и широкие башни, способные служить платформами для артиллерии — целых батарей. Такие установки помогали выравнивать силы, однако они не могли свести на нет усилия противника, а лишь наносили ему больший или меньший ущерб. Постепенно люди осознали, что никакие мощные укрепления не станут для них гарантией безопасности. Все больше и больше столкновений стало решаться в открытых битвах в поле. Переставая служить крепостями, замки меняли облик и назначение, превращались в усадьбы нобилитета, где особый упор делался не на обороноспособность, а на комфорт, место бойниц занимали окна, способные давать больше света. В качестве строительного материала все больше служил кирпич, а не камень. Во Франции слово «шато» стало ассоциироваться не столько с замком в его средневековом смысле, сколько просто с загородным домом или усадьбой.

Однако крепости не ушли в прошлое совсем. Города не оставили мысль об усилении защиты — появились новые фортификации, шли эксперименты в области изменения форм башен и стен. И в XVII веке строились форты, возводились бастионы и рavelины. Некоторые из них, в частности фортификационные шедевры Вобана, трудившегося для Людовика XIV, до сих пор не перестают удивлять и поражать воображение своей мощью. Однако порох все же изменил осадное дело навсегда, оно стало совершенно иным, чем в эпоху Средневековья.

Война на морях и реках

Войну на море в эпоху Средневековья часто незаслуженно рассматривают как некую разновидность сухопутных противостояний, где для сражающихся главным было сойтись в рукопашной схватке. Нередко принижается роль кораблей, которые считаются не более чем транспортами для «морских десантов». Подобное мнение способно помочь нарисовать картину, которая бы стала почти карикатурой на то, что в действительности разыгрывалось во время водных баталий Средневековья.

Финальная фаза средневекового морского боя действительно проходила на палубах кораблей. Однако же, если попытаться пройти весь путь, ведущий к этому последнему завершающему акту, можно заметить, что водные баталии в Средневековье представляли собой наиболее сложные в плане техники и логистики состязания, ставки во время которых порой оказывались очень высокими.

Перво-наперво для морской войны в Средневековье, как и в любые другие времена, требовались корабли, построить которые без наличия умелых мастеров и соответствующих экономических ре-

ИСПАНСКИЕ КОРАБЛИ атакуют эскадру эрла Пембрука (1372), как это показано на иллюстрации к написанной в XV столетии рукописи «Хроники» Фруассара. Подобные рисунки, принадлежавшие обычно авторам, смутно представлявшим себе войну на море, усугубляли всеобщее мнение о том, что при столкновениях средневековых эскадр возникала некая куча мала.

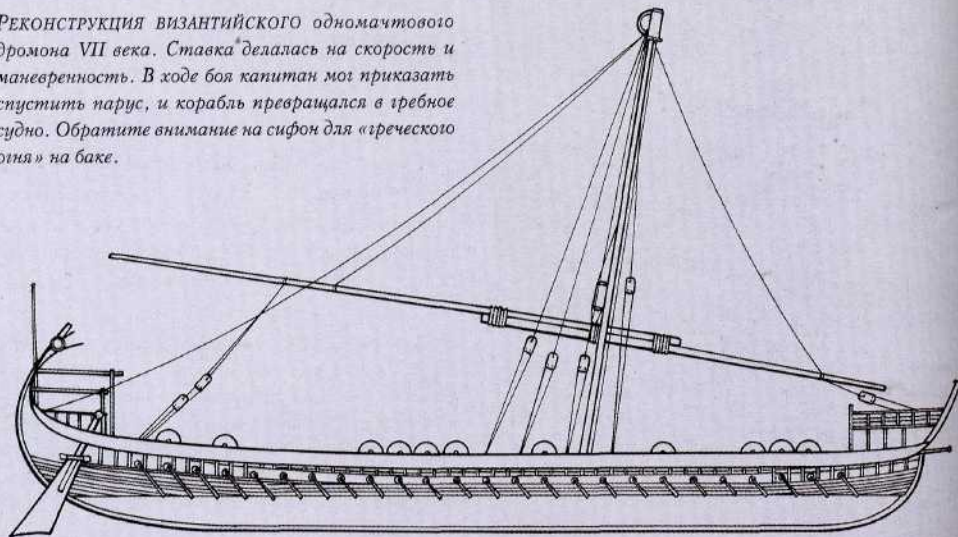
сурсов невозможно. Даже такие примитивные суда, на которых отправлялись в набег викинги, обходились в эквивалент 4000 голов скота (привычный способ измерения ценности товаров в коровах, для сравнения: рыцарская справа стоила в те времена около 45 коров. — *Прим. пер.*). Для большинства государств средневековой Европы расходы на создание и содержание постоянного флота были потому неподъемными, однако правители использовали власть и силу, чтобы превращать в военные купеческие корабли. Далее, снаряженный теми или иными средствами флот не мог существовать без какой-то, пусть и примитивной, ремонтной базы и организованных поставок продовольствия и пресной воды, тогда как большинству сухопутных армий в ту пору удавалось «кормиться с земли». Более того, армию или ее отряд на суше могли возглавлять и новички в военном деле (хотя такое и представлялось, естественно, нежелательным), корабль же без опытного капитана немислим как тогда, так и теперь. Таким образом, более или менее значительный флот предполагал наличие множества искусных шкиперов, ну и, конечно же, солдат и матросов, от которых ожидалось умение владеть оружием ничуть не худшее, чем у их собратьев на берегу.

Прежде чем вступить в бой на воде, флотоводцам путем сложного маневрирования приходилось выводить эскадры на позиции, позволявшие использовать пре-

имущества ветра и волны. Маневрирование являлось наиважнейшей частью флотского искусства, ведь начиналась битва не с рукопашной, а с перестрелок — стрелами, дротиками, камнями или «греческим огнем» (а то и бочками со скорпионами или негашеной известью) — на расстояние менее 100 м, чтобы вооружение могло применяться эффективно. При этом было весьма желательно, чтобы ветер дул в спину стрелкам, увеличивая дальность «огня». До какой-то степени средневековый бой двух кораблей на море можно уподобить поединку двух замков, которые сошлись бы в поле, после чего гарнизоны попытались бы взять крепость противника штурмом. Эффективность защитного вооружения на борту, качество штурмового снаряжения, степень благоприятности позиции, уровень боеспособности команды и грамотность руководства — все имело значение, все играло роль.

Разумеется, в средневековой войне как в северных широтах, так и в Средиземноморье важными были возможности самих кораблей. Помимо противоборства с судами противника, им приходилось служить средством неожиданной атаки с высадкой десанта на вражеском берегу, выступая в качестве транспортов для людей, коней и снабжения. Каперство (т.е. пиратство) никогда не выходило из моды, с какими бы целями оно ни велось: для водной блокады — лишения противника поступления всего необходимого — или же просто для собственного обогащения

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО одномачтового дромона VII века. Ставка делалась на скорость и маневренность. В ходе боя капитан мог приказать спустить парус, и корабль превращался в гребное судно. Обратите внимание на сифон для «греческого огня» на баке.

Выполненная художником реконструкция средневекового «огнемёта» — установки для стрельбы «греческим огнем». Смесь нагревалась в котле, затем с помощью мехов в нем, закачивая воздух, поднимали давление. После этого через трубку огнеопасную жидкость подавали в форсунку, перед которой находился источник открытого огня, воспламенявший смесь.

и нанесения урона врагу путем захвата купеческих кораблей. Средневековые моряки и солдаты не раз показывали себя мастерами амфибийных атак: они выводили суда на берег ввиду неприятеля, бросались в бой прямо с борта пешими, а иногда и верхом, устанавливали на палубах осадные башни, возможно, ставили камнемёты, применяли тараны и успешно штурмовали крепости прямо с воды. Задача боевого корабля состояла скорее не в том, чтобы потопить корабль противника, а том, чтобы захватить его. Упоминания о таранах по ватерлинии исчезают из источников примерно в VII столетии. Вообще же сами по себе каркасные суда северян мало подходили для такого вида морского боя, по мере же того, как все более углублялась тенденция в пользу применения паруса, а не весел, говорить о таранах становится просто смешно.

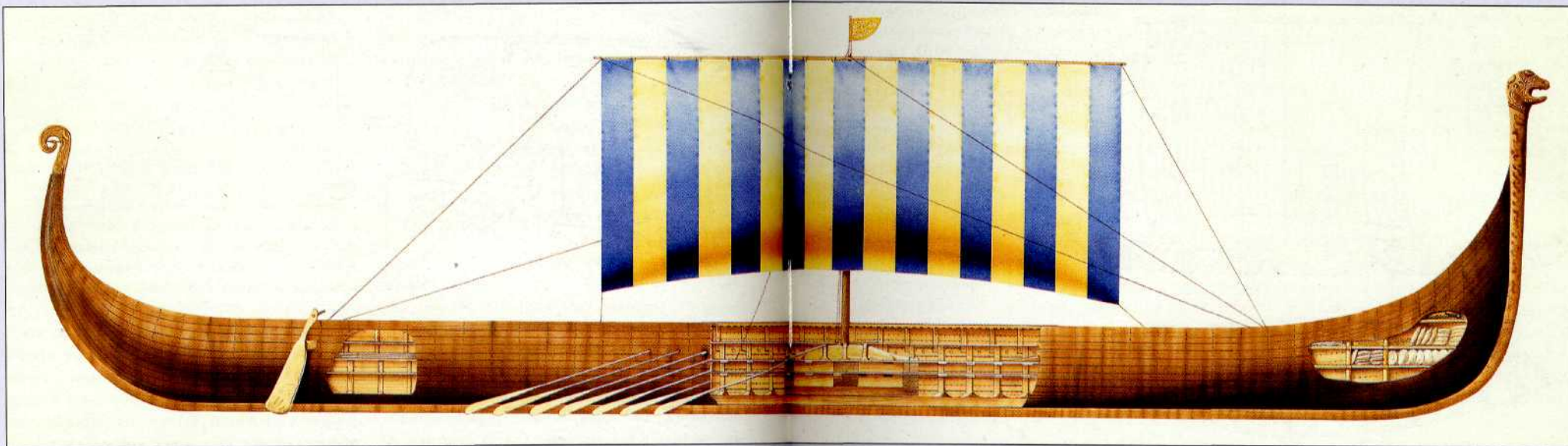
Как одну из важнейших особенностей средневековой морской войны следует отметить тот факт, что в ее истории больше «белых пятен», чем в истории сухопутных баталий. Отчасти причина в традиционном пренебрежении ученой братии: водная стихия в плане вооруженных конфликтов для них нечто чужеродное, наверное, в морских битвах летописцам не доставало «героических деяний рыцарской войны». Причем предвзятость прослеживается из глубины времен — уже от средневековых хронистов. Похоже, немногие из них бывали в море или просто беседовали с моряками. В результате невозможно реконструировать многие из средневековых противостояний на воде, поскольку хронисты сводят их описания к нескольким общим туманным фразам или — что еще хуже — призывают в помощники античных авторов вроде Вергия,

черпая у них вдохновение для рассказов о средневековых сражениях, которые протекали во многом по-другому, чем в античности. Все письменные источники и даже рисунки до конца XIV столетия больше из области импрессионизма, чем реализма, не говоря уже о том, что трудно положиться на археологию — время и вода не щадят ничего, а обломки изготовлявшихся сплошь из дерева средневековых кораблей тем более. Одним словом, предмет изучения средневековой войны на море требует немало труда и терпения.

Средиземноморье в раннем Средневековье

Столетиями римские императоры содержали в Средиземноморье крупный флот, чтобы пресекать пиратство, перебрасывать войска и грузы и быстро отправлять важные донесения в провинцию — к широко раскинутым флангам империи и обратно. На кораблях, не применявшихся для крупных морских операций, тараны-«бараны» постепенно сменились «клювами», втыкавшимися в борт вражеского судна над ватерлинией и позволявшими взять его на abordаж. Так появились предки дромонов — основных боевых кораблей Византийской империи. Дромон представлял собой всего лишь простую галеру длиной метров 50, перемещавшуюся в бую за счет одного или двух рядов весел (всего примерно 100), и имел одну мачту с квадратным парусом, который опускали перед началом боя. Меньшие суда применялись для патрулирования и разведки.

Когда в V столетии рухнула римская администрация на Западе, содержание флота стало на какое-то время невоз-

Вид сбоку ладьи викингов (IX столетие). Внешне кажущийся очень примитивным и ненадежным, такой корабль позволял морским разбойникам подниматься высоко по рекам, в то же время давая им возможность преодолевать большие пространства и в открытом море.

можным, а противник — особенно вандалы сумели создать собственные эскадры и с успехом опустошали побережье. Однако уже в VI столетии уцелевшая восточная часть Римской империи, или Византийская империя, принялась отстраивать регулярный флот. Императору Юстиниану (527—565) требовалось огромное количество судов для осуществления его грандиозных планов «римской реконкисты» в Северной Африке и в Италии. Византийское вторжение на север Африки в 533 г., несмотря на наличие у вандалов крупного флота, удалось во многом благодаря хитрости: приближенные Юстиниана разожгли огонь мятежа на Сардинии, король вандалов заглотал наживку и отправил корабли против бунтовщиков, что позволило византийским экспедиционным силам высадиться в отсутствие вражеского противодействия. Однако скоро в Средиземноморье возникла новая и куда более серьезная угроза — мусульмане. Лихорадочная экспансия их завоеваний началась в 633 г. и скоро позволила арабам овладеть побережьем. Халифы и их придворные быстро усвоили все выгоды, которые предоставляли при покорении и удержании территории

боевые эскадры. Так, уже в 648 г. Муавия — тогда губернатор Сирии, а позднее, с 661 г., халиф — создал флот, задействовав суда и команды из новых подданных.

Мусульмане опустошили Кипр, а в 654 г. захватили его. Встревоженные византийцы собрали большой флот, чтобы пресечь действия противника, однако в следующем же году понесли поражение в так называемой «Битве мачт» у берегов Малой Азии. Численно уступавшие противнику мусульмане применили в бою нетрадиционный подход. Чтобы не дать врагу сломать строй, они соединили все корабли цепями. Подобная тактика делала маневрирование невозможным, поэтому единственное, что оставалось арабам, — ждать атаки противника. Один летописец говорит, будто мусульманские моряки применяли крюки, которыми рвали оснастку и паруса неприятельских кораблей, что не кажется особенно убедительным, во-первых, потому, что довольно трудно было бы орудовать таким приспособлением из-за большой длины древка, а во-вторых, маловероятно, чтобы византийские драконы атаковали с поднятыми парусами. Словом, похоже, тут налицо один из многих случаев проявления творческой фантазии хронистов.

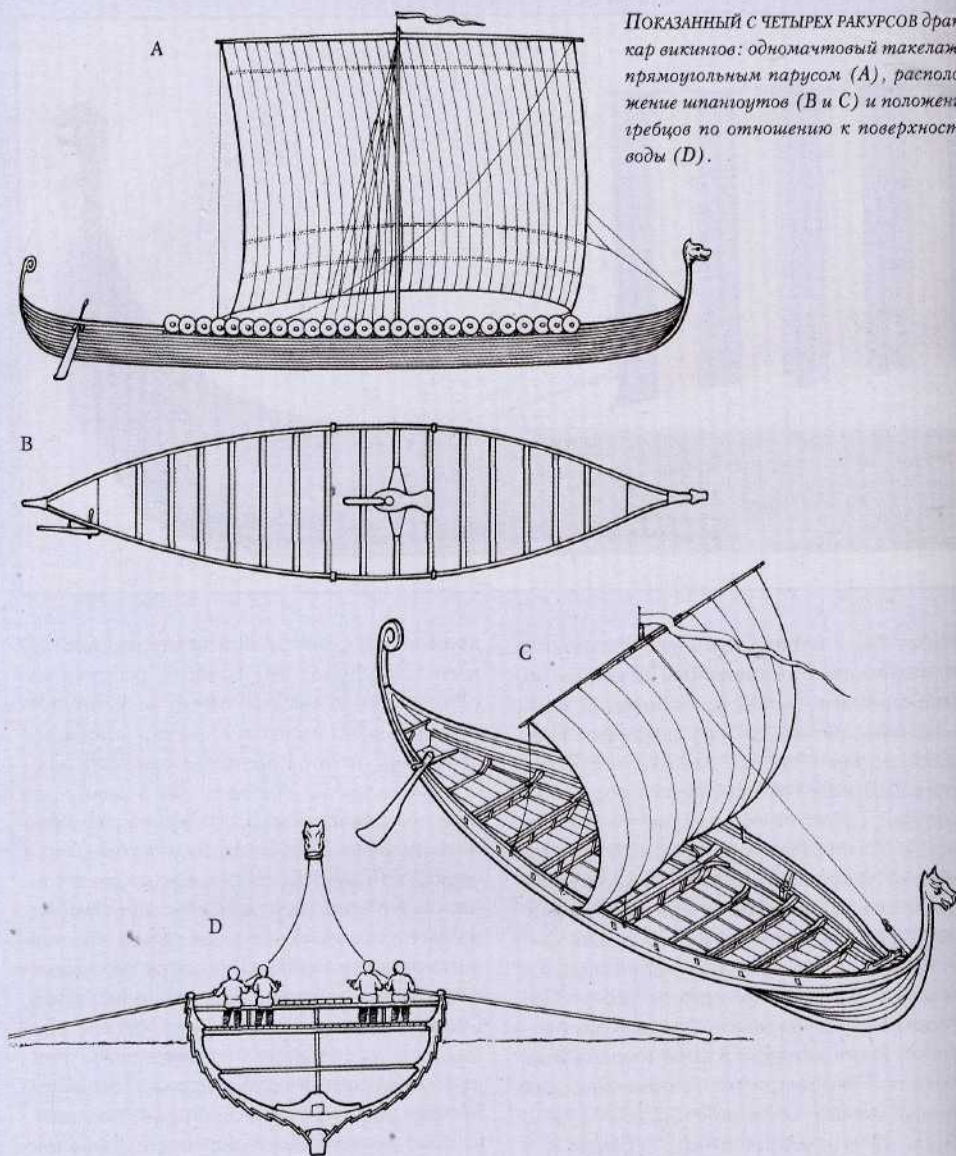
На протяжении трех следующих столетий византийцы и мусульмане не раз мерились силами на морских просторах — каждая сторона стремилась закрепить и

создать базы вдоль основных маршрутов следования своих караванов. Наиболее замечательными из этих столкновений можно назвать две осады мусульманами Константинополя — в 673—679 гг. и в 717 г. Стены великого города с суши представляли собой практически неприступный барьер, а следовательно, любой завоеватель поневоле искал пути с моря, блокируя гавань и атакуя не столь мощные обращенные к воде укрепления. К 673 г. халифат располагал уже довольно значительным флотом и мог рассчитывать на успех. Тем не менее первая попытка закончилась неудачно. Императорский флот вырвался из Золотого Рога и применил против кораблей мусульман секретное оружие византийцев — «греческий огонь». Также и в 717 г. конец осаде положил прорыв через вражеский заслон византийского флота, который «греческим огнем» посеял хаос и разрушения в стане противника. В создавшейся панике многие христиане из команд эскадры халифа попросту дезертировали. Мусульманам пришлось отступать, но беда не приходит одна — на обратном пути их так потрепал шторм, что лишь около одной десятой кораблей вернулось домой.

«Греческий огонь»

Секрет «греческого огня», — наверное, одного из самых новаторских вооружений средневековых флотов, — как известно,

держался в строжайшей тайне, причем до того тщательно, что точного рецепта изготовления до сих пор никто не знает. Основным компонентом служила, наиболее вероятно, нефть, которую запечатывали в специальных сосудах, нагревали, держа под давлением, а затем выстреливали смесью через металлические трубы с бака судна, или же, поместив жидкость в глиняные горшки, бросали их в противника из камнеметов. Действием своим «огонь» напоминал напалм. Погасить его удавалось только песком, уксусом или мочой. Сохранились даже описания судов, специально для защиты от «огнеметов» покрытых пропитанным уксусом войлоком. Между тем «греческий огонь» не столько являлся «убийцей кораблей», сколько представлял собой оружие, направленное против живой силы. Нет нужды сомневаться в его эффективности. Между тем он мог представлять для византийских команд опасность не меньшую, чем для неприятеля. Вряд ли стоит сомневаться в ограниченности дальности действия «сифонов» с греческим огнем — она достигала, вероятно, всего лишь считанных метров. Сверхсекретное вооружение отличалось такой ненадежностью, что даже не превратилось в основу какой-то определенной боевой тактики, хотя византийские суда продолжали в той или иной мере применять «греческий огонь» почти до самого крушения империи в середине XV столетия.

ПОКАЗАННЫЙ С ЧЕТЫРЕХ РАКУРСОВ драккар викингов: одномачтовый такелаж с прямоугольным парусом (А), расположение шпангоутов (В и С) и положение гребцов по отношению к поверхности воды (D).

Есть свидетельства и о том, что его использовали мусульманские флоты, когда секрет просочился к арабам в IX столетии.

Заметно шире, чем в традиционных морских баталиях, суда задействовались при амфибийных высадках на территорию противника. Особенно в X веке. Так, например, в ходе освобождения византийцами Крита в 960 г. основная роль флота состояла в транспортировке пехоты и кавалерии. При этом специальные сходни позволяли конникам выходить на сушу уже верхами. Между тем ближе к XI столетию судьба ввела на авансцену событий в Средиземноморье нового противника, одина-

ково опасного как для византийцев, так и для мусульман, — итальянские города-государства стали строить собственные флоты, все настойчивее требуя себе ведущих ролей как в коммерции, так и в военном деле.

Эра викингов

Война в северных водах в раннем Средневековье велась по-иному, чем в южных, в то время как сами корабли в обоих регионах по принципу действия не так уж значительно отличались друг от друга. «Северный» боевой корабль на заре Средних веков представлял собой узкую галеру с низ-

ким бортом, одним рядом весел и одной мачтой с прямоугольным парусом. Однако выглядел он иначе, чем «южный», поскольку на севере основным строительным материалом служил дуб, наиболее твердая древесина, что затрудняло привычную в Средиземноморье сборку на пазах и шипах. Каждый следующий пояс обшивки каркаса «северного» корабля укладывался внахлест на предыдущий (нижний) и прибавлялся к нему, по окончании же сборки требовалось непременно просмолить корпус перед спуском на воду. Однако в плане характера боевых действий важнее для нас другое: когда в IV столетии приказал долго жить римский флот на Рейне, противнику, входившему в реку с устья на севере и поднимавшемуся вверх по течению дальше на юг, не приходилось опасаться столкновения с организованным противодействием на воде. Веками на севере не отмечалось крупных стычек флотов. Корабли служили в большей степени для транспортировки воинов, которые вели боевые действия в основном на суше.

В Северном море издавна прижились прочные традиции пиратства и стремительных налетов — все германские народы в приморье так или иначе занимались подобным «промыслом» и почти все страдали от него. В III и IV веках франки и саксы добрались даже и до Средиземноморья. По большей части действовали северные моряки набегом — приходили неожиданно, быстро грабили селения, убивали жителей и исчезали. Однако случалось, боевые суда способствовали переселению народов, скажем, транспортируя племена англов и саксов к их новым местам обитания — в нынешнюю Англию. Хотя письменные источники дают столь туманную информацию в отношении конструкций судов, что она едва ли не бесполезна, все же некоторые находки археологов позволяют представить себе то, как выглядели северные корабли. Наиболее хорошо сохранившийся корабль — или, уж если точнее, то, что осталось от его каркаса, — найден в Саттон-Ху (неподалеку от Вулбриджа в графстве Суффолк в Англии. — *Прим. пер.*) на месте захоронения короля восточных англов Редвальда (ум. в 624 г. или 625 г. — *Прим. пер.*), сделанного в начале VII столетия. Длина судна 27 м, ширина 4 м, а высота 1,4 м.

Осадка в негруженном состоянии должна составлять не более 0,6 м, что позволяло применять судно на большинстве рек. Каркас состоит из девяти узких поясов, скрепленных железными гвоздями. Количество пар весел, закрепленных на бортах уключинами, должно было достигать 20. Вероятно, имелась одна мачта с квадратным парусом, чтобы идти под ним при попутном ветре.

Флибустьеры раннего Средневековья действовали в духе викингов, скандинавских рейдеров и колонизаторов, с успехом противостоявших сухопутным войскам Западной Европы в несколько более поздний период. Первый точно зафиксированный дебют викингов на побережье христианской Европы — атака монастыря Линдисфарн на острове у северо-восточного побережья Англии в 793 г. На протяжении следующих двух столетий викинги множество раз посещали Британские острова, Францию, Германию и даже Испанию, сея повсюду смерть и разрушения.

Шарлемань, или Карл Великий (768—814), сильнейший из правителей на севере Европы с момента крушения Западной Римской империи, в противодействии пиратам придерживался, по-видимому, римской и средиземноморской моделей. Его план имел две конструктивные составляющие: укрепление побережья и патрулирование в море с целью предотвращения набегов. Каролингские капитулярии 802 г., 808 г. и 810 г. предписывали сооружение ВМФ. В 810 г. корабли надлежало иметь на всех крупных франкских реках. В тот же год отмечается консолидация всего флота после набега данов на Фризию. Застигнуть противника в море тогда не удалось, как, впрочем, и в других случаях. Фактически каролингские матросы так ни разу и не сошлись с викингами в морском сражении. Между тем усилия Карла Великого не остались незамеченными северянами, которые перенесли основную активность на не столь сильно защищенные берега Ирландии и Англии. Серьезные и разрушительные набеги викингов на франкские земли участились только вследствие быстрого крушения каролингской системы береговой обороны после смерти в 840 г. сына Шарлеманя, Людовика Благочестивого, и с началом междоусобиц.

Кампании викингов на Сене Конец IX столетия

На протяжении VIII, IX и X столетий жители побережья Северной Европы постоянно страдали от набегов викингов. Первой целью стала Ирландия, за которой последовали Англия и Франция. Начиная с 885 г. крупное соединение из множества дружин викингов, поднимаясь по Сене, предприняли попытки проникнуть фактически в сердце Франкии. В ходе первой кампании (885—889) они, почти не встречая противодействия, достигли Парижа, который безуспешно пытались взять на протяжении почти целого года. В итоге они достигли соглашения, позволившего им подняться по реке и приступить к опустошению Бургундии. На протяжении более двух лет они грабили многие города и селения центра Франкии (на сегодняшний день Северная Франция) и ушли в итоге после получения откупа с населения уцелевших территорий (есть мнение, что русское «дань» произошло от германского «данегельт» [danegeld], т.е. датские деньги; викингов называли часто данами. — Прим. пер.). Затем последовали и другие крупные кампании, так в 890—892 гг. викинги снова атаковали Париж, а также и другие северные города. Не может не привлечь внимания тот факт, как много крепостей и укрепленных мостов имелось в то время у франков.

Викинги не оставляли своим вниманием также юг Франции и Испанию, пробирались и в Средиземное море, достигая даже южного побережья Италии. В середине XI века потомки датских викингов, французские норманны, поселились в Южной Италии и позднее на Сицилии (правда, пришли они туда уже не как викинги, т.е. морские пираты, а как вполне сухопутная тяжелая кавалерия. — Прим. пер.).

1 Начиная с 876 г. викинги заселили большие участки территории на севере и на востоке Англии, оставив в тамошней географии неизгладимое лингвистическое наследие.

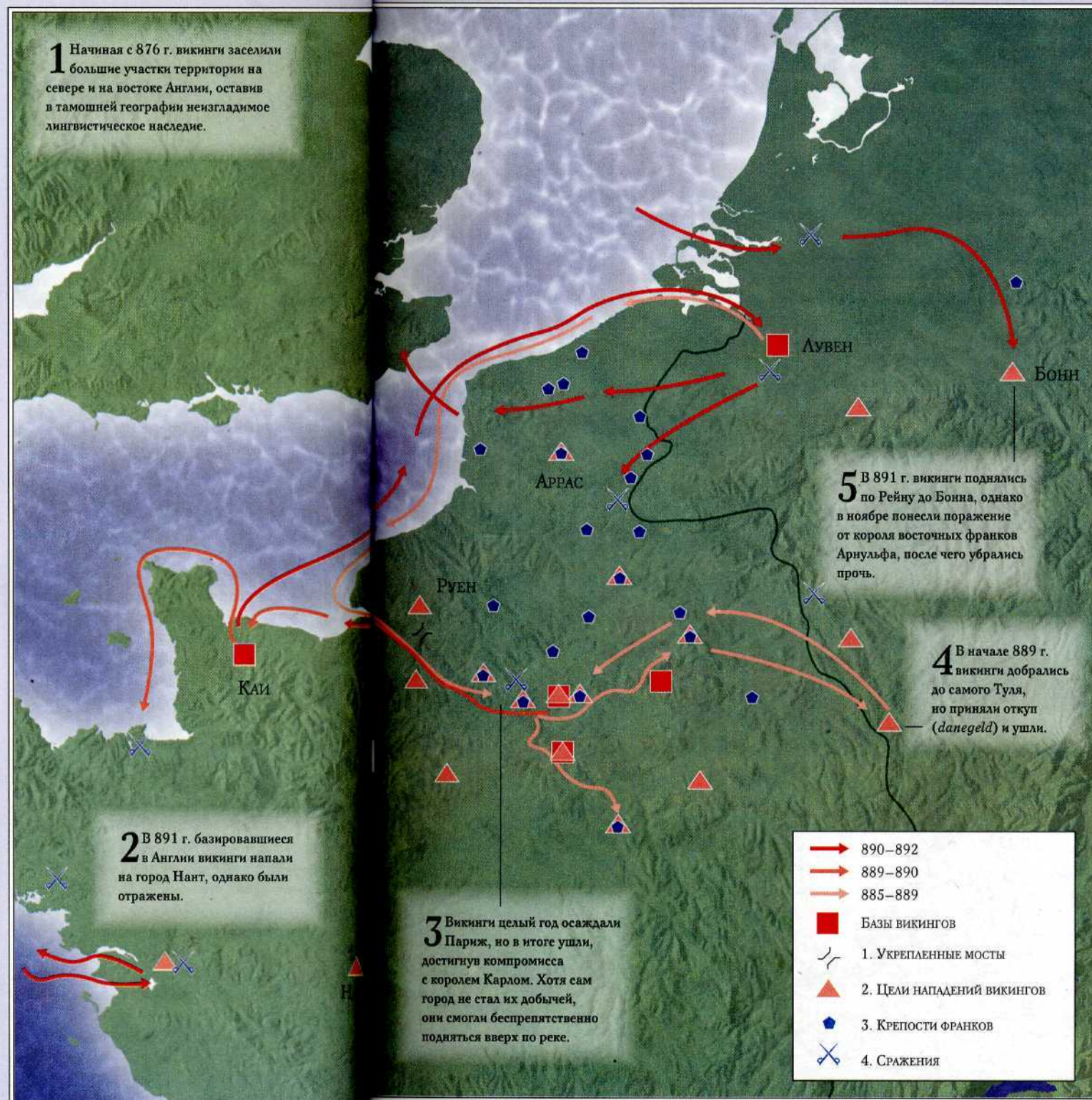
2 В 891 г. базировавшиеся в Англии викинги напали на город Нант, однако были отражены.

3 Викинги целый год осаждали Париж, но в итоге ушли, достигнув компромисса с королем Карлом. Хотя сам город не стал их добычей, они смогли беспрепятственно подняться вверх по реке.

5 В 891 г. викинги поднялись по Рейну до Бонна, однако в ноябре понесли поражение от короля восточных франков Ариульфа, после чего убрались прочь.

4 В начале 889 г. викинги добрались до самого Туля, но приняли откуп (danegeld) и ушли.

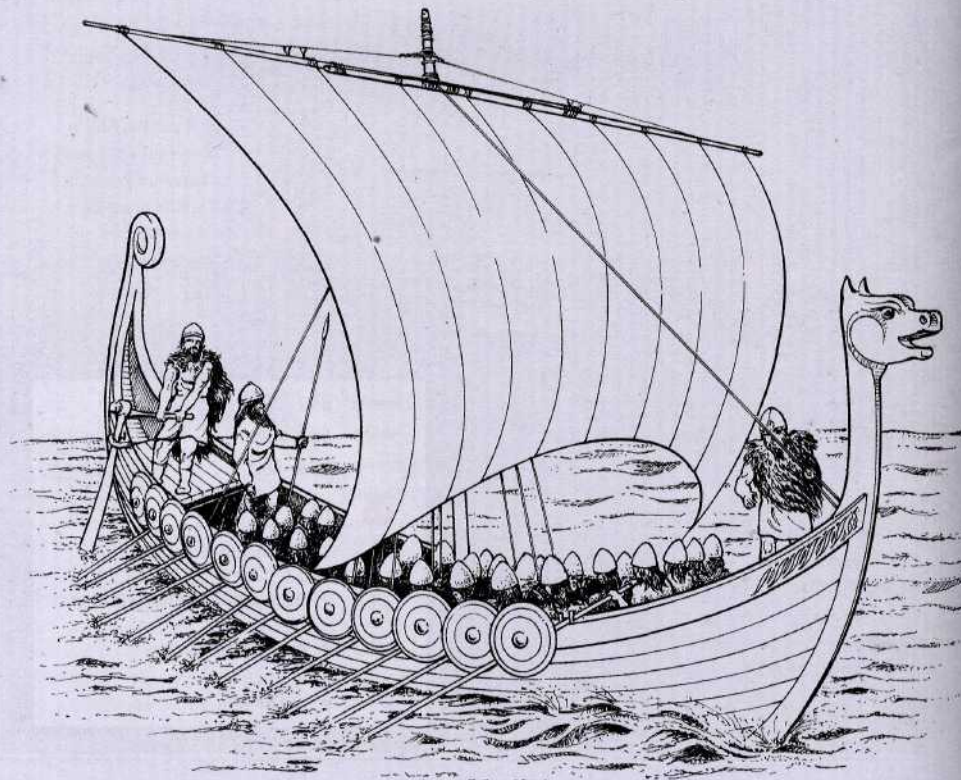
- 890—892
- 889—890
- 885—889
- Базы викингов
- ⚔ 1. Укрепленные мосты
- ▲ 2. Цели нападений викингов
- ◆ 3. Крепости франков
- ⚔ 4. Сражения

Итак, встретить эскадры противника в море викинги почти не рисковали, вместе с тем успешная их деятельность без кораблей была бы немыслима. На ладьях своих морские разбойники забирались порой так поразительно далеко от дома, что просто нельзя не удивляться этому, особенно учитывая хрупкость и некомфортабельность судов викингов.

По сути дела, они представляли собой большие лодки, где отсутствовали палубы и отсеки для хранения припасов — даже сидели воины за веслами обычно не на скамьях, а на своих сундуках. Корабли были длинными и узкими в бимсе: найденный в Дании челн XI столетия имел соотношение длины и ширины 7:1, что обеспечивало ему маневренность и быстрый ход. Обычно такая ладья приводилась в движение усилиями 20 или 30 гребцов, так, на среднем судне находилось от 30 до 50 чел., хотя существовала тенденция к увеличению грузоподъемности кораб-

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ на челнах викингов вольготными не назовешь. Практически каждый должен был часами сидеть на веслах, а опытные кормчие и лоцманы управляли ладьей, стоя на корме и на ее носу.

лей. Они обладали способностью пересекать Атлантику — репликант найденного на юго-востоке Норвегии в 1880 г. погребального челна короля Олафа (IX век) проделал путь из Норвегии в Америку в 1893 г. Однако легко предположить, что в шторм и плохую погоду многие ладьи легко шли ко дну.

Тем не менее корабли викингов позволяли достигать очень важной для их рейдов внезапности. На суше викингам приходилось иметь дело не с профессиональными армиями, а с ополчениями, созываемыми в случае возникновения угрозы нападения врага. Таким образом, к тому времени, когда местные правители успевали мобилизовать войска, чтобы дать отпор рейдерам, те, разграбив округу, преспокойно уходили с добычей.

Кампании викингов на Сене — IX столетие

Крупные кампании викингов на Сене в IX столетии, в том числе и осада Парижа в 885 г., служат отличной иллюстрацией тому, как эффективно могли скандинавские разбойники при должной организации

ВЫГЛЯДЕВШИЕ НЕ СТОЛЬ ЭКЗОТИЧНЫМИ, как на иллюстрациях викторианского периода, викинги обычно сражались без доспехов, хорошо если у воина имелся простой кожаный шлем. Те, кто побогаче, имели мечи, но многим приходилось довольствоваться грубым и примитивным топором, как на этой картинке.

применять ладьи для высадки амфибийных десантов, а также и позволяют представить то, каких усилий и жертв стоило сухопутному противнику остановить находников.

К 885 г. масштабы операций викингов значительно выросли. Флоты скандинавов достигали сотен кораблей. Северная Европа тяжело страдала от их набегов, поскольку примерно около 840 г. викинги перешли от налетов к долговременным операциям и начали вставать лагерем на зиму на небольших островах, что позволяло им в случае необходимости эффективно обороняться, чтобы с наступлением более теплого времени опять приступить ко все более дальним рейдам. В 50-е годы IX века они дважды разграбили Париж, сожгли Гамбург (в 845 г.). Однако королю Карлу Толстому (см. выше в 4-м разделе) удалось разработать действенную стратегию, сковывавшую подвижность викингов за счет широкого строительства фортов и укрепленных мостов на главных реках. В 60-е годы викинги «откочевали» к более «благоприятным» для грабежа берегам Англии. Однако и в Англии под руководством Альфреда Великого (годы

жизни 949—999. — Прим. пер.) тоже научились грамотно противодействовать их экспансии. Альфред приказал строить флот из крупных кораблей (которые не сталкивались с викингами в море, однако могли служить сдерживающим фактором), но, что более существенно, создал серию укреплений, под защиту которых могли сбегаться окрестные жители во время набегов. «Великая армия» викингов вновь перекинулась на континент и принялась опустошать Фландрию, а в 882 г. вторглась в долину Рейна (действовали они и в его среднем течении, включая притоки, в том числе р. Мозель, орудуя даже в окрестностях Трира, т.е. в 600—700 км от моря. — Прим. пер.). В 885 г. они вернулись на Сену.

В осаде Парижа в 885—886 гг. действовало более 600 кораблей викингов с 30—50 чел. на борту, какового количества по тем временам хватило бы для превращения в пустыню всех прилегающих районов, а несомненно завышенная численность воинов, 40 000 чел., явно говорит о том, какой страх наводили разбойники на местных жителей, прежде всего на оче-

видца, который спустя лет десять сел за описание тогдашних событий. В отсутствие у франков флота, способного остановить норманнов на пути к цели, защита строилась на сооружении укрепленных мостов.

Последние блокировали судам все проходы далее вверх по течению. Конечно, викинги могли бы обойти преграды и проследовать дальше посуху, однако без кораблей они стали бы намного уязвимее и лишились бы удобного средства передвижения для себя и для транспортировки добычи. Вместе с тем в 885 г. политика строительства франкскими королями мостов сработала лишь отчасти. Мост через Сену в Пон-де-л'Арк (выше Руана) не смог остановить «Великую армию». Парижский мост оказался, однако, орешком покрупнее, несмотря на то что жители не завершили его строительство.

Если викинги хотели продолжить продвижение в глубь франкского королевства, они должны были преодолеть оборонительные рубежи Парижа. Город и сам по себе представлял лакомый кусочек для грабителей. Несколько тысяч человек его населения жили в основном на Иль-де-ля-Сите — острове посреди Сены, соединенном с берегами мостами, в системе обороны которых доминировали два форта.

26 ноября 885 г. викинги попытались штурмом овладеть северным форпостом, подогнав суда к подножию башни, чтобы обеспечить себе прикрытие щитами по плану как можно дольше, а в последний момент спрыгнуть на берег. С большим трудом жителям удалось отразить натиск. Ночью они заделали повреждения, нанесенные укреплениям нападающими. На следующий день те попытались подрубить башню кирками, но под градом камней и ливнем лившихся на них кипящей смолы, масла из котлов и ушатов нечистот броси-

ли это занятие, несмотря на выкрики попутчиц, подбадривавших храбрых воинов. Викинги втащили на сушу ладьи, соорудили зимний лагерь, который обнесли насыпью с частоколом и окружили рвом. Они построили тараны и попытались освоиться с баллистой (наш очевидец не без злора сообщает, что она рухнула, убив нескольких из нападающих). По-видимому, опасаясь прихода на помощь Парижу

франкской армии, викинги решились на отчаянную и дорогостоящую акцию — превратили три своих судна в брандеры, набив их воспламеняющимися материалами и попытавшись подогнать к мосту, управляя с берега канатами. Если бы мост сгорел, нападающим удалось бы отрезать обороняющихся в башне от помощи из города. К несчастью (для викингов, разумеется), брандеры налетели на каменные ограды моста и серьезного ущерба не нанесли.

Очевидец событий осады Парижа (упоминавшийся в предыдущем разделе монах Аббо из обители Сен-Жермен) приписывает «победу христиан» их необычайному героизму. Однако он не может умолчать о том, что норманны в итоге прорвали речные заграждения Парижа. Они овладели башней после того, как разлив снес мост. Франкский король, Карл Толстый, заплатил викингам дань, более того, позволил проследовать дальше и грабить Бургундию в обмен на отказ от завоевания Парижа.

Регулярные флоты

Ключом к пресечению грабительской деятельности викингов могло бы послужить противодействие сильного «ВМФ», способного сделать пиратство опасным. Важность государственного военного флота хорошо продемонстрирована примером Англии X столетия. Продолжая

«Затем король Альфред велел строить ладьи, чтобы противостоять на них челнам викингов. Их строили вдвое длиннее, чем обычно... Строили не по фризскому, не по датскому обычаю, а так, как приказывал король Альфред, который имел свое разумение, что так от них будет больше проку».

«АНГЛОСАКСОНСКАЯ ХРОНИКА»,

896 г.

СХЕМА «КЛИНКЕРНОЙ» конструкции. Корпус судна (А) начиная от самого киля собирается внахлест из планок, сбиваемых между собой гвоздями (В), тогда как большинство ребер устанавливается на позднем этапе строительства.

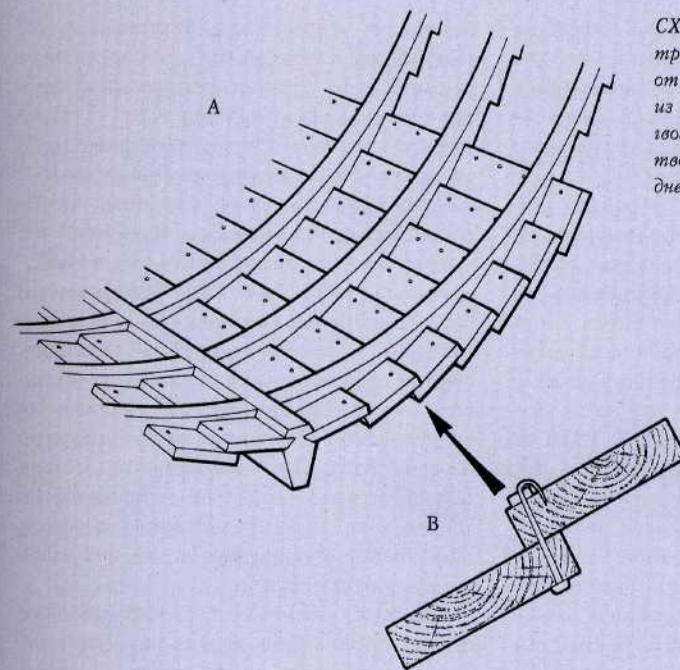
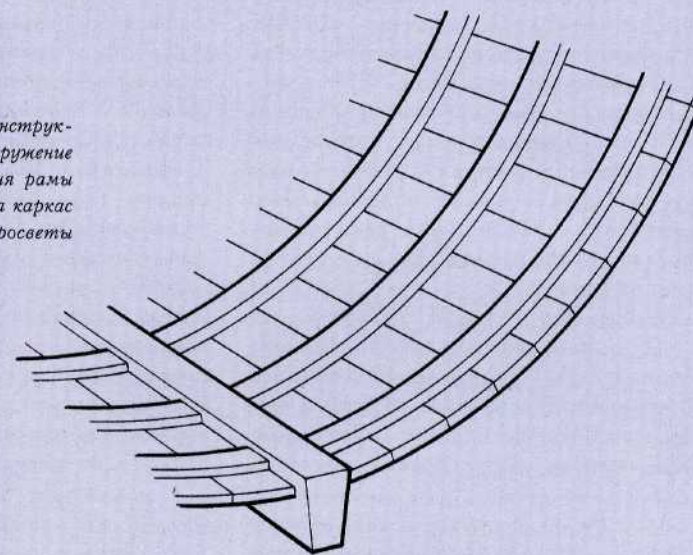

СХЕМА «СКЕЛЕТНОЙ» конструкции. При таком подходе сооружение начинается с изготовления рамы корпуса корабля. Затем на каркас набиваются планки, а пролеты между ними конопатят.

дело Альфреда Великого, пришедшие ему на смену государи сумели продолжить строительство и поддержание в рабочем состоянии сильного флота. Ввиду постоянной угрозы со стороны рейдеров, англичане охотно раскошеливались, субсидируя оборону, а потому удавалось собирать средства по принципу — одно судно с командой в 60 чел. с каждых 300 хайдов (хайд — надел земли в 100 акров. — Прим. пер.). В результате после отражения крупного рейда в 937 г. натиск ви-

кингов существенно снизился. Так обстояло дело во времена Эдгара (годы жизни 943/4—975. — Прим. пер.). Однако без сильного лидера никакой флот не мог послужить спасением, как и происходило при Этельреде II Неспособном (король в 978—1013 и 1014—1016 гг.).

Начиная с 991 г. король Дании Свен развернул ряд широкомасштабных атак на Англию, перед которыми Этельред оказался, по сути, бессильным. В 992 г. он собрал эскадры, но потерпел поражение

ние (правда, англосаксонская хроника уверяет, что причина состояла в том, что врагам удалось вывести план кампании). В 999 г. был снаряжен другой флот, но без какого-либо успеха. Третья попытка, в 1008 г., тоже ничего не принесла — эскадра рассыпалась из-за внутренних раздоров еще до появления кораблей противника. К моменту окончательного завоевания Англии Кнудом (подробнее во 2-м разделе) в 1016 г. суда викингов вновь рыскали по всей стране, забираясь далеко в глубь ее по рекам. Важность скандинавских ладей хорошо заметна на примере осады Лондона Кнудом в мае 1016 г., когда королю и его войнам удалось подняться вверх по Темзе, прорыв канал, параллельный ее южному берегу, и таким путем обойти Лондонский мост.

По сути дела, случаи столкновения флотов в эпоху викингов отмечались только дважды, в 1044 г. и 1062 г., при этом оба раза представляли собой боевые соприкосновения между скандинавским «ВМФ». Оба сражения разворачивались в заливах восточного побережья Дании. Вторая битва началась со сложного маневрирования, чтобы использовать приливную волну, ветер и положение солнца (важно помнить о том, что даже небольшой попутный ветер предоставлял одной стороне преимущество перед противником при стрельбе стрелами и метании копий).

Написанная в XIII столетии история Скандинавии, «Круг земной» (*Heimskringla*), рассказывает о том, что во втором случае каждая из сторон связала канатами воедино, по крайней мере, часть судов в центре боевых порядков,

превратив «кластеры» челнов в крупные боевые «платформы», что позволяло быстрее перебрасывать живую силу туда, где возникала большая опасность. Трудно представить себе, как все это воплощалось на практике, поскольку гребцы не смогли бы работать веслами на связанных между собой ладьях. И вот еще — как же такие «платформы» сближались бы в абордажном бою? Может быть, автор имел в виду соединение канатами на некотором расстоянии, что позволяло бы командам грести? В любом случае даже это проделывать было бы затруднительно и удалось бы скорее всего только в прикрытых от ветра и волн бухтах. Так или иначе, в остальном все протекало довольно традиционно: противники перестреливались из луков, бросали копья и дротики, а затем сближались для рукопашной.

На протяжении XII столетия северные флоты продолжали играть важную роль транспортировки войск, причем значение эскадр повышалось по мере роста appetитов отдельных лидеров. Наиболее знаменитая амфибийная операция того времени в северных водах — это, безусловно, вторжение в Англию Вильяма Завоевателя в 1066 г. — огромное предприятие, потребовавшее перевозки тысяч коней и воинов. В данном случае боевые качества самих судов и их команд не подверглись испытанию, так как английский король Гарольд не собирал флота против нормандцев Вильяма и армия последнего сумела высадиться в Англии, не встречая противодействия. Вильям же применял корабли как средства тыловой поддержки в 1072 г. во время экспедиции в Шотлан-

дию — в этом случае флот со снабжением тенью на воде скользил за идущей на север сухопутной армией.

Крестовые походы

Однако все предприятия на севере, даже и только что упомянутое выше, блекнут перед гигантскими операциями средневековых европейцев — крестовыми походами. Крестовые походы — причем чем дальше, тем больше — становятся просто немислимыми без поддержки флотов, прежде всего эскадр итальянских городов-государств. К концу XI столетия Италия выиграла соревнование за первенство в Средиземноморье с Византией и фатимидским халифатом в Египте. Гребные суда — галеры оставались главными боевыми кораблями, однако в период между VII и XI веками в кораблестроении произошли некоторые

подвижки, позволившие упростить процессы постройки и сделавшие галеры маневреннее, — стала превалировать заимствованная, вероятно, у севера техника набивания досок на шпангоуты, кроме того, на смену прямоугольному парусу пришел треугольный латинский. Последнее новшество позволяло идти под парусом и при менее благоприятных ветрах.

Уже во время Первого крестового похода (1096—1099) флот имел немалое значение. Некоторые христианские лидеры предпочли проделать часть пути по морю и переправиться из Италии в Грецию, избежав длительного перехода по трудной местности юго-востока Европы (в частности, наиболее боеспособный контингент южноитальянских норманнов Боэмунда и Танкреда. — *Прим. пер.*). Итальянские и византийские корабли с продовольствием спасали от голода армию крестоносцев в период долгой и трудной осады Антиохии. Более того, во время сражения за Иерусалим генуэзские корабли доставили так необходимое для строительства осадных ма-

шин дерево (по всей видимости, часть кораблей пришлось разобрать с этой целью). Чуть позже, в 1100 г., благодаря строительству осадной башни из деталей венецианских кораблей удалось взять Хайфу. Уже с 1100 г. большинство паломников и крестоносцев добиралось в Святую Землю по морю, несмотря на то что флот фатимидов время от времени напоминал о себе на протяжении следующей четвер-

ти столетия, нет-нет да и появляясь в водах Сирии и Палестины. Одной из важнейших задач для королей Иерусалима являлось завоевание морских баз египтян, что удавалось часто только благодаря содействию флотов с Запада. Так, генуэзские моряки помогли овладеть Кесарией, Акрой, Триполи, Бейрутом и Джебаилом, тогда как появление короля Норвегии Сигурда с его кораблями не позволило мусульманам в 1110 г.

выручить осажденный Сидон.

Наиболее значительной интервенцией на море стал, однако, так называемый Венецианский крестовый поход 1123—1124 гг., что помогло окончательно покончить с опасностью со стороны египетского флота. В мае 1123 г. венецианская эскадра из галер и нескольких торговых кораблей прибыла на Восток. Крестоносцы в то время решили овладеть крепостью и морским портом Тир, однако действия сухопутной армии сводил на нет большой флот фатимидов, способный оказывать помощь осажденному городу. Венецианская эскадра из 40 судов, ведомая дожем Доминико Микеле, обнаружила фатимидские корабли под Аскалоном.

Венецианцы, которые, как можно предположить, превосходили противника численно, построились двумя формациями с самыми тяжелыми кораблями в голове (в том числе четыре купеческих судна и несколько галер с мангонелями, чтобы открыть столкновение «бомбардировкой» неприятеля с дистанции). Флот фатими-

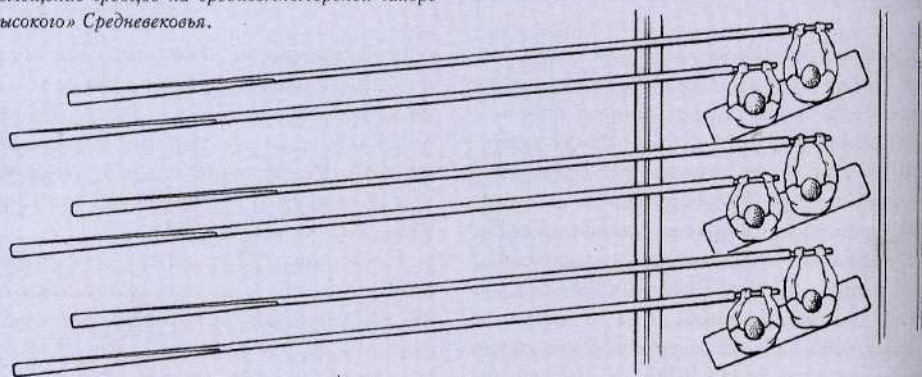
*«После того как суда наши
заперли в гавани те кораб-
ли, что сновали туда-сюда
и тем помогали врагу, наши
франки подкатили деревян-
ные башни к стене, с боль-
шой храбростью ворвались
на нее и выхватили мечи».*

ФУЛЬБЕРИЙ ШАРТРСКИЙ

В ОТНОШЕНИИ ЗАХВАТА БЕЙРУТА

в 1110 г.

НА ИЛЛЮСТРАЦИИ показывается гипотетическое размещение гребцов на средиземноморской галере «высокого» Средневековья.

дов потерпел поражение. Историк Гийом Тирский (у нас принято немецкое Вильгельм, что неверно. — *Прим. пер.*) повествует о том, что «флагман» самого дожа таранил и пустил ко дну судно фатимидского адмирала, хотя галеры уже много веков не оснащались таранами. (Об этом периоде Гийом, иерусалимский придворный, закончивший жизненный путь архиепископом Тира, писал много позднее;

сам он родился через несколько лет после взятия Тира. — *Прим. пер.*) Скорее всего некоторые основания для подобных утверждений и в самом деле имелись. Вероятно, венецианская галера просто ударила носом судно противника, возможно, достаточно сильно, чтобы проломить борт. Сражение надолго положило конец мусульманскому присутствию в водах восточного Средиземноморья. Однако Саладин, заполучивший власть в Каире в 1169 г., а впоследствии

сделавшийся правителем Сирии и многих других территорий на Востоке, построил новый флот (за счет материалов, поставляемых Венецией и Пизой, несмотря на участие в операциях крестоносцев, прежде всего оставшихся купеческими коммунами). И все же суда Саладина, укомплектованные в основном неопытными командами с отрядами легковооруженных воинов, лучших, совершенно очевидно, не смогли оказать эффективного противодействия флотам Третьего крестового похода.

Хотя детали морской баталии у Аскалона не поддаются реконструкции, есть все же несколько важных моментов:

1) венецианцы захватили 10 кораблей со снабжением, лишив мусульман в Тире так нужной им поддержки;

2) Тиру пришлось капитулировать в следующем году, потому что халиф не мог прислать помощь по морю (противодействовать крестоносцам на суше египтяне после

ряда серьезных поражений не отваживались уже почти 20 лет. — *Прим. пер.*);

3) становится очевидным, что в ту пору итальянцы применяли уже смешанные флоты — как галеры, так и купеческие парусные суда, — и то, что торговые корабли служили существенным подспорьем для боевых.

Галеры отличались большей маневренностью и не зависели от ветра, как купеческие парусники.

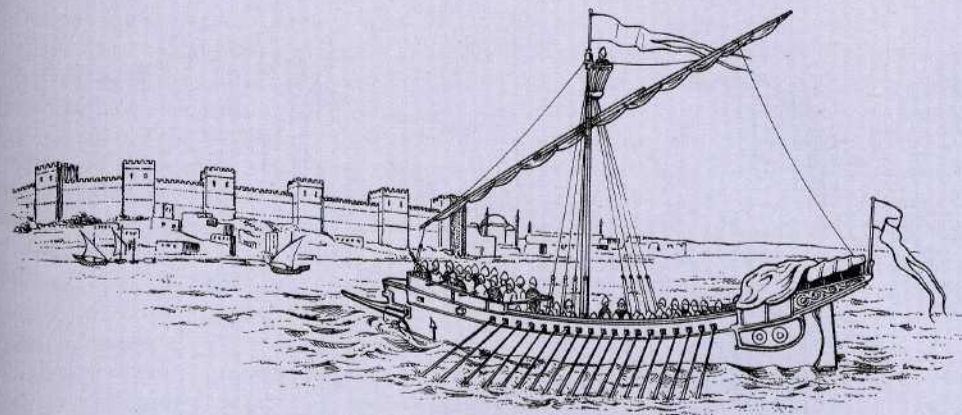
Однако для обеспечения более эффективного хода на веслах, галеры строились более низкими, тогда как торговые отличались заметным «ростом», что позволяло делать надстройки (башни) на носу и корме более высокими, чем у галер. Высота давала важные преимущества, поскольку решающими для схватки на море становились «огневые дуэли» с дистанции. Несмотря на упоминание бортовой катапульты в летописи, рассказывающей о битве у Аскалона, хро-

ники редко говорят о подобных вещах, так что некоторые историки сомневаются, не есть ли это фантазия средневековых авторов. Сложность с обеспечением должного натяжения тетивы, а также опасность крена при отдаче после выстрела, не говоря уже о размерах машин, заставляют думать, что вероятность применения катапульт на море, по крайней мере крупных, более одного раза весьма невелика. Наиболее правдоподобным представляются стрелы луков и арбалетов, а также дротики и камни, посылаемые матросами с «башен» в неприятеля при сближении судов на расстояние броска. Нет сомнения, что удобнее всего швырять любые метательные снаряды с более высокого уровня.

К 1200 г. купеческие парусники играли все более важную роль в войне в Средиземноморье как средства логистики. Суда могли достигать очень внушительных размеров. Людовик IX (1226—1270)

«И когда морем корабль вновь понесло вперед, он снова ударился о башню; когда же он сделал так, один из рыцарей... уцепился за нее руками и ногами и продвинулся внутрь... Когда он оказался там... они (враги) набросились на него со всей яростью, но, поскольку он был в доспехах... не смогли уязвить его».

РОБЕР ДЕ КЛАРИ, «ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ», 1204 г.

для своего первого крестового похода в 1248—1254 гг. (он организовал целых два, упомянутый тут значится под номером семь. — *Прим. пер.*) строил двух- и даже трехпалубные транспорты. Самые большие могли нести до 750—800 тонн грузов, обслуживались командой в 80 чел. и перевозили до 800 пассажиров или 100 коней (в то время и ранее встречались суда, способные нести и более полутора тысяч чел. — *Прим. пер.*). Такие корабли оказались особенно полезными для морских десантных операций — в Константинополе в 1203—1204 гг. и под Дамией в Египте в 1221 г. (Также и во время упомянутого выше похода Людовика Святого в 1249 г., когда крестоносцы практически с ходу овладели той же Дамией, которую за тридцать лет до того — «во времена наших отцов», как говорит хроника, осаждали два года. — *Прим. пер.*)

Четвертый крестовый поход.

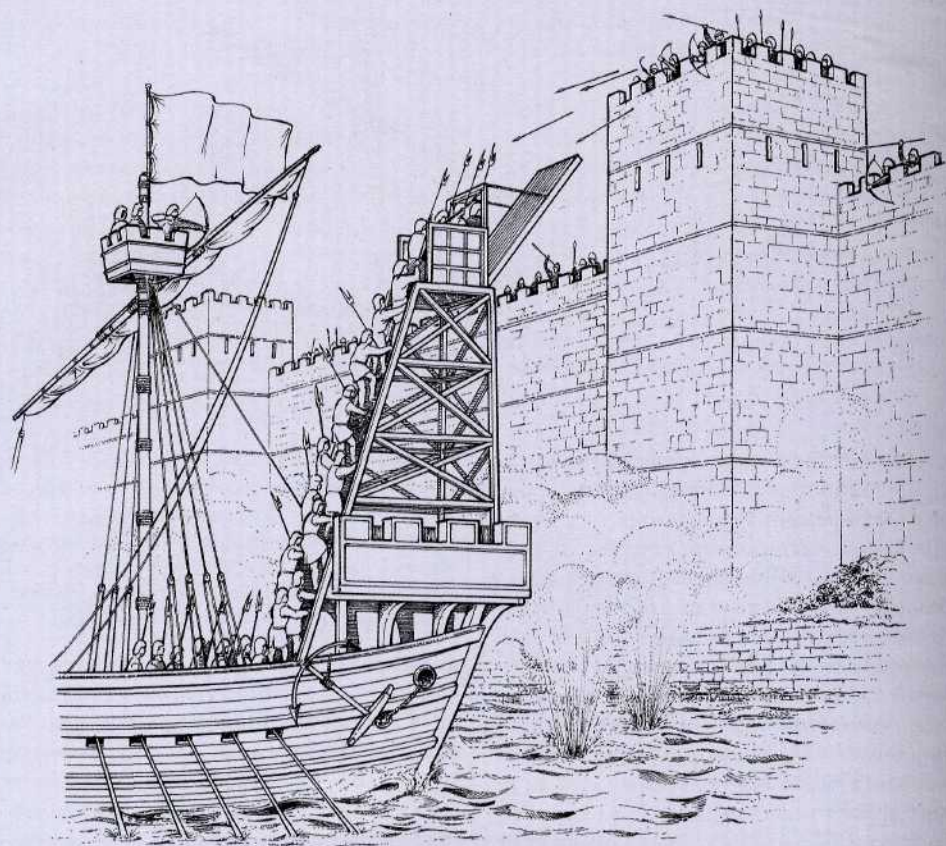
Константинополь — 1203—1204 гг.

Христиане Четвертого крестового похода, результатом которого стали два штурма Константинополя, в 1203 г. и 1204 г., и образование Франкской Романии (Латинской империи), передвигались на венецианских кораблях в сопровождении 50 венецианских же галер. Именно в первую очередь благодаря судам, крестоносцам удалось овладеть великим христианским городом. Французские вожаки крестоносного воинства заключили договор с Венецией, которая обязалась предоставить средства транспортировки и провизию, однако лидеры просчитались, и им удалось собрать вместо пред-

Завоевание Константинополя — 1203—1204 гг. Мелкосидящие, построенные в венецианском стиле галеры, как та, которую мы видим на рисунке, превосходным образом подходили для атак на береговые объекты, что помогло крестоносцам взять верх в соревновании с византийской обороной, не подготовленной должным образом к вторжению с моря.

полагаемых 30 000 чел. втрое меньшее войско. Естественно, что они оказались не в состоянии расплатиться с венецианцами. Хитроумные купцы поместили франков на острове и, как только те отказались платить, прекратили подвоз продовольствия. В результате крестоносцам пришлось искать кого-то, кто бы покрыл их долги. Сделать это вызвался бежавший ранее на Запад сын свергнутого императора Исаака II Ангела Алексея. Не питавшие приязни к «латинским еретикам», жители Константинополя не пожелали принимать их протекже, поэтому венецианцам и французским крестоносцам пришлось сажать его на трон силой. Между тем императорская казна оказалась пустой, и Алексей не смог выполнить обещания. (Рассерженный дож Венеции даже, кажется, бросил ему гневное: «Скверный мальчишка, мы вытащили тебя из грязи, в грязь и засунем!» По крайней мере, так говорит один из хронистов, описывавших завоевание Константинополя. — *Прим. пер.*) Так или иначе, произошел переворот, Алексея свергли и убили, а крестоносцы вторично взяли столицу Византийской империи штурмом, причем на сей раз посадили на трон латинского императора.

Венецианские моряки получили причитающееся, хотя сражаться с византийским флотом им практически не при-

Французские и венецианские войска успешно овладели Константинополем в ходе второй попытки 12–13 апреля 1204 г. Разного рода защитные «экраны» помогли атакующим защититься от стрел осажденных и подобраться к стенам, откуда штурмовые отряды крестоносцев по построенным на судах примитивным осадным башням взобрались на стены и сломили сопротивление византийских наемников.

шло. Как и пять веков назад, перед новыми захватчиками, желавшими овладеть Константинополем, стояла в буквальном смысле воплощенная в камне та же проблема — чрезвычайно мощные укрепления города. Самым привлекательным в плане штурма казался участок стены, выходивший на залив Золотой Рог — огромную гавань Константинополя. К тому же укрепления там находились не в полном порядке, что позволяло закрепиться и установить лестницы.

Однако вход в Золотой Рог веками прикрывала огромная цепь, протянутая между двумя башнями. Первая задача крестоносцев заключалась в том, чтобы

овладеть одной из этих башен, Галатской, что они и проделали 5 и 6 июля 1203 г. Штурм проводился с моря: венецианские галеры подтащили к берегу транспорты, те достигли суши и, очутившись на ней, опустили сходни, по которым высадился конный десант. Крестоносцы атаковали греческих солдат, пытавшихся удержать плацдарм, и, сломив сопротивление византийских наемников, бросились на штурм башни и захватили ее. Устранив преграду, венецианцы легко преодолели слабое противодействие византийских судов и вошли в Золотой Рог.

Уже находясь в бухте, крестоносцы оказались перед 9-метровой стеной, на которой заняли оборону лучники и «орудийная прислуга» камнеметов, некоторые из которых могли бросать тяжелые снаряды (более 50–60 кг) и представляли серьезную опасность для кораблей. Крестоносцы разделили силы: французы атаковали с суши на некотором удалении от венецианцев, которые ударили прямо с моря, показав себя находчивыми импро-

визаторами и мастерами своего дела. Так, чтобы защитить корабли от губительного «греческого огня», они покрыли их сырыми шкурами животных, проложили доски и срезанные виноградные лозы, чтобы ослабить разрушительный эффект падающих камней. Однако, что еще важнее, моряки соорудили мостики (достаточно широкие, чтобы на них плечом к плечу могли встать трое воинов) и на шарнирах прикрепили их к мачтам наиболее крупных парусников.

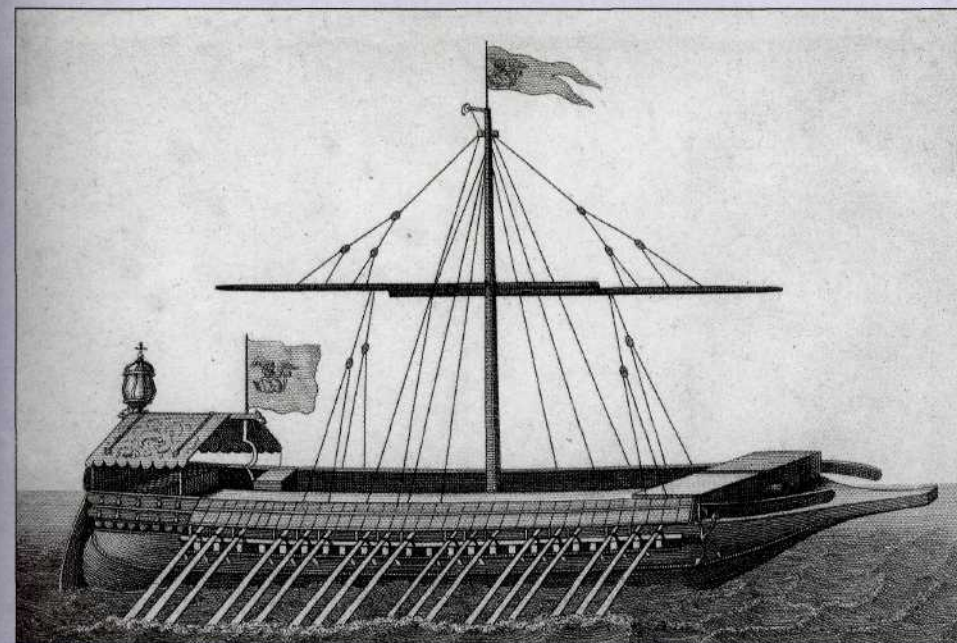
Как и мостики на осадных башнях, эти приспособления предстояло перекинуть на стену и «защелкнуть» там, зацепив за край. Ввиду их незначительной осадки, галеры могли бы подойти ближе к стенам, однако более крупные парусники лучше подходили для использования их в качестве плавучих берфруа. Идея такого применения кораблей была не новой, она опробовалась, по крайней мере, уже три века назад во время осады Салоник в 904 г., хотя вряд ли в ней принимали участие венецианцы.

Дождь Энрико Дандоло возглавлял свой контингент, несмотря на весьма преклонный возраст и слепоту (считается, что потерей зрения он был обязан как раз византийцам, которые жестоко пытали его во время бунта против латинян в Константинополе в 1172 г., когда Дандоло слу-

жил там кем-то вроде дипломатического и торгового представителя Венеции. — *Прим. пер.*). Он велел растянуть суда вдоль линии стены так, чтобы одновременно ввести в действие как можно большие силы атакующих. Ветер благоприятствовал начинанию и подгонял парусники к берегу. Чтобы отвлечь неприятеля от них, Дандоло приказал отрядам на галерах высаживаться на узкую полосу суши перед стеной.

Показывая пример, первыми это проделали моряки, гребцы (в Средние века гребцами служили свободные люди, обычно граждане города) и солдаты с флагмана венецианцев, остальные последовали за дожем и штандартом Святого Марка. «Береговая партия» принялась устанавливать лестницы, а командам некоторых парусников удалось перебросить мостики на стену. Венецианцы сумели захватить большой участок стены, однако им пришлось оказывать помощь французским крестоносцам, столкнувшимся с отчаянным противодействием неприятеля. Тем не менее атакующие достигли цели, еще даже не овладев городом. Узурпатор

В XIV столетии венецианские галеры отличались более сложным такелажем, чем их предшественницы в XIII веке. Подобные суда правили бал в Средиземноморье на протяжении нескольких веков.

Константинополь

1203–1204 гг.

Ключом к успеху первого штурма Константинополя в 1203 г. служило взаимодействие двух колонн осаждающих: французских крестоносцев, атаковавших стену с суши силами тяжелооруженных рыцарей и пехоты при поддержке осадной техники, и венецианских моряков, действовавших с кораблей. Это вынуждало защитников распылять силы и не позволяло им сосредоточиться на каком-то одном направлении. Овладев Галатской башней и устроив преграду в виде запиравшей гавань гигантской цепи, венецианцы вошли в Золотой Рог. Парусники оборудовали специальными покрытиями и построили на них мостики для высадки десанта на стену, защищавшую Константинополь с моря; успеха удалось достигнуть потому, что венецианские галеры выполнили своего рода отвлекающий маневр — выбросились на сушу, после чего на берег хлынули гребцы. При возникшем из-за этого у защитников замешательстве нескольким морякам удалось перебежать по мостикам на стену. Когда была захвачена башня, атакующие открыли ворота дожу с его контингентом. Однако на другом участке у осаждающих все пошло не так гладко, и на сей раз столица Византии избежала самого страшного. Последствия второго штурма, проводившегося целиком с моря совместно венецианцами и французскими крестоносцами, оказались для нее куда более фатальными: 13 апреля 1204 г. город пал и был подвергнут разграблению.

Константинополь сторожил проход в Черное море, богатые земли которого всегда привлекали рейдеров и потенциальных завоевателей еще со времен античной Греции.

5 Крупные силы византийцев выходят из города для противодействия французским крестоносцам, которым приходится просить о помощи венецианцев.

2 Французские крестоносцы отправились маршем к расположенной на суше стене, чтобы атаковать Константинополь с этого направления.

1 Галатская башня стала первой точкой приложения сил крестоносцев в 1203 г. Она обороняла большую цепь, запиравшую гавань Золотого Рога.

3 Венецианские суда вошли в Золотой Рог, чтобы с помощью установленных на мачтах мостиков штурмовать город с моря, в то время как команды галер высадились на узкую полосу берега.

4 Венецианцы ворвались в город около Влахернского дворца. Им пришлось, однако, отступить, чтобы поддержать французских союзников.

Алексей III Ангел бежал, Исаак II (слепой и ослепленный братом в 1195 г.) был извлечен из тюрьмы и водворен на престол, а сын Алексей стал его соправителем, Алексеем IV. Теперь крестоносцам

оставалось только получить деньги и отправиться туда, куда они собирались уже с 1199 г. — в Сирию или лучше в Египет — воевать с мусульманами.

Алексей не мог сдерживать обещания, даже если бы очень хотел. Между тем, учитывая ненависть населения к латинянам (и прежде всего венецианцам), ему, чтобы удержаться на престоле, следовало как можно скорее

размежеваться с благодетелями. Одним словом, Алексей оказался зажат между двумя жерновами — своими согражданами и крестоносцами. Скоро он потерял трон, который занял ярый противник венецианцев. Видя себя обманутыми, крестоносцы в начале 1204 г. решили повторить штурмовать город.

Теперь все усилия их сосредотачивались на обращенных к морю стенах, которые византийцы к тому моменту успели надстроить. Венецианцам пришлось вновь превращать корабли в осадные башни. 9 апреля начался генеральный штурм. Суда с малой осадкой выбрасывались прямо на берег, отряды с них спешили к стенам, таща за собой снаряжение. Парусники с мостиками атаковали основные узлы обороны — башни. На сей раз благоприятного ветра не было, а потому только пяти таким судам удалось подойти к башням, однако ни один так и не смог перебросить мостик. Византийцы отразили штурм с чувствительным уроном для атакующих.

Вторая попытка, предпринятая 12 апреля, увенчалась большим успехом. На сей раз крестоносцы связали канатами 40 парусников попарно, направив каждую пару против башен на стенах. Такой подход не только придавал плавучим берфруа значительную устойчивость, но и удваивал силы десантов. Около полудня задул северный ветер, и армада плавучих

башен двинулась к стене. Однако зацепить за нее мостики удалось только четырем или пяти парам парусников. Захватив башни, крестоносцы смогли очистить от неприятеля участки стены, позволявшие

тем, кто высадился на сушу, беспрепятственно вскарабкаться наверх. 13 апреля Константинополь находился в руках крестоносцев, которые без жалости грабили и убивали христиан. (Затем началось завоевание прочих частей империи, так что скоро во власти греческих императоров остались лишь территории в Малой Азии. — Прим. пер.) Венеция полу-

чила огромные преимущества в торговле в Восточном Средиземноморье.

Война на Средиземном море на более позднем этапе Средневековья

Крестовые походы стали «кузницей кадров» итальянских городов-государств и испытательным полигоном для совершенствования технологий и вооружений в морском военном деле, где флоты Венеции, Генуи и Пизы, господствуя на водах, яростно сражались подчас друг с другом за передел сфер влияния. С потерей позиций в Леванте в конце XIII столетия западные христиане начали все чаще конфликтовать друг с другом за первенство в европейских водах. Предпочтение по-прежнему отдавалось галерам, поскольку флотоводцы делали ставку более на маневренность, чем на высоту кораблей, хотя и на галерах теперь сооружались надстройки, или «замки». Главной, как и раньше, оставалась та же задача: выведение эскадры на благоприятную позицию, чтобы дать возможность как можно большему количеству стрелков вести огонь по противнику, одновременно не позволяя неприятелю максимально использовать свой «огневой ресурс», когда же корабли сойдутся, одолеть ослабленного врага в рукопашной схватке. Материалы, рассказывающие о

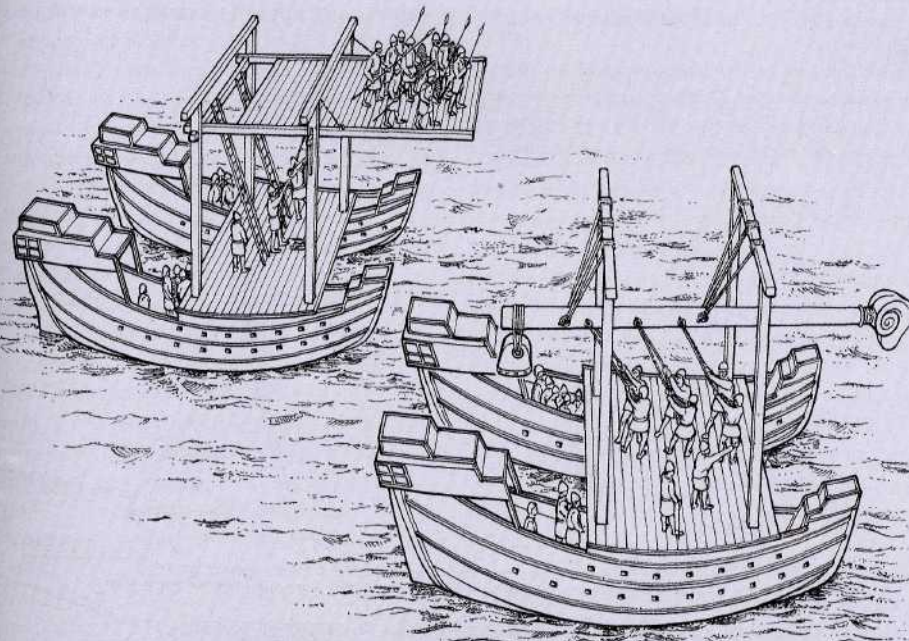
средневековой войне в Средиземноморье, позволяют установить, что командиры постоянно трудились в направлении отыскания «выигрышных комбинаций», все же неизменно отдавая пальму первенства маневренности, а не защитному вооружению, они также стремились найти и обучить как можно большее количество людей, способных вести бой на неустойчивых палубах морских кораблей. Некоторые рационализаторы даже пробовали метать в противника сосуды с негашеной известью или мыльным раствором, чтобы сделать скользкими палубы вражеских судов — довольно эффективное средство против тяжело вооруженных воинов в доспехах.

Наиболее действенным вооружением в войне на Средиземном море в тот период времени служил арбалет, широкое применение которого отмечается уже в XI столетии. Анна Комнина, писавшая свою хронику в XII веке, называет этот вид оружия чуть ли не дьявольским и уверяет, что принесли его в Византийскую империю крестоносцы (хотя сам арбалет был, по всей видимости, изобретен в Китае и попал на Запад так или иначе через Византию. — Прим. пер.). Второй Латеранский собор 1139 г. воспретил применение арбалетов против единоверцев-христиан. Однако действенность во-

оружия не позволяла воинам следовать регламентирующим установкам Церкви. То, что арбалеты повсеместно использовались в войне на Средиземном море на протяжении четырех столетий, говорит об их высокой эффективности. Стрелки имели обычно арбалеты двух видов: один, который требовал использования обеих ног для натягивания тетивы, и другой, снабженный «стременом» для одной; первые, вероятно, могли стрелять дальше, однако требовали больше времени для заряжания. На некоторых судах устанавливались крупные, если можно так сказать, «станковые» арбалеты, из которых выпускали камни, сосуды с разного рода содержимым, а также и большие стрелы.

Для того чтобы научиться эффективно применять арбалет под неприятельским обстрелом, требовалось немало времени и труда. Значение арбалетчиков хорошо проиллюстрировано, например, битвой у острова Понца, разыгравшейся 14 июня 1300 г. между арагонским и анжуйским флотами. После победы арагонцев их ко-

ПЛАВУЧИЕ ОСАДНЫЕ БАШНИ порой применялись в Средиземноморье для штурма крепостей с моря. С поставленных один к другому бортом и скрепленных между собой кораблей снимали мачты и устанавливали мостики или тараны.

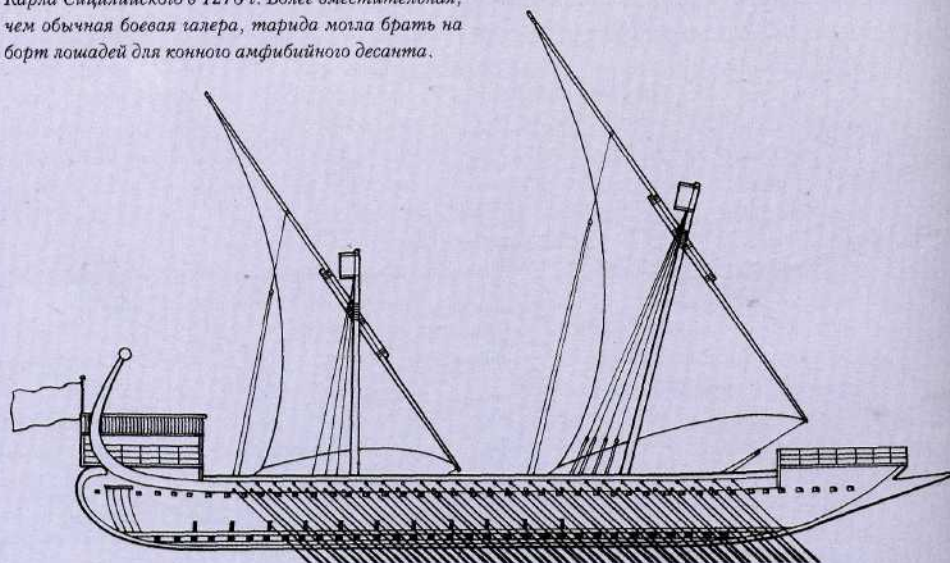
мандир приказал отрубить руки генуэзским арбалетчикам, захваченным на флагмане противника, а также ослепил их. Арбалетчиков боялись. Самыми большими специалистами в Средневековье в области ведения морского боя «по-научному» были, пожалуй, арагонцы, предъявлявшие права на королевство Сицилия (т.е. сам остров и Южную Италию. — *Прим. пер.*).

Конфликт этот известен как война Сицилийской Вечерни (так называлось *пасхальное* восстание на острове 30 марта 1282 г. против правления Анжуйского дома, сигналом для которого служили колокола, звонившие к вечерне). В этом противостоянии король Арагона принял сторону врагов младшей ветви французской правящей фамилии, захватившей королевство Сицилия в 1266 г. (Король Карл, или Шарль I Анжуйский [1266—1285] приходился дядей Филиппу III Французскому [1270—1285]. — *Прим. пер.*) Арагон и его союзники-каталонцы одержали несколько побед в 1282 г., когда французский король решился на вторжение в Арагон. Филипп собрал большой флот в заливе Роз, который каталонские эскадры уничтожили 2—3 сентября 1282 г.

Битва у Мальты — 1283 г.

Битва «в» водах Мальты, состоявшаяся 8 июня 1283 г., наглядно демонстрирует

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТАРИДЫ, построенной для короля Карла Сицилийского в 1278 г. Более вместительная, чем обычная боевая галера, тарида могла брать на борт лошадей для конного амфибийного десанта.

возможности арагонцев. Победа эта стала первой для адмирала Руджеро ди Лаурия, который вошел в историю как величайший флотоводец Средних веков. Большая гавань Мальты — одна из прекраснейших бухт на Средиземном море, соответственно остров представлял собой стратегически важную для обеих сторон. Анжуйская эскадра примерно из 20 галер достигла гавани, как можно предполагать, 4 июня, а арагонские силы — численно примерно равные — вышли туда 7 июня. Два небольших судна охраняли проход в гавань, однако они стояли пришвартованные по краям входа вместо того, чтобы патрулировать водное пространство между ними. В результате арагонскому кораблю удалось проникнуть в бухту и выяснить положение дел у анжуйцев.

Перед восходом солнца Руджеро ди Лаурия выстроил корабли в линию, соединив их канатами. Эту тактику еще в XII столетии ввели в постоянный обиход генуэзцы, а в XIII она стала обычной для морских сражений, как видно потому, что лучше всего подходила для галерного боя. Такое формирование позволяло судам держать строй, в то же время оставляя достаточно пространства между бортами для работы веслами. Преимущество состояло в том, что сомкнутое построение давало возможность перебрасывать людей с одного корабля на другой, усиливая команду тех

из них, где шел абсордажный бой или имелись высокие потери на начальном этапе битвы — во время сближения и перестрелки. Надо полагать, между галерами перебрасывались какие-то мостки, чтобы воины могли перебежать по ним в случае надобности.

Войдя в гавань, арагонский адмирал приказал трубить в рога, чтобы привлечь внимание противника. Причина такого поступка едва ли заключена в рыцарственных правилах, которыми руководствовался флотоводец. Просто анжуйские суда стояли на приколе кормой к атакующим — очень удобная оборонительная позиция. Захватив корабль в таком положении, арагонцам было бы не так легко утратить его, а кроме того, в ходе боя за судно противник мог подавать помощь своим с берега. Услышав сигнал и увидев неприятеля, анжуйцы развернули галеры и вступили в битву, продолжавшуюся все утро. В команды кораблей с обеих сторон входили как копейщики, так и арбалетчики, примерно по 100 солдат на галеру. Анжуйцы сражались традиционно, поливая неприятеля стрелами, забрасывая дротиками и всем, чем только можно. Похоже, именно тут Руджеро ди Лаурия нашел способ переиграть противника. Он приказал своим экипажам экономить боеприпасы и отвечать только из арбалетов. Когда у анжуйской эскадры стали кончаться стрелы и дротики, арагонцы сблизились, оказавшись на дистанции, позволявшей истратить сэкономленные дротики с максимальной пользой, бросая их наверняка и производя опустошающий эффект на палубах противника. Затем арагонцы бросились на абсордаж. Выбраться из горнила сечи удалось только семи анжуйским кораблям, причем два из них пострадали так сильно, что их пришлось бросить.

В битве в бухте Мальты арагонцы потеряли человек 300, тогда как анжуйская сторона недосчиталась всего убитыми и захваченными в плен между 3500 и 4000 чел., погиб даже один из двух адмиралов. Существовало несколько причин, которые помогли Арагону достигнуть столь впечатляющей победы. Безусловно, нельзя не отдать должного мастерству командующего эскадрой, однако не стоит сбрасывать со счетов и важных технических

инноваций арагонских кораблестроителей. Арагонцы строили суда более высокими, с дополнительными фальшбортами, за которыми могли прятаться воины во время перестрелки. Подобные усовершенствования не могли не снижать скорости, потому, вероятно, не прижились нигде, кроме Испании, однако при наличии внезапности давали верный шанс на успех. Сражались арагонцы с противником, располагавшим такими же галерами, как те, которые анжуйский король Карл I Сицилийский заказал в 1275 г. Впервые сохранившийся документ дает нам детальные данные по средневековым галерам — длинным и узким с пропорцией 10,7:1 в бимсе у миделя. При этом очень низкими — высота от киля до планшира 2 м. Еще одно преимущество заключалось в том, что арагонские команды состояли из более опытных и привычных к морскому бою солдат и матросов. На борту арагонских судов находились каталонские арбалетчики, считавшиеся лучшими в Европе в то время, кроме того, подвижная и ловкая легкая пехота, или альмогавары — выходцы из земель, пограничных с территориями мавров (подробнее в 1-м разделе). Личный состав анжуйской эскадры в отличие от противника представляли рыцари в их тяжелых доспехах, а также пехотинцы, неопытные и недостаточно тренированные для ведения боя на шаткой палубе.

Победу эту Арагон скоро упрочил еще одной, одержанной спустя год, 5 июня 1284 г., в битве в Неаполитанском заливе, когда все тот же адмирал Руджеро ди Лаурия выманил анжуйский флот обманчивыми маневрами далеко в море. В ожесточенной схватке ни та, ни другая сторона не могла, казалось, взять верх, пока невидимый до поры до времени противнику арагонский резерв не ударил в тыл анжуйской эскадре. В одном источнике сообщается о том, что Руджеро пускался на самые гнусные хитрости, в том числе приказывал стрелять «зажигательными бомбами», горшками с серой или с мылом, чтобы сделать скользкими палубы анжуйских кораблей. 23 июня 1287 г. 40 арагонских судов Руджеро ди Лаурия вновь нанесли поражение анжуйскому флоту, состоявшему более чем из 80 кораблей. В этом столкновении, прозванном «Битвой графов», по причине участия в ней несколь-

ких именитых французских нобилей, опыт командира и мастерство моряков опять продемонстрировали преимущества перед тактикой «сухопутно мыслящего» неприятеля. Чтобы выманить анжуйских рыцарей из порта, Руджеро приказал своим морякам стрелять по ним и выкрикивать оскорбления. Когда же анжуйские суда вышли из гавани, они скоро рассеялись, что позволяло эффективнее маневрировать арагонцам силами сразу нескольких кораблей атаковать один вражеский, создавая численное преимущество на отдельных участках. Сражение длилось целый день. Как можно предположить, Руджеро сделал приоритетными мишенями как раз суда французских графов, поскольку те отличались особенной неопытностью в морском деле. К исходу дня арагонцы овладели 40 анжуйскими кораблями, захватив при этом в плен около 5000 чел.

Северные воды — борьба за господство в Ла-Манше

Тогда как в морских боях в Средиземноморье галеры доминировали вплоть до XV столетия, ряд различных факторов побудил северян сделать больший упор на парусные суда. Похоже, причина даже не в характерном для океана большем волнении, что затрудняет работу веслами, снижая ее эффективность по сравнению с более спокойным Средиземным морем. В действительности определяющими стали техническое совершенствование кораблей и привлекательность высоты силуэта, обеспечивавшей преимущества в процессе обмена стрелами и другими метательными снарядами в бою.

Улучшенный парусник, или ког, созданный для суровых вод Балтики, стал более или менее широко применяться около 1150 г., причем также проник и в Северное море. Высокий корабль с плоским днищем и квадратной кормой, передвигался он за счет энергии ветра и располагал сначала двумя, а потом и тремя мачтами. В основном коги могли брать на борт что-то около 100 тонн или менее, однако попадались и 300-тонные и даже 400-тонные с высотой планшира до 4 м от киля, не говоря уже о кормовых и носовых надстройках, позволявших «морс-

кой пехоте» с высоты стрелять и бросать метательные снаряды в противника, находящегося в неудобном положении для ответных действий.

Другим преимуществом кога служила его универсальность, позволявшая применять одни и те же суда как для военных, так и для торговых экспедиций. Одним словом, коги представляли собой многоцелевые корабли, хотя в XIV и XV столетиях короли предпочитали все же иметь в составе боевого флота ядро из особо крупных когов, строившихся специально для военных нужд. Остальные же приобретались и использовались торговцами по прямому назначению, однако правитель имел право «арестовывать» суда в случае необходимости, т.е. за отдельную плату арендовать корабли с командами. Все, что требовалось в таких случаях, — снабдить судно боевыми надстройками, которые, не являясь интегральной частью конструкции, могли устанавливаться и сниматься, когда в том возникала потребность. Хотя ни один купеческий корабль и сам по себе тогда не выходил в море без оружия, крупные деревянные надстройки на носу и баке, а то еще и на топ-мачте, не могли отрицательно не сказываться на ходовых характеристиках и потому едва ли были желанными в относительно спокойные времена.

Отход от применения галер наблюдается уже в XIII столетии. Так, северная Ганзейская лига, представлявшая собой крупное и могущественное торговое сообщество, никогда не имела флота галер. В случае же войны купцы сажали солдат на коги. Система работала до того хорошо, что позволяла купечеству бросать вызов даже сильным государствам, как случилось в 1234 г. и 1239 г., когда город Любек дважды успешно действовал на море против короля Дании. Покуда у команды кога хватало боеприпасов, галера практически не могла захватить его в морском бою. Брать на abordаж ког с куда более низкой галеры было бы очень сложно, не говоря уже о неизбежных больших потерях в момент сближения.

Атакующие коги стремились выйти на противника из-под ветра так, чтобы прицепиться к борту вражеского судна abordажными крючьями под прямым углом примерно у миделя, что давало стрелкам

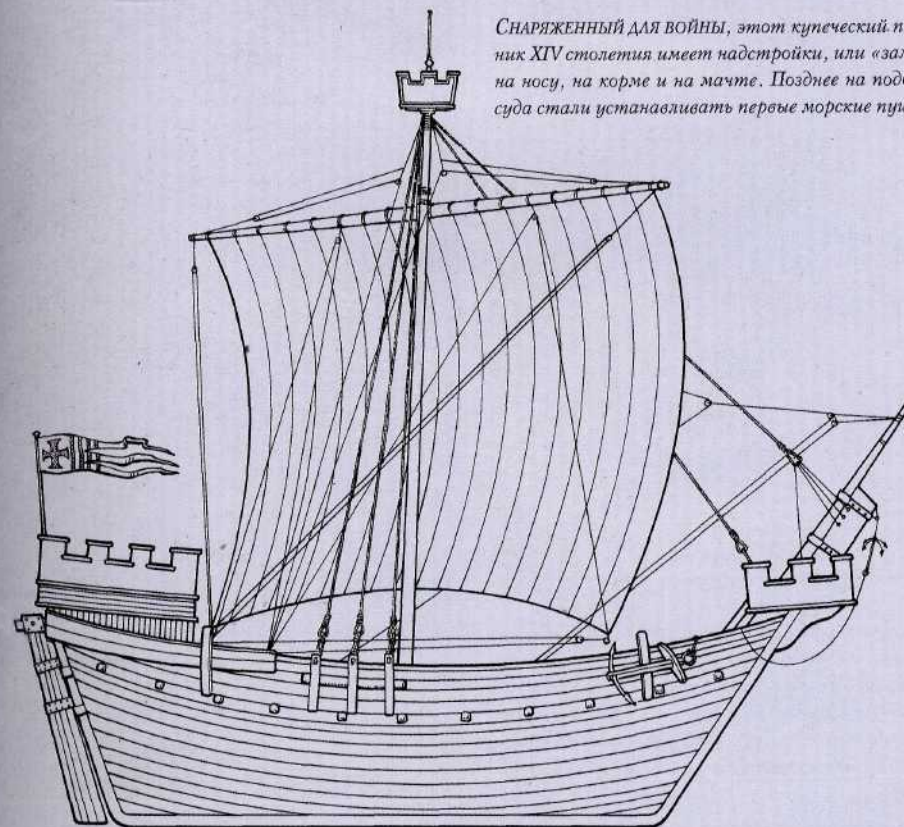
в передней надстройке значительные преимущества перед неприятелем в высоте занимаемой позиции. Атакуемые же старались развернуться к противнику более высокой кормовой надстройкой. Между тем вплоть до XIV столетия галеры продолжали оставаться основной ударной силой северных военных флотов из-за большей маневренности и отсутствия зависимости от ветра. Северные галеры строились по тем же основным принципам, что и ладьи викингов, становясь со временем все крупнее и крупнее. Так, на галерах короля Джона Английского (Иоанна Безземельного) имелось, по крайней мере, по 70 гребцов, тогда как Эдуард I в 90-х годах XIII века применял корабли с 100 и более гребцами. В те времена пробовали снабжать боевыми надстройками и гребные суда, пытаясь совместить маневренность галеры и высоту кога.

Войны между Англией и Францией

История трансформации боевых подходов к морской войне на севере лучше

всего прослеживается на примерах англо-французского противостояния в XIII и XIV веках. Начиная с 1066 г. Англия не очень-то нуждалась в военных кораблях, если не считать кораблей, задействованных для поддержки сухопутных кампаний в Шотландии и для транспортировки сил вторжения в Ирландию в 70-е годы XII столетия и некоторых других тому подобных случаев (в том числе крестовые походы). Когда же Джон Английский потерял Нормандию, ситуация круто изменилась. Впервые за много лет французский король Филипп II Август получил необходимые порты и ресурсы для ведения войны в Ла-Манше и за его пределами.

Не будучи особо одаренным правителем, Джон все же сознавал важность вложения средств в вооружение, в частности в боевые суда. В 1209—1212 гг. он потратил немало денег на создание современного по тем меркам военного флота — новой королевской эскадры из 20 галер и 34 судов других классов. Как будто бы не так уже много для большой страны. Однако надо помнить, что кое-что он мог

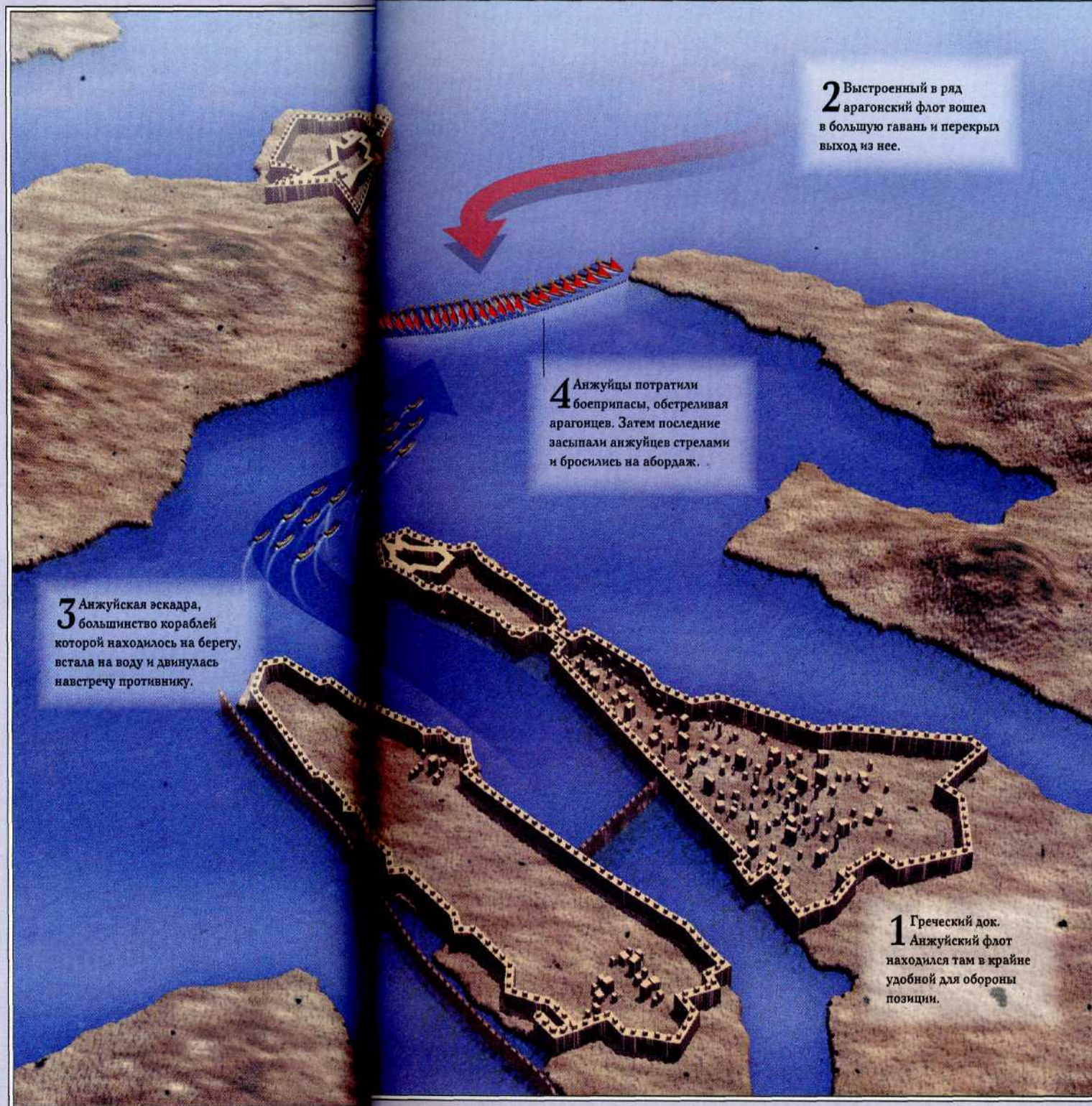
СНАРЯЖЕННЫЙ ДЛЯ ВОЙНЫ, этот купеческий парусник XIV столетия имеет надстройки, или «замки», на носу, на корме и на мачте. Позднее на подобные суда стали устанавливать первые морские пушки.

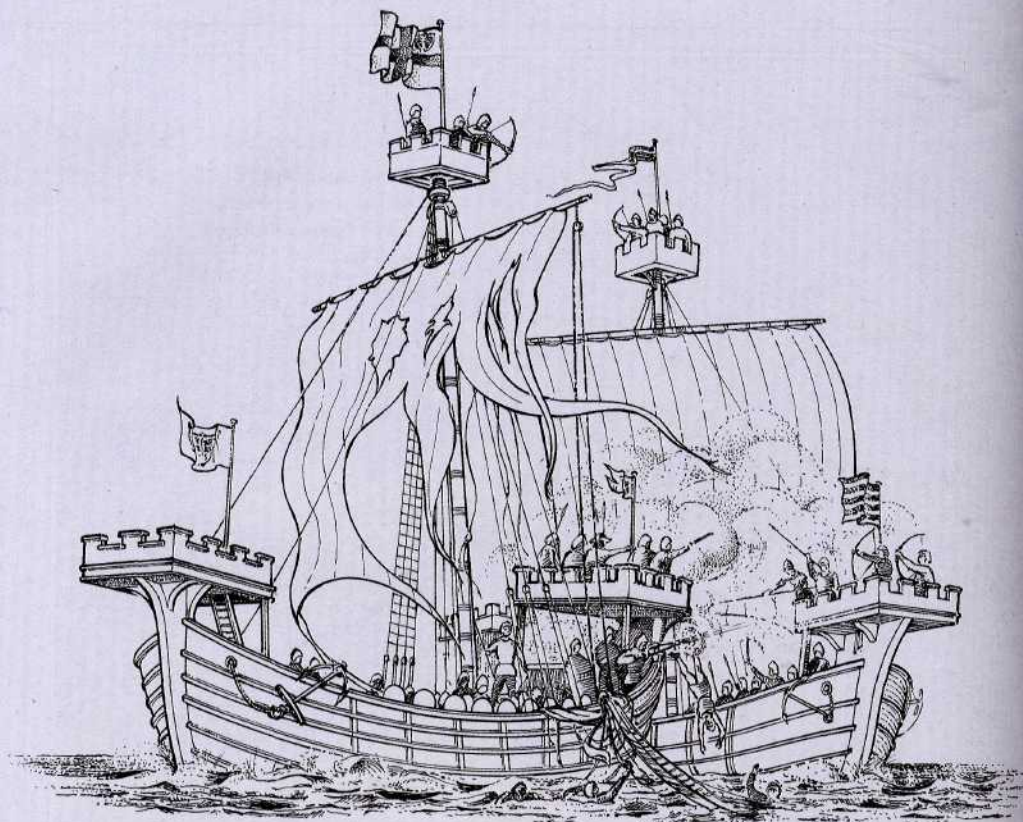
Битва в водах Мальты 1283 г.

Анжуйский флот господствовавшего с 1266 г. на Сицилии дяди французского короля находился в гавани Мальты, где утром 8 июня 1283 г. подвергся нападению эскадры арагонских галер, ведомой Руджеро ди Лаурия. Накануне столкновения арагонский командующий приказал скрепить корабли между собой в жесткую линию. Арагонцы начали сражение «по-рыцарски» — призвав анжуйцев на бой и подтолкнув к тому, чтобы те покинули причалы. Анжуйские команды погрузились на галеры и устремились на противника. В последовавшем затем сражении анжуйские моряки осыпали врага тучами стрел, в то время как тот почти не отвечал на выстрелы до тех пор, пока неприятель не истощил боезапас. Сближаясь для абордажного боя, арагонцы с умом использовали сбереженные стрелы и дротики, устроив анжуйцам настоящую кровавую баню. Посеяв хаос и разрушения на палубах вражеских галер, арагонцы бросились врукопашную, чтобы завершить битву безжалостной резней анжуйских команд.

Положение Мальты, расположенной к югу от Сицилии посреди Средиземного моря и как нельзя лучше подходившей в качестве морской базы, превращало ее в весьма привлекательную цель. Мальта была необходима для того, чтобы контролировать королевство Сицилия, включавшее в себя тогда и Южную Италию.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ морского сражения между двумя североамериканскими парусниками в XIV столетии. Всплыви коги, как правило, не оснащались, а потому суда передвигались за счет парусов даже во время боя.

«занимать» и у купечества. Флот скоро понадобился. Филипп Август стремился использовать скверное для Джона международное положение (тот находился под церковным отлучением), а также и неблагоприятную для него внутреннюю обстановку (взаимоотношения с нобилитетом). В 1213 г. Филипп собрал флот в Даме, что в устье реки Звейн (Западная Фландрия. — *Прим. пер.*). Однако французы совершенно не учли уроков ушедшей уже в прошлое эры викингов, когда государственные флоты на местах тщетно пытались перехватить разбойников на их пути к цели. До изобретения радара имелось не так уж много способов заблаговременно получить информацию о подходе неприятеля с моря. Не подозревая о присутствии поблизости английской эскадры, французский командир держал суда в Даме почти

без охраны. Часть кораблей вообще была выведена на берег, а команды по большей части занимались разграблением города. Англичане атаковали неожиданно, стремительно и с огромным разрушительным эффектом: все суда, стоявшие на якоре, они увели с собой, а те, которые оказались в затонах или на берегу, — просто сожгли. Королю Филиппу пришлось отказаться от плана вторжения.

Несмотря на явный успех, битву при Даме вряд ли можно назвать битвой в полном смысле этого слова, поскольку участники рейда практически не встретили неприятельского противодействия. Более показательно в плане возможностей кораблей на заре XIII столетия столкновение 1217 г., которое велось в открытом море в виду Дувра. К тому времени англо-французские отношения окончательно перепутались: бароны короля Джона сочли себя свободными от вассальных обязательств перед ним и пригласили на престол сына французского короля Филиппа II, Луи Льва (или Львиное Сердце, будущий король Людовик VIII, 1223—1226 гг. —

Прим. пер.). На первых порах Людовику способствовал успех, но когда Джон скончался, регентом при его сыне Генри (или Генрихе) III (1216—1272) стал Вильям Маршал, эрл Пембрука, и поддержка французского претендента со стороны баронов пошла на убыль. Людовик оказался в сложном положении, и вот в 1217 г. его жена, Бланка Кастильская, отправила подкрепления и флот под началом высокозарекомендовавшего себя командира, Евстахия Монаха, некогда служившего королю Джону.

Французы уже приближались к цели, когда в тылу у них возник английский флот. Особо важным было в столкновении поло-

жение по отношению к ветру, поскольку, как можно судить по описанию, в схватке участвовали скорее всего коги, а не галеры. Хронист Матвей Парижский повествует о том, как рвались перерубленные фалы и падали паруса на вражеских судах. Он сообщает и о том, что на английском флагмане имелись горшки с порошком негашеной извести. Когда эскадры сблизилась, англичане принялись бросать эти сосуды во французский флагман, ослепляя французских моряков и солдат. Англичане достигли решительной победы, захватив ряд французских кораблей и вынудив других спасаться бегством. В плен вместе со своим флагманом попал и сам командир, Евстахий Монах, что стоило ему головы. Людовику же пришлось просить мира и возвращаться домой.

На море рыцарские правила не действовали. Если корабль брал на abordаж судно противника, команда обычно вырезалась до последнего человека. Когда же корабль получал серьезные повреждения, находившиеся на его борту оказывались словно бы в западне — бежать было некуда. Вероятно, английский командир вычитал об извести в каком-нибудь труде «классиков военного дела» — возможно, у того же Вегетия. Несмотря на использование ее у Дувра, известие никогда не входило в стандартный арсенал вооружений средневековых кораблей. Слишком уж велик был шанс, что порошок от-

несет ветром на тех, кто применил его — своего рода палочка о двух концах, как тот же «греческий огонь». Нет никакой гарантии того, что, описывая сражение не подалеку от Дувра, хронист, не разбившийся в войне на море, но знакомый с трудом Вегетия, просто вообразил, что и в его время морской бой должен вестись так, как в античности. На такое подозрение наводит упоминание о металличе-

«Тот, кто господствует на море, вскоре станет править и на суше».

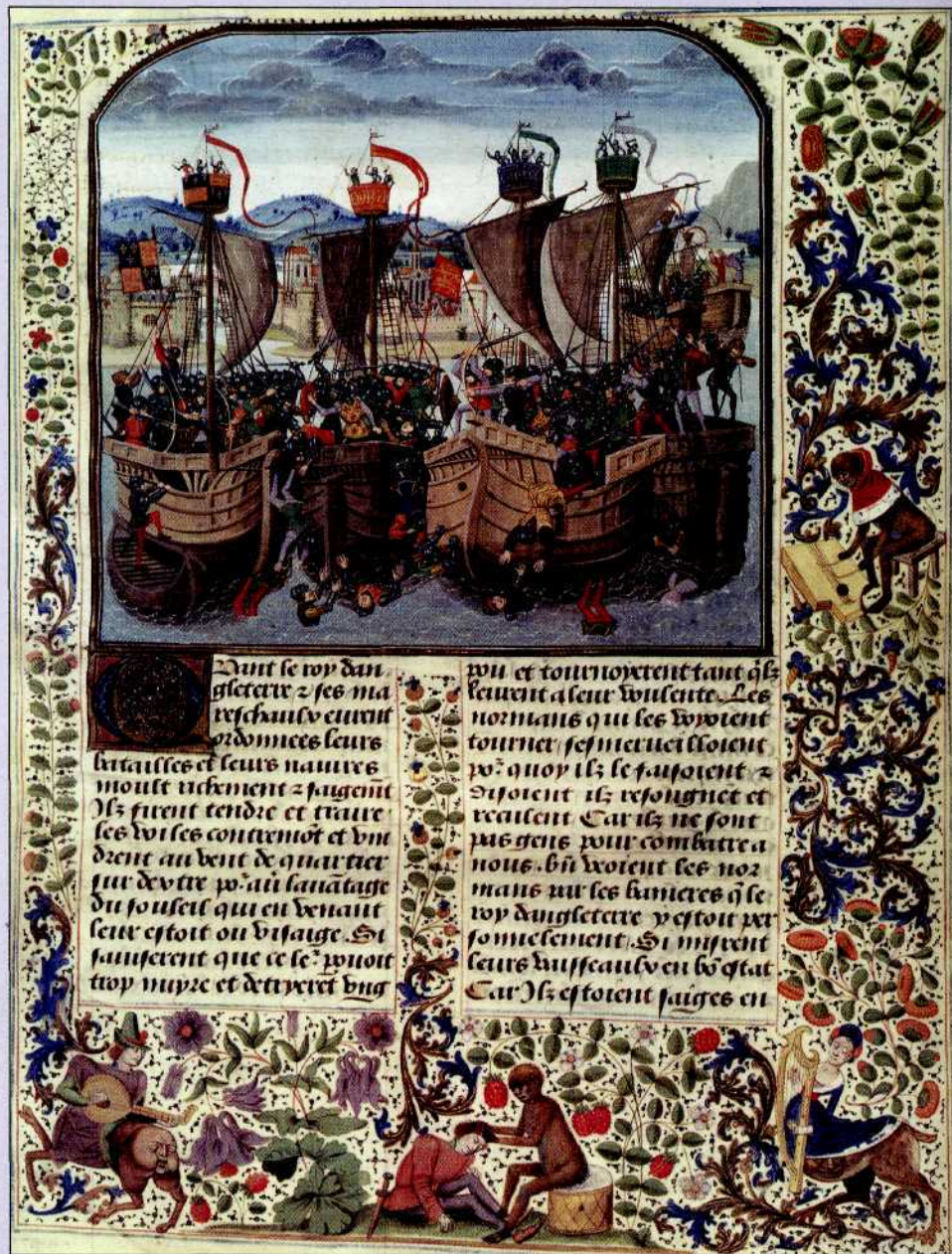
Хайр Эд-Дин, пират и адмирал
ОСМАНСКОГО ФЛОТА, 1546 г.

ских «баранах» — таранах, которых тогда уже просто не существовало. Интересно, что на одном из французских судов находился требюше, который, вне всяких сомнений, предназначался для сухопутной армии в Англии, а не для

применения на море. Нет ни одного верного свидетельства использования камнеметов с борта в Северной Европе в Средние века.

После описанной выше попытки Людовика как французы, так и англичане, похоже, решили, что большая морская война дело рискованное и слишком дорогостоящее. Французы больше не предпринимали серьезных попыток строительства военного флота до 1284 г., да и в этом случае создавался он для действий в Средиземноморье против Арагона, о чем мы упоминали раньше. Кризис в отношениях с Францией в 90-е годы XIII века заставил Эдуарда I Английского строить галеры, что, однако, не дало ему решительно никакого выигрыша в противостоянии.

В 1317 г. Эдуард II нанимал генуэзские галеры для войны против шотландцев, считая, как видно, что профессиональные моряки на галерах будут действовать лучше, чем команды купеческих когов. Обстановка на севере изменилась в начале XIV столетия, когда отношения между французами и англичанами особенно накалились. В 1337 г. вспыхнула война, равной по размахам которой средневековая Европа, если не считать крестовых походов, еще не знала. Более сотни лет продолжался конфликт, по сути своей неразрешимый, поскольку англичане требовали не только земель во Франции, но и самой французской короны. Страны раз-

На иллюстрации к рукописи «Хроники» Фруассара XV века показаны суда, сошедшие в ближнем бою в ходе сражения у Слойса в 1340 г. (Из фондов Государственной библиотеки в Париже.)

делая пролив, а потому именно тогда боги морской битвы на севере вступили, можно сказать, в зрелый возраст.

Первые этапы Столетней войны отмечены столкновениями в море французских и английских каперов, пиратов и торгов-

цев, при этом каждая сторона стремилась не упустить своего и лишить неприятеля поступления важного снабжения. Но уже в 1338 г. Филипп VI (у власти 1328–1350 гг.) применил довольно крупный флот, состоявший из нанятых в Генуе галер, и провел серию опустошительных рейдов против южных английских портов, частично разрушив несколько городов, включая такие, как Портсмут, Саутгемптон и Гастингс. Набеги эти фактически

перерезали линии коммуникаций войск короля Эдуарда III, скверным образом повлияв на процесс циркуляции снабженческих судов между Англией и ее владениями на континенте. Противник уничтожил немало кораблей и захватил в том числе и собственные корабли английского короля — крупные «Эдуард» и «Кристофер». Филипп и его советники даже решились на организацию широкомасштабного вторжения в Англию в 1339 г., однако шторм разметал флот и расстроил планы.

С того момента положение Франции на море стало резко ухудшаться. Генуэзские наемники не раз еще достигали успеха, но скоро они передрались между собой после того, как их же собственный адмирал, Айтон Дория, попытался надуть их с оплатой. Гребцы взбунтовались, захватили несколько галер и отбыли домой, разом лишив Филиппа VI двух третей боевого флота. К концу 1339 г. ушли остальные итальянские моряки. У Франции осталось всего 22 королевские галеры, однако рейд англичан на Булонь, зимнюю стоянку французского флота, в начале 1340 г. привел к уничтожению 18 из них.

Лишенные элиты своего ВМФ, французы почувствовали себя очень неуверенно и с начала 1340 г. перешли к обороне, блокируя английскому флоту доступ к фламандскому берегу, где эскадра вторжения надеялась пристать в безопасности, поскольку Фландрия являлась тогда союзницей Англии. Задачу оказания противодействия неприятелю французы возложили на вооруженных «торговцев». Численность материальной части «Великой морской армии», как называли они это соединение, достигала 200 единиц — невиданная ранее армада, а потому, как можно с уверенностью предполагать, состоявшая преимущественно из когов. Чтобы покрыть расходы на содержание флотилии, пришлось значительно поднять налоги в Нормандии.

Тем временем англичане собрали эскадру вторжения — около 160 кораблей. В большинстве своем они принадлежали частным лицам, но были «мобилизованы» для целей короны. 22 июня 1340 г. эскадра под личным водительством Эдуарда III поставила паруса и выступила в

направлении Фландрии. По всему видно, англичане не ожидали встретить вражеский флот в устье реки Звейн двое суток спустя, французы же твердо намеревались преградить противнику путь вверх по реке. У Эдуарда не оставалось иного выхода, как только наступать — любая попытка отхода была чревата для него опасностью закончиться резней. Фран-

цузы могли поодиночке разделаться с английскими кораблями, когда те рассеялись бы в открытом море, не говоря уже о том, каким ударом по престижу короля Эдуарда стало бы отступление.

Битва при Слойсе — 1340 г.

Сражение около Слойса началось 24 июня 1340 г. Французскую стратегию определяли адмиралы Гюг (Юго) Кьере и Никола Беюша. Они не очень-то полагались на боевые качества команд и опасались, что англичане избегнут столкновения, сумеют найти подходящее место и высадят армию на сушу. Посему французы полностью блокировали устье, растянув соединенные цепями корабли на расстояние в 5 км. Думается, более опытные французские капитаны возражали против такого ограничения оперативного простора — ведь скованный строй лишался возможности маневрировать, к тому же ветер дул прямо в устье, — однако адмиралы не послушались голосов предостережения. Хронист Фруассар сообщает, что суда с надстройками на них выглядели точно выстроившиеся в ряд замки.

Что заставляло французов избрать такую почти в буквальном смысле узкую стратегию? Нехватка флотского

«Они отправились в море с эскадрой... и плыли в сторону Англии, чтобы прибыть в гавань Саутгемптона утром в воскресенье, когда народ был на мессе. Нормандцы и генуэзцы ворвались в город и разграбили его подчистую».

ФРУАССАР

навигаторского искусства? Отсутствие информации о намерениях противника или же безрассудная самоуверенность? Причина неизвестна. Некоторые историки даже сомневаются, действительно ли французы сковали суда в единую линию. Практику «взвзвизывать» корабли описывал римский историк Тит Ливий (59/64 до Р.Х. — 17 г. н.э. — *Прим. пер.*), оставивший, в частности, труд о войне Рима с Карфагеном, так что «сухопутные» средневековые хронисты могли просто позаимствовать эту «технология» у него. Так или иначе, загонять лишенные подвижности корабли в тесное для них устье, да еще под приливную волну, было почти безумием. Неудивительно, что скоро французские суда стали дрейфовать на восток, причем тесня друг друга. Похоже, однако, их к тому времени уже расковали. Так или иначе, к моменту начала атаки англичан у французов воцарился самый на-

стоящий хаос. Нападающие использовали благоприятный ветер и прилив, однако не спешили наносить решающий удар, дожидаясь, когда солнце перевалит за полдень и перестанет светить им в глаза. Французы попытались вновь выстроиться лицом на запад, что только усилило беспорядок.

Англичане приближались тремя линиями, при этом в первой занимали место наиболее крупные суда, включая и флагман Эдуарда III, ког «Томас». Снова высота служила решающим фактором, при этом англичане в достатке располагали живой силой — тяжеловооруженными воинами и лучниками сухопутного десанта, — чтобы должным образом использовать преимущество. Незаслуженно забытая энтузиастами рыцарства, именно битва при Слойсе, а не куда более знаменитые Креси и Пуатье, впервые продемонстрировала сокрушительное действие больших английских луков в Столетней войне.

БОРТОВОЙ АРБАЛЕТ мог устанавливаться на станке для придания ему большей устойчивости при стрельбе. В эпоху «высокого» Средневековья суда, как правило, не оснащались бортовым вооружением, однако если того требовала ситуация, подобные установки вполне могли быть применены.

Французские «морские пехотинцы» были преимущественно арбалетчиками и не могли обеспечить такой скорострельности, как противник, в самый важный, хотя и непродолжительный момент, когда эскадры сближались между собой, уже очень скоро французы потеряли большинство арбалетчиков — итальянских наемников. Французы попытались как-то скомпенсировать неравенство, в частности поднимали на топ-мачты грузы камней и бросали их с высоты на голову противника. Однако в командах к тому времени наблюдался уже сильный недокомплект, чтобы и такая мера могла принести перелом в сражении.

Жаркая битва продолжалась с 15.00 до 22.00 (а два корабля продолжали драку до следующего рассвета). Даже сам Эдуард III был ранен из арбалета. Однако англичане сминали противника ряд за рядом. Тем временем крупные силы фламандцев, собранные на западном берегу, ударили на противника с тыла — они убивали любого француза, который пытался выбраться на сушу. Результатом столкновения стала крупная победа англичан, которые без всякой жалости вырезали команды захваченных судов. От 16 000 до 18 000 французских солдат и матросов погибли в тот день. Лишились жизни и оба адмирала. Беюша сложил голову в бою, Кьере же захватили в плен для получения выкупа, когда же выяснилось, что он командовал французами во время налетов на английские порты, Эдуард III приказал вздернуть его на мачте собственного корабля. Вскоре после победы король Эдуард начал чеканить новую золотую монету, на которой его изображали восседавшим на установленном на корабле троне.

«Гонка вооружений» на море

После побоища при Слойсе, в 1350 г. англичане одержали следующую морскую победу, которая явственно продемонстрировала, что даже не безрассудство

французских флотоводцев, а большие английские луки решили судьбу противостояния под Слойсом. Битва вошла в историю как «Л'Эспаньоль-сюр-Мер» (нечто испанское, может быть танец на море. — *Прим. пер.*), поскольку велась против союзной Франции Кастилии в Ламанше неподалеку от Уинчелси (графство Восточный Суссекс. — *Прим. пер.*) 29 августа 1350 г. Кастильский флот

из 40 судов вышел из Фландрии и следовал к берегам Испании, когда подвергся нападению англичан, которыми вновь командовал сам король.

Кастильцы предвидели возможность нападения, потому основательно загрузили корабли камнями и металлическими дротиками, не говоря уже о наличии на борту

каждого хорошо подготовленных арбалетчиков. Кроме того, испанские корабли превосходили английские размерами. Несмотря на все это, англичане вновь взяли верх, почти наверняка, главным образом, вследствие их способности выпустить больше стрел по кастильцам в самый ответственный момент сближения кораблей. Фруассар, у которого рыцарские мотивы в поступках героев всегда превалируют над сухой прагматикой военных, уверяет, что в гуще боя Эдуард направил флагман на самый крупный корабль противника и прокричал его капитану, что намерен сойтись с ним в поединке, как на ристалище. Фруассар, однако, осознавал возможные последствия столкновения двух судов в море, поскольку говорит о том, что флагман Эдуарда получил серьезные повреждения (что едва ли имело место в действительности, поскольку в довольно подробных учетных записях, посвященных состоянию флота Англии в то время, нигде ни слова не сказано о ремонте ког «Томас»). Согласно разным данным, англичане захватили от 14 до 26 кораблей противника.

В 1372 г. англичане понесли серьезное поражение у города Ля-Рошель, правда потому лишь только, что неприятель за-

«То была и вправду кровавая и страшная битва. На море всегда бьются яростнее, чем на суше, потому что отступление и бегство невозможны».

ФРУАССАР ПО ПОВОДУ СРАЖЕНИЯ
У СЛОЙСА В 1340 г.

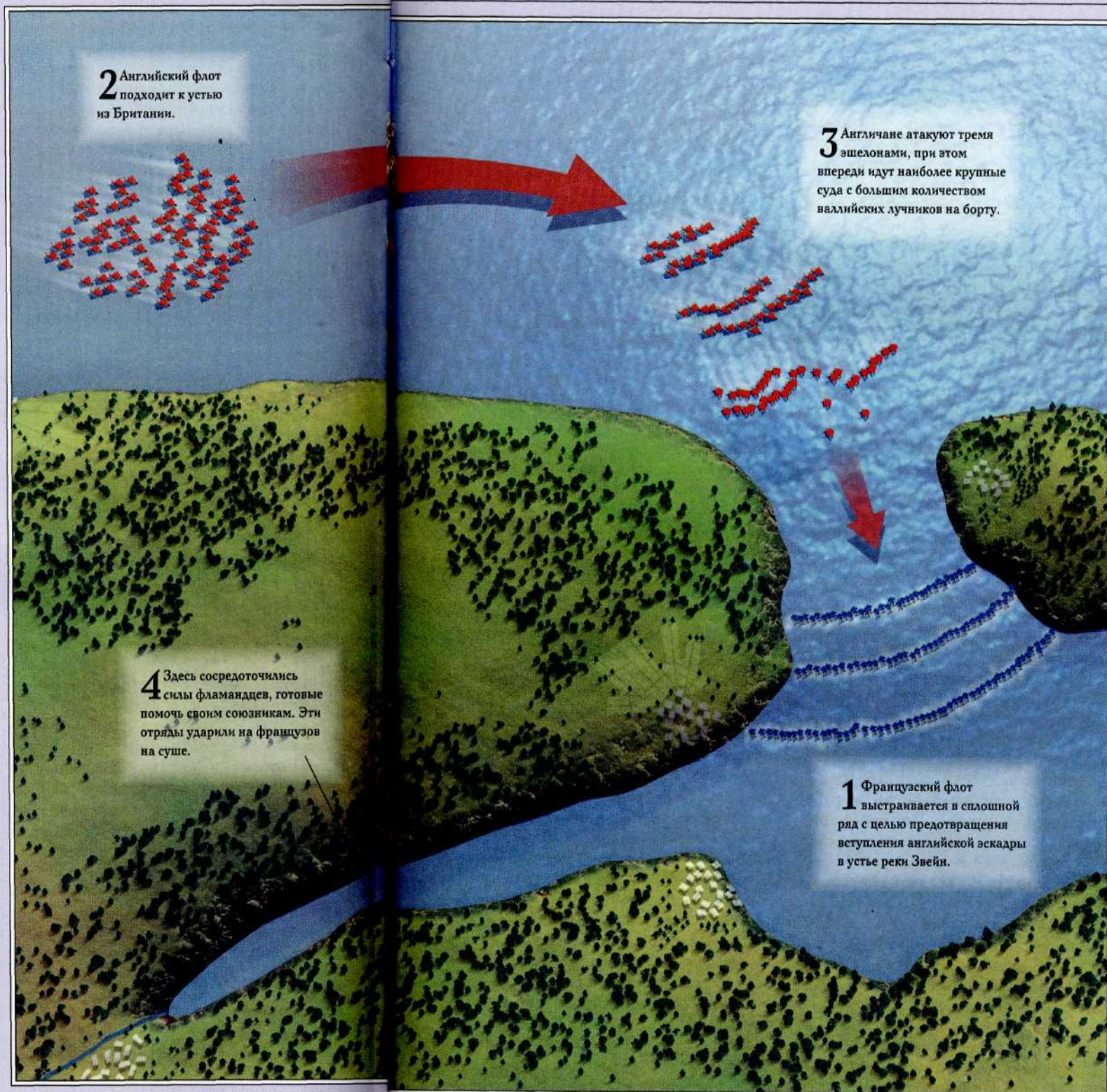
Битва при Слойсе

1340 г.

Французская эскадра построилась плотно — корабли ее, вполне возможно, были связаны канатами — в устье реки Звейн, преграждая вход в него английским судам Эдуарда III. Не имеющему свободы маневра командованию оставалось только ждать атаки англичан. Между тем сохранять позицию долгое время, учитывая действие прилива, отлива и ветров, французы не могли, в то время как английская эскадра не начинала решительных действий в течение нескольких часов. Англичане пошли на сближение тремя линиями с самыми крупными судами впереди. Темп «огня», поддерживаемый валлийскими лучниками, значительно превосходил скорострельность к тому же еще и меньших по численности арбалетчиков на бортах французских кораблей, что привело к быстрому росту потерь у французов и отдало все основные преимущества в момент сближения англичанам. После явной победы Эдуарда сумевшим избежать бойни французским морякам на берегу пришлось испытать на себе ярость фламандцев, которые еще увеличили размеры потерь, понесенных французами в сражении.

Фландрия выступала союзницей Эдуарда III в его войне с Францией. Высадив во Фландрии войска, Эдуард получал возможность совместно с фламандцами вторгнуться на север Франции.

2 Английский флот подходит к устью из Британии.

3 Англичане атакуют тремя эшелонами, при этом впереди идут наиболее крупные суда с большим количеством валлийских лучников на борту.

4 Здесь сосредоточились силы фламандцев, готовые помочь своим союзникам. Эти отряды ударили на французов на суше.

1 Французский флот выстраивается в сплошной ряд с целью предотвращения вступления английской эскадры в устье реки Звейн.

стал их врасплох — значительная часть судов находилась на суше. Атаковавшим кастильцам удалось поджечь многие корабли, обливая палубы англичан маслом, а затем стреляя горящими стрелами (для спуска судов на воду потребовалось бы довольно много времени, по сути дела, то была не битва, а рейд). Возможно, нападавшие применяли также и брандеры.

К началу XV столетия все северные ВМФ состояли, по всей видимости, из парусников, кроме того, отмечалась заметная «гонка вооружений» — каждый государь стремился построить по возможности более крупный и высокий корабль. Французы продолжали нанимать генуэзских моряков, однако к тому времени, когда в 1415 г. Генри V вторгся во Францию, корабли их представляли собой высокие карраки (широкие парусники), а не галеры. В промежутке между 1413 г. и 1420 г. Генри V ответил неприятелю строительством четырех «больших судов» — гигантских карраков. Самый меньший из них, 540-тонный «Тринити Рояль» («Царственная Троица»), был крупнее большинства тогдашних кораблей, не говоря уже о наимощнейшем, 1400-тонном «Грас Дё» («Милость Божия»). Ни одному из них не довелось испытать силы в настоящей морской битве, хотя два из четырех играли важную роль в снятии англичанами осады с Гарфлера в 1416 г.

Инвентаризационный акт 1420 г. позволяет установить, что «Грас Дё» имел на борту среди прочего вооружения три пушки, которые по тому времени представляли собой еще новое и малоиспытанное вооружение. Благодаря тому же акту мы узнаем о наличии на этом же судне 144 металлических стрекал, предназначенных для забрасывания ими противника с вышешений. Между тем первое письменное свидетельство об установке огнестрельного оружия на корабле относится к 1337 г. или к 1338 г. «Пушка», предназначенная для английского королевского судна «Ког Всех Святых», стреляла миниатюрными ядрами или арбалетными стрелами. В XV столетии пушки все чаще и чаще включались в арсенал вооружения кораблей. Между тем огнестрельное оружие пока еще, как видно, мало влияло на боеспособность флота. Бортовые пушки должны были быть очень небольшими, поскольку

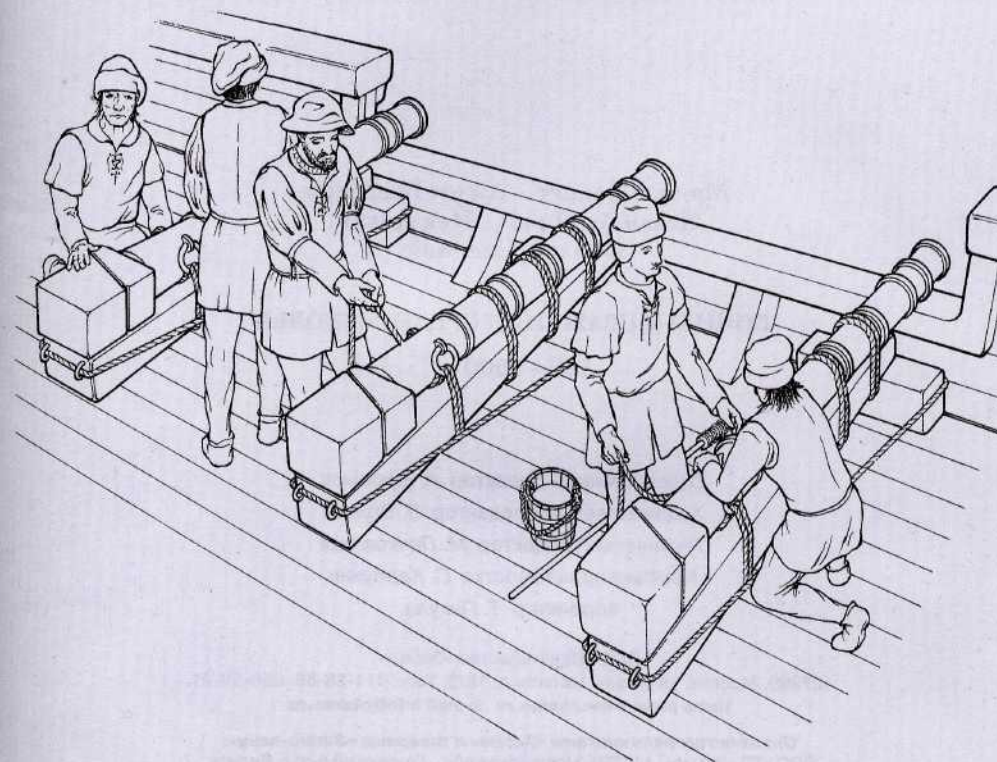
иначе при откате могли пострадать канониры и само судно. При стрельбе с палубы, особенно залпом, возникал даже риск перевернуться, поскольку лишь на заре XVI столетия кораблестроители стали внедрять орудийные гнезда и орудийные палубы, смещая тяжелое артиллерийское вооружение ближе к ватерлинии.

Эволюция средневековых военных флотов

XV столетие знало немало коротких столкновений в Северном море, но ни одной крупной морской битвы. В свою очередь, европейцы Средиземноморья, напротив, все более активизировали боевые действия, сражаясь друг с другом и с усилившейся не по дням, а по часам грозной мусульманской державой, Османской империей. В позднем Средневековье развитие получили корабли двух новых типов — триремы (вариант галеры) и парусные карраки. Переход от «старых» галер к триремам начался, вероятно, уже в 80-е годы XIII столетия, в ходе войны Сицилийской Вечерни. Главным конструктивным изменением стало новое расположение весел — гребцы размещались тремя рядами. Процесс привел в итоге к росту размеров галер, как бы вымостив путь «великим галерам» XIV столетия Венеции и Генуи. На исходе XIII и на заре XIV века средиземноморские корабли позаимствовали некоторые конструктивные элементы северных судов, включая характерную для когов форму корпуса и одномачтовый такелаж с прямоугольным парусом, добавив к этому косой латинский парус для обеспечения большей маневренности. Так возникли большие и мощные суда, называвшиеся карраками.

Венеция и Генуя — две крупнейшие морские державы Средиземноморья, извечные конкуренты и враги — обескровили друг друга в войне, полыхавшей между 1350 г. и 1400 г. и отмеченной частыми морскими битвами. (К 1400 г. Венеция располагала примерно 3300 судами с 36 000 моряков, тогда как на морских верфях ее трудилось 16 000 рабочих.) Боевые галеры осуществляли регулярное патрулирование вод и предоставляли вооруженные эскорты купеческим караванам.

Ближе к концу XV столетия артиллерия

постепенно становилась все более важной составляющей морских arsenалов — от «противопехотного» огнестрельного оружия на бортах до береговых батарей. Так, например, флот венецианских галер пытался прийти на помощь Константинополю в ходе его осады турками в 1453 г., однако не смог причалить из-за расположенных на берегу турецких пушек, некоторые из которых были достаточно крупными, чтобы пустить на дно корабль. Между тем ничего не мешало венецианцам похвастаться своей способностью справиться с любой турецкой эскадрой в море. Что являлось чистой правдой, так как в ходе турецко-венецианской войны 1463—1479 гг. турецкие галеры ни разу не одолели венецианцев в открытой схватке. Тем не менее османы медленно, но верно вытесняли венецианцев из восточного Средиземноморья, захватывая одну за другой их сухопутные базы. (Немалую роль в борьбе с турецкой экспансией играл основанный в 1050 г. на Ближнем Востоке орден госпитальеров, или братство св. Иоанна, с 1309 по 1522 г. базировавшееся на о. Родос и являвшееся фактически суверенным государством. — *Прим. пер.*)

Наступала новая эра в войне на море.

ПЕРВЫЕ МОРСКИЕ ПУШКИ (вероятно, конец XV столетия). До появления специальных пушечных палуб орудия устанавливались наверху, где их масса и отдача при стрельбе ухудшали сбалансированность судна, а размеры затрудняли передвижение и осложняли боевую работу команды.

Внедрение судовой артиллерии делало применение легких галер все более рискованным, что, возможно, служит объяснением того, почему в XVI столетии свободных людей стали заменять на скамьях гребцов преступниками и рабами. Хотя способные уничтожать корабли пушки появились на бортах ближе к концу XVI столетия, тенденция к превращению тяжелого огнестрельного оружия в главный «аргумент» в морских конфликтах ясно наметилась уже к 1500 г. Несмотря на это, abordажные схватки и захваты неприятельских кораблей оставались привычным явлением для противоборствующих на море сил даже в XIX столетии. Средневековые морские приемы, в основе которых лежало стремление скорее заполучить вражеское судно, чем потопить его, уходили в прошлое очень медленно.